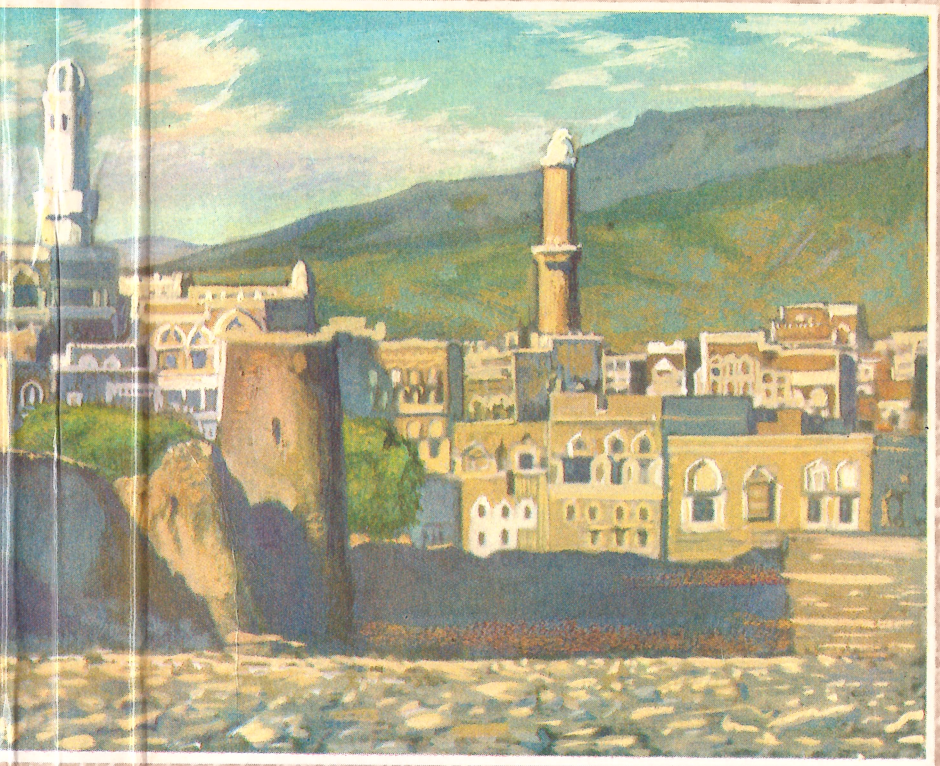


П. А. ГРЯЗНЕВИЧ

В ПОИСКАХ ЗАТЕРЯННЫХ ГОРОДОВ

П. А. ГРЯЗНЕВИЧ В ПОИСКАХ ЗАТЕРЯННЫХ ГОРОДОВ

П. А. ГРЯЗНЕВИЧ

В ПОИСКАХ ЗАТЕРЯННЫХ ГОРОДОВ

ЙЕМЕНСКИЕ РЕПОРТАЖИ

(Издание 2-е, дополненное)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

91(И5)
Г92

Ответственный редактор
О. Г. ГЕРАСИМОВ

Г $\frac{1905010000-013}{013(02)-82}$ 66-81.

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

ОТ АВТОРА

В этой книге рассказывается о нескольких эпизодах из моей жизни в Йемене (ЙАР), связанных с поисками памятников древней цивилизации, существовавшей в Южной Аравии со II тысячелетия до н. э. до VI в. н. э. В основе ее лежат материалы путевых дневников, а также беспорядочные записи, которые я стал делать сразу же по возвращении в Ленинград, чтобы хоть немного освободиться от переполнявших меня воспоминаний.

Это, конечно, не записки ученого-археолога или специалиста в области южноаравийской эпиграфики. Мои собственные научные интересы другие. Хотя я и историк по профессии, но я никогда не привыкну называть памятниками те сказочные руины древних городов, которые мне удалось увидеть в Йемене, или надписи, которые я там нашел. И еще — мне дорога в той жизни не радость первооткрывателя научного материала, а бескорыстное волнение, которое охватывало меня всякий раз, когда я вдруг видел — а это всегда было неожиданно — настоящий древний город со стенами, башнями или надпись с изящными и правильными, как в школьной прописи, очертаниями букв. Люди, которые ехали со мной туда,— проводники, охрана, случайные попутчики — часто были для меня интереснее самих находок. И обстоятельства, приводившие нас к этим памятникам, имели свою ценность.

В конце концов все есть история — и то, что когда-то было, происходило и творилось, и то, как об этом узнавали потомки. Человеческая история едина.

Описанию научного материала по археологии, истории, культуре и исторической географии древнего и средневекового Йемена, собранного во время моих поездок по стране, посвящено академическое издание в двух томах, коллективная работа советских сабеистов

«Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры» (М., 1978, т. 1) [1].

Здесь же мне хотелось рассказать о том, что обычно не попадает в научное описание: о буднях полевой изыскательской работы, предшествующей началу собственно археологических раскопок. Об этом, между прочим самом романтическом этапе в археологии и истории, знают меньше всего и быстрее всего забывают.

Науку не слишком интересуют «леса» вокруг ее построек. Но они всегда интересны людям. И я хотел рассказать о пережитом за дни, проведенные в поисках памятников древней истории и культуры Йемена, о моих спутниках, которые делили со мной все тяготы дорожной жизни, больше догадываясь о конечном смысле наших поисков, чем понимая его, и потому не разделяя вполне моей радости, что нашим трудом сделано полезное для всех.

В начале ноября 1965 г. я выехал в Йемен в качестве переводчика группы советских врачей. Моя сослуживица, прежде исполнявшая эту обязанность, рекомендовала меня себе на смену. Как-то весной мне позвонили из Министерства здравоохранения СССР, и судьба моя решилась.

Прошли месяцы, недели, дни... Я сдаю последние книги в библиотеку. Так непривычно видеть пустым свой рабочий стол. Я вдруг сознаю, что со мной прощаются. Значит, я действительно уезжаю! Мы то и дело смотрим на карту, и прощание кажется шуткой: Южная Аравия! Край света! Страна царицы Савской! Но вот медленно отходит платформа с провожающими. Мне машут... Я еду в Йемен!

Как оказалось, то, что я знал о Йемене, было почти сплошь легендой. Я вычитал ее из книг, и она-то и была для меня Йеменом. То, что я увидел, почти совсем не походило на то, что я ожидал. Это напоминало сватовство по переписке.

Такова, наверное, судьба всех книжников. А я был книжником — вырос книжником и получил книжное

---

[1] Второй том этого издания находится в печати.

образование. Реальный Восток еще не вторгался в тот книжный научно-литературный Восток, о котором мы узнавали в университете 40—50-х годов. Почти все наши преподаватели добились известности в науке, так и не побывав в странах, которые они изучали. Не удивительно, что мы невольно жили романтическими представлениями о вполне реальном мире, расположенном на юге и только по традиции именуемом Востоком.

По этой причине из всех арабских стран для работы я выбрал именно Йемен. В фольклоре многих восточных народов зачину наших сказок «В некотором царстве, в некотором государстве...» соответствует «Было не было, жил в Йемене счастливом великий царь...» Столетиями на всем мусульманском Востоке жил этот образ Йемена — сказочного царства, полного чудес и сокровищ. Для христианского Запада и для летописцев христианской России это была находившаяся в неведомых глубинах Аравии богатая золотом и благовониями страна царицы Савской, которую победила мудрость и вера Соломона. Разве можно было выбрать другую страну?!

Главной среди книг о Йемене были для меня удивительно человечные, несколько романтические записки французского врача Клоди Файен[2], необыкновенной женщины, участницы Сопротивления, на 40-м году жизни вдруг почувствовавшей, что ей нужно съездить в Йемен, чтобы дальнейшая жизнь не потеряла своего сокровенного смысла. Я прочитал ее записки, уже сделав выбор, и они дали содержание и форму образу, готовому сложиться в моем воображении. Они помогли мне не отшатнуться от реальности, которую я увидел, они сделали йеменцев сродственными моей душе. И я не разочаровался.

В Йемене я встретился с Клоди Файен. Удивительно, насколько точно она сумела выразить себя в своей книге. Она жила в центре Саны, снимала третий этаж в старинном доме с цветными витражами, с белыми обводами вокруг окон. В комнатах, за исключением столовой, все было убрано по-йеменски, без мебели. Мы проводили вечера за разговорами, сидя на тюфяках, покрытых разноцветными паласами. Она рассказывала

---

[2] Клоди Файен. Французский врач в Йемене. М., 1959.

о своих странствиях по Южной Аравии, и я, уже сам повидавший многое, снова видел этот мир ее глазами.

Мы стали друзьями и были союзниками в страстях «дипломатической войны», сопровождавшей первые шаги моей работы по организации национального музея Йемена в Сане. Клоди Файен своими силами и частично на собственные средства создала в нем богатый отдел этнографии Йемена — главное дело ее жизни. Мы совершили несколько поездок по стране. Она не замечала трудностей. Неутолимый интерес к людям, простота и готовность откликнуться на зов любого — будь это больной или обиженный — открывали ей сердца и двери всюду. Ее записки очень популярны в стране, ее имя знают все образованные йеменцы.

В 1965—1967 гг. я работал переводчиком в Республиканском госпитале г. Таизза. Климат в Таиззе прекрасный: город расположен в горах, и поэтому даже летом аравийское солнце не изнуряет так, как в Тихаме, на побережье Красного моря, или на центральном плато, не говоря уже о пустыне на востоке. И даже если днем, особенно в июне или июле, жар, пышущий с неба, от раскаленной каменистой земли и от каменных домов вокруг, делает человека из северных краев вялым и бесчувственным ко всему, то все искупает сладостная прохлада по вечерам и в утренние часы. Тогда вдруг ощущаешь необыкновенную энергию и потребность сделать что-то в высшей степени доброе и замечательное. Я это видел и в других людях.

Больше двух лет я провел в больничных палатах. Вряд ли я смог бы узнать о Йемене и его людях и малую долю того, что открылось мне в больнице на ежедневных обходах, на амбулаторных приемах и особенно во время поездок по вызовам на дом. Страдающий человек искренен и открыт другому, доверие к врачу в Йемене безгранично. В присутствии врача теряют силу все запреты, его не воспринимают как постороннего человека в доме. Врач поглощен больными все время, а у меня выдавались свободные минуты, чтобы посмотреть вокруг. Мне тяжело было чувствовать себя соглядатаем чужой жизни, и я целиком уходил в гос-

питальные заботы, стараясь быть помощником моим врачам. Временами удавалось забыть о своем академическом прошлом, и, признаюсь, я не страдал от этого. И если однажды оно все-таки позвало меня к «священной жертве», то инициатива исходила от самих йеменцев, не меньше исцеления жаждущих знания. Они вернули мне веру в жизненную ценность моей профессии.

Я начал заниматься историей Йемена, но прозвище «доктор Бутрус» (доктор Петр) так и осталось за мной.

...Один больной, вынужденный по тем условиям скрывать свое имя, доверился мне. Я помог ему, как помогал и другим. В благодарность он рассказал мне о себе. Когда-то он был учителем в начальных классах и любил историю. О древнем Йемене он рассказывал так, как будто открывал мне личную тайну. Его рассказы расшевелили мое воображение, и я затосковал по книгам.

Али Салих — так звали учителя — задел и мое самолюбие, когда я не сумел ответить на какой-то вопрос, касавшийся йеменских древностей. Тогда я открыл привезенные книги, и вот неожиданно не раз читанное явилось мне и совершенно новым, и необычайно увлекательным. А главное, то, что в них описывалось, было рядом. Мне захотелось увидеть это своими глазами.

Али Салих был добровольцем-партизаном в отряде Национального фронта освобождения, воевавшем в Южном Йемене против англичан и султанов. Он рассказывал мне о многочисленных надписях и развалинах в тех местах, где он сражался. Однажды, уходя в отряд, он вызвался сфотографировать мне эти памятники. Я дал ему фотоаппарат. Через месяц меня разыскал в больнице мрачного вида человек в клетчатой юбке и в чалме из хаки, какие носят партизаны на юге. Он передал мне сверток и сказал, что Али Салих был убит англичанами в перестрелке на обратном пути в Таизз. В свертке был разбитый фотоаппарат и перечень того, что он сфотографировал....

Два года с лишним я носил белый халат, который сам же стирал и гладил. И только по вечерам, когда шел в кино или в гости, либо в праздничные дни я надевал белую рубашку, галстук и весьма элегантные

брюки, которые мне сшил крошечного роста портной на таиззском базаре. Он сшил их по английской моде, по рисунку и выкройкам, наклеенным на стене узкой каморки его ателье «Амбассадор».

К нему меня привел подслеповатый и застенчивый учитель из школы в г. Иббе. Фотографии этого города еще в начале века обошли многие популярные географические журналы мира, в том числе и России, заинтриговав не одного юного любителя чудесного. Тихим голосом учитель рассказал мне такое, от чего впору оглохнуть: вблизи его родной деревни в горах есть руины древнего города, кое-где вокруг города сохранились стены, а в стенах — большие плиты, покрытые надписями. Внутри города осталось много разрушенных зданий, на земле лежат колонны, похожие на те, которые я показывал ему в книгах. Неподалеку от города в скалах вырублены пещеры с могилами царей и т. д. Он позвал меня поехать вместе с ним к этому городу и обещал добиться согласия властей и местных шейхов на эту поездку. Его отец — тоже шейх, а после его смерти это звание унаследует он.

Вскоре мне пришлось поехать в Сану, а вернувшись, я не смог уже разыскать моего знакомого. Но с того момента мысль о поисках древних руин и надписей захватила меня, как страсть.

Многие старались помочь мне разыскать затерянные среди песков и в горах памятники древнейеменской культуры. Первым среди них я хочу назвать инженера-строителя Романа Ивановича Чурина, возглавлявшего тогда группу советских специалистов-строителей в ЙАР. Под его руководством были построены три лучшие во всей Южной Аравии средние школы и первоклассный госпиталь в Сане — дружественный дар Советского Союза народу Йеменской Арабской Республики.

Р. И. Чурин обнаружил редкую самостоятельность характера и широту взглядов, предоставив машину и вызвавшись быть шофером ради того только, чтобы хоть ненадолго приобщиться к миру незнакомых для него интересов и проблем.

Вместе с ним я отправился в свою первую поездку, которая привела к интересным и важным научным открытиям. О ней рассказано в книге. За этой поездкой

последовали другие, превратившиеся, по существу, в первую русскую историко-археологическую и эпиграфическую экспедицию в Йемен. Собранные тогда материалы составили содержание первого тома уже упоминавшегося издания «Южная Аравия. Памятники древней истории и культуры». По справедливости, на нем должно было бы стоять посвящение «Роману Чурину с признательностью от советских сабеистов».

В конце августа 1967 г. внутриполитический кризис в ЙАР вступил в конечную фазу. Общее напряжение в стране заставило меня прекратить поездки. Через два месяца правительство президента ас-Саляля пало. Гражданская война, не прекращавшаяся с 1962 г., вспыхнула вдруг с небывалым размахом и ожесточением. В октябре 1967 г. египетские войска покинули Сану и Таизз. Отряды, возглавляемые родичами бывшего короля Йемена — имама Мухаммеда аль-Бадра, ринулись на Сану. В первых числах декабря монархисты окружили столицу. Начался обстрел города. Иностранные миссии спешно эвакуировали персонал. Я уезжал с последней группой в конце декабря 1967 г., в канун Нового года. Все радовались скорому возвращению домой, а я с горечью думал о рухнувших планах, о древних городах, которые не успел осмотреть, об оставленных друзьях, навсегда вошедших в мою жизнь.

Мне невероятно, неслыханно повезло: в ноябре 1970 г. я снова оказался в Йемене. Я приехал в качестве стипендиата ЮНЕСКО для работы по программе изучения и охраны памятников. Программа моей работы предусматривала продолжение поисков и обследования историко-археологических памятников древней Южной Аравии, которые я начал в 1966—1967 гг., а также помощь правительству ЙАР в создании современного Национального музея истории и культуры. Все шесть месяцев моей жизни в Йемене на этот раз были заполнены почти беспрерывными поездками, изнурительными и радостными одновременно, напряженной работой по подготовке к открытию национального музея.

Представленный мною проект музея был одобрен правительством. Несколько дней вместе с Клоди Файен

и нашими помощниками-йеменцами мы мыли, скребли полы и каменные стены в здании будущего музея, очищая их от копоти и грязи. Последний раз этим занимались, наверное, во времена жившего здесь до революции 1962 г. принца аль-Хасана, губернатора Саны, дяди имама аль-Бадра. Мы выгребали горы мусора, оставшегося на всех четырех этажах здания после того, как удалось выселить из него управление полиции. Мы были полны энтузиазма, по очереди пели песни — каждый свои,— приводя в восторг йеменцев, и в душе гордились, что не без наших усилий йеменский музей будет находиться в одном из самых эффектных зданий города и в самом центре столицы.

Нашей общей радостью было открытие 6 февраля 1971 г. первой экспозиции музея «Строительное искусство и архитектура древнего и современного Йемена», которую мы готовили вместе с нашим другом французским архитектором Аланом Берто. На церемонии открытия присутствовали президент республики, премьер-министр, дипломаты. Всюду было полно народу, люди стояли в коридорах и на лестницах. В комнаты с экспозицией невозможно было протиснуться. Подписи под экспонатами и фотографиями зачитывались вслух.

Разговоры о музее давно уже ходили по городу. О нем говорило радио. И теперь толпы любопытных окружили здание. И в толпе, и среди первых посетителей я видел закутанные в черное с головы до ног женские фигурки.

Все было торжественно. Ленточка. Речи. Президент в белоснежных одеждах, с кривым серебряным кинжалом на широком поясе, шитом золотыми нитками. Он улыбался совсем не протокольно, с любопытством разглядывал выставленные предметы, много спрашивал. А мы нет-нет да искали друг друга взглядом и по выражению глаз понимали, что думаем об одном и том же: в нижнем этаже здания и в подвальных лабиринтах лежат положенные неизвестно когда и неизвестно кем ящики с боеприпасами, гранатами и минами. Мы узнали о них накануне открытия музея, но, несмотря на все наши мольбы и предостережения, никто не решился их вывозить из-за аварийного состояния ящиков.

За время путешествий в 1966—1967 гг. и в этот раз я увидел бо́льшую часть страны. Мне удалось обследовать памятники древности в районах, оставшихся недоступными европейским исследователям, дать историко-географическое описание некоторых областей Йемена, прежде известных только по названиям. Маршруты обследований охватили территорию всех главных древнейеменских государств. Собранный научный материал содержал фотографии, эстампажи и копии от руки более 400 надписей на камне, высеченных в IX в. до н. э. — VI в. н. э., т. е. почти во все периоды истории древнего Йемена. На историко-археологическую карту удалось нанести десятки неизвестных раньше названий. Среди обнаруженных впервые исторических памятников — руины городов, крепостей и храмов.

В этой книге рассказано лишь о трех поездках, для меня особенно памятных: с них началась и закончилась моя работа в Йемене и они чрезвычайно важны своими научными результатами. Во всех остальных отношениях они похожи на десятки совершенных тогда же поездок и, как мне кажется, могут дать представление о йеменских древностях и о совершенно неповторимых условиях работы историка в этой удивительной стране. Но я не оставляю надежды написать и о других путешествиях 1966—1967 и 1970—1971 гг. Многие районы, в которых я побывал тогда, еще и сегодня остаются малоизвестными и труднодоступными. Пережитое там никогда не уйдет из моей памяти. К тому же я чувствую свой долг перед людьми, которых я там встретил и которые хотя и случайно, но по своей воле, бескорыстно и мужественно послужили науке.

Я мечтаю когда-нибудь написать и о том, как весной 1974 г. вместе с моим товарищем по работе я проехал в поисках средневековых рукописей многие сотни нелегких километров по древнему Хадрамауту, и увидел восточное побережье Аравии, Индийский океан, и объединил в своем представлении оба Йемена, разделенные английскими колонизаторами более 130 лет назад.

В Йемене я понял, как нелегко увидеть чужую страну, приехав в нее, как трудно понять то, что видишь, каких усилий стоит не потеряться в омуте впечатлений и не прожить зря рядом с необычайным. Мне

помогло мое призвание историка. В конце концов ведь именно увлечение историей Йемена открыло мне страну и людей, а находки исторических памятников, важных для восстановления прошлого Счастливой Аравии, царства Савского, а попросту Йемена, сделали мою вполне заурядную поездку и обстоятельства, ей сопутствовавшие, интересными для ученых, лишний раз показав, сколь неисповедимы пути науки.

ТРАНЗИТНЫЙ ПАССАЖИР

Я еду в Персию. Это уже решено. Мне кажется, что там я найду силы для жизни и вдохновения.

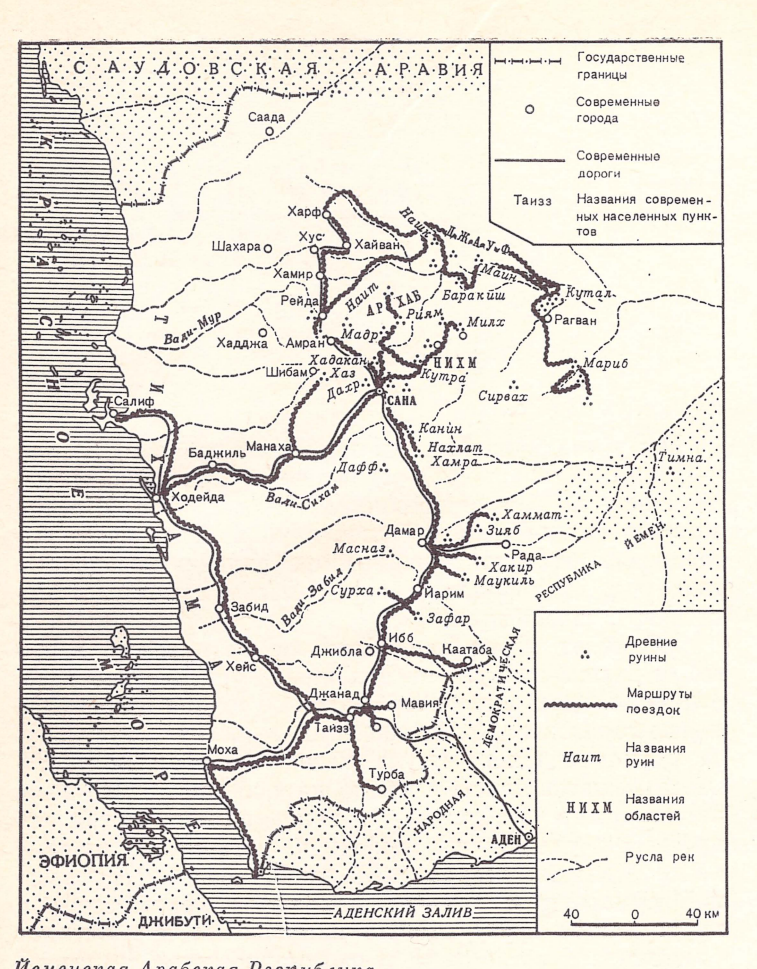
Из письма Д. Веневитинова М. Погодину. 7. III. 1827

18 ноября 1965 г.

Мы улетали из Москвы морозным вечером. Пальто и шапки остались у провожавших. Все закоченели, пока шли по бетонированному летному полю. Жгучий ветер стегал по лицу снежной крупой. Стюардесса вытаскивала из наших онемевших пальцев посадочные талоны, и мы торопливо поднимались в самолет. В Москве начиналась зима.

...Самолет парит над облаками, безмятежно лежащими далеко внизу. Они похожи на арктические ледовые поля. Здесь еще вечер. Багровое солнце плывет над краем горизонта. Когда оно немного погодя опустилось за кромку облаков, оттуда веером взметнулся многоцветный поток лучей. С земли не увидишь такого неба, не ощутишь безбрежия и ненарушимого покоя его просторов, уходящих в холодную пустоту. И впервые после стольких беспокойных дней, после предотъездной суматохи и томительных часов перед вылетом вдруг как-то сразу отошло напряжение и наступило блаженное чувство мира и отрешенности. Я закрываю глаза: как вспышки молний, мелькают видения оставшейся внизу жизни — огни московских улиц из окна такси, обрывки каких-то разговоров, зал в аэропорту, зеленая фуражка пограничника, напряженное лицо и ищущие меня среди уходящих пассажиров глаза Т.— за всю нашу жизнь мы еще никогда не расставались так надолго. Я лечу в Йемен! И мне вдруг становится жутко.

...Женский голос монотонно проговаривает об обстановке в Каире. Неужто и вправду Каир! За окном —



Йеменская Арабская Республика

чернота. Ни земли, ни неба. Вспыхивает табло «Не курить»...

Самолет снижается. Ревут моторы, все дрожит, и тут в круге окна неожиданно возникает фантастическая картина огней неописуемо большого города. Они змеятся мерцающими ручьями, обозначая линии улиц. Ручьи бегут параллельно друг другу, пересекаясь, сплетаясь в гирлянды. И вдруг все это наклоняется, и

нам навстречу прямой стеной летит огненный дождь.

Каир. Три часа ночи. Пирамид мы не увидим, но одно сознание, что они где-то здесь, за холодной мглой, среди шорохов ночной пустыни, наполняет радостным возбуждением.

Снаружи прохладно, как у нас в августе ночью. Освещенное прожекторами здание аэропорта выглядит очень эффектно. В длинном холле для транзитных пассажиров спокойный полумрак, приглушенно звучит восточная музыка. Негры-бармены в маскарадно-экзотических куртках с кантиками и галунами глазеют на нас из-за стойки бара, заставленной разноцветными бутылками. У них круглые лоснящиеся лица. Пьем бурую, пахнущую лекарством кока-колу. Бармен говорит мне: «Йес, сэр...»

...Когда начало светать, мы уже летели над Суданом, и внизу тянулись лиловые просторы Нубийской пустыни. Над остывшими за ночь песками висела дымка. Они были всюду, эти пески, от горизонта до горизонта. Целый мир под пустым синим небом — ни пятнышка зелени, ни селения! Наш ТУ-104 выглядел, наверное, маленьким и одиноким в этой безграничности земли и неба.

19 ноября 1965 г. Хартум

Хартум появляется под крылом неожиданно. Я даже не успеваю разглядеть города. Самолет подруливает чуть ли не к самым дверям аэропорта. После каирского он кажется маленьким и провинциальным. Таким же он выглядит и внутри — тесный и деревянный. В витринах для сувениров — страшные маски, раскрашенные щиты, шкуры пятнистых обезьян, длинные копья и кривые кинжалы. По залу прохаживаются два суданца, толстогубые, глазастые, в пышных тюрбанах и в белых одеяниях до пят, подпоясанных широким красным кушаком — маскарад для туристов, как и пестрые куртки барменов в каирском аэропорту. На их лицах застыла ленивая надменность. Они держатся по-королевски.

Плотный коротышка, представитель местного отделения Аэрофлота, «дядя из Аэрофлота», как мы его сразу окрестили, рассеянно оглядел нас, группу советских пассажиров, спросил: «Ну, как в Москве?», сде-

лал несколько кругов по залу, поболтал с таможенниками и исчез. Длинной вереницей выстраиваемся вдоль стойки паспортного контроля. Служащие — мужчины и женщины — в зеленых мундирах и высоких фуражках болтают между собой, смеются. Выясняется, что некоторым из нас в Москве не поставили транзитную визу. Я попал в их число. Таможенный офицер сердито листает паспорта и произносит малоприятный для нас монолог. Как ни странно, нас пропускают. В следующем зале мы видим наших спутников, счастливчиков с визами, и «дядю из Аэрофлота», мирно беседующего с какой-то пожилой дамой.

А снаружи — лето. Солнце уже успело прогреть влажный воздух, и, выйдя на улицу, я — в пиджаке и плаще — словно вошел в оранжерею Ботанического сада. Перед аэропортом — на клумбах густая зелень и яркие цветы, кривые запыленные деревца с незнакомой узкой листвой. Садясь в автобус, мельком успеваю заметить белые стены невысоких зданий вдали, минареты, пальмы и плоскую до самого горизонта равнину, поросшую кустарником.

...Так и осталось тайной, почему Аэрофлот решил поместить нас в «Гранд-отеле» — самой дорогой гостинице в Хартуме. Но привезли нас именно туда. Широкие ступени ведут наверх, ко входу в глубине крытой галереи. Вдоль длинной анфилады прямоугольных колонн, вправо и влево от входа, прямо на полу идет торг изделиями местных ремесленников: сумочки из крокодиловой и змеиной кожи, статуэтки из дерева, керамика, золотые и серебряные украшения. В вестибюле сумрачно и неуютно. Темные деревянные панели на стенах, наверное, еще от старых времен; на них развешаны рекламные плакаты.

Мы приехали в бойкое время. Повсюду баррикады из пухлых кофров, заляпанных цветными наклейками отелей и авиакомпаний. Приехавшие и отъезжающие громко говорят, курят. Широкие лопасти вентилятора под потолком перемешивают сигаретный дым и тяжелый, теплый воздух.

Мы стоим посреди вестибюля и озадаченно смотрим на качающиеся половинки дверей, за которыми только что исчез наш «дядя из Аэрофлота». Что-то ведь должен был он нам объяснить. Теперь мы предоставлены

самим себе. Только сейчас осознаю, что мы далеко от дома, в чужом, незнакомом мире. На какое-то мгновение приходит чувство смятения и потерянности. В сущности-то, тревожиться не из-за чего. Сотни людей, таких же, как мы, ежедневно приезжают в Хартум и через день-другой улетают, кто на юг, в глубь необъятного континента, кто на восток, в Эфиопию и дальше, к пустынным берегам Аравии и в Индию. Но сейчас чувства сильнее логики: наш «дядя» был последней связью с привычной стихией.

Через полчаса нам вручают огромные ключи от номеров. Такими открывают храмы. Расчет администрации прост: этакий ключище не унесешь по рассеянности в кармане.

Если не считать зданий делового центра, отелей, нескольких высотных домов современной архитектуры в восточном квартале, где расположены посольства и конторы иностранных компаний, бóльшая часть Хартума — это длинные с плоской кровлей одно- или двухэтажные дома из необожженного кирпича. Серого или желтоватого оттенка, оплывшие от ливней, потрескавшиеся от жары, они выглядят по-казарменному сумрачными и однообразными.

Центральный проспект в конце раздваивается, и широкие асфальтированные улицы расходятся в разные стороны вдоль высоких решеток. За ними среди густых деревьев расположены здания министерств. В центре, как раз напротив проспекта, в обрамлении высоких платанов белеет приземистое старомодное здание бывшей резиденции английского генерал-губернатора Судана. Перед решетчатыми воротами, по обе стороны, неподвижно стоят часовые в черных широкополых шляпах и в шортах. Теперь здесь помещается правительство Демократической Республики Судан. На зеленой лужайке, невдалеке от ворот, в тени огромных деревьев лежат несколько суданцев в белых балахонах. Они отдыхают, положив головы на закинутые руки или на плетеные корзины.

Белый Нил огибает Хартум с запада. Топкие глинистые берега кое-где поросли травкой. Рыбак в белых штанах, закатанных выше колен, сидит на корточках возле своих удочек. Рядом с ним — собака. Неподалеку пасутся тощие овцы... Не то чтобы я ожидал увидеть

снующих крокодилов, бегемотов или диковинные рощи, но все же не эту среднерусскую идиллию представлял я себе, когда думал — вот увижу Белый Нил!

На другом берегу лежит Омдурман. С Хартумом его соединяет длинный красивый мост. Пройдет, наверное, не так уж много времени, и оба эти города совсем сольются. Собственно, и сейчас уже вы просто переезжаете с одного берега реки на другой, а не из города в город.

...В полдень жара становится нестерпимой. Обдает сухим зноем. Завидую просторным длинным рубахам прохожих. Большинство суданцев — рослые, худощавые, с горделивой осанкой. Женщины, напротив, коренастые и плотные. Они закутаны в неимоверное количество белой ткани. От этого обилия белых одежд закоулки знаменитого «золотого базара» в Омдурмане кажутся праздничными и не такими пыльными. «Золотым» этот базар называется, как я понял, из-за ювелирных мастерских и лавок, торгующих изделиями из серебра и золота. Продавцы не слишком экспансивны, и здесь не так шумно. Торгуются они лениво и, пожалуй, даже небрежно. Может быть, потому, что продают они действительно великолепные вещи и хорошо знают им цену.

Через час хождения из лавки в лавку, от одного полутемного закутка, где сидит согнувшийся мастер, ковыряя стамеской и постукивая крохотным молоточком, к другому, у меня начинает рябить в глазах. В этих лавочках не творят шедевров: высокому вдохновению нужны покой и время. Резцами и молоточками этих ремесленников движет голод — они работают на сувенирную торговлю. Но в полумраке наваленные в беспорядке копии и бесхитростные подражания выглядят шедеврами, таинственно живыми и колдовскими. Стены увешаны ритуальными масками, на полках и в витринах рядами стоят фигуры фантастических и реальных зверей, маски божков. И, наконец, люди — мужчины и женщины — в необычных позах, с непередаваемыми словами гримасами не то ужаса, не то угрозы, не то нестерпимой муки.

Под крытыми навесами и прямо на земле выложено все, что производит суданская земля и делают черные жилистые руки ее крестьян и ремесленников, все, что

едят и носят в Хартуме. На шестах и наклоненных рамах развешаны и разложены ткани, дешевая одежда, обувь. Тут же — лоток с горой бананов и пунцовых помидоров. Рядом на земле — полчища алюминиевой посуды и гончарных изделий. На большой тряпке — штабеля мыла, сигареты, роговые гребни, зеркальца и поделки из крокодиловой и змеиной кожи, а то и просто цельные куски ее.

Здесь торгует бедный люд. У них воспаленные и тоскливые глаза. Они зазывают, на ломаном английском жалобно просят купить их грошовый товар. И трудно не купить хоть что-нибудь. Между рядами, среди пестрой сутолоки, важно раскачиваясь, идут два полицейских в траурно-черных шляпах; навстречу им, растопырив голые ноги, трусит на ослике крестьянин в белом тюрбане, держа перед собой длинную плетеную корзину с курами. Южане-степняки в пыльно-сером тряпье вышагивают, как солдаты, сосредоточенно глядя вперед и сжимая в руках копья.

Омдурман — по-азиатски хаотичный город, совсем не похожий на Хартум. Он складывался не по плану: его создавала история. И, пожалуй, только здесь остались ее следы: глинобитные бастионы на берегу Нила, внутри полукруга укреплений — гранитный прямоугольник с надписью о победе над англичанами, а неподалеку за глиняной стеной блестит золоченый купол усыпальницы победителя — Мухаммеда Ахмеда Махди[1], некогда «нищего и неведомого дервиша», с горсткой приверженцев бросившего вызов Британии. И победившего. Он поднял народное движение и создал первое национальное государство Судана.

Вечная достопримечательность Хартума и Омдурмана ничем не украшена, ничем не обозначена и даже как-то неприметна. А между тем это — место рождения Нила, реки, создавшей одну из величайших цивилизаций мира. Огибая низкий песчаный мыс, поросший травой, стремительный светлый поток Белого Нила врывается в мутную ленивую гладь Голубого Нила. Две реки долго плывут рядом и наконец растворяются одна в другой. Дальше уже течет Великая река. Про-

[1] Махди — по-арабски «ведомый правым путем»; почетное прозвище Мухаммеда Ахмеда (1844—1885) — вождя освободительного движения народов Восточного Судана.

сто Нил. По низким берегам растут густая трава и деревья, похожие на иву. Купаются чернокожие люди, плывут допотопные, колесные пароходики, парусные лодки и крытые, как цыганские кибитки, суденышки бродяг-рыбаков.

В «Гранд-отеле» останавливаются дипломаты, богатые туристы и крупные коммерсанты. Просторная открытая площадка перед входом вечером превращается в ресторан. Здесь коротают время измученные за день жарой обитатели отеля. Сюда же приходят из города состоятельные иностранцы выпить пива: его продают в Хартуме только с заходом солнца. Некоторые приходят семьями, с детьми и бабушками. Сдвигают столики, едят мороженое, пьют из высоких стаканов коктейли. Слышатся смех, разноязычный говор, негромкая музыка. Снуют официанты в белых куртках. Сквозь густую листву платанов мерцает отраженными огнями Голубой Нил. Под их сомкнувшимися кронами по широкому шоссе мчатся мимо отеля автомобили всех цветов и моделей. Это самое красивое место в Хартуме.

Вдоль каменного парапета по плитам набережной течет пестрая толпа гуляющих. С криками бегают дети. Рослые молодые люди одеты в европейские костюмы или в длинные белые рубахи, женщины — в цветастые кофточки и широкие — «колоколом» — юбки. На голове у женщин — неизменная белая накидка на манер фаты. Суданцы медлительны, их жестикуляция исполнена достоинства и очень пластична.

Днем в городе я все время ощущал какое-то скрытое напряжение: яростные заголовки в газетах, разговоры о политике на улицах, кучки демонстрантов, полицейские в широкополых черных шляпах перед правительственными учреждениями. Но сейчас, вечером, все празднично оживлены и здесь, на набережной, и на широких проспектах, залитых ночными огнями. Все важное совершается на рассвете или ночью, а вечером люди просто живут.

20 ноября 1965 г. Хартум

Утром спускаюсь на веранду перед входом. До завтрака еще не меньше часу — в ресторане тишина. Десятка два иностранцев из отеля стоят у края веранды. По шоссе движется толпа демонстрантов. Впереди

в ряд идут пять барабанщиков. Глухой, тревожный рокот. За ними — толпа. Несут знамена, похожие на хоругви; почти у всех в руках палки. Идущие взмахивают ими разом и выкрикивают какие-то слова. Все возбуждены. С шумом и гомоном толпа проходит мимо отеля. В нескольких шагах за колонной медленно едут полицейские автомашины. Солдаты в касках дремлют, держа винтовки меж колен.

Днем я прочитал в газете, что это была демонстрация сторонников партии «Аль-Умма» («Нация»), которая опиралась на религиозную организацию бывших махдистов.

...Хартумский зоопарк занимает большую рощу, протянувшуюся на добрый километр параллельно берегу, сразу за шоссе с платанами. Им гордятся и хорошо содержат. Посещают его те же люди, что и везде: дети, студенты, солдаты, парочки, которым интересно всюду, лишь бы вместе, туристы и праздношатающиеся. Он огорожен высокой стеной из проволочной сетки, и многое можно видеть прямо с тротуара. Входная плата — сущие пустяки. Зоопарк очень богат — Ноев ковчег, всякой твари по паре. В нем собрано зверье со всего Судана и из многих соседних стран Африки. Таблички с латинскими названиями и сведениями о местах обитания написаны по-арабски и по-английски. Просторные клетки, и широкие вольеры с соответствующей флорой, и бассейны для водоплавающих, и каменистые пустыньки для змей и черепах. Вполне цивилизованный зоопарк. Можно даже просто погулять по затененным дорожкам, выпить кока-колу в круглых киосках.

Посетители не спеша переходят от клетки к клетке. В них живут звери, занятые своими мелкими, но в их положении единственно возможными и потому самыми важными делами: пройтись по клетке, напрягая слабеющие мышцы, найти удобную лежку, чтобы подремать, пока не загремит дверца и в ноздри не ударит волнующий запах пищи. Недалеко от входа, на утоптанной полянке, среди высоких, доверху объеденных деревьев, сбились в кучу десятка полтора жирафов. Я никогда не видел жирафов в таком количестве и так близко. Они топчутся на месте, трутся шеями о стволы. Им нечего делать — только стоять в жидкой тени, топ-

таться, перебегать от одной стены вольера к другой, тянуться к недосягаемым листочкам на верхушках деревьев.

Около водоема среди буйной тропической зелени шумят дети, слышен смех. Громадный, лоснящийся бегемот с сонными поросячьими глазками где-то сбоку, поднимая волну, тяжело погружается в мутную воду и тут же всплывает, отфыркиваясь. Он шумно дышит, словно страдающий ожирением, и вдруг, как от непереносимой скуки, широко разевает чудовищную пасть. Среди складок розовой мякоти белеют здоровенные зубищи. Дети кидают в его пасть бананы.

Оглушительно кричат попугаи. Свесившись с толстого сука, качает плоской головкой, смотрит, не мигая, какая-то ужасная змея. Рядом, за проволочной сеткой,— газель, нервная, легкая. Она лихорадочно семенит тонюсенькими ножками, фыркает и косит на нас настороженные зрачки-бусинки.

Мы идем, как купцы на рынке рабов, мимо решеток, за которыми дышит, сопит, видит, обоняет, шевелится или мечется побежденная бесцельностью существования живая тварь. Под конец мне начинает казаться, что во всех этих птичьих, черепашьих, змеиных, звериных глазах застыла мука и ненависть.

Я бы запретил зоопарки.

21 ноября 1965 г. Хартум — Асмара

Коридорный разбудил нас рано. Торопливо собираемся. Потом долго сидим в полутемном холле, вялые, невыспавшиеся. Назначенное время давно прошло, а автобуса авиакомпании нет как нет. По ковровым дорожкам коридора бродят полусонные бои в надежде принять участие в погрузке и получить лишнюю монетку. Автобус опаздывает почти на час.

Дружно вскакиваем с мест, услышав шум машины. Начинается суматоха: торопливые вопросы шофера в вестибюле и топот ног по лестнице. Толкаясь, спешим к выходу. Втискиваемся в автокар.

Бои, выстроившись у подъезда, меланхолично машут нам смугло-розовыми ладонями. Шофер резко выжимает газ, и мы несемся по пустынным улицам, ежась от прохладного ветерка.

Нас давно ждут. Толстый лоснящийся чиновник

аэропорта в высокой фуражке с желтой кокардой, выкатив большущие выпуклые глаза, отчитывает нашего шофера: мы задерживаем вылет. Два других чиновника, заглядывая в билеты, с неимоверным трудом произносят наши фамилии. Таможенник подозрительно оглядывает пухлую «ручную кладь». За соседней стойкой офицер в расстегнутом мундире торопливо выкладывает «краснокожие паспортины» и шлепает в них лиловую печать.

А моего паспорта нет. Офицер с сердитым видом перекидывает паспорта, синие и лиловые, большие и маленькие, роется в ящиках, заглядывает под стойку. В недоумении смотрит на меня, почесывая шею. Все ушли. Мальчик в форменной курточке подметает пол, носильщики негромко переговариваются, усевшись на подоконник. Я в отчаянии. Наконец офицер вытаскивает из-под каких-то бумаг красную книжицу. Моя! Отирая мокрый лоб, тороплюсь в пакгауз, почти уверенный, что не обнаружу своего чемодана. Радуюсь ему, как находке. Рысью пересекаю пустой холл. За стойкой бара негр в белой куртке переставляет бутылки.

Я — последний. Пилот и стюардесса уже закрывают решетчатую дверцу на летное поле. Бормочу извинения. Пилот равнодушно ставит птичку в списке пассажиров. Вместе идем по бетонным плитам к «Боингу» суданской авиакомпании. У тоненькой стюардессы-суданки на щеке два глубоких косых шрама — знаки племени. Пилот, размахивая свертком, что-то весело рассказывает ей.

Поднимаюсь по трапу и вдруг ощущаю острую тоску по белеющему вдали Хартуму. Оборачиваюсь и смотрю туда, на низкое здание аэропорта с черно-желто-зеленым национальным флагом на крыше, на колеблющиеся вдали в струях теплого воздуха белые дома и минареты первого в моей жизни экзотического города.

Мы летим на восток, в Эфиопию. Стюардесса медленно движется по проходу. Поднимая на пассажиров большие темно-карие глаза, она с робкой улыбкой предлагает крупные апельсины и конфеты в блестящих обертках:

— Пли-из, сэ-ар...

Медленно плывет, уходя за далекий горизонт, кирпично-бурая земля, пересеченная дорогами и отходящими в стороны извилистыми караванными тропами. Все дальше на запад отодвигается Голубой Нил. Если бы не знал, что это Голубой Нил, то и не стал бы так разглядывать его: заурядная река с белыми лысинами отмелей и жидкой зеленью по берегам. Но на него смотришь. И не только из-за его романтического названия, но еще и потому, что сразу за прибрежными холмами начинается великая африканская пустыня. Теперь всюду только она под беспредельным светло-синим небом, оцепеневшая в свирепом сиянии белого солнца. Она пугает и притягивает к себе. Такая огромная и такая разная! Ее не охватишь ни стихом, ни самой магической кистью. Вся она в перемене красок и очертаний. Одна музыка, наверное, смогла бы еще раз вызвать в памяти увиденное здесь.

...На розовом картоне таможенного бланка — жирные буковки текста по-амхарски, строчки по-английски: «Императорское эфиопское правительство. Министерство внутренних дел». Под нами — Эфиопия.

Абиссиния и Испания — мои первые политические эмоции. Давным-давно погребенные в памяти сценки из детских лет: Омск, дощатый кинотеатр «Гигант» на берегу Омки, я сижу совсем близко от экрана, задрав голову. На полотне шагают стройные ряды итальянских солдат в красивых мундирах, перед черной дырочкой пулемета мечется серый язычок, аэропланы роняют бомбы. Гигантские фонтаны взметнувшейся земли, горящие соломенные хижины, темные бесформенные фигуры, распростертые среди каменистого поля, раненые в белых бинтах... «К событиям в Абиссинии» — это в газете. «А где-то в синей Абиссинии да на полях гремит война...» — это мы поем во дворе. Но нашей мечтой была «испанка» с кисточкой на шнурке. Испания, Мадрид владели нашим воображением. Для мальчиков моего поколения Абиссиния и Испания — это рубеж, за которым осталось детство, это романтические символы наших игр в войну.

И вот она, настоящая Эфиопия. Она — как спина черепахи. Бурые, черные, серые хребты, то пологие, то вздымающиеся к небу острыми шипами скалистых утесов. Горы заполняют все видимое пространство. Они тя-

нутся на юг к высочайшей части Эфиопского нагорья, Семиену, прозванному «крышей Африки». Их разрезают извилистые ущелья. Кое-где горы сами расступаются, и в неширокиx, как кажется сверху, долинах зеленеют посевы, жмутся по краю долин крохотные клумбы селений. И снова — до горизонта — одни горы и белые кучевые облака в небе.

Где-то там, к югу, есть зеленые саванны, джунгли, леса, озера, буйный мир тропической зелени, кишащей птицами, зверями и змеями. Но это не для нас. Мы летим в Асмару, второй по величине город Эфиопии, столицу провинции Эритрея. Мы летим в Йемен, в Счастливую Аравию, в царство Савское.

Асмара — это пересадка, эпизод в пути, а для меня — нежданная щедрость судьбы. На крыше аэропорта на высоком флагштоке — национальный флаг: темно-зеленая, светло-оранжевая и красная полосы. В середине флага — императорский герб: венценосный лев с задранным петлей хвостом прижимает к себе поднятой лапой шест с крестом и развевающимися лентами.

В просторном зале ожидания — стеклянный потолок. Стены покрыты мозаичными фигурами и пестрыми орнаментами. В большой светлой раме портрет Хайле Селассие I, 225-го и последнего императора Эфиопии, царя царей, Избранника Божия и Льва-Победителя из колена Иудина, как гласят его официальные титулы[2].

По обе стороны выхода из зала ожидания висят яркие плакаты: «Добро пожаловать в Эфиопию, страну царицы Шебы», «Эфиопия — путешествие, которое запомнится на всю жизнь». Я улыбаюсь сопровождающему нас, группу советских пассажиров, служащему аэропорта, показывая на плакат с царицей Шебы. Он улыбается мне и кивает. Я говорю ему, что это, собственно, неверно, что это ведь просто легенда. Он пожимает плечами, улыбка гаснет. Он уходит вперед и делает вид, что нас нет.

Мои спутники испуганно спрашивают меня, чем это

---

[2] В результате выступления вооруженных сил, трудящихся и студенчества император Хайле Селассие I был низложен. Это произошло 12 сентября 1974 г., на второй день эфиопского Нового года. 22 марта 1975 г. Временный военный административный комитет Эфиопии объявил об упразднении монархии.

я обидел эфиопа. Я рассказываю суть дела, но выходит как-то сбивчиво и отвлеченно, и по их глазам я вижу, что они считают меня ученой занудой. Глупо вышло, но я действительно не ожидал, что занимательную сказку, которую у нас читают со студентами на занятиях по языку, здесь воспринимают настолько всерьез.

Но какая-то доля истины в словах плаката все же есть. Ведь правда же, что именно здесь, в нынешней Эритрее, во времена Александра Македонского, а может быть и еще раньше, обосновались переселенцы из Южной Аравии, из страны Саба[3]. Здесь возникли колонии сабейцев[4], которые принесли сюда свои мечи и копья, приемы строительства и стиль архитектуры, своих богов-покровителей, свой язык и свое письмо. Это были люди, обладавшие развитой социальной организацией. Наверное, все-таки не случайно, что именно здесь около I в. возникло могущественное царство Аксум. Во всяком случае, аксумские цари почитали тех же богов, что и сабейцы, и надписи свои вплоть до середины IV в. высекали на сабейском языке и тем же геометрически четким сабейским письмом.

Но это не помешало им воевать со страной Саба. Они шли на нее с огнем и мечом, покоряя своей воле и власти ее, колыбель великой цивилизации Красного моря. Вот они, темнолицые герои военной истории IV — VI вв., цари Аксума — Эзана и Калеб, изображенные по старинным рисункам на красочных почтовых марках сегодняшней Эфиопии. Их флотилии пересекали Красное море. Они покоряли земли и царства своих предков, рушили и жгли города и крепости сабейцев и химьяритов, ставили в них свои гарнизоны, назначали своих правителей в их области. И были времена, когда царь Аксума к своим пышным титулам присоединял еще и титулы царей страны Саба и именовался «царь Химьяра, и Райдана, и Саба, и Салхина»[5].

---

[3] Название древнего народа и государства в Южной Аравии на языке самого народа читается Саба, а в Библии, по-древнееврейски,— Шеба.

[4] Основание сабейских колоний в Северной Эфиопии относят к середине VI в. до н. э., ко времени расцвета Сабейского государства под властью мукаррибов (правителей).

[5] Химьяр и Саба — названия народов и занимаемых ими областей в Южной Аравии; Райдан и Салхин — названия царских резиденций в этих областях.

Но и этого оказалось мало. Потомки этих грозных воителей, разрушавших великую культуру Сабы и Химьяра, попытались отнять у сабейцев и их славу и вытеснить их из священной истории, объявив, что «царица цариц» Македа, мать первого аксумского царя Давида Эбна Хакима, и есть библейская царица Шебы царица Савская, ездившая к Соломону в Иерусалим.

Мы на земле древнего царства Аксум и, как выяснилось из плаката, царства Савского. А судя по легенде о Македе, царице Шебы, мы находимся и во владениях древнейшей из существующих ныне на земле монархий. И день такой голубой, и такой теплый!

В середине небольшой площади перед зданием аэропорта в окружении пушистых, напоминающих наш кедр высоких деревьев стоит открытая ротонда-беседка с конической соломенной крышей. За ротондой — недвижная роща пепельно-голубых эвкалиптов. Уходя к невидимой за красноватыми холмами Асмаре, протянулась асфальтированная дорога. С обеих сторон ее — симметрично посаженные акации с шарообразной кроной. Мы едем между ними в желто-синем микробасе «Йемен Эрлайнз». Мелькают высокие столбы фонарей вдоль дороги, похожие на застывший строй гигантских кобр, поднявшихся на кончиках хвостов. Пологие холмы покрыты кустарником. Кое-где на них видны одиночные деревья, строения. Дальше от дороги, влево, холмы эти все выше выгибают пологие спины и у горизонта сливаются с голубеющей грядой гор.

Асмара. По обе стороны неширокой улицы стоят белые, розовые, голубые или в цветную клетку домики с лоджиями, балкончиками и деревянными решетчатыми ставнями. За низкими каменными оградами — яркие крупные цветы, широченные листья банановых деревьев. Цветы — и на балкончиках; вниз свешиваются лианы, как струи зеленого дождя. Чем ближе к центру, тем оживленнее и наряднее улицы. Много деревьев, цветные вывески магазинов с крупными буквами по-амхарски и по-английски: аптека, булочная, бакалея...

Гордость Асмары — центральная улица города Хайле Селассие-стрит, когда-то проспект Муссолини, потом улица Италии. Она уходит вниз, заполненная двумя непрерывными потоками машин, между которыми резво катят черные пролетки, сверкая лакированными кры-

льями, и конные такси — одноколка с неуклюжим ящиком на две персоны. Улица кажется тесной из-за пальм с неправдоподобно толстыми мохнатыми стволами. Гигантские опахала нависли над тротуаром и вытянулись чуть не на треть проезжей части дороги. Едва успеваю разглядывать лица в шумной спешащей толпе — смуглые, черные, загорелые. По переходу быстро идут две девушки, взявшись за руки. На них одинаковые голубые блузки и белые пышные юбки «колоколом», отороченные внизу широкой цветной каймой. Они закутаны в накидки из легкой белой ткани. Руки под накидкой. Они торопливо говорят, вертят черными головами вправо-влево. У одной на лбу вытатуирован голубой крестик.

Нас привезли в небольшую гостиницу в узком переулке, выходящем на центральную улицу. Три этажа, длинный балкон. На улице пусто. Шофер долго сигналит короткими гудками, затем со злостью хлопает дверцей и уходит. Скоро он появляется, сердито пререкаясь с высоким эфиопом в клетчатой рубашке с коротким галстуком. Мы стоим у автомашины и ждем, пока они договорятся. Наконец высокий с недовольным видом подписывает какие-то бумажки, шофер сует их в задний карман стареньких джинсов, опять громко хлопает дверцей и уезжает, не сказав нам ни единого слова. Высокий эфиоп, улыбаясь лиловыми губами, с легким поклоном показывает на входную дверь и идет первым.

Внутри — прохлада и полумрак, каменные ступени, холодные каменные перила. На ходу выкрикивая распоряжения появившимся боям в белых куртках, эфиоп-администратор ведет нас в небольшой холл на втором этаже и исчезает. Кругом двери. Одна из них открывается, и на пороге, увидев толпу приезжих, останавливается рослый египтянин в пижамных брюках с мохнатым полотенцем на шее. Прикрывая волосатую грудь, он торопливо проходит в комнату напротив.

Снова появляется администратор. Теперь он любезен, тараторит по-английски и жестами показывает, кому в какую дверь надлежит идти. И вдруг, как в первый день в Хартуме, возникает предчувствие беды. Все становятся нервозно-веселыми, как безбилетные пассажиры, притворяющиеся беззаботными. Из нас шестерых только один бывал за границей. Это — Ашот Суренович, небольшого роста и очень подвижный армянин из ка-

кой-то экспортной организации. Он и идет на переговоры с администратором. Возвращается веселый и снисходительно успокаивает нас:

— О'кей, товарищи! Счета оплачивает йеменская авиакомпания. Питаемся в «Ресторан ди Рино». Это рядом. Обед в час дня, ужин с пяти до семи. Желающие могут прогуляться по городу. Вопросы есть?

С ним у меня уже короткое знакомство: в Хартуме мы жили в одном номере, и он развлекал меня «случаями» из своей заграничной жизни. Еще он говорил мне, что «недурно болтает» на нескольких языках. Как-то в ресторане за общим столом с нами сидели трое немцев. Один из них по-немецки попросил Ашота Суреновича передать солонку. Тот замялся и вдруг негромко спросил: «Шпрехен зи дойч?» Немец посмотрел на него изумленно и, не ответив, повторил свою просьбу подошедшему официанту. Но по-армянски он говорил бойко, напевал «Цицернак», не давал мне уснуть рассказами про Ереван, про свадьбу своего брата, про севанскую форель.

Однажды мы шли с ним, там же в Хартуме, из кино и о чем-то громко говорили, вернее, говорил все время он. Вдруг нас окликнули. Оглядываемся — у калитки стоит пожилой тощий господин в халате и в голубых туфлях. Он почти бегом направляется к нам, на ходу бормоча какие-то фразы. Ашот Суренович оживился, и через секунду они жали друг другу руки, слегка обнимаясь, скороговоркой говоря по-армянски. Мешая армянские и английские фразы, господин умолил нас зайти в калитку.

Мы оказались в зеленом дворике. Там было несколько деревьев, вдоль дорожек росли крупные яркие цветы. Под навесом, увитым виноградом, стояли низкий стол и шезлонги... Мы пили кофе. Говорил главным образом хозяин. Он был необыкновенно взволнован и под конец даже прослезился. Оказывается, он услыхал русскую речь с армянским акцентом и выскочил на улицу. В Хартуме он уже 20 лет. У него дело: магазины, лавки — ткани и бакалея, но он живет мечтой — перед смертью вернуться в Армению, в родное селение неподалеку от Гарни, и просил зажечь за него свечку в Эчмиадзине...

«Ресторан ди Рино» занимает нижний этаж большого серого здания в начале переулка, до которого три минуты ходу от отеля. Хозяин, невеселый низенький

итальянец с седым ежиком, встречает нас у входа. Он вежливо улыбается, слегка наклоняя голову. На нем легкий серый костюм, галстук-бабочка. Набрякшие мешки под выцветшими внимательными глазами. Делает знак рукой, и «шоколадный» официант в белоснежной паре ведет нас к длинному столу, сервированному на шесть персон. Крахмальные салфетки, бутылки с местной минеральной водой. Нам немного неловко от ослепительной белизны скатерти, от предупредительности официанта, от его спокойных изящных движений, когда он готовит приборы.

Меню — по-итальянски и по-английски. Но мы зря стараемся: выбор согласован с авиакомпанией. Впрочем, мы не в претензии: нам подают бульон с теплыми пирожками, на второе — по желанию — спагетти, жареная курица, рыба или мясо, на десерт — фрукты. Выбираю спагетти — холмик белых нескончаемо длинных макарон с мясной подливкой. Пытаюсь поддеть их на вилку, но они соскальзывают. Мои соседи посмеиваются, обсасывая куриные косточки. Появляется хозяин. На его лице добродушная улыбка. Берет у меня вилку, берет из прибора ложку и делает ловкие повороты. Все просто. Повторяю его движения. Хозяин снисходительно кивает и отходит в глубь зала...

Встаем. Официанты слегка кланяются, пока мы медленно движемся к выходу. Дородная итальянка за блестящим кассовым аппаратом жеманно улыбается нам: «Спасибо, синьоры! Спасибо, синьорины!» Выйдя на улицу, облегченно вздыхаем.

Сегодня будний день: озабоченные и скучные лица спешащих людей, нетерпеливые разноголосые гудки автомашин, визг тормозов, ругань, выкрики разносчиков газет и лоточников с фруктами, жевательной резинкой и сигаретами. Все-таки темп уличной жизни не слишком напряженный, и вполне можно идти не торопясь. Различные оффисы помещаются едва ли не в каждом здании. Входят и выходят тщательно одетые молодые люди, седоватые джентльмены, полнеющие итальянцы, «диретторе» и маклеры, клерки банков, торговцы, долговязые эритрейцы, арабы и эфиопы; подъезжают и отъезжают «фиаты», «рено» и «фольксвагены», хлопают дверцы, раздаются бодрые восклицания по-итальянски, по-английски, по-амхарски. От одного прохожего к другому

перебегают мальчишки в пестрых рубашках, заискивающе предлагают сигареты, наклоняются почистить запыленные ботинки. Кажется, никуда не спрятаться от этих заунывных и призывных интонаций, от вопросительно заглядывающих тебе в лицо глаз.

Три сухопарые, коротко стриженные дамы стоят посреди тротуара, громко разговаривают, смеются и оживленно жестикулируют, зажав между пальцами сигареты. Светловолосые дети в выутюженных костюмчиках понуро стоят рядом. Толпа обтекает их. Высокие темно-кофейные эритрейцы идут, слегка пружиня на носках, гордо откинув назад курчавые черные головы с чистыми и открытыми лбами. У них большие темные глаза, прямой нос и красивые тонкие губы. Женщины-эфиопки, закутанные в легкие белые накидки с цветной каймой, ходят обычно парами или группами, не торопясь, ритмично покачивая широкими бедрами. Ворох белых юбок колышется в такт шагу, постукивают каблучки. Лишь изредка попадаются эфиопки в европейском платье: светлая кофточка, плиссированная юбка. Чаще всего это студентки колледжа.

Звякают колокольчики на дверях магазинов. Витрины, витрины... Витрины бакалеи напоминают фламандские натюрморты, в магазинах культтоваров витрины строги и изящны, за стеклами сувенирных лавочек — обдуманно живописный беспорядок. Продавцы не отличаются от уличных прохожих. Мне как-то не пришло в голову, что седой респектабельный господин в небольшом магазине, куда я зашел, и есть продавец. Он вполголоса разговаривал, стоя недалеко от входа, с полной старухой в кремовом платье. Внимательно взглянул на меня, не прекращая разговора. И вот он уже неторопливо выкладывает передо мной образцы фотопленки и помогает выбрать открытки с экзотическими видами Эфиопии. Его деловитая вежливость успокаивает мое смущение от первой в моей жизни покупки на доллары. Он сдержанно улыбается, когда я неловко благодарю его. Только выйдя на улицу, соображаю, что цены-то ого-го!!

В антикварной лавке «Гондар» две тесные комнатки забиты всякой всячиной. Я единственный покупатель. Хозяйка, стареющая француженка с элегантной прической, после того как я самоуверенно произношу несколь-

ко французских фраз, обрадованно щебечет, показывая свой товар. Каких-то древностей я не вижу, да и не по карману они мне, но, как и на «золотом базаре» в Омдурмане, я снова погружаюсь в необыкновенный мир незнакомой фантазии, необычных образов, в мир неожиданных цветовых гамм. Это — бесконечно разнообразные и разных размеров искусно выполненные фигурки людей и животных из черного дерева, полчище воинов-кочевников с копьями, в юбочках и с перьями в курчавых волосах, устрашающие деревянные маски, похожие на маски театральных муз, знаменитые эфиопские плетеные корзинки и орнаментированные блюда, мохнатые шкуры черно-белых обезьян, раскрашенные кожаные щиты, деревянные мечи и копья, необычной формы головные уборы с пестрыми перьями, серебряные браслеты и серьги, изделия из змеиной кожи, резные кубки из дерева и рога, вариации деревянных крестов — от католического до характерного эфиопского с ажурной резной розеткой. И тут же — пугающе живые гипсовые головки, демонстрирующие этнографические типы всех народов мира — изделия английской фирмы «Боссонз». В придачу к моим покупкам мадам дарит дешевые, но очень красивые мусульманские четки в пластиковом пакете с названием магазина.

Кирпично-красный кафедральный собор св. Екатерины стоит в самом центре города. Стрельчатая башня с квадратным циферблатом и аркой колокольни летит высоко в небо. Мелодичный звон колоколов собора слышен отовсюду. Но так же хорошо я слышал ночью и отчаянный крик муэдзина, и глухой настойчивый набат с колоколен эфиопских церквей.

Вечером совсем прохладно. Сказывается высота: как-никак высокогорное плато. Да и месяц-то — ноябрь. Надеваю свитер. В стеклах верхних этажей мягко угасает оранжево-красный закат. Еще несколько минут причудливого сумеречного света — и улица уже в бледно-голубом неоновом тумане. В этом неестественном освещении все вокруг становится тревожно таинственным.

Только теперь я разглядел, что маленькие с затейливыми вывесками каморки по обе стороны нашей улочки — это ночные бары. Днем они были закрыты, а сейчас в них горят приглушенным светом цветные лампы, негромко звучит джазовая музыка, и сквозь двери-за-

навеси из звенящих цепочек видны уставленные бутылками стойки и пустые столики. Возле них сидят или стоят у входа в ожидании посетителей девицы в открытых ярких платьях.

Центральная улица в пестрых огнях. Она стала совсем похожа на бульвар курортного города. Это впечатление создают обилие деревьев и цветов и особенно толстенные пальмы по обе стороны улицы, нарядные здания с открытыми балконами, выставленные на тротуары столики, за которыми в ленивых позах сидят полетнему одетые мужчины и женщины, европейцы и эритрейцы, светлые и смуглые. Им нечего делать, они тянут оранжевый сок из высоких стаканов, курят сигареты и безучастно смотрят на прохожих. Ярко светят витрины итальянских магазинов. Сейчас они еще более привлекательны, чем днем. Мигают огни рекламы. Под могучей кроной пальм, шаркая ногами, неторопливо движется нарядно одетая толпа. Музыка из открытых дверей ночных кафе, ресторанов и дорогих баров, гудки автомашин, ритмичный стук пролеток и конных такси, разноязычный оживленный говор...

Да правда ли, что всего три дня назад я шел по морозной улице в Москве, потирая мерзнущее ухо?! Торопились вечно спешащие москвичи, клубился пар от дыхания, с визгом и скрежетом краснобокий трамвайчик поворачивал на Трубную, и я сильнее топал, чтобы согреть озябшие в легких ботинках ноги.

И вот — Асмара. Никто никуда не спешит, идут, разглядывая друг друга, здороваются, обмениваются громкими репликами. Кажется, что здесь гуляют всегда одни и те же люди и что почти все знают друг друга, как в маленьких, провинциальных городах. Поэтому мы выделяемся из толпы. Покрой одежды и блуждающие взоры выдают нас. На нас оглядываются. Мальчишки подбегают к нашим дамам, протягивая сувениры и безделушки. Нам, мужчинам, предлагают обменять валюту «по хорошему курсу» и, переходя на шепот, делают самые невероятные предложения... Но мы стойко выдерживаем натиск соблазнов.

Наш первый вечер в Асмаре закончился в солидном, увешанном рекламными щитами кинотеатре «Одеон». Возвращаемся отупевшие от стрельбы, женского визга, бешеных скачек, предсмертных воплей. Улицы пустын-

ны. Мы зябнем. Тощий подросток-нищий на итальянском и на ломаном английском канючит центы. Почти нет автомобилей, попадаются старомодные пролетки и эти нелепые одноколки-такси в виде ящика с маленьким оконцем из целлофана. В ресторанах и ночных кафе неистовствует джаз. Медленно прохаживается рослый полицейский в темном мундире. Завидев его, подросток-нищий быстро шагает прочь.

22 ноября 1965 г. Асмара

Проснулся от стука в дверь: бой в мятой белой куртке принес утренний кофе с крохотными бутербродами. Кофе в постели! Париж! А на «десерт» нам выдают новость — сообщение с Йеменом прервано: кажется, забастовка пилотов йеменской авиакомпании. Когда будет самолет, неизвестно. В нашем лагере смятение.

Ашот Суренович говорит твердо и веско:

— Надо немедленно связаться с посольством в Аддис-Абебе. Мы должны информировать руководство о положении. В соседнем здании находится постоянная промышленная выставка Болгарии. Болгары помогут!

В сопровождающие он выбирает меня как старого знакомого, и вот мы в гостях у наших соседей. Скоро выясняется, что мы не первые приходим к ним «информировать руководство». Директор выставки охотно берется связать нас с посольством. Секретарша-эфиопка уже названивает. Мы не можем отвести взгляда от ее тонкого смуглого лица с большими печальными глазами иконной богоматери. Аддис-Абеба не отвечает: в горах прошла сильная гроза, бурей порвало провода и раньше вечера связи не будет. Минуту сидим, как на поминках. В комнате собрались чуть ли не все служащие выставки. Нам искренне сочувствуют.

— Что поделаешь? Значит, до вечера?

Директор знакомит нас с коллегами: Катарина, Алек, Николай, Амете-Мариам, секретарша, Владо Тадич, служащий югославского представительства в Массауа — здесь он тоже гость. «Зашел повидать славян»,— неожиданно говорит он по-русски и усмехается.

Нас приглашают посмотреть выставку. Разглядываем машины, станки, холодильники, полотеры. Ашот Суренович в своей стихии — крутит, вертит, щупает, сыплет терминами, смотрит проспекты, спрашивает.

...Мы пьем пиво в тесном баре неподалеку от отеля и разговариваем. Толстая негритянка поставила перед нами бутылочки и, позвякивая браслетами, ушла к своей кассе. Нас двое посетителей: еще ранний час. Раскрасневшийся от духоты и волнения Владо Тадич и я. Разговор наш просто удивительный — мы вспоминаем! Тадич то и дело хлопает себя по бедру:

— Вот встреча! В Асмаре! В Йемен? Надолго?

Негритянка откровенно слушает наш громкий разговор, раскрыв влажные коровьи глаза и облокотясь на стойку. Владо просит позволения угостить меня еще бутылочкой пива.

— Это «Мелотти», местный завод. Вы не пили голландское пиво «Амстел»?

Господни пути неисповедимы, а человеческие — и того более: мы с ним оказались почти однокашниками. Всю войну он сражался в русском партизанском отряде, а после войны учился на историко-филологическом факультете Казанского университета. Он был на курс старше меня. Мы даже жили в одном общежитии рядом с Арским полем, за глубоким оврагом, по которому проходила тогда железная дорога. В 1948 г. Владо пришлось вернуться в Белград. Ему, наверное, лет сорок с небольшим. Он считает себя неудачником: вышло так, что всю жизнь он занимался торговлей, хотя думал стать писателем.

Рассказываю, что́ привело меня к мыслям о Йемене, тут же вспоминаю романтическую книжку Клоди Файен, полонившую мое сердце, вздохнув, даю понять, что и у меня в душе тоже «не все тихо» и такая поездка мне очень нужна, говорю о планах научной работы. Это еще даже и не планы, а скорее мечтания, и потому мои слова цветисты и многозначительны:

— Великая цивилизация и неведомая страна... История почти не изучена, не понята. Важно своими глазами увидеть страну и людей, чтобы понять их дух, увидеть места, где развертывалась история — тогда, может быть, пойму, как написать ее...

Он пожимает плечами:

— Я скептик. Аутентично историю чужого народа иностранец не понимает. Я много читал и много думал здесь. Каждый народ сам должен разгадывать свое прошлое, потому что главная польза от изучения ис-

тории — самопознание. Это так есть! Но я бывал не раз в Йемене. Интересная страна. Но там другое время, которое мы уже потеряли. Там такие люди, как и мы с вами, но они все еще живут тем, что мы уже считаем прошлым нашей цивилизации. Они верят в Аллаха и безмятежны, они живут вместе и не знают душевного одиночества. Мы тянемся к их простоте, чтобы отдохнуть, а они тянутся к нашей сложности, чтобы стать сильнее. Мы можем понять их, они могут понять нас, мы можем хорошо работать вместе, но все равно мы с вами — Запад, а они — Восток. Я думаю так, что там вы можете хорошо понять себя, но не йеменскую историю.

Я не опровергаю. В конце концов понять себя это не так уж мало; за этим и на край света поехать не далеко! Я не решаюсь говорить этого Тадичу, но про себя думаю, что даже если ничего этого не произойдет — ни открытий, ни самопознания,— я все равно счастлив ехать в Йемен ради одного того, чтобы увидеть эту удивительную страну, описанную Клоди Файен, ее красочные города, ее людей, чтобы, может быть, пережить там хотя бы одно приключение, похожее на те, что пережила она.

Мы бродим по городу. Просто шляемся. Тадич совсем помрачнел. Я понимаю его: вместе со мной к нему неожиданно явилось прошлое. Ему хочется говорить о нем, но разговор не клеится. Я не могу поддерживать серьезный тон, меня совершенно захватила пестрая и шумная улица.

К нам подбегает курчавый белозубый мальчик и сует каждому по два листка — белый и красный. На одном амхарский, на другом арабский текст в рамке из мелких бутончиков: «Кружок творческой молодежи! 24 ноября 1965 г. кружок творческой молодежи устраивает вечер джазовой и классической музыки, дает увлекательные театральные представления, организует грациозные танцы. Спешите заказать места! Не упустите счастливой возможности!»

...Мы сидим на балконе в кинотеатре «Рома». Идет ковбойско-индейский боевик. В пустом партере — один-единственный человек. Мерцает сигарета. Конец фильма. Человек встает, медленно идет к выходу, устало сутулясь, не глядя по сторонам.

— Утром, днем дела, а куда деваться в остальное время? Для таких, как он, как я,— говорит Тадич,— выбор не богат: найт-клаб, кино или шаркать подошвами по центральной улице. Весело?

Он подходит к своей мысли с другого конца:

— Вы знаете, я уже много лет мотаюсь по свету. Бывало и интересно, но главное — это одиночество. Одиноким можно чувствовать себя и дома, но дома это, если хотите,— душевное состояние, болезнь души. А здесь одиночество — фактор бытия, который не изменишь ничем: ты в чужой стране, среди людей, с которыми ты можешь подружиться, можешь разделить с ними настоящее и будущее, но ведь есть у них еще и прошлое, где тебя не было. А ведь дом — это все остальное плюс прошлое, моя жизнь в нем, мой отец, мой дед. История, которую вы хотите понять... Я каждый год езжу весной в Белград, и поэтому люблю эфиопов. Иначе бы я их ненавидел, я бы возненавидел весь мир.

...До свидания, Петр! Мне через час уезжать в Массауа.

Молча смотрим друг на друга. Кивнув, он быстро уходит. Грузный. Костюм в крупную клетку. По инерции иду за ним вслед. Вижу, как он садится в такси, и через мгновение оранжево-черный «фиат» теряется в уличном потоке. А я стою у перекрестка, как брошенный ребенок.

Свой обед в «Ресторан ди Рино» я все равно уже пропустил. Сажусь перекусить за столик у самой двери в итальянском баре. Отсюда мне хорошо видна суетливая толкотня на ступенях перед входом в собор св. Екатерины. Вдоль тротуара выстроилась длинная вереница машин, снуют лысые монахи в длинных черных рясах, подпоясанных белыми веревками, доносится глухой рокот церковной службы. По обе стороны улицы — толпы зевак. Разноголосо гудят проезжающие автомашины. С десяток полицейских машут белыми палками, пытаясь поддержать порядок.

В просторном зале бара вокруг длинного стола с высокими бортами развлекаются молодые люди. С азартом крутят ручки, гоняя разноцветные шары по полю с лунками. Ручка не крутится, если не опустить монетку. Крики, хохот, спор. Официант вопросительно смотрит мне в глаза.

— Пиво. Два пива... и пеше бьянка (белая рыба).

Приносит рыбу, две черные запотевшие бутылочки и квадратную тарелку с соленой закуской. За соседним столиком боком ко мне сидит плотный господин в белоснежной рубашке с бабочкой. Он тоже наблюдает происходящее на ступенях собора, но не очень внимательно: перед ним тарелки с едой. Он ест аппетитно и добродушно.

На площадке перед входом в собор показалась большая группа людей в черном. Под торопливый звон колоколов они спускаются к машинам сквозь густую толпу. Стоящие на противоположной стороне улицы бросаются к ним через дорогу, и вмиг улица оказывается запруженной кричащей, голосящей толпой. Посетители бара выбегают на улицу. Одна за другой отъезжают вверх по улице черные сверкающие автомашины. Толпа постепенно редеет, и мимо нас уже идут возбуждённые лицезрением высоких пастырей мужчины и женщины, молодые и старые, европейцы и эфиопы.

Чужая жизнь... Как в кино. Она шла и до того, как я увидел ее теперь, и пребудет после, и завтра, когда, бог даст, я уже уеду отсюда, и всегда. Я даже не чужой ей — меня просто не существует для нее, хотя вот я и хожу по тем улицам, где она происходит. Неужели и в Йемене будет так?

Мой сосед вдруг говорит:

— Не могу считать полноценными людей, приходящих в восторг от лицезрения сильных мира сего, даже если это сам папа римский. Вы не находите?

Я не ожидал обращения к себе и неопределенно пожимаю плечами. Он внимательно разглядывает меня.

— Вы болгарин?

— Нет, русский.

— Странно. Я хочу сказать — интересно. Я никогда еще не встречал русских. Транзит?

— Да. Йемен.

— Йемен? Вы туда едете? Но что там интересного? Я был там. Очень бедная страна. Отели ужасны! Всего одна дорога. Там негде напиться, вода кишит микробами. И наконец, там же сухой закон!

У него даже немного выкатились глаза от искреннего ужаса.

— Вы понимаете? Сухой закон! Вы не купите бутылки пива, я уже не говорю о вине или виски. Нигде!

Он шлепает ладонью по столу. Официант с беспокойством и недоумением торопится к нему. Он отмахивается и продолжает:

— Шоферы все жуют эту гадость — кат! У них становятся безумные глаза, красные и совсем безумные. Совсем! И мне было жутко, когда я однажды ехал из Таизза в Сану. Шофер гнал машину, за щекой комок этого ката, глаза красные, он держит руль одной рукой и поет. Поет! А дорога ужасная, гравий, идет по краю горы, пропасть на сотни метров, дорога вьется, глухие повороты, а шофер поет. Что вы? В Йемен! Что там делать? Курс падает каждую неделю, идет война с монархистами, всюду военные, египтяне. Вы тоже военный?

Мне как-то ни разу еще не приходилось говорить, что я ученый, но по-английски это звучит нейтрально.

— Ученый? Историк? Странно... я хочу сказать, возможно, вы найдете там что-нибудь интересное. Архитектура... Это своеобразно. Вы не ездили в Гондар? Нет? Странно! Вы должны побывать там! Там есть памятники э-э... царицы Шеба и царя Соломона, из Библии.

Мы расстались добрыми знакомыми. Он дал мне визитную карточку: Ладевик П. Педерсен, коммивояжер, Копенгаген — Асмара.

В центральной и юго-западной частях Асмары живут главным образом европейцы и состоятельные эритрейцы. Тихие и чистые улицы поднимаются с холма на холм. Асфальт, зелень и цветы. Не найдешь двух похожих коттеджей рядом. Узорные металлические ворота увиты плющом. На верандах, отгороженных от улицы плотной стеной цветущих кустов, сочной листвой магнолий и папайи, по вечерам слышится веселый говор и смех. Дом за домом, вилла за виллой. Одна бесстрастно и презрительно выдвинулась на улицу главным фасадом, другая закрылась зелеными занавесями. На улицу смотрят льдины синего оконного стекла. И такой же лед в глазах прохожих. Здесь каждый занят собой.

На севере и востоке Асмара совсем другая. Там редко кто считает свои доходы на доллары. По обе стороны нешироких улиц выстроились сплошные ряды

безликих одно- и двухэтажных домов, бессчисленные мелочные лавки, полутемные каморки ремесленников, закопченные, пропахшие горелым маслом харчевни. Над маленькими часовыми и обувными мастерскими — большие вывески. Орущие лоточники, ватаги ребятишек, пестро одетые женщины с детьми за спиной, нищие в космополитических лохмотьях — везде шумный жестикулирующий люд.

Центр всего — маркат, базар, его ремесленные и торговые ряды. Они тянутся от базарной площади вверх, на возвышение, где между зданиями белеют арки и колоннада главной мечети. Кажется, что все улочки города ведут сюда, к базару. За день здесь перебывает вся Асмара, которой не по карману гулять под пальмами на центральной улице. Днем здесь людно и шумно, а по вечерам и небезопасно. Двери, закрытые днем, в сумерках превращаются в освещенные тусклым светом бары и в каморки профессиональных проституток. Здесь завывает музыка, звучит пьяный смех, слышны перебранка, крики и улюлюканье, которые иногда прерываются отчаянными воплями, топотом бегущих, и тогда хочется быстрее выбраться на ярко освещенную улицу.

Но днем здесь все подчиняет себе базар. На широких площадках за низкими каменными оградами торгует деревенская Эритрея и ремесленная Асмара. В основном торгуют крестьянки в серо-зеленых одеждах, рослые, темнолицые, подвижные. Только среди покупательниц увидишь медлительно-томных эфиопок в белоснежных покрывалах-шамма, наброшенных поверх платья, отчего они похожи на невест.

Люди здесь не всегда вежливы, как там, наверху, иногда насмешливо назойливы, словоохотливы и беззлобны, особенно если заговорить на языке, который им понятен. По-арабски понимают почти все, даже немусульмане. Многие не очень ясно представляют себе, что значит «русский». Смеются и переспрашивают: «Американец? Немец?» А те, кто знает, начинают объяснять, размахивая руками, переходя на крик. Слушающие кивают и с любопытством разглядывают меня.

От базара к главной мечети Асмары ведет полого поднимающаяся неширокая улица. Мальчишки гоняют мяч, позвякивают колокольчики на дверях мелочных

лавок. Щиты с цветными картинками выставлены у дешевого кинотеатра «Синема Данте». Над входами в ночные бары — оранжевые вывески с названиями по-амхарски и по-английски. Молодые эфиопки в белых накидках судачат, привалившись к стене. Через улицу идет старик с большой плетеной корзиной за спиной. Мальчик учится кататься на велосипеде — два приятеля подбадривают его криками. Изредка проезжает легковая автомашина. Сюда редко заглядывают иностранцы, и поэтому обитатели улочки провожают меня любопытными взглядами. Подбегает мальчишка и просит центы. Неловко чувствовать себя праздным туристом среди этих людей, живущих насущными заботами.

За широкой площадью на восток от мечети видна каменная ограда. Она окружает пологий холм, посреди которого возвышаются серо-лиловые параллелепипеды главной эфиопской церкви Асмары. В узких высоких нишах над входом — мозаичные фигуры святых. Во дворе на ступенях, ведущих ко входу в церковь, на паперти сидят богомольцы в белых и светло-серых одеждах. Они приходят сюда со всей Эритреи. Время от времени слышится колокольный перезвон. Вокруг церкви по склону холма стоят священные эвкалипты, которых никогда не коснется топор.

На западной окраине города за американской радиобазой Канью находится большое католическое кладбище. Сквозь высокую решетку белеют среди зелени фигуры ангелов и бесчисленные мраморные кресты. Напротив кладбища — чисто побеленная эфиопская церковь необычной конструкции, со звонницей в виде высокой прямоугольной башни, стоящей чуть поодаль.

Я добрался сюда только к вечеру. Малиновым светом пылали золоченые кресты на куполах и многоцветные витражи над входом. Негромко гудели колокола. Через ворота в ограде к церкви тянулась густая толпа. На площади выстроились автомашины богатых прихожан. Сирые и убогие, калеки и притворяшки-попрошайки стояли по обе стороны прохода, распевая псалмы, монотонно выкрикивая жалобы, жестикулируя. Поток благополучных, степенно осеняющих себя крестным знамением, неторопливо двигался между рядами обойденных счастьем. Как в давнишней России.

Кланяясь друг другу, люди поднимались по ступеням к открытому входу навстречу гулу молящихся. Шла вечерняя служба. В глубине церкви над дрожащими языками свечей плыл оранжевый чад. Слышалось приглушенное пение. Нищие у входа жалобно подпевали.

Вечерами незнакомый город кажется нескончаемо огромным, безлюдные улицы пугают отчужденностью, но и в гудящей толпе на ярко освещенных проспектах ты тоже один. Вот и сейчас здесь многолюдно и шумно, как будто все только что вышли из кино или из театра. Говорливые синьоры в стандартных серых пиджаках, их экспансивные полнотелые дамы с пикантными декольте, джентльмены неопределенной национальности в модных джемперах, белозубые эритрейцы, жестикулирующие, как на торгах,— все перекликаются, смеются, ищут глазами знакомых, но... не меня, мне не услышать здесь «Привет!» Только оклик мальчишки-разносчика, торгующего мелочью, или мимолетное недоумение скучающего прохожего, по одежде и манере держаться угадавшего во мне чужака, на мгновение нарушают оцепенение в душе. Но это не в счет! Вокруг чужая будничная жизнь, в которую для меня нет дверей: я — проезжий. Такая уж судьба транзитного пассажира — везде быть неузнанным и посторонним, молча и безучастно проходить через чужие жизни, остановиться ненадолго, мимоходом посмотреть вокруг и — дальше, к своей жизни.

23 ноября 1965 г. Асмара

Вот уже третье утро начинается с прогулки в верхний конец центральной улицы, где в полуподвале углового дома помещается агентство «Йемен Эрлайнз». Когда мы пришли туда впервые, нас встретили по-домашнему тепло и радушно трое веселых парней и миловидная, несколько надменная секретарша. Через минуту мы понимаем, что дела наши плохи, но как-то невольно проникаемся светлой беззаботностью, царящей в этом чистом и уютном полуподвальчике.

— Ма фиш хоф! (Пустяки!) Бог даст, скоро будет самолет!

Мы разглядываем развешанные по стенам рекламные плакаты, призывающие пользоваться услугами «Йемен Эрлайнз»: синий «Боинг» гордо парит на фоне

экзотических «небоскребов» Саны. Тут же портреты Хайле Селассие, белозубого, улыбающегося Насера и одутловатого, угрюмого ас-Саляля в маршальском мундире и в пилотке с большим орлом-кокардой.

И так каждый раз — едва мы появляемся в дверях агентства, веселые парни дружно кричат нам:

— Хэлло! Ахлян, ахлян! — и радостно смеются, зная, о чем мы сейчас спросим.

— Ма фиш таира (Самолета нет!) Бог даст, завтра будет телеграмма.

Мы пьем сладковатую пепси-колу и поддерживаем бессвязный разговор о погоде, о России, об эфиопских одеждах, о Йемене и перспективах начавшейся харадской конференции[6]. Потом удаляемся.

...Сегодня этот ритуал нарушен полностью: секретарша стрекочет на машинке, парни сидят по своим местам при параде и даже в фуражках. Старший, изобразив вежливую улыбку, сухо объявляет нам, что самолет вылетает завтра утром, и просит показать билеты. Мы послушно становимся в очередь.

Служащий из «Йемен Эрлайнз» говорит мне, что сегодня к ним приходили еще другие русские, два дня назад прилетевшие из Хартума. У них билеты до Ходейды. Остановились в отеле «Континенталь». Кажется, это мои знакомые: я помогал им оформлять билеты в авиакомпании «Судан Эрвейз» в Хартуме. Значит, они тоже застряли здесь.

Застаю их в полном сборе, сидящими в плетеных креслах на просторной террасе перед отелем. Наперебой рассказывают о своих злоключениях. Они «без языка», они в ужасе от непредвиденной задержки в Асмаре, где должны были остановиться всего на часдругой в аэропорту для пересадки. После покупки сувениров в Хартуме у них почти не осталось денег. «Кто же знал, что мы застрянем здесь!» Два дня они кормились черным хлебом и московской колбасой, которые везли с собой. Но сегодня и эти запасы кончи-

---

[6] С 23 ноября до конца декабря 1965 г. в небольшом йеменском селении Харад, неподалеку от границы с Саудовской Аравией, проходила конференция с участием представителей республиканского Йемена и монархистов — сторонников свергнутого в 1962 г. правителя Йемена имама Мухаммеда аль-Бадра.

лись. А главное, они боятся, что им не хватит долларов заплатить за гостиницу и завтра их не выпустят на самолет.

Легче всего устраивать чужие дела! Иду к хозяину объясняться. Через несколько минут — диккенсовский финал: отчаяние сменяется умиленной радостью, жестокие сердца оказываются добрыми. Хозяин всплеснул руками, поняв наконец, почему на его мимические приглашения к трапезе русские каждый раз упорно мотали головами и отсиживались в комнатах, ничего не заказывая. Он-то решил, что они предпочитают питаться в дорогих ресторанах в городе.

— У них нет денег?! Пустяки! Но проблемз! Не вижу затруднений! Я пришлю счет. Меня знают в вашем посольстве в Аддис-Абебе. Русские всегда останавливаются у меня. Я люблю русских! И т. д.

Он лихорадочно листает регистрационную книгу, тычет пальцами в строчки с русскими фамилиями. Он в отчаянии, что его постояльцы, наверное, даже еще не ели после приезда сюда. Он сейчас же закажет обед и сам будет подавать... Он действительно так и сделал, попутно рассказав мне красочную историю своей жизни. Родом он из Йемена, скитался по всей Аравии, в молодости дружил с самим принцем Фейсалом, занимался всем на свете, пока не открыл здесь свой отель. Узнав, что мы едем работать в Йемен, он вконец растрогался и пригласил всех к себе домой на ужин.

В его доме из цветного туфа лабиринт комнат. На окнах — железные решетки, пестрые шторы. Мебель сборная, застекленные шкафчики с посудой, с фигурными флаконами духов и одеколонов, множество фарфоровых безделушек. На стенах развешаны европейские пейзажи в одинаковых рамках, такие же, что и в отеле. Домочадцы набились в комнату. Старший сын приносит транзистор, ловит джаз. Женщины, молодые и в возрасте, снуют взад-вперед, смеясь и крича друг на друга, украдкой разглядывая нас. Мы сидим за столиками в плетеных креслах, как в кафе. Хозяин усаживается напротив с блаженным видом, самодовольно оглядывает всех, пыхтя сигаретой. Нам подают «ужин» — печенье на тарелках, пачки сигарет, неимоверное количество спиртного всех сортов, кофе в маленьких чашечках. Хозяин вдруг вскакивает, бежит к

шкафчику и возвращается... с большущей четвертью смирновской водки!

— Русская водка! — кричит он.— Я люблю русских!

Окна закрыты, все курят беспрерывно, и в комнате дым коромыслом. Хозяин произносит страстные тосты, осмелевшее потомство угощается печеньем. Гремит джаз, все говорят разом...

Хозяин провожает нас до отеля. Мы долго прощаемся в вестибюле. Едва я спустился с каменных ступеней и перешел по площади на улицу, ведущую к центру, к моей гостинице, как тепло и возбуждение от «ужина» растаяли. Их растворила ощутимая вечерняя прохлада, впитали однотонно-серые стены молчаливых домов. Судя по множеству темных окон, здесь рано ложатся спать.

Полупьяный субъект в потрепанной солдатской одежде просит у меня сигарету. Даю. То по-итальянски, то на ломаном английском пытается завести разговор. Шумно сосет сигарету, хотя она уже хорошо разгорелась, бормочет бессвязные фразы. Не ответив, иду прочь. Он тащится за мной, иногда отставая, иногда пытаясь бегом нагнать меня, выкрикивая ругательства. На полутемной извилистой улице ни души, кроме нас двоих. Уже выходя на светлый, оживленный перекресток, оглядываюсь — тот стоит на середине проезжей части, кричит мне, грозя кулаком: «Проклятый американец! Собака!»

...С балкона моей комнаты хорошо видно, как в ночном баре напротив, в узком проходе между стойкой и столиками, изгибаясь и дергаясь, танцуют пары. Сигаретный дым висит над сидящими за столиками. Официантка, кокетничая на ходу, разносит черные бутылочки пива. Ее щиплют, дергают за юбку. Завывающие звуки джаза, крики, хлопки в ладоши, пение. Входят и выходят посетители, звякают цепочки двери-занавеса. У входа стоит группа парней и девушек. У одного из юношей в руках транзистор. Они смеются, весело переговариваются. Медленно подъезжает и останавливается поодаль черная пролетка. Черноголовый парень в клетчатом свитере с громким смехом тянет к ней рослую эфиопку. Белая накидка волочится за ней. Другой парень подхватывает упавший конец и с шутливым криком набрасывает его девушке на плечи,

подталкивая ее к пролетке. Они уезжают. Звонко цокают копыта в пустынном переулке. Мне видно, как девушка, откинувшись на спинку сиденья, закутывает накидкой голову и плечи, а парень обнимает ее.

Необычная для большого города тишина. Только звуки музыки из бара, смутный говор, отдаленный стук копыт. Огромное ночное небо и непривычные созвездия. Мой сосед по комнате давно спит, накрывшись одеялом с головой. На стене появляются и исчезают отсветы рекламы.

Сколько уже я еду? Пять дней. Не может быть! Нет. Листаю записную книжку. Да, пять. Кажется — целая жизнь. Последняя ночь в Асмаре.

24 ноября 1965 г. Асмара — Таизз

5 часов 20 минут утра. Единственный бой, вышедший проводить нас, прячет подбородок в ворот свитера. Губы посинели, он ежится, пытается улыбнуться. Мы ждем машину и беспокойно смотрим то на пустынную улицу, то на небо, затянутое серыми облаками: не испортилась бы погода. Через каждые четверть часа звонко бьют часы на башне собора св. Екатерины. Придет автомашина или жить нам здесь еще сутки? Появились первые прохожие, скрюченные, закутанные в платки и шали. Все-таки очень холодно в месяцы благословенной эфиопской весны! Из-за поворота вынырнул микробас. Рябой Ахмед, шофер из «Йемен Эрлайнз», улыбается нам, как родственникам.

Проезжаем под ажурной аркой у въезда в город, увитой флажками и цветами. Полицейский прикладывает руку к тулье фуражки. Сквозь запотевшие стекла виден необозримый простор уходящих до лилового горизонта холмов, покрытых серо-зелеными колючками и рощицами эвкалиптов. Из-за далеких гор поднимается в оранжевом облаке гигантский шар солнца.

Мы опять летим на рассвете. Два часа томительной толкотни в аэропорту. На последние эфиопские монетки пью кофе. Беспошлинные сувениры в витрине уже не влекут: я накупил их в городе. С пошлиной. Рекламный щит: «Эфиопия — путешествие, которое запомнится на всю жизнь». Эти слова уже не кажутся просто рекламой.

...Облака совсем рассеялись. Внизу, под самолетом,

на темно-серой дороге белеют фигурки людей, бредущих к городу. Холмы быстро переходят в горы. Долго летим вдоль побережья. Вот горы отошли вправо, теряясь в дымке, и показалась песчаная береговая полоса, желтыми языками вдающаяся в море, в Красное море. Оно сине-зеленое, в многоцветных разводах, как будто залитое бензином. Сейчас 9 часов 50 минут. Кофейная и курчавая Абиссиния, зелено-желто-красная Эфиопия медленно уплывают назад. Дует восточный ветер. Сине-зеленые волны тяжело поднимаются из бездонных глубин и опадают, закипая. Кажется, что это всплывают гигантские рыбы. Вспенив морскую гладь, они уходят вниз, чтобы через минуту появиться вновь. Крошечные пароходы плывут от Баб-эль-Мандебского пролива. Мы летим на большой высоте, в небе ни облачка — мир показывает кусочек своей беспредельности.

Самолет полупустой. Кроме нас, русских, еще десятка полтора пассажиров. Впереди меня — тощий йеменец с бойкой женой-эфиопкой, молчаливый высохший старик в белой чалме и очень общительный юноша, одетый по-европейски. Он возбужден, бегает от окна к окну, говорит отрывистые фразы, целует свои пальцы. Пролетаем над желтыми кляксами островов. Они заняты англичанами вот уже более ста лет. Юноша драматически сжимает кулаки, бормочет: «Инглизи, инглизи (англичане, англичане), проклятые богом!» — и вопросительно смотрит на меня. Ну я-то не англичанин и улыбаюсь ему. Он садится рядом. Говорю ему по-арабски, что лечу в Сану и буду работать в госпитале. Он хватает мою руку: «Да хранит тебя Аллах!»

Море кажется не слишком широким — едва исчезла позади кромка гор, как впереди показался берег, пятнистый, в залысинах песчаных отмелей, такой же, как на эфиопской стороне. Это — Йемен. 10 часов 10 минут, пересекаем линию побережья. Мне показывают густую россыпь белых зданий в глубокой лагуне слева. Моха! Различаю два-три минарета, серые бугры и редкие пальмы вокруг города, темную полосу дороги, уходящей между барханами на север. Моха — когда-то знаменитый город кофе. Теперь это полузабытый, почти опустевший городишко, медленно затягиваемый песками. Таких немало на Красноморском побережье.

В утреннем солнце пустыня — светло-оранжевая. Сквозь жидкий туман видны бурые клочья растительности, кое-где темнеют развалины заброшенных селений, поля, занесенные песком. Прямые линии оград очерчивают границы участков. И снова — безотрадные желто-серые просторы. Это и есть Тихама. Она завораживает своей угрюмой монотонностью. Знойная, сырая и душная полупустыня, оставленная высыхающим морем. Она тянется вдоль всего аравийского берега, отделяя Красное море от гор. Тень от самолета скользит по ребристым барханам, по серым плешинам солончака, пересекает изгибы сухих речек, в сезон дождей, наверное, едва дотягивающих мутную теплую водицу до морского берега. Какими мрачными эпитетами награждали Тихаму древние поэты, арабские и европейские путешественники! Студентом я читал о ней по необходимости, а позже — из любопытства, не помышляя когда-нибудь взглянуть в лицо этому «исчадию природы».

Горы возникли как-то сразу, крутые и высокие, похожие на крепостную стену, отгородившую живой мир от пустыни. Издали я принял их за грозовые тучи, плывущие нам навстречу. В самолете началось оживление. Пассажиры-йеменцы, жестикулируя, смешно закатывая глаза, прищелкивая пальцами и тараторя, показывают друг другу что-то внизу, смеются и радостно хлопают в ладоши. Это — эмигранты, возвращающиеся теперь на родину служить республике. Мой новый знакомый то и дело подбегает ко мне и, блестя глазами, тычет в окно, называя местности, неведомые мне селения. И я заражаюсь его возбуждением, и мне уже совсем не верится, что я вижу Йемен, загадочную Счастливую Аравию. От этих названий, от слов арабской речи в голову ударяет легкий хмель.

А внизу — горы и горы, изрезанные глубокими ущельями. В них еще лежит сумрак, клубы тумана ползут по скалистым склонам. Горы без леса, сиротливо серые, теперь кажутся не такими уж высокими. Солнце греет их голые горбы. Наконец показались долины — темная зелень в провалах меж серых круч. Квадратные дома на холме тесно прижались друг к другу. Видны крохотные дворики, обнесенные оградой, желтые копны рядом, шевелящиеся точки — наверное, люди. Блеснула

извилистая речка. Залитое солнечным светом, все выглядит празднично. Над плоскими крышами в селениях плывет дым. Самолет идет на снижение.

— Та-изз, Та-изз,— нараспев тянет стюардесса.

Она идет по проходу, усаживая поднявшихся пассажиров. Показывает мне взглядом на пристяжные ремни и улыбается. Йеменцы суетливо складывают пожитки. В Таиззе будет посадка и заправка горючим. Я пытаюсь сверху разглядеть город — кто знает, доведется ли побывать в нем. Но самолет резко нырнул вниз. В окне замелькало что-то желтое, черное, зеленое, какие-то полуразвалившиеся каменные хибары.

Едва только самолет затих, как йеменцы разом вскочили и кинулись по проходу, словно в театре, когда упал занавес. На площадке за креслами, где сложен багаж, небольшое столпотворение. Там машут руками, трясут один у другого перед носом сжатыми в щепоть пальцами, причитают женщины, занудливо хнычут дети, с грохотом падают чемоданы, коробки. Разъяренная стюардесса бежит в кабину пилотов. Толстый эфиоп-летчик в фуражке с желтой кокардой расталкивает столпившихся, кричит, выкатывая белки. Все враз утихают. Открывает дверцу, и в кабину врывается горячий пыльный воздух. Пассажиры чинно выходят. Мы идем последними.

Ничего похожего на аэродром. Висят клубы пыли, поднятой самолетом. Слева, за широким пустырем, огороженным по краям железными бочками из-под бензина, до горизонта тянутся однообразно серые пологие холмы. Впереди — низкий каменный сарай, рядом с ним — небольшая пристройка с антеннами на крыше. Перед сараем — группа людей в пиджаках, в юбках. Некоторые с винтовками. Пассажиры идут гуськом с узлами, чемоданами, коробками. Курчавый мальчик в костюмчике несет большую клетку для птиц. Позади сарая, закрывая небо, высится огромная гора с отвесными кручами. Вершина ее в венчике тумана, а на выступах и в углублениях по склону гнездятся домики горных селений, словно белые перья, оставшиеся от птичьего базара. Парит орел. Доносится лай и заглушенный зовущий крик...

Подходит по-европейски одетый молодой человек. Называет мою фамилию. Я удивленно откликаюсь.

— Есть решение оставить вас в Таиззе. Вы будете работать здесь. Возьмите багаж...

И здесь у моего паспорта оказалась не та виза! Иду за багажом. Злой и расстроенный, кое-как прощаюсь с моими попутчиками. Не могу даже смотреть им в лицо от жгучей зависти. Через час они будут в Сане, сказочном городе. А я остаюсь на пыльном пустыре. Я хорошо помню слова имама Ахмеда, покойного короля Йемена, которые Клоди Файен приводит в своей книге: «Таизз уже больше не Йемен. Поезжайте в Сану, там вы действительно узнаете мою страну...» А я остаюсь именно в Таиззе!

Самолет улетел. Вот он стал темной точкой над гребнем лиловых гор и сразу исчез в синеве, как будто его и не было вовсе. На миг возникает ощущение, что я проснулся на пустом поле среди гор, окутанных утренней дымкой, среди тишины и неподвижности.

Тощий йеменец в мятом пиджаке поверх длиннющей рубахи уносит мои вещи. Вслед за молодым человеком, испортившим мне настроение, прохожу внутрь сарая. Там толчея, галдеж. На стойке — раскрытые чемоданы. Три офицера-йеменца в расстегнутых мундирах ведут досмотр. Один из них, увидев нас, кивает моему спутнику:

— Кейф, садык? Тамам? (Ну как, друг? Порядок?)

— Тамам!

Не останавливаясь, выходим наружу. Формальности окончены. Несколько автомобилей разных марок стоят в беспорядке на замусоренной поляне между низкими строениями аэропорта. Здесь тоже толчея, крики, хотя людей совсем немного. Разноголосо гудят клаксоны. Два «фиата» не могут разминуться в этой тесноте. Шоферы кричат и грозят друг другу кулаками. Солдат винтовкой отгоняет костлявую корову с нависшим набок горбом. Вскидывая безрогую голову, она мечется среди запыленных автомашин. Йеменца с вещами не видно. Молодой человек беспокойно озирается, поминутно вытирая лоб платком. Около посольской «Волги», к которой он меня подвел, тоже никого нет. Солнце припекает, а на мне пиджак и плащ. Кто-то кричит:

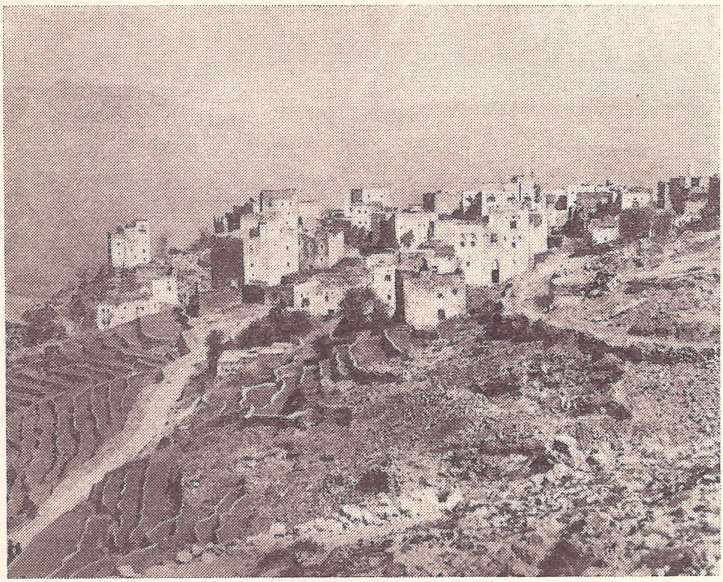
— Садык ру-си!

Буквально это значит «Русский друг!», но звучит,

скорее, просто «Эй, русский». Это наш носильщик. Он машет рукой из-за автомашин. Он взял нам такси и уже уложил чемоданы в багажник. Все, как положено. Мой спутник чертыхается, а йеменец не то удивленно, не то заискивающе причитает: «Садык руси тама-ам, тама-ам!» («Русские хоро-шие, хоро-шие!») и тут же скороговоркой добавляет, понизив голос: «Амрики муш тамам! Муш тамам!» («Американцы нехорошие! Нехорошие!»)

Медленно ползем от аэродрома по разбитой, усеянной крупным булыжником дороге, потом выезжаем на укатанное гравийное шоссе. Оглядываюсь назад — над строениями аэропорта все еще висит пыль. Шоссе идет вдоль каменистых холмов с запыленными колючками по склонам. Первые впечатления незабываемы, в них все значительно. Впереди показывается йеменец в черной чалме. На нем синяя жилетка и полосатая рубаха до колен, на поясе кинжал в широких кривых ножнах, под мышкой — палка. Он ведет за веревку двух облезлых верблюдов с большими вязанками тростника по бокам. Нелепые мосластые ноги. Широкие ступни, похожие на мешочки с тряпками, ступают мягко и на мгновение расплываются. Накренившись в кювет, стоит доверху нагруженная ящиками автомашина. Радиатор обтянут чехлом с нашитыми разноцветными лоскутами. Одно колесо снято, и черную культю оси подпирает домкрат. Трое пассажиров, присев на корточки, смотрят под машину. Оттуда торчат босые загорелые ноги.

Постепенно движение становится оживленнее. Идут люди, проносятся автомобили, и клубы пыли закрывают дорогу. Обгоняем женщин, идущих цепочкой по обочине. Они в одинаковых черных платьях с подоткнутым за пояс подолом, с широченными рукавами, в длинных шароварах. Босы. На голове — большие плетеные корзины. Однообразно покачивают согнутыми в локтях руками — в такт шагу. Мелькают, перемежаясь, зеленеющие поля и полосы жнивья с кучами снопов, одиночные пальмы, высокие обвисшие деревья. Все ближе надвигается серая громада горы, изборожденной белесыми руслами потоков. У подножия, сливаясь окраской с огромными валунами, стоят вразброс прямоугольные дома-башни, покрытые узорами, как лица

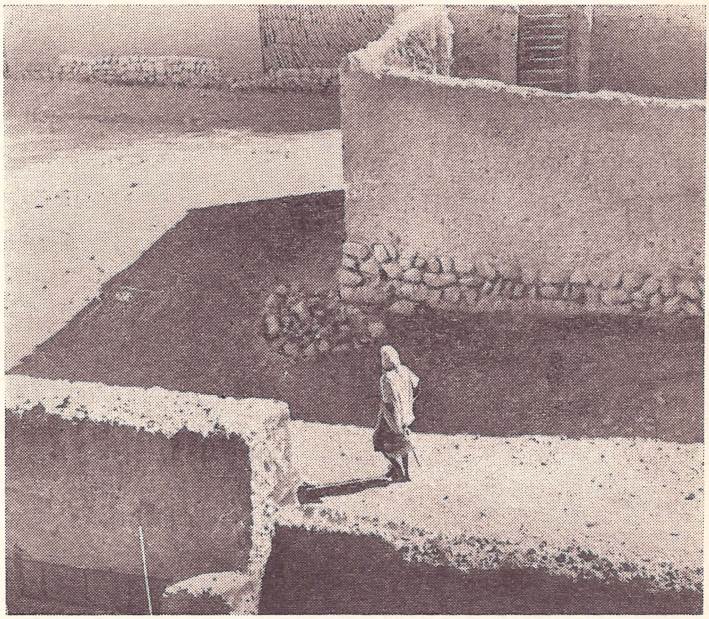


Горное селение. Террасные поля по склону

ирокезов. На отвесной скале белыми буквами выведена надпись «Да здравствует Насер, да здравствует маршал ас-Саляль!»

Дорога спускается с холма, и — перед нами город, облепивший подножие горы, сползающий по склону в серо-зеленую долину. Над ним висит пелена тумана. Справа из гущи плоских крыш поднимается скалистый утес с крепостной стеной наверху. По гребням окрестных холмов виднеются развалины стен и укреплений. На сером фоне горы ярко белеют два минарета и купола мечетей. Как все просто — вот и Таизз!

Когда-то, в давнопрошедшие времена, я представлял себе картину: я прихожу в знаменитый древний город, в Рим или в Багдад, пешком, ранним утром, по дороге, вместе с крестьянами, идущими на базар. Меня никто не знает, никто не обращает на меня внимания, и все думают, что я такой же, как и они. Главное — не подавать виду, казаться усталым и равнодушным и лишь изредка смотреть вперед или по сторонам. Только



Солнце и тень в переулке

так, казалось мне, можно увидеть настоящий древний город. Иначе все пропадет — глаза не увидят, сердце не почувствует того, ради чего пришел сюда. Я оберегал эту идею, как мой секрет, и даже внушал себе, что совсем не принимаю ее всерьез: ведь главное — обхитрить бдительного стража в чудесное. Но сейчас мне никак не справиться с волнением, не прогнать с лица улыбку. Выйти бы из машины и немного посидеть одному среди камней!..

Мы словно въехали в середину буйного восточного базара. Глаза не успевают разобрать что-то единичное. Все мелькает, движется, кричит, машет. Двухэтажная улица, кажется, состоит из одних дверей и окон. Всюду вывески, цветные картины-рекламы пепси-колы, сигарет, радио и транзисторов, наклеенные на половинки дверей. Всюду пиджаки и жилетки, оживленные и худые сумрачные лица, грязно-зеленые, белые и полосатые юбки, коричневые ноги, босые и обутые, ослики

с мешками по бокам и губастые верблюды, лежащие, стоящие и идущие, пугливо косящиеся по сторонам. Всюду гомон людской, гудки автомашин, пронзительно громкая музыка транзисторов, ослиный рев, выкрики, лязг металла, запахи жареного, горящих тряпок, зловоние гниющих нечистот, дым от раздуваемых жаровен. Ну и ну! Мои торжественно-элегические размышления и волнение, возникшее было при виде минаретов и развалин на горах, вмиг улетучились. Меня разбирает смех. Вот это да, ай да Йемен!

Останавливаемся перед калиткой, сколоченной из рассохшихся досок от ящиков. Из-за высокой каменной ограды на улицу свесились ветви аравийской акации. Сквозь листву, напоминающую папоротник, видна плоская крыша.

— Здесь?!

Серая, пыльная улица, невзрачные низкие строения — не то дома, не то сараи из грубо обтесанного камня. Только на другой стороне — дома поприличнее, беленые, на высоком фундаменте, с крытыми террасами, как в кавказских селениях. На ступенях каменной лестницы в доме через дорогу сидят трое солдат с винтовками и, любопытствуя, смотрят на нас. Гора и утес с крепостью теперь совсем рядом. Можно разглядеть даже флаг над крепостной стеной.

— Ну, все! Здесь вы будете жить. Вы зря жалеете о Сане, там условия хуже.

Слова моего провожатого (его зовут Юра) только сильнее растравляют рану: я не увижу Сану, сказочный город, матерь городов йеменских! Я не отвечаю ему: при чем тут условия! Здесь мне все не нравится — сумбурный, пыльный городишко. С обиженным видом иду за ним по тесному дворику. Крытая терраса, зарешеченные окна в железных рамах, широкая, в четверть стены, дверь. В большой полутемной прихожей сыро и холодно. Везде какие-то двери. Появляется высокая женщина в цветастом платье. Встречает радушно. Ведет в небольшую комнату. Комната угловая. На окнах — решетки, за ними видны плоские крыши, густые кроны эвкалиптов и дальше — холмы и зубчатый силуэт гор на горизонте. Ставлю чемоданы.

Неужели правда, что я в Йемене? Сажусь на стул, не сняв даже плаща. Пустые стены, голая кровать. Не-

жилой запах. Через дверь слышу, как кто-то, громко стуча ногами, входит в дом и только что не кричит:

— Переводчик, да? Парень? Девка?

На него шипят. Понизив голос, он еще о чем-то спрашивает. Потом зовут меня. Иду знакомиться.

...Обед в честь моего приезда. Собралась вся колония врачей — их пятеро в Таиззе. Я угощаю черным хлебом и селедкой, по которым все соскучились. А для меня деликатес — желтые бананы, крупный, как ранетки, виноград и хрустящие булочки величиной с кулак. Обед затянулся до вечера, после которого почти без сумерек пришла ночь.

...Стою на террасе и слушаю звуки города, еще незнакомого и, как я себе внушил, нелюбимого. Прямо передо мной, словно на черном бархатном занавесе, трепещут светлые точки огоньков в селении на склоне уже невидимой горы, а чуть повыше — россыпи звезд. Они крупные, яркие. Я никогда не видел, чтобы звезд было так много. Долго не могу уснуть, глядя в ночное небо за окном. В голове карусель от впечатлений. Вспомнился вдруг Тадич и улица в Асмаре, мой приезд в Таизз, рассказы о том, что ожидает меня завтра в госпитале. И, уже засыпая, все еще вижу бесчисленные звезды... Сказка!

В ДОМЕ ПОД ЭВКАЛИПТАМИ

26 ноября 1965 г. Таизз

Меня будит горластый петух — он взобрался на ограду напротив окна, хлопает крыльями и кричит. Смешно подумать, и не поверят дома — на краю Аравии по утрам орет петух. Слушаю, что будет еще. Залаяла собака и тут же взвизгнула и заскулила: наверное, стукнули. У самого окна в густых ветвях эвкалиптов копошатся и чирикают воробьи. Не удержался, встал посмотреть — неужели и воробьи такие же? Такие! Серые, смешные, взъерошенные комочки. Какая проза! Спать совсем расхотелось, хоть нет еще и шести.

В доме молчание. Хожу тихонько, чтобы не разбудить соседку. Примерно через полчаса слышу лязг замка во входной двери. Выхожу в переднюю — моя соседка в белом халате, в руках сумка.

— А-а! Вы уже встали! А я на вызов съездила. Не стала вас будить с дороги. Такая жизнь! Ни днем, ни ночью покоя нет. Только ляжешь — уже стучат. Сейчас будем завтракать!

...Воздух, как вода в горном ручье, и прохладный, и необыкновенно прозрачный. Кажется, можно разглядеть камни на склоне горы, листья деревьев в селении высоко-высоко. Узкие дома-башни там стоят один над другим, как ступени. Не насмотреться на гору — она громадная, чуть не до вершины неба. Белые сухие русла потоков сбегают от верха к подножию, постепенно расширяясь. А на самом гребне, где еще сереет дымка, торчат башни: одна повыше, другая ниже, еще одна на высоком остром выступе. Между ними видны крохотные деревца. Прерывистые тропинки вьются по склону вниз.

...И вот на мне чистый белый халат. Он коротковат, мне в нем неловко и празднично, как в дорогой обновке. Я иду в госпиталь. Мне страшно, и меня захватывает

азарт, словно я покатился на лыжах с крутой незнакомой горы — будь что будет! Никогда я не был переводчиком, йеменский диалект вообще малоизвестен, даже лингвистам, и я не представляю себе, что произойдет сейчас, когда я должен буду переводить серьезный разговор между директором госпиталя и старшим нашей группы врачей. Его зовут В. В.

Он пришел, когда мы еще завтракали, деловито нахмуренный, в отутюженном халате. В руках — кожаная папка с монограммой (из дому, видно, привез — «Глубокоуважаемому... от...»). Говорит подчеркнуто корректно, отделяя каждое слово энергичным кивком головы.

— Так! Простите, что отрываю вас от такого приятного занятия. Я понимаю. Вы с дороги. Вам необходимо отдохнуть. Но дело ответственное. Затронута репутация советского врача, и я должен просить вас помочь коллективу. И т. д.

В общем, возникла конфликтная ситуация: один йеменец в ссоре ударил сгоряча другого кинжалом. Рана была пустяковая, но деревенский знахарь «поколдовал» над ней, и началось заражение. В госпиталь его привезли с гангреной. Он умер через сутки. Родственники потребовали от врача — это был наш врач — заключение, что смерть наступила от удара кинжалом. Врач отказался дать такое заключение. Тогда родичи толпой явились к директору госпиталя с жалобой.

Они стоят, митингуя, под окнами кабинета директора, когда мы подходим. Увидев нас, все замолкают, расступаются. Мы — в белых халатах — проходим к лестнице, поднимаемся на второй этаж. Мальчик-слуга взбегает туда перед нами. В большой комнате полно народу, накурено, все говорят громко. Входят и выходят люди с бумажками. Одеты кто во что. На поясе у многих кинжалы, эти, кривые. Я уже знаю, что их называют джамбиями. Такой джамбией и ударили умершего йеменца. Нас ведут к столу у окна, окруженному толпой галдящих посетителей. За ним сидит маленький и очень толстый человек с усами, как у кота.

— Хэлло-о! — кричит он, увидев В. В.

Приподнявшись, протягивает руку ему, потом, бегло взглянув на меня,— и мне.

— Хэлло-о! Хау ду ю ду!

В. В. прерывает его и, показывая на меня, объясняет, что мол вот новый «тарджуман» (переводчик).

— Тама-а-ам! (Хорошо!),— кричит директор и начинает что-то быстро говорить мне по-арабски и снова жмет руку.

Нас усаживают на стулья у окна. Толпа опять смыкается вокруг стола, и крики возобновляются. Стоящие суют директору бумажки. Не прекращая разговора с другими, он читает. На некоторых быстро пишет, другие решительно отбрасывает подавшему и берет новые. Слуга подает нам по бутылочке светло-оранжевого напитка. Я смотрю на В. В. Он сплескивает немного на пол, вытирает платком горлышко и пьет. Я делаю то же.

Минут через десять директор вскакивает и сердито, стараясь перекричать шум, повторяет, что прием окончен. Появляется высокий йеменец в застиранном халате и выпроваживает всех за дверь. В комнате остается человек пять, сидящих, как и мы, на стульях. Директор зовет нас сесть ближе к столу. Недоверчиво поглядывая на меня, он начинает по-арабски, уже спокойно и почти вполголоса, говорить о жалобе родственников умершего йеменца. К моему удивлению, я почти все понимаю. В. В. строго смотрит на меня. Я перевожу. И он вдруг тает в улыбке. Я тоже улыбаюсь: получается! Директор догадывается, почему мы как-то некстати улыбаемся, хлопает меня по спине и кричит:

— Мутарджим тама-ам! (Хороший переводчик!)

Через два дня читаю в газете «Аль-Ахбар» статью корреспондента о его визите к директору как раз в тот самый момент, когда мы были у него с В. В. Я вспомнил корреспондента, потому что он был одет, не в пример другим посетителям, в черный европейский костюм. На нем была белая рубашка с галстуком. Мальчик подал бутылку с напитком и ему. Помню, что он был худощав, держался немного церемонно. Отхлебывая напиток, он каждый раз наклонялся вперед, чтобы не капнуть на брюки, и вытирал губы ладонью. В заметке было написано:

Ходит слух, что есть в больнице личности, которые очень плохо обращаются с людьми, и что один человек был свидетелем того, как была выдана квитанция за рентгеноскопию в два риала, тогда как больной заплатил за нее пять риалов. Пусть ответит на это директор больницы.

Ходит также слух, что некоторые фельдшера вписывают в табло * лишние лекарства, которые больные покупают на рынке, и что доктора очень сердятся на это, но они не знают, кто берет себе этот излишек. Пусть ответит на это директор больницы.

Корреспондент газеты «Аль-Ахбар» Амин Мамун посетил в этой связи Таиззскую больницу и написал следующее:

«Совершенно очевидно, что коренное изменение в любом месте и в любом учреждении можно осуществить, если есть руки, протянутые на помощь этому исправлению и изменению. Без помощи других человеку не под силу достигнуть успеха, как бы страстно ни хотел он этого исправления и изменения.

Я говорю эти слова после беглого визита в Республиканскую больницу. Я не нашел там ничего сколь-либо приличного, кроме ее названия, выписанного на доске крупными буквами. Наоборот, все, что в ней есть, вызывает недоумение и изумление. Это касается в такой же степени и самого здания, отдельные части которого нуждаются в ремонте.

Я обошел все отделения, осмотрел больных, одного за другим, и не нашел ничего, что обрадовало бы меня,— одни лишь страдания больных, число которых составляет примерно 800. Все они жалуются и плачут. Один взгляд на любого больного подтвердит правильность того, что́ он говорит. Я оставил их в таком состоянии, что мое сердце обливалось кровью, и направился в канцелярию директора. Но, прежде чем я дошел до нее, мой взгляд упал на двери, над которыми была надпись „Центральная аптека". Я изменил свой путь и вошел в помещение, где не было ничего, кроме бедного шкафа, не сулившего радости посетителю.

Поздоровавшись с аптекарем, я спросил его: „Где же та центральная аптека, название которой помещено над входом?" Аптекарь ответил: „Да вот, это она самая и есть, и здесь нет центральной аптеки, кроме нее". Я спросил у него: „Какую службу больным может сослужить эта аптека и давно ли в ней до такой степени пусто, как сейчас?" Аптекарь ответил: „По мере возможности услуги оказываются. В этих банках таблетки. Это — лекарство для больных нашей больницы".

Я поблагодарил аптекаря, пожелал ему успеха в его энергичной деятельности, выразил надежду, что аптека будет соответствовать своему названию, и отправился к директору. В большом кабинете я нашел одного из сыновей нашего народа — врача, который покинул свою родину в детстве. Он прожил за границей много лет, в течение которых прилагал много сил и стараний, чтобы вернуться на родину. Он получил подготовку для работы в области медицины, в чем крайне нуждается наш народ.

---

* Имеется в виду листок с историей болезни и назначениями врача. Кое-кто из медбратьев, пользуясь тем, что врачи-иностранцы не умеют читать по-арабски, записывал количество лекарств большее, чем назначал врач. Затем они забирали себе излишек и продавали другим больным. Это было формой взяточничества, с которым пыталась бороться администрация больницы.

Я пожал ему руку, выбрал место в сторонке в кабинете, наполненном просителями, и просидел почти 30 минут молча, дав возможность г-ну директору разрешить нужды стоявших вокруг. Я видел, с какой мудростью и терпением он разрешил трудное и запутанное дело, по которому к нему пришли врачи из Советского Союза с молодым переводчиком.

Когда в кабинете осталось уже немного народу, я подошел к нему, говоря: „Благодаря счастливому случаю встречается с тобой в твоем кабинете представитель газеты „Аль-Ахбар". „Милости просим",— ответил г-н директор, продолжая заниматься своим делом, а когда он покончил с грудой бумаг, он повернулся ко мне и сказал: „Извините, мы отняли у вас время".

Здесь представился удобный случай изложить ему мои вопросы, ради которых я и пришел. Г-н директор выслушал меня, покачивая головой, как бы говоря: „Да, все, о чем ты спрашиваешь, соответствует истине". И когда я спросил его, что же он намерен предпринять, он открыл свой стол и вынул папку, содержащую убедительный ответ на мои вопросы. Я увидел докладные записки, направленные властям. В них говорится о том, в чем нуждается больница, чтобы быть действительно больницей, а не только названием. Затем он вынул другую папку. В ней были его инструкции, указания, распоряжения по больнице. Я увидел работу, которая характеризовала его как человека, любящего порядок и действие».

Газета «Аль-Ахбар» призывает ответственных лиц к мерам для помощи этой больнице. Мы просим г-на министра здравоохранения рассмотреть представленные докладные записки и принять нужные меры. Таиззская больница заслуживает того, чтобы откликнулись на ее просьбы, ибо она дошла до положения нетерпимого. Было бы хорошо, если бы какое-либо ответственное лицо прибыло лично осмотреть эту больницу, которая крайне нуждается в немедленных мерах.

Найдется ли человек, способный принять эти меры?

Скоро и я сам увидел, что больница находится в бедственном положении. Не хватало всего: и врачей, и среднего медперсонала, и лекарств, и места. Газеты печатали жалобы больных на грубость итальянских врачей, на взяточничество отдельных медбратьев, на плохое качество пищи, на неквалифицированную работу лабораторий. Все грозным тоном задавали грозные вопросы директору больницы, начальнику Управления здравоохранения провинции и — помягче — самому министру. Но положение улучшалось медленно. Молодые йеменцы, отправленные после революции 1962 г. за границу учиться, еще сидели в аудиториях медицинских институтов разных стран. Шла гражданская война, и правительство не могло выделять нужных средств на покупку лекарств и оборудования. Злоупотребления купцов-оптовиков, поставлявших медикаменты, и чинов-

Таизз. Старый квартал

ников из министерства здравоохранения и его ведомств усугубляли трудности. Временами происходили громкие скандалы и разоблачения. Газеты печатали заметки, больница гудела как разворошенный улей.

...От директора В. В. ведет меня показать палаты и «ввести в обстановку». Больница сравнительно новая, открылась она в 1954 г. Хотя ее строили по проектам французского доктора Риболле, это типично арабское здание, квадратное в плане, массивное и мрачное, похожее на крепость. Такие дома йеменцев научили строить турки, заботившиеся прежде всего о дешевизне строительства и пригодности здания к обороне.

Больничные корпуса окружают изрытый выбоинами пыльный двор, обсаженный по сторонам эвкалиптами; посередине двора — большой круглый бассейн с фонтаном, бившим, наверное, только однажды — в день открытия больницы. Он завален камнями, банками и грязными бинтами; на широких стенках бассейна разложено посушиться выстиранное белье, сидят, греясь на солнышке, больные, возле них толкутся дети и закрытые в черное женщины.

В полутемных узких коридорах пестро и шумно, как на базарной улице, и, так же как на базарной улице,

пахнет бог знает чем. Вдоль облупившихся стен, когда-то окрашенных в зеленый цвет, на носилках или просто на одеяле, постланном на пол, лежат закутанные в тряпье ожидающие места в палате. Мимо них снуют люди, санитары, больные, посетители-родичи из деревни, солдаты, навещавшие товарища. Нас беспрерывно останавливают. Старик с трясущейся головой, схватив меня за рукав халата, протягивает молча рецепт; другой, семеня рядом с В. В., на ходу оголяет руку, показывает измазанные кровью струпья и просит мази. Без конца здороваются, кто, пригибаясь, пытается поцеловать руку или одежду, а кто — это чаще медбратья — развязно шлепает по ладони, здороваясь за руку, кричит: «Кейф, доктур?! (Как дела, доктор?!)»

Мы ненадолго заходим в палаты. Они почти все одинаковые, неширокие и длинные. Койки в один ряд, между койками тумбочки. Серый цементный пол. Стекла узких окон запылены снаружи, словно заклеены папиросной бумагой, все в подтеках. Всюду застоялый воздух, тяжелый от карболки, с которой здесь моют полы и стены, и от чада ароматических палочек. Чуть ли не в каждой палате курятся такие палочки, воткнутые где попало в щели в стене, распространяя сладковатый удушливый запах. Мне страшно от худых, страдальческих лиц, от тоскливых глаз, следящих за нами, и в то же время я радуюсь им, словно бы после долгого отсутствия я наконец пришел туда, где меня ждали и где все касается меня, где я — работник, а не гость. Нет, здесь я не транзитный пассажир, я — дома.

Вот и прошел мой первый день в госпитале Таизза.

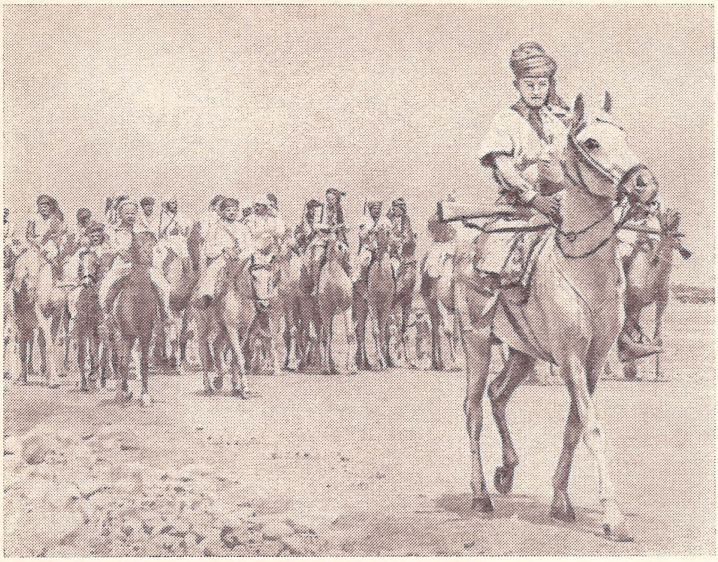
Я вышел из него... через два года. Два раза наполнялся зеленью и цветами тесный дворик вокруг дома, где я жил, и два раза пустел, обнажая серые комья засохшей земли. В памяти осталась вереница не похожих один на другой дней, то томительно долгих, то каких-то ясных, клокочущих весенней радостью, то вспыхнувших нестерпимым светом и навсегда ранивших душу. Здесь я прошел одну из самых трудных школ жизни — испытание милосердием. Я действительно недалеко ушел тогда в познании истории Йемена, но я узнал, как страдают мужчины и женщины, старики и дети, простые и знатные этой страны. Временами сама мысль о научных занятиях здесь казалась мне почти кощунством.

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ БУДНИ В ТАИЗЗЕ

Кто был в Таиззе лет 10—15 назад, наверное, не узнал бы его сейчас. Я перечитал теперь страницы из книжки К. Файен, посвященные Таиззу, и удивился, обнаружив там, что в 1952 г. весь город умещался за толстой частично глинобитной, частично каменной стеной. Я ее просто не нашел вчера, отправившись походить по улицам. Мне попадались среди скопища лачуг и наспех построенных домов какие-то возвышения, похожие на остатки земляного вала. И все. Нет стены! А если бы она сохранилась, то была бы сейчас где-то посередине города. Ведь даже те сравнительно новые постройки — Дар дияфа (гостиница), почта, дворец короля, казармы и больница, которые в 1952 г. находились в полутора-двух километрах на северо-восток от городской стены,— сейчас составляют центр города. Таизз быстро пополз за свои старые стены на восток и на север, на окрестные холмы, заросшие колючими палками-кактусами и агавой.

14 лет назад, когда сюда приехала К. Файен, Таизз мало чем отличался от того средневекового города-крепости, который изображен на рисунке 1763 г. в описании путешествия в Аравию К. Нибура. Те же толстые стены с башнями, ворота на запад и на восток с массивными укреплениями по обе стороны и те же тесно стоящие как попало, без улиц, многоэтажные здания внутри стен. Осталось без изменений и самое неповторимое здание Таизза, его символ, его Эйфелева башня — белая мечеть аль-Ашрафийя с двумя кружевными минаретами, построенная во второй половине XIV в. султаном Йемена из династии Расулидов. И наконец,— крепость на крутом утесе позади города.

Медленно, день за днем, тянулась тогда неслышная жизнь этого провинциального города на юге Аравии без



Отряд кавалерии в старом Йемене

автомашин, без мотоциклов, без транзисторов. По вечерам в тишине над неосвещенными улицами, над темными лоскутьями бесчисленных крыш неслось разноголосое завывание муэдзинов и слышалось протяжное меланхолическое пение солдат в королевских казармах.

В той жизни — К. Файен еще застала ее — не было ничего идиллического, как и в нынешней, но тогда, как и в средние века, она была больше сосредоточена внутри стен — дворца короля, крепости, дома. Наружу происходившее в этих стенах появлялось только в том виде, как было определено волей правителя, старинным порядком приличий, сословным этикетом и стихийным страхом перед властью у простого люда, единственно способного безоглядно выражать свои настроения.

Сейчас жизнь выплеснулась на улицы и буйствует на них на все голоса, во всех красках и запахах, и ничья грозная тень не падает теперь на царящее здесь оживление. Здесь не насытились еще ощущением свободы, принесенной три года назад революцией (1962 г.) и так разительно переменившей все: и внешний вид горо-

да, и состав толпы на его улицах, и всю атмосферу повседневности. Исчез страх, и вместе с ним исчезли беспросветная монотонность и летаргическое спокойствие, всех завораживавшие и всегда составлявшие секрет «восточной экзотики».

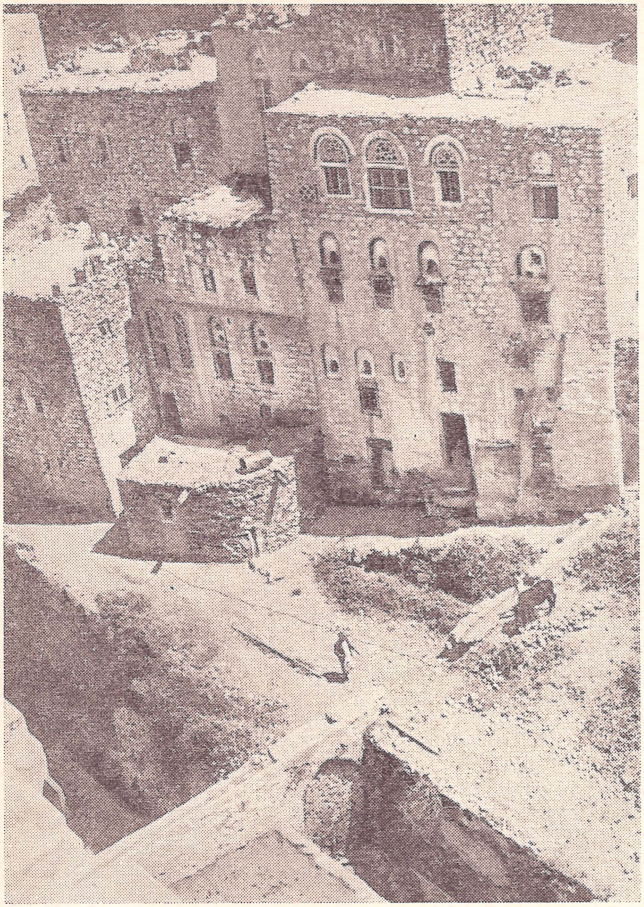
От дома, где я живу, вниз, в город, ведет асфальтированная дорога. Мне кажется, что я уже могу пройти ее всю до самого базара в кромешной тьме, ни разу не споткнувшись. Ноги как будто сами знают все неровности дороги и ожидают их заранее. Иногда заученные движения ног наводят скуку, и улица кажется тесной, а путь коротким: вот уже и базар, каменные ворота с аркой, и перед ними настоящий Вавилон — вечерняя толпа, все горланят, толкутся, торопятся, хотя топчутся на одном месте. Я иду в толпе, и меня обтекают, как статую. В матовых трубках ламп дневного света над аркой ворот сияет голубой дым, всюду шипят ослепительные фонари — «петромаксы». Свет от них напоминает «юпитеры» на киносъемках, и пестрая толпа кажется массовкой экзотического фильма.

...Сырое утро, небо еще блеклое. В пустом переулке можно разглядеть мокрые гладкие камни, утоптанную дорожку между ними и глинобитные ограды по обе стороны. Уже видно, что стены ноздреватые и кое-где из них топорщится соломенная труха. Мы поднимаемся куда-то наверх по переулку, уходящему меж домов. М. Е.[1] впереди, в белом халате. Я иду за ней с медицинской сумкой, опустив голову, и вижу только мелькание ее худых озябших ног в открытых босоножках. Ведь пальцы же разобьет — здесь столько камней и колючек! И столько раз они уже чиненные, но она не хочет их менять, как и эту затасканную, уже бесформенную сумку. И все это от равнодушия к себе и из-за суеверной неприязни к переменам.

В городе совсем тихо. Замолкли голоса муэдзинов, перекликавшихся с наступлением рассвета. Редко где-нибудь стукнет тяжелая дверь, заголосит петух. Это и есть та пора, когда так сладко спится последние часдругой. Мы всё идем, идем по тропинке. Она петляет,

---

[1] М. Е.— Маргарита Евгеньевна Якубец, врач-гинеколог из группы советских врачей, работавших в Республиканском госпитале в Таиззе. Йеменцы звали ее просто «доктура» (докторша), и все знали, что это она.



Жилой дом в Таиззе

огибая кучи булыжника или выступающий из-под земли горб валуна. Город растет, ползет вверх по склонам и ущельям. Дома строят по старинке, и никто, конечно, не думает об улицах. Построился, отгородил двор от посторонних глаз, сосед пристроил к его ограде свою, следующий сосед — свою, вот и вышла стена вдоль тропинки, протоптанной верблюдами и мулами, возившими на

стройку камень, глину, дерево — чем не улица? Ну, пусть переулок... А когда-нибудь все равно придется ломать ограду и делать улицу — ведь город же!

У ограды спят вповалку несколько собак, уткнув носы друг другу в шерсть. Хозяин, который ушел вперед нас, стоит у проема в толстой ограде и одной рукой держит отворенную и невидимую нам калитку. Двор тесный и пустой. По стене дома тянется вниз черная полоса стока нечистот прямо к луже жидкой грязи. Мы проходим мимо нее. Хозяин, пропуская нас, успевает ударить несколько раз железной стучалкой по двери, гулкий лязг прокатился в глубине дома, и в ответ из темноты прихожей и сверху раздались торопливые голоса, причитания и вскрики. Мы идем ощупью через холодную и темную прихожую — она занимает весь первый этаж, в ней скот — под ногами чавкает вонючее месиво. Где-то в углу зашевелились овцы, шумно вздохнула корова. М. Е. поминает черта: она, конечно, выпачкала ноги в этой холодной жиже.

На лестничной площадке, у стены перед дверью в комнату, горят разом три больших примуса. В закопченных тазах греют воду. Перед ними на корточках, глядя на голубое пламя и слегка раскачиваясь, вся уместившись между коленями, сидит старуха в черном. Она не посмотрела на нас, даже головы не подняла.

В комнате полумрак, тяжелый запах от тлеющих ароматических палочек — они воткнуты всюду, особенно возле лежащей на полу больной,— от горевших всю ночь керосиновых ламп. Вдоль стен сидят родственницы, товарки, соседки, те, кому велит быть здесь обычай.

Я говорю, чтобы отворили окна, унесли ненужные уже лампы, дали таз и теплую воду. М. Е. присаживается возле больной, начинает раскрывать тряпье и одежды. Бабки, сгрудившись, суются помочь. М. Е. покрикивает на них, а, раскрывши, сама начинает причитать и ругаться: конечно, дотянули до последнего! С треском натягивает резиновые перчатки. Я поворачиваюсь спиной к ним.

Я делаю свое дело — развертываю сумку с инструментами, готовлю ампулы, зажигаю спирт в крышке от блестящей коробки со шприцем и иглами. Запах лекарств на мгновение вызывает в полусонной голове образ белой палаты и еще чего-то далекого, домашнего.

Я немного дремлю, как та старуха перед примусами. Сейчас М. Е. позовет меня, попросит шприц, начнется возня, вопли, суматоха, обычная в последние минуты перед рождением ребенка, приступы страшного, захлебывающегося крика женщины, судорожно хватающей руки обсевших ее бабок. Потом и мы начнем кричать на бестолково сующихся нам под руки теток, на слабеющую совсем роженицу, чтобы она помолчала, поберегла силы.

Подаю ножницы, М. Е. перерезает пуповину, бинтует животик. У нее дрожат руки, а младенец сучит ножками, сипло пищит.

Мы пьем очень крепкий и сладкий чай, как здесь все любят, и смотрим, как суетливые тетки обряжают младенца, густо подкрашивают ему сурьмой глаза, натягивают капор с кружевами, туго пеленают в полосы цветной материи, которые тут же отрезают от цельного куска. Потом, сомлевшие от усталости и от чая, молча идем обратно по тропинке, огибающей кучи булыжника и валуны, но уже вниз, к автомашине. Будим прикорнувшего на заднем сиденье шофера и едем домой, мечтая вздремнуть хоть немного, хотя бы часик перед рабочим днем. А город уже начинает оживать.

...Иногда вдруг выпадают дни затишья. Нет тяжелых больных, нет вызовов. Мы с М. Е. приходим из госпиталя, обедаем не торопясь на кухне, мирно разговаривая о том о сем. После обеда обычно выходим на веранду перед нашим домом, в холодок. Сидим в глубоких плетеных креслах перед низким столиком и пьем чай, пересказывая друг другу полученные с последней почтой письма. Потом расходимся по своим комнатам. В доме воцаряется какая-то особенная тишина, словно мы на дальнем хуторе. Такие дни всегда немного грустные. Тогда хорошо писать письма домой или читать что-то давно уже откладываемое, и слова открываются своим сокровенным смыслом.

В такие дни я прочитал, впервые после школы, «Дон-Кихота». Некоторое время я неприкаянно толкался возле своих врачей, озабоченных больными, путал, переводя им, сидел у окна в приемной, безучастно глядя на суету на больничном дворе. Ахмед, госпитальный фельдшер, несколько раз осторожно спрашивал, что со мной, и под конец объявил сестрам в отделении, что я,

слава Аллаху, влюбился, и все стали вычислять, в кого именно.

Сидя на табурете в приемной у С. С. Головина[2], я рассказывал ему в перерывах между приемами больных о своем потрясении. Он отвечал мне, как обычно, громким и суровым голосом, вертя тем временем больного перед лампой или оттягивая веко, чтобы закапать лекарство. Больной смешно пугался, думая, что эти грозные реплики относятся к нему. Там, в приемной, во время осмотра трахомных крестьян из Худжарии, которых привел их земляк-санитар, мы с ним пришли к выводу, что русскому характеру больше всего соответствует сочетание Дон-Кихота и Обломова.

Я взял с собой несколько английских книг по истории и небольшую арабскую хронику X в., которую начал переводить дома и в которой собирался разобрать сомнительные места с арабами. В первые же дни я накупил арабских книг о Йемене. Я начинал читать то одну, то другую, просиживал за чтением часами. Наткнувшись на непонятную фразу, я не затруднял себя и шел в конец нашей улицы, где в лавочке под вывеской «Санская выставка» коротали долгие вечера уличные грамотеи.

Разные и часто очень странные люди заходили сюда посидеть. Человек возникал из темноты в проеме двери, здоровался, садился на свободное место у стены и на какое-то время пропадал, ожидая, когда придет его черед говорить. Иногда он молча вставал и исчезал в темноте, так и не произнеся ни одного слова, кроме приветствия и прощания, и часто никто даже не знал, кто он. Иногда же, едва усевшись и подоткнув под себя подол юбки, пришедший встревал в разговор, перебивая говорившего. Но в старых хрониках они понимали меньше, чем я. И читали они их, как читали жития в наших де-

---

[2] С. С. Головин — врач-офтальмолог из французской медицинской миссии в Йемене, русский по происхождению, сын известного русского окулиста С. Головина. Много лет он работал в госпитале в Таиззе, организовав там первоклассное отделение глазных болезней. О нем упомянул в своей книге «От гор Синджара до пустыни Руб-эль-Хали» О. Г. Герасимов (М., 1974).

ревнях, больше проникаясь святостью текста, чем понимая его смысл.

Вообще, научным занятиям моим, видно, не суждено сдвинуться. Планы, дома казавшиеся и здравыми и реальными, здесь выглядят надуманными. Я пытаюсь побороть апатию. В свободные вечера гашу свет на веранде, чтобы с улицы дом казался пустым, ухожу в свою дальнюю угловую комнату, раскладываю на столе книги и начинаю читать. За окном, совсем рядом, пугливо скребутся одно о другое жесткие листья папайи. Слух невольно ловит звуки, доносящиеся с улицы за оградой: то выкрик прохожего, то сиплые рулады клаксона автомашины, выводящего нечто похожее на мотив, то ритмичный стук солдатских сапог — слышно даже, как лязгают по асфальту отставшие подковки. А то загремит вдруг на всю улицу транзистор, и высокий голос начинает напевать, и кто-то хлопает в ладоши. Или доносятся какие-то крики. Они усиливаются, слышны удары не то о дно кастрюли, не то в барабан, и сквозь шум прорывается пронзительный голос поющего... И я уже бегу к двери, дальше через темный холл, на веранду, к калитке. Это уличные музыканты.

Толпа народа, в середине танцует пара. Мне видны вначале ныряющая светлая чалма и голова в цветном платке, возникающая то справа от чалмы, то слева, взлетающие женские руки с крашеными ладонями. Музыкантов трое. Один бьет в барабан, другой — совсем еще мальчик — звонко выстукивает пальцами по бубну с колокольчиками, у третьего — он в синем атласном жилете и в высоко закрученной чалме — щеки раздуты, во рту его свирелька из двух тростинок. Ни на мгновение не прерывает он игры, мотает головой из стороны в сторону, вычерчивая длинным носом подъемы, спады и повороты мелодии.

Танцующие поют по очереди. Он — как бы начиная, спрашивая или требуя, а она подхватывает реплику и распевает ее вскриками-куплетами, то неистовыми, то жалобными, то совсем невыносимо горькими, и тогда в толпе ей вторят, как стоном, повторяя последние слова. И, пропев их, все вздыхают. Это можно слушать бесконечно.

В ПОИСКАХ АРХАБСКОЙ СКАЛЫ

НАЧАЛО: ЧУРИН ГОВОРИТ «ЛАДНО»

29 марта 1967 г. Сана

Р. И. Чурин и я сидим за дощатым столом в беседке, оплетенной виноградом. Туман, холодно. Все влажно: и доски стола, и глинобитная стена, отделяющая дворик Бейт Галяля[1] от соседнего сада, и тяжелая листва гранатовых деревьев. Влажная рубаха липнет к спине. Разве поверят дома, как мы дрожали по утрам от холода здесь, на краю «знойной Аравии»! Саид Галеб, наш сторож, напевая вполголоса, метет крохотный двор. Мы ждем завтрака.

Вчера я прочитал здесь нечто вроде лекции об истории Йемена, и мы говорим теперь о йеменских древностях, которых сохранилось тьма. А много ли нужно, чтобы они безвозвратно погибли, не изученные и даже не увиденные! Постепенно увлекаясь сам, я фантазирую, рассказывая о неких грандиозных руинах в ущельях и на неприступных утесах, о древних надписях, высеченных на каменных плитах, о разбитых статуях среди развалин дворцов.

Наконец, рассказываю Чурину о скале, возле которой задолго до нашей эры и еще совсем недавно происходили племенные советы и принимались важные решения. На этой скале, говорю, высекали имя очередного правителя, вступавшего в должность, и известия о разных событиях. Эти надписи высекали в течение почти 800 лет. Целая летопись на камне! Ключ к истории всей

[1] Бейт Галяля (Дом Галяля) — дом купца Галяля в Сане, где жили советские специалисты-строители.

древней Южной Аравии. Однако в распоряжении ученых есть лишь оттиски-эстампажи надписей с этой скалы, сделанные в конце прошлого века для Эдуарда Глазера[2] его помощниками-йеменцами. После смерти Глазера они перекочевали в архив Австрийской Академии наук в Вене и пролежали там до конца 50-х годов, когда к их изучению приступил ленинградский сабеист А. Г. Лундин.

К этим эстампажам обращались ученые и до него, однако работа с ними оказалась чрезвычайно сложной. Дело в том, что йеменские помощники Глазера не сообщили точно, где они скопировали присланные надписи. Как выяснилось, эстампажи содержали тексты не только этой каменной летописи, но и других надписей и даже из разных мест. На каждом листе эстампажа была скопирована обычно лишь часть текста надписи. Чтобы реконструировать весь текст, нужно было знать порядок следования листов, тем более что записи на скале делались в течение нескольких веков и, стало быть, разными «почерками». А листы с оттисками не имели нумерации и были перепутаны. На многих оттисках можно было различить лишь отдельные буквы. Некоторые места надписи вообще не были скопированы.

В этих условиях восстановление всего текста замечательного, уникального памятника, высеченного на безвестной скале и неведомо где, превращалось в головоломную задачу. Несколько лет А. Г. Лундин потратил на расшифровку и восстановление части текста. Однако предложенная им реконструкция памятника вызвала возражения специалистов и долгую полемику. Лишь фотографирование скалы с надписями могло положить конец спорам. Фотоснимки позволили бы увидеть все тексты целиком и восстановить непрочитанные места.

Накануне моего отъезда в Йемен А. Г. Лундин попросил меня сделать фотографии этих надписей. Я пообещал. Многие знакомые просили меня о разном. Но я и подумать не мог тогда, что эта случайная просьба так изменит мою судьбу и как ученого, и как человека. Она показалась мне простой. По словам А. Г. Лундина, скала находится неподалеку от Саны, в горной области

---

[2] Э. Глазер (1855—1908) — австрийский востоковед и географ, выдающийся исследователь истории древнего Йемена.

Архаб[3]. Я поддразниваю Чурина, что, мол, найди мы эту «архабскую» скалу, и можно помирать — не зря жили. А ведь и нужны-то для этого «газик» и запас бензина на дорогу. Ну и немного живой души...

Поглаживая ладонью край стола, Чурин вдруг говорит мне:

— Ну что я тебе скажу на это? Я дам тебе машину... Проси разрешения у посла.

Я молчу. Чурин мрачно косится в мою сторону:

— Так что?

Я пожимаю плечами, еще не смея верить:

— Если вы не шутите...

...Выйдя за ворота посольства, я, уже по привычке, весь собрался, чтобы пойти быстро... и остановился. Идти-то больше некуда! Только домой, собираться в дорогу. Сейчас посол сказал мне, что президент республики одобрил мое намерение поехать на поиски памятников древности. Посол добавил, что теперь от меня зависит успешное выполнение этого важного поручения посольства.

И вот в первый раз за эти длиннющие дни хождения — в просветы между работой в госпитале — в посольство, к чинам полиции, управления безопасности, еще к каким-то чинам в президентском дворце и в правительстве мне оказалось некуда идти. В кармане у меня лежала бумага с гербом республики и с круглыми печатями, исчирканная размашистыми подписями. Бумага — чудо! В ней сказано, что я могу ехать, куда захочу, и всюду мне должны оказывать содействие в виде ночлега, еды и бензина. Именем Аллаха и Республики...

Но не эта бумага и не слова посла, а именно то, что я иду лениво, как турист-бездельник, разглядывая прохожих, останавливаясь поглазеть на витрины, на то, что делается в жестяной мастерской, мимо которой обычно проходил, не замечая, дало мне физическое ощущение успеха моих хлопот. По-лу-чи-лось!

Месяц назад я заговорил об этих поездках с Чуриным, а позже и с послом просто для очистки совести, заранее зная, что мне откажут: время неспокойное,

---

[3] Эта скала была найдена и сфотографирована в сентябре 1975 г. французским сабеистом Робэном в местности между Марибом и Сирвахом в нескольких стах километрах на юго-восток от Архаба.

всюду шатаются отряды мятежников-монархистов, то и дело происходят стычки и бои, и даже совсем неподалеку от Саны. И вообще, кому сейчас нужны эти древности, надписи, руины?! В стране — разруха, нищета. Средние века в быту и в хозяйстве. Еще и пяти лет не прошло — для Советской России это 1922 г.— с тех пор, как ранним сентябрьским утром 1962 г. революционные офицеры и солдаты обстреляли и захватили дворец имама, короля Йемена, и провозгласили республику. Первую республику во всей Аравии. И с тех пор идет гражданская война, развязанная свергнутым королем, бежавшим сентябрьским утром из дворца... Но стоило мне заговорить о древностях, как меня поддержали все — от госпитального санитара до президента.

И в посольстве один из ответственных сотрудников сразу сказал мне, что дело полезное, заговорил о своих поездках по северо-западным районам, где ему попадалось множество древностей — и руин, и надписей.

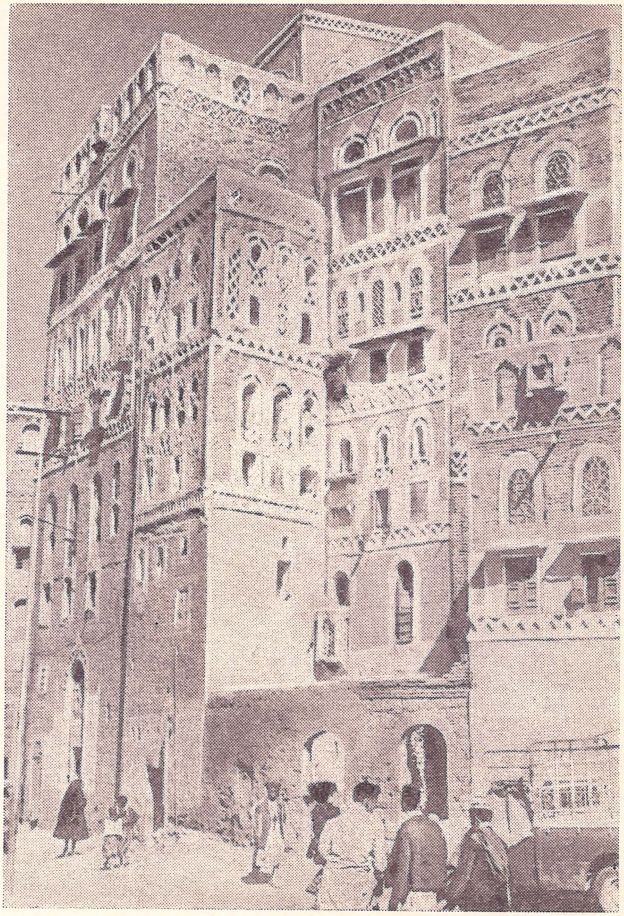
Где-то по дороге в Сааду, около водоема, высеченного в скале и заполненного водой удивительной голубизны, он видел надписи и изображение лунного серпа и солнечного диска [4]. Он вспомнил о больших руинах по дороге между Хамиром и Хайваном. Местные жители говорили ему, что на месте руин был когда-то дворец, и в нем в древние времена жил царь. Сейчас, по его словам, этот район находится под контролем мятежных племен шейха Абдаллаха аль-Ахмара и доступа туда нет. О скале в Архабе он, конечно, не знал ничего, но подал мне мудрый совет, которым я потом пользовался всегда:

— Спрашивайте у пастухов. Пастухи знают каждую трещину.

Р. И. Чурин, руководитель группы советских специалистов-строителей, был единственным человеком, кто мог дать мне автомашину: у него был свой «газик» для разъездов по стройкам. С Чурина и началось то, что казалось мне невероятным. Тогда утром он согласился сам вести автомашину. Я думаю, он понимал, что рискует. Не знаю, понимал ли — насколько. В те тревожные для Йемена времена никто не мог бы поручиться, что, выехав за старые городские ворота Саны, вы не наскочите по дороге на мину или не прошьет вас очередью

---

[4] Символы двух главных божеств древней Южной Аравии.



Здания в Сане необычайно живописны

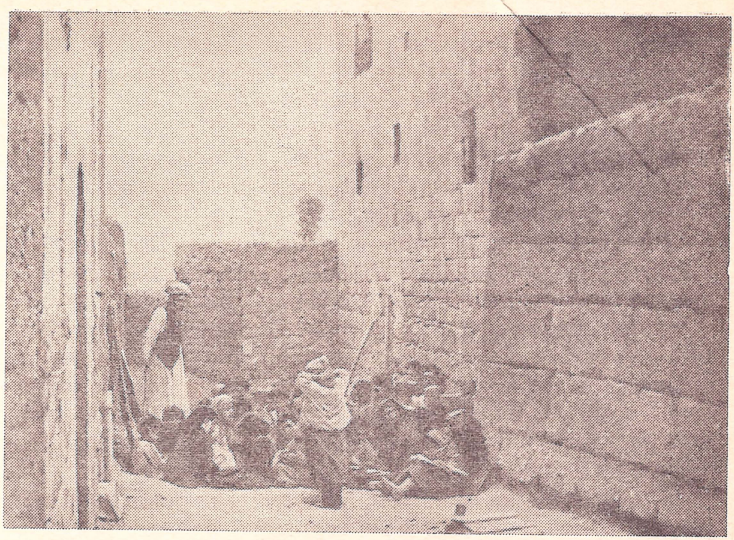
из автомата подкупленный монархистами наемник. Редко, но случались на горных дорогах такие трагические происшествия.

И вот я иду лениво, мне уже некуда спешить сегодня. У меня в кармане билет в царство Савское, угасшее почти две тысячи лет назад. И, может быть, уже завтра с вершины горы я увижу в долине или, как марево, на

Разговор друзей

горизонте руины древних городов, забытых людьми, и пастух библейского вида поведет меня едва заметной тропой к скале, на которой записаны события за 800 лет древней истории — ведь пастухи знают каждую трещину!

Иду к себе домой и делаю крюк — через площадь, мимо банка, по тесной и всегда многолюдной улице, ми-



Сана. Школа в переулке. Учиться можно везде

мо бывшего королевского дворца Бустан аль-хайр за тяжелыми, всегда закрытыми воротами. Сейчас мне нужен шум, толкотня — у меня на душе праздник.

...Мы едем. Нас трое: мне пришло в голову пригласить в эту поездку Ахмеда Хусейна Шараф ад-Дина, местного историка и единственного в стране человека, которого можно назвать если не знатоком, то серьезным любителем древности. Ахмед ездил осматривать йеменские древности в музеях ФРГ, Англии и Италии. Но на самих древних руинах не бывал ни разу, хотя до них рукой подать — каких-нибудь 20—30, ну пусть 50 километров! И машина своя есть — «Москвич-407», но вот не был! И о скале в Архабе не слышал. В 50-х годах он был приближенным короля, членом Особой королевской канцелярии и секретарем по особо важной переписке. Эту должность он занимал и у принца Мухаммеда аль-Бадра, который 19 сентября 1962 г. стал имамом, а через несколько дней бежал из разбитого дворца. Совершая поездки в Европу с поручениями короля, Ахмед Шараф ад-Дин посмотрел и памятники древности. Но взглянуть на древности у себя дома так и не собрал-

ся. Это и с нами случается. Ахмед был самоучка и в истории, и в изучении языка сабейских надписей. Он находился где-то посередине между специфически арабской средневековой книжной ученостью с ее культом писаного слова и схоластикой, с одной стороны, и с другой — азами европейской науки, которые он скорее прозревал, чем понимал, знакомясь с научной литературой. Он немного говорил по-английски.

Еще совсем рано, нет и семи часов. На площади Улуфи, у водопроводной трубы, толпятся женщины в одинаковых бордовых покрывалах до пят. Одни возятся у медных кранов, другие судачат, держа на голове мокрые кувшины. У высокой глинобитной башни в конце площади мы поворачиваем на старую главную улицу Саны. Она узкая, по обе ее стороны тянутся залепленные рекламой двери магазинов, деревянные дверцы бесчисленных лавочек.

Магазины еще закрыты, кое-где у порога на земле спят сторожа, закутанные с головой в одеяла. А лавочки уже открываются — в них торгуют съестным. Хозяева в неподпоясанных рубахах, потягиваясь, почесываясь, раздвигают скрипучие дверцы. Уже запахло пригоревшим маслом. Бредут ранние прохожие. Мальчик несет на жестяном подносе дымящиеся стаканчики с гишром[5].

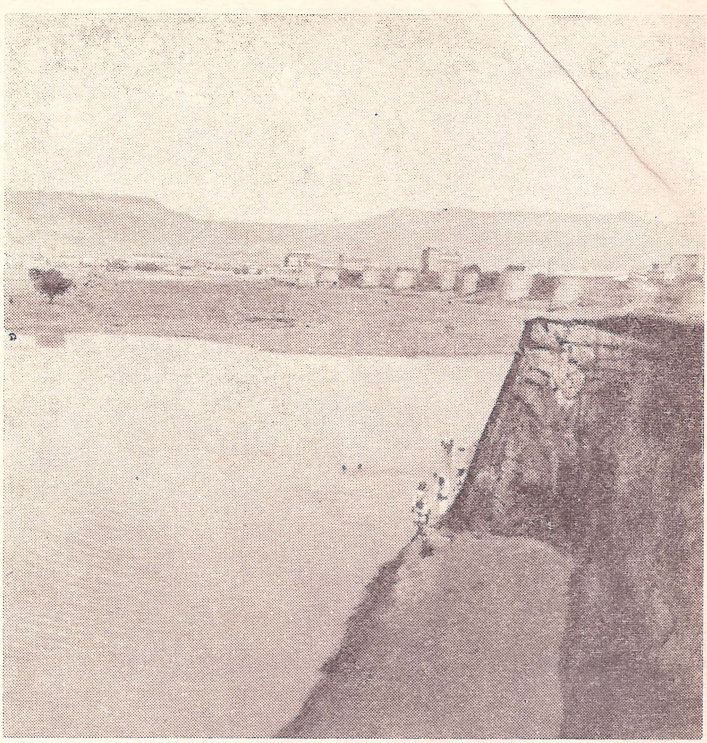
У входа на базар — крики и движение. Раньше всех просыпаются крестьяне. Мы ждем, пропуская маленький караван верблюдов. Они идут неторопливо, покачивая привязанными к бокам кривыми стволами, высоко держа уродливые глазастые головы в плетеных намордниках.

На выезде из города, у деревянной полосатой будки, еще одна остановка. Дорога перегорожена крашенными в зеленый цвет бочками из-под бензина. Здесь — застава. Солдат военной полиции с красной повязкой на рукаве, взглянув на Чурина, молча откатывает бочку. И почти сразу же лицо обдает свежим холодком из долины. Впереди — простор, горы далеко, над долиной синее небо.

Чурин прибавил газу, и все загудело. Дорога еще не

---

[5] Напиток, сваренный из кофейной кожуры, с молоком и сахаром.



Событие это редчайшее. Ливни в горах превратили в огромное озеро всегда сухую речку, проходящую через Сану

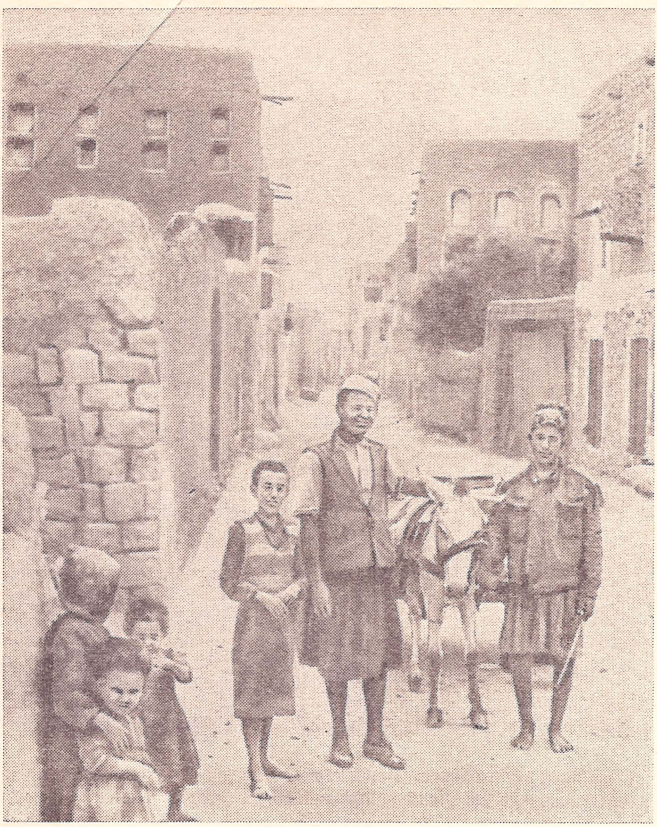
пылит, на ней лежит густая роса, и даже в машине сильно пахнет сырой землей.

— Бисмилля-а!..— вполголоса говорит Ахмед.

— С богом,— повторяю я. Чурин хмыкает.

За городом холмистые пустыри изрыты окопами и укрытиями для орудия. Торчат стволы зениток. Еще дальше, на возвышении, видны танки. Всюду белеют солдатские палатки. Где-то там, за этой возвышенностью,— аэродром ар-Рахаба. Сейчас здесь тихо и даже не слышно ревущих моторов.

Санская долина неширокая, каких-нибудь 5—6 км, а местами и у́же. Она огибает горный массив области Хаулан. Северо-западная и северная части долины



Водовозы всюду народ веселый. В старом квартале Саны нет водопровода

сплошь черные: сюда пришел поток лавы с северных гор, здесь есть и несколько конусообразных черных холмов — кратеры небольших вулканов. Сана перегораживает долину как бы плотиной из пестрых домов и минаретов как раз в самом узком месте; здесь в нее вдается гора Нугум с прямоугольной турецкой крепостью наверху, похожей на пагоду. Мы едем вдоль западного края долины. Дорога постепенно поворачивает на север и поднимается на плоскогорье.

Проезжаем мимо пустынного селения Эль-Азракайн.

Дома на пологом возвышении похожи на черные мавзолеи, тесно прижавшиеся друг к другу. Кругом ни души. За невысокими оградами из валунов — поля. Все черно. Трудно поверить, что здесь что-то может расти.

Без помех проскочили добрый десяток километров. Уже начинает палить солнце. В машине жарко. Показалась деревенька — три-четыре десятка больших каменных домов справа от дороги. Белые обводы вокруг окон. Ограды из черных камней вдоль крошечных полей. От дороги в деревню ведет тропинка. По ней спускаются двое в белом, положив винтовки на плечи наподобие коромысла. С противоположной стороны нам наперерез семенит ослик, навьюченный двумя квадратными бидонами, обмотанными тряпьем. За ним бредет иссохший старик с палочкой под мышкой. Останавливаемся. Старик немногословен: деревня называется Эль-Мамар, воды нет, возят издалека, из ручья в горах Зараван. Есть ли древние развалины? Здесь все — развалины...

Дорога жмется к ограде, поворачивает влево — перед нами развилка. В короткой тени ограды сидят четыре солдата. Один из них, приземистый, в каске, подняв руку останавливающим жестом, идет навстречу, держа автомат наизготовку. Хмуро здоровается, заглядывает в машину. Потное молодое лицо. Спрашивает, кто такие, куда едем, зачем. Выслушав мои объяснения, в нерешительности топчется, еще раз заглядывает к нам, потом зовет кого-то. От ограды идет высокий солдат в обвисшем, как на вешалке, мундире. В одной руке он держит за ремешок каску, в другой — автомат. Процедура повторяется — здоровается, заглядывает в машину, спрашивает, кто мы, куда едем. Первый солдат пересказывает мои слова — русские специалисты, едут в Амран, из Саны. Спрашиваю, куда ведут дороги. Оказывается, обе ведут в Амран, но та, что сворачивает влево, короче и труднее. Решаем ехать по правой, а вернуться по левой. Подходят остальные солдаты. Для них это неожиданное развлечение. Русские? Приглашают выпить чаю, показывают куда-то наверх. Там, на вершине подъема, слева от дороги, подняв к небу длинный ствол, стоит танк, рядом — несколько выгоревших палаток. Дымок. Сторожевой пост. От чая отказываемся, ссылаясь на дальнюю дорогу. Обещаем заехать на об-

Вулканы по дороге в Рейду

ратном пути. Говорят, что это последний пост. Дальше солдат нет.

— А кто там?

Пожимают плечами:

— Племена...

Странно. Всего 25 километров от Саны... Не широка же ты, Салялева держава!

— Кейф? (Так что же?) — смотрю на Чурина и на Ахмеда. Они тоже пожимают плечами.

— Как прикажете,— поясняет Чурин.

И мы бойко покатили вперед, весело болтая, как мальчишки, удравшие с уроков: в конце концов мы поехали за приключениями. Объясняю это Ахмеду — он смеется:

— Тамам! (Хорошо!)

Чурин, развеселившись, рассказывает озорные истории из своей студенческой жизни, я перевожу их Ахмеду, и мы дружно хохочем, подпрыгивая на ухабах и камнях.

За Эль-Мамаром начинаются районы некогда бурной вулканической деятельности. Резко меняются цвета. Серо-желтые тона переходят в бурые, а затем сразу все

чернеет. Меняются и очертания гор, форма камней. Местность напоминает лунные ландшафты. Где-то далеко справа, в низине, в последний раз мелькнул зеленый лоскут — не то сад, не то поле. Дорога зигзагами поднимается вверх и идет уже среди сплошных черных лавовых полей. Земля устлана блестящими, будто облитыми смолой камнями. По сторонам, особенно справа, видны гладкие, с потеками от ручьев черные холмы, похожие на туши окаменевших мамонтов.

Слева от дороги — отвесные кручи огромного вулкана. Судя по всему, это Джебель-Зин. Ахмед подтверждает. Так это и есть знаменитая гора Зин?! Нет, все-таки это необыкновенное удовольствие — читать или писать о каком-нибудь городе, реке, горе, здании, не говоря уже о человеке, а потом вдруг увидеть. Вот она, гора! И та и не та, и незнакомая, и все же чем-то напоминающая тот неясный силуэт, являвшийся когда-то воображению, а теперь ставший неожиданной плотью. С этим преображением облика невольно меняется и отношение ко всему, что знал об этом, и легенда уже совсем не легенда, а просто по-другому рассказанная быль.

Ахмед рассказывает длинную историю о том, что в древние времена здесь будто бы была цветущая местность с пальмами и садами, зелеными лугами. Текли реки, и было много колодцев. Но люди жили неправедно, и Аллах послал к ним пророка Худа. Люди отвергли его, и он попросил Аллаха наказать их. И вот земля вздулась холмами, из них хлынула пылающая жижа и сожгла все. С тех пор только редкие пастухи торопливо прогоняют здесь стада коз, которые выщипывают чудом пробившиеся былинки.

В основе этой легенды лежат сообщения йеменского историка X в. Хасана аль-Хамдани и географа XIII в. Йакута. От местных книжников пошли они из уст в уста и теперь снова вернулись к книжнику, к Ахмеду, преображенные фольклором. Читая Йакута, я бы не стал задерживаться на этой легенде. Но ведь все это так!

И вот они «места, откуда вышел огонь», про которые повествует легенда: вулкан Джебель-Зурб и цепь конусов вокруг него. К. Ратьенс и Г. фон Висман[6], копавшие

---

[6] К. Ратьенс (1887—1966) и Г. фон Висман (1895—1978) — немецкие географы и востоковеды. В 1927—1928 гг. они совершили поездку в Центральный Йемен.

храм в Эль-Хукке, неподалеку отсюда, доказали, что извержение лавы было уже в историческое время, где-то на рубеже до нашей и нашей эры, и оно-то и погубило посевы и виноградники, упоминаемые в найденных там надписях.

На вершине Джебель-Зин есть мечеть, которую, говорят, построили на месте могилы древнего святого Кудамы ибн Кадима. Итальянский арабист Э. Гриффини попытался даже отождествить его с неким человеком, жившим в V в. А в древности здесь действительно была крепость и небольшой храм при ней, посвященный божеству планеты Венеры — Астар. На месте этого храма, наверное, и появилась потом мечеть, по-видимому, одна из самых ранних в Йемене. Крепость же так и называлась «крепость Зин», и она упоминается в одной из двух надписей, которые нашел здесь Э. Глазер, может быть единственный европеец, набравшийся духу подняться на такую высокую гору.

Высота Джебель-Зин — 2900 метров, и ее видно с горы Нугум (2943 метров), что возле Саны. Джебель-Зин служила ориентиром — киблой[7] — для санских мусульман. Местные патриоты сочинили легенду, будто, когда пророк приказал построить мечеть в Сане, он велел ориентировать ее на Джебель-Зин. Во всяком случае, эту гору почитают и поныне. Вблизи селения Зин есть мечеть с могилой святого. Но нам видны только верхние этажи домов. На восточной стороне Джебель-Зин, по ее склону и у подножия, разбрелись массивные каменные дома селения Джаиф.

...Местность делается все более мрачной и безлюдной. Лишь иногда высоко на горной круче покажется одинокий дом-крепость в два-три этажа с черными щелями окон, настороженно глядящих окрест. Мы останавливаемся ненадолго, чтобы остудить мотор. Ходим по полю. Все черно, и только торчат чахлые пучки серенькой травы, да кое-где между камнями сияют алые и ярко-синие цветочки — все-таки весна! Апрель! Чурин поднимает камень — кусок лавы. Кругом даже не тишина, а какая-то абсолютная пустота. Мне становится не по себе, и такое чувство, что мы — на нейтральной

---

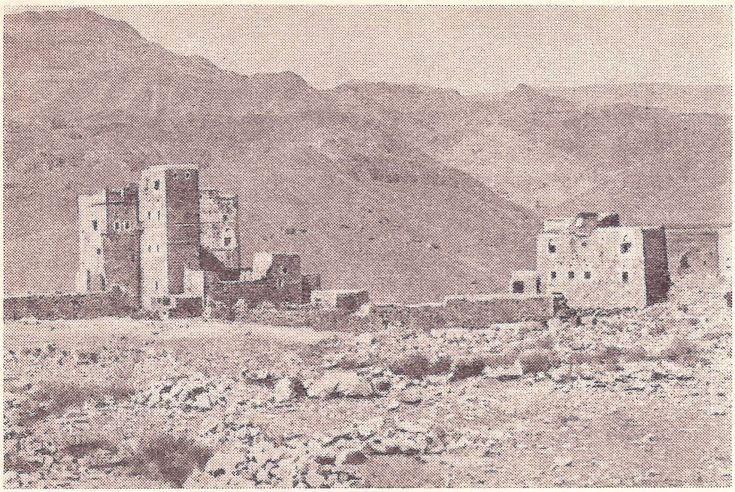
[7] Кибла — сторона, где находится Мекка, к которой мусульмане должны стоять лицом во время молитвы.

полосе между двумя армиями, которые, притихнув, стерегут каждое наше движение. Позже я много раз проезжал здесь, и каждый раз мне было немного жутко среди черного безлюдья, но это было уже скорее по привычке: многое переменилось в этих местах с тех пор.

Почти полдня мы едем, не встретив ни одной автомашины, ни одного путника. Кругом то усыпанные камнями пустые поля, то вылизанные горячими ветрами скалы и горы, изрезанные ущельями. Века стоит здесь ненарушимая безответная тишина. И мы сами давно уже молчим. Если бы снять фильм с самолета, то вышли бы, наверное, напряженные, тревожные кадры: по белесой пустынной дороге, петляющей среди скалистых холмов и черных кратеров, то ли убегая от преследования, то ли догоняя кого-то, катится маленькая автомашина с брезентовым верхом. За ней — столб пыли. Вот ее подбросило на выбоине, вот она легко съехала по крутому склону к сухому руслу, вот она, пробуксовывая на голышах, тяжело берет подъем на противоположный берег, и снова она на дороге, среди безлюдной холмистой равнины, усеянной кусками черной лавы...

Может быть, по контрасту с пустынным нагорьем первое большое селение показалось нам сначала необыкновенным, даже каким-то сказочным. Узкие прямоугольные башни с белыми узорами вокруг окон стоят по склону холма-вулкана, как рождественские свечи. Во многих местах темнеют квадраты пещер на обрывах. Мы переезжаем узкий каменный мост над пустым руслом. На площади за мостом, перед полуразрушенными воротами, дремлют два ослика, опустив ушастые головы. На шум автомашины никто не выходит.

Это селение Зифан, старое, наверное даже доисламское, как считает Ахмед, пустившийся в объяснение названия. По его этимологии выходит, что «зифан» — по-сабейски «заросшее густыми деревьями». Но все вокруг так не вяжется с этим толкованием, что он начинает рассказывать вечную легенду про ныне бесплодные места: тут, конечно, тоже когда-то был райский уголок, много садов с ветвистыми деревьями. И вот все погибло, река высохла, и сейчас здесь ни единого деревца, ни кустика. Чем же тогда живут люди? Ахмед пожимает плечами. Но все-таки? Он усмехается и показывает пальцем на небо — Аллах!



Селение Тайба в Вади-Дахр. Горные деревни всегда здесь кажутся безлюдными

Он все же настоящий сейид! В его жилах течет королевская кровь, хотя он и осудил в написанной им истории Йемена дальнего предка своего — имама, одного из жесточайших правителей. Ахмед всегда был богат и, наверное, действительно не знает, чем же может жить такое большое селение среди каменной пустыни, вдали от торговых магистралей. Да и в самом деле — чем?

Но почему же в таком большом селении не видно людей? Этого Ахмед тоже не знает. Вокруг тишина. Темно-серые и черные дома в два-три этажа по обе стороны дороги не подают признаков жизни. Кое-где видны следы разрушений. Окна закрыты ставенками. Странно. Ну, будем считать, что все спят после хорошего обеда... И собаки тоже.

Через километр-полтора показались поля, не очень большие, хорошо возделанные, разгороженные оградами из валунов. Бродят темные фигуры женщин. На одних полях всходы, на других — топорщится жнивье. Вот этим и живут здесь... Кое-где на ограде или посреди поля чернеют поставленные друг на друга два-три узких валуна (васан) — некое подобие каменного идола.

Когда-то, во времена древнейеменских царств, здесь, наверное, стояли настоящие изваяния богов или специально вытесанные межевые камни с именем владельца поля, именем бога-покровителя и с угрозами посягателю на чужую собственность. Сейчас эти неуклюжие подражания идолам — охранителям полей — не более чем примитивная магия или просто пугала для птиц и обезьян. Я не видел их в земледельческих областях на юге и юго-западе, нет их и в Тихаме, зато они встречаются почти всюду на центральном и северном плоскогорьях, в районах древней цивилизации, в местностях около городов Ярим и Дамар и дальше на север — в Маабарской (Вади-Джахран) и Санской долинах.

Мы въезжаем в обжитой район. Навстречу движется маленький семейный караван. Впереди шагает ослик, увешанный полосатыми мешками с поклажей. Позади, на другом ослике, едет немолодая женщина в расшитом черном платье. За ухом — веточка базилика. Руки чуть не до плеч унизаны серебряными и крашеными пластмассовыми браслетами. Впереди нее, уцепившись за холку, сидит малыш в белой рубашке и голубенькой атласной жилетке. А рядом, положив руку женщине на колено, идет тонконогий мужчина в желтых резиновых сандалиях. На нем черный пиджак и рубаха с продольными синими полосами, перехваченная патронташем. Торчит широкий кривой кинжал. За плечом — карабин, в руке — длинный прут. Оглянувшись, вижу — они остановились и смотрят нам вслед.

Нагорье кончилось, и дорога постепенно идет под уклон. Справа крутые горы, изрезанные глубокими ущельями. На выступах, где-то у самой вершины, и в глубине хребта теснятся селения. Ахмед совсем не знает этих мест. Мы едем вслепую. Описания этого района вообще не существует.

Слева, из-за возвышенности, возникли массивные круглые башни, пять или шесть, окруженные низкими каменными строениями. Мы сворачиваем к ним: надо же узнать, где мы. Я фотографирую. На вершине ближайшей башни мелькают головы в черном. Слышатся крики и завывания. Чурин говорит мне, кивая на башню:

— Смотри, как пальнут сейчас! Пошли посмотрим это чудище.

Башня огромна: около 10 м в поперечнике и 15—18 м в высоту. Верхняя часть — из сырца, нижняя, слегка расширяющаяся к основанию,— из огромных валунов. Двор перед башней отгорожен глухими пристройками. Воротные столбы сложены из грубых камней, на створах — кривые плахи. Нас встречает почти еще мальчик — лет пятнадцати — с кинжалом, с патронташем через плечо, с винтовкой в руке. Он степенно здоровается за руку и больше не знает, что делать. Вокруг толкутся дети, остервенело лают собаки. Двор тесный, утоптан до блеска. В сторонке — снопы соломы, какая-то утварь, мусор. Присев на корточки старуха, похожая на черную жабу, вся в браслетах, отжимает на камне мокрое тряпье.

Из башни и из пристроек появляются женщины, во двор набилось с десяток ребятишек. У ближней к нам йеменки на слегка отставленном в сторону бедре сидит совсем голый ребенок, подпоясанный тесемкой. Женщины рассматривают нас, прикрывая рот концом платка. Потом, посмеиваясь, начинают спрашивать, кто мы такие и откуда взялись. Показываю серебряное колечко, подаренное мне другом-йеменцем, и говорю, что вот, мол, езжу — ищу себе невесту. Они поднимают вой, тараторят и вдруг начинают хватать и выталкивать вперед девушку в нарядно расшитом от глухого ворота до пояса черном платье. Я успеваю разглядеть намазанное охрой красивое лицо с черными испуганными глазами. Она тотчас набрасывает на лицо конец платка с узорной каймой, вырывается и, звеня браслетами, стремглав кидается по лесенке в каменную пристройку-скворечник. Оттуда на нас смотрит скрюченная горбоносая старуха. Оттолкнув старуху, девушка юркнула в закопченную каморку. Женщины вопят и смеются, хлопая себя по бедрам, раскачиваясь и пригибаясь, придерживая ревущих ребятишек.

Прошу разрешить нам подняться на верх башни. Самая бойкая из женщин, сунув кому-то ребятенка, берет меня за рукав и ведет внутрь. Тяжелый запах стойла, под ногами хлюпает. Держась за холодную шершавую стену и нащупывая ногой дорогу, поднимаемся по крутым ступеням. Темно. Идем на голос без умолку лопочущей проводницы. Она где-то уже высоко. Проходим мимо дощатой двери в глубокой нише, такой низкой, что

Базарная площадь в небольшом селении в будний день

входить нужно согнувшись. На двери — висячий замок. Заглядываю в щель — тесная каморка, два крохотных занавешенных оконца, на подоконнике стоит железный сундучок с замком, пол застлан домотканым паласом, в углу — тюфяк. Фотографии на стене, цветная репродукция индийской красотки с серьгой в ухе. Жилье. Выше по лестнице — еще такие же каморки. В них кто-то есть, слышится шепот, движение.

Плоская крыша башни окружена высоким глиняным барьером. И тут тоже женщины, маленькие дети. Похоже, что живут главным образом здесь. Закопченный очаг из валунов, рядом валяется большая жаровня, черный помятый чайник, замасленные плетеные блюда. В углу сложены вязанки снопов и хворост; возле них — горка зерна. На барьере сушатся, прижатые камнями, платья и шаровары из черного плюша с белой оторочкой внизу. Тут же стоит большой медный таз с водой. Две женщины мелют зерно на каменной крупорушке.

С башни видны внизу поля, черные, зеленые и соломенно-желтые. Впереди, па севере, лежит широкая долина. Куда ни погляди — вправо, влево, назад — все

горы, горы, плоские, серые и черные, складчатые, с острыми вершинами. Я расспрашиваю нашу провожатую. На западе, вдоль южного края долины, это хребты Айал-Сурайх. Само селение называется Вала. На северной стороне долины плоские горы сливаются в одну серо-желтую массу. На вершине отрога, выходящего в долину, чернеет узкая башня. Пониже башни, до самого подножия, лепятся дома. Наша провожатая смотрит туда и отвечает мне:

— Рейда...

— Рейда?

Это звучит для меня так же, как если бы кто-то сказал: «А-а, это Карфаген, Троя...» Рейда — один из древнейших городов Центрального Йемена, древнее Саны. Она упоминается в надписях III в. до н. э. Через нее проходил древний караванный путь на север, в Хамир, в священную Сааду, где стоят усыпальницы первых имамов, и шел дальше, в Мекку — «мать городов». Рейда находилась на стыке территорий больших племен, сюда съезжались для торговли. В течение многих столетий здесь был базар.

Спустившись вниз, мы встречаем во дворе двух мужчин. Братья. Похожие, обветренные, грубоватые лица, оба в одинаковых потертых жилетках, джамбии на поясах. У них тяжелые крестьянские руки с негнущимися пальцами. Мы спрашиваем их о хозяйстве, о посевах, о дожде. В башне живут три семьи, три брата с женами, с детьми — всего, наверное, человек тридцать. Хозяйство ведут раздельно, у каждого свои поля, свой скот, но судьба общая — одинаковая нищета. Отказываемся от обеда: грешно отнимать такой дорогой хлеб, и идем к автомашине, провожаемые лаем собак и воплями ребятишек. Ахмед еще некоторое время говорит с братьями, глядя в сторону Рейды, и возвращается озабоченный.

И Чурин, и я — под впечатлением увиденного, той безнадежной, холодной нищеты, от которой никакой труд не избавит. И не в одном дожде дело, хотя хозяева жаловались только на него: уже пятый год как здесь не упало ни капли, и лишь густая роса немного увлажняет по утрам землю. Нужны большие перемены, нужен другой тип хозяйства, потому что, как и везде в Йемене, здесь каждое хозяйство стремится быть авто-

Шейх смеется, и всем весело

номным и производить все, что нужно для жизни. Но в первую очередь, конечно, надо бурить колодцы, заменить полностью семена, вводить новые культуры, которые могли бы приносить доход, и использовать агротехнику, чтобы хоть немного оздоровить истощенную и засоленную землю. Но когда и кто это будет делать?

Между селением Вала и дорогой есть неглубокий овраг, на дне его — сухое русло. Мы едем вдоль оврага, дорога идет вниз, и, уже съехав в долину, пересекаем заваленное голышами довольно широкое вади.

Вокруг сухая колючая земля, желтая, вся в глубоких трещинах. Это — долина Эль-Баун. Гигантская пустая река в высоких берегах тянется на десятки километров с запада на восток. Несет она лишь знойный воздух и пыльные смерчи. Молва приписывает ей славу житницы Северного Йемена. Гладкая, растрескавшаяся от безумного солнца равнина. Ни деревца, ни кустика. За нами плывет высокое облако пыли. Дорога кажется резиново-мягкой после стольких часов тряски по нагорью. Впереди видны темные фигурки идущих.

...В толкотне нас не сразу заметили, и минут десять мы разгуливали запросто. Рейда оставалась Рейдой,

века изменили здесь разве что внешнее. Она лежит в центре населенного земледельческого района, на перепутье больших дорог, и, как и две тысячи лет назад, сюда приезжают торговать. За дорогу мы уже как-то привыкли к тишине и безлюдью вокруг, и потому показалось невероятным вдруг увидеть такое пестрое сборище.

Базар в самом разгаре. Галдя и размахивая руками, ходят между торгующими вооруженные аскеры, крестьяне в темных пиджаках, горцы в безрукавках из овчины, темные от загара. На земле, усыпанной сухими кукурузными листьями, стеблями соломы и камыша, разложены раскрытые мешки с зерном, плетенки с домашним печеньем и сластями, с подгорелыми лепешками овечьего сыра. Стоят рядами глиняные кувшины, корчаги, что-то еще и еще. Тут же лежат жующие губастыми челюстями верблюды, понурившиеся безучастные ослики, бродят разморенные жарой бездомные собаки. Гогочущий йеменец в синей длинной рубахе и в пиджаке трясет, подняв над головой, двух куренков, связанных за ноги. Они отчаянно кудахчут, летят перья. К треногам подвязаны большие куски мяса. Весы на треноге с чашками на цепях. Рядом парень, сдвинув набекрень голубой тюрбан, рубит на доске мясо и смахивает его в подставленную корзинку. Сверкает нож, летят куски, парень балагурит, стоящие кругом смеются. Завидев нас, он радостно кричит, воздев окровавленные руки с ножами, и тут же начинает быстро-быстро точить их один о другой, успевая показывать нам подвешенную к треноге тушу, облепленную мухами.

Скоро мы оказываемся в густой толпе орущих, напирающих. Кто-то уже трогает мой фотоаппарат. Вопят мальчишки, продираясь меж ног взрослых. Их колотят, отталкивают. Мы еще немного бродим по базару, пытаясь снимать. Женщины завывают, закрываясь от аппаратов. На камне, молча протянув руку, стоит старик нищий в грязных лохмотьях, словно онемевший пророк. Местный Иов. На лице и на буром дряблом теле видны страшные язвы. Идем к машине. Она тоже облеплена любопытными, и мы с трудом открываем дверцы. Решаем ехать к амилю (губернатору) Рейды.

По обе стороны тесной улицы, на которую мы выбрались,— подряд лавки, лавочки, узкие каморки-ма-

стерские, опять лавки. Над дверями — навесы из мешковины. В глубине — полки, заставленные цветными банками импортных консервов, коробками стирального порошка, тюками тканей; висят связки бананов, гирлянды разноцветных браслетов из пластмассы, мелькают надоевшие улыбающиеся девицы на рекламных картинках. Из лавок высовываются удивленные лица. Улочка забита вооруженными. Прижимаясь к стенам, идут ослы с поклажей. Погонщики лупят их нещадно.

Старик крестьянин на базаре

Еле ползем. Крики, пыль, вонь от бензина, от жаровен. Боже ты мой! Чурин беспрерывно сигналит, ругается вполголоса. И откуда здесь столько народу!

Оборачиваюсь к Ахмеду и чуть не кричу:

— Смотри, надпись!

Тот прильнул к дверце, кивает.

Над входом в недавно отстроенную лавку вделана широкая плита с надписью. Отчетливо видны монограммы по краям. Над правым верхним углом плиты прибита железная табличка, и на ней белой краской написано: «Улица Абд ар-Рахмана аль-Гули».

Мы останавливаемся на небольшой площади перед старым трехэтажным домом. На кривой палке, укрепленной на крыше, висит трехцветный республиканский флаг: дом правителя Рейды. В тени густого дерева стоит бронетранспортер, рядом — еще один. У пулеметов сидят бородатые аскеры, вдоль и поперек обмотанные патронташами.

Нам навстречу быстро идет йеменец в синей чалме. Пиджак нараспашку, виден кривой кинжал. В руке у

него новенький автомат. За ним — группа вооруженных бородачей. Он смотрит исподлобья, губы поджаты, спрашивает глухим голосом, кто мы, откуда. Толпа напирает. Все хотят услышать наш разговор. Йеменец говорит что-то стоящему рядом парню в черной тройке и желтой тихамской куфье[8], затем резким голосом отдает команду. Аскеры засуетились. Крича, спинами отжимают толпу. Со всех сторон раздаются выкрики, улюлюканье. Ахмед сидит, весь съежившись. Не понимаю, чем он так напуган.

Я выхожу. Шум и движение вокруг усиливаются. Вдруг толпа расступается, образуя проход к автомашине. По проходу движется группа людей, впереди нее — рослый йеменец в темных очках, весь в белом. Через плечо — кожаная портупея, пистолет в кобуре, на поясе высоко торчит рукоять джамбии. Кто-то, прорвавшись, целует его в рукав, в руку. Наверное, это губернатор Рейды. Коротко повторяю объяснения. Выходит Чурин. Представляю его как руководителя русских строителей. Улыбаемся. «Ахлян, ахлян...» (Добро пожаловать!). Наконец проталкивается и Ахмед. Они порывисто здороваются, целуют свои руки, слегка обнимаются, быстро говорят друг другу приветствия. Видно, старые знакомые. Говорю, что мы хотели бы осмотреть Рейду и ехать дальше. «Ахлян, ахлян...» Что «ахлян»? Это разрешение? Ахмед пожимает плечами. Нас оттесняют. Совсем как в московском метро в час пик. Мне видно, как к губернатору протискиваются все новые просители, суют ему свернутые в трубочку прошения, ловят для поцелуя руку, целуют одежду. И мы теряем его из виду. Странно.

Нас вроде бы собираются куда-то вести. Аскеры теснят нас, подталкивают вперед. Эфиопского вида парень в желтой куфье — я видел его в свите губернатора — за главного. Я говорю ему, что мы хотим посмотреть надпись над дверью лавки. И, не дожидаясь ответа, протискиваюсь к улочке, из которой мы выехали на площадь. Ахмед и Чурин идут за мной.

Лавку нашли сразу — надпись красуется над входом, как плакат. Поразительно изящное письмо! Пора-

---

[8] Круглая высокая шапочка с плоским верхом, сплетенная из тонкой рисовой соломки. Такие шапочки обычно плетут в Тихаме, на побережье Красного моря.

зительны легкость и безупречная тщательность, с которой высечены строки и монограммы, нигде ни малейшего огреха, словно бы резали не по камню, а по глине. Чем резали? Фотографирую надпись, и тут же в дверях лавки возникает усатый человек в пестрой чалме. Победоносно смотрит в аппарат — хозяин лавки. Спрашиваю, откуда у него плита. Говорит, что ее привезли вместе с камнями с гор.

Ахмед вступает в разговор с маленьким благообразным стариком. У него белая окладистая борода, большие слезящиеся глаза. Несмотря на жару, он одет в овчинную безрукавку с нейлоновым верхом синего цвета. Ковыряя посохом землю, он дельно описывает ситуацию. Надо ехать в горы. Там много развалин, много таких плит. Их берут на постройку домов. И в Рейде многие дома построены из древних камней. Их привозят с той горы — старик машет в сторону башни на вершине кручи. Там большие развалины. Но плит с надписями уже нет. Куда-то увезли. Еще при имаме.

Нам не дают договорить. Парень в куфье из свиты губернатора торопит нас. У него настороженный и недобрый вид. Идем. Вокруг — аскеры с винтовками. Они расталкивают толпу. Нас пропускают вперед. Через калитку в тяжелых деревянных воротах заходим во двор, потом в дом. В длинной прохладной «прихожей» полно аскеров. Стоят, сидят, лежат. Жуют кат — щеки раздуты, курят. Поднимаемся по замусоренным ступенькам. И снова всюду аскеры — на лестнице, на площадках. Полон дом солдат! У входа в комнату — охрана с автоматами: бородатые горцы в пиджаках, патронташи крест-накрест.

Шагаем через высокий порог, разуваемся. Возле двери — настоящая свалка пыльных разбитых туфель, ботинок, сандалий. Комната длинная, узкая. Народу — не повернуться. В передней части ее даже сесть негде, и здесь чуть не вплотную друг к другу стоят горцы без оружия, оплетенные патронташами. Наш конвой ставит винтовки в угол. Там целый арсенал. Ящики с патронами. Оружие всюду: винтовки и автоматы висят на толстых палках, торчащих из стен, сложены на подоконниках, прислонены к стене. Гомон, как на базаре, тяжелый запах десятков немытых тел, тлеющих ароматических палочек. Окна наглухо закрыты.

Воцаряется тишина. Губернатор в белом встает, приглашает подойти. Осторожно перешагиваем через ноги сидящих. Пол замусорен сухими кукурузными листьями, веточками от ката, окурками. Нам освобождают место, кого-то со смехом выталкивают, двигаются, теснясь. Садимся на жесткий грязный тюфяк. Я оказываюсь рядом с лобастым йеменцем, который остановил нас на площади. Дальше — губернатор.

Он сидит прямо, скрещенные ноги босы. Перед ним — на корточках — трое просителей. Все трое говорят разом, суют свои бумаги, хватают его за руку, суетятся. Кроме губернатора и парня в куфье — это, видимо, его секретарь — их никто не слушает. Все заняты своими разговорами, по очереди сосут мундштук со шлангом в ярко-оранжевом чехле, и тогда слышится громкое бульканье в стоящем посреди комнаты кальяне. У губернатора королевская осанка. Его гладкое смуглое лицо безмятежно. Он внимательно слушает, не перебивая, переводя взгляд с одного на другого. Коротко, вполголоса отвечает — дело закончено. Облизывает полные влажные губы, рассеянно обводит глазами присутствующих, поглаживая белыми пальцами усы и галантную эспаньолку, и кажется ушедшим в свои мысли. Ему немногим больше тридцати.

Наконец он обратился к нам. Я объясняю, что «мистер Чурин, начальник русских строителей», пожелал лично познакомиться с состоянием дорог, местными традициями строительства, наличием строительных материалов, а сейид Ахмед и я хотели бы осмотреть памятники древности в этом районе. Все оживленно кивают: «Тамам, тамам!» (Хорошо, хорошо!) Губернатор напряженно слушает, чуть подавшись в мою сторону. Выждав паузу, с нажимом говорю, что господин маршал Абдаллах ас-Саляль, президент республики, лично разрешил нам эту поездку. Эффект совершенно неожиданный: воцаряется молчание, на лицах странное выражение. Недоуменно смотрю на Ахмеда. Он сидит как изваяние. Отводит глаза. Губернатор спокойно говорит что-то о древностях, о техпомощи, о колодцах и дорогах, но я почти не слушаю: мне мучительно стыдно — неужели я сделал какую-то грубую ошибку в арабском языке? К губернатору подходит аскер и, наклонившись, что-то шепчет ему на ухо. Чтобы как-то замять свою нелов-

кость, спрашиваю у Ахмеда, как зовут этого губернатора и почему здесь столько народу.

— Это не губернатор. Губернатор Рейды сидит рядом с тобой... А это — шейх Абдаллах Ахмар, вождь племен хашед. Здесь собрались шейхи племен. У них военный совет.

Я онемел. Ахмед криво усмехается и кивает в ответ на вопрос в моих глазах. Да, это тот самый Ахмар, глава мятежников — противников президента ас-Саляля. В Сане мне представляли его похожим на Махно по сути его движения. Стало быть, давешний мой промах был не ошибкой в речи, просто мы находимся на территории мятежных племен. И если шейх Ахмар и в самом деле похож на Махно, то никто не может сказать, как обернутся наши дела.

Наше появление в Рейде было истолковано по-своему: всем было ясно, что приехали мы неспроста. Да и как еще можно было понять неожиданный приезд двух русских в штаб-квартиру шейха Ахмара — вождя племен хашед, выступивших против правительства. Вопрос для всех состоял только в том, с какой именно миссией мы прибыли и какими полномочиями нас наделили. Положение складывалось щекотливое.

...Нас приводят в тесную, чисто побеленную комнату, где-то в верхнем этаже. Она похожа на спальню. В ней тихо и уютно. Пахнет дешевыми духами. Мы рассаживаемся на мягких, постланных в три слоя тюфяках. И здесь на всех крюках и гвоздях висят оружие, патронташи.

Шейх Ахмар начинает нечто вроде политических переговоров. Сначала он долго говорит о положении в стране и о своем выступлении против правительства ради спасения республики и революции в Йемене. Говорит, что маршал ас-Саляль захватил в свои руки всю власть, что патриоты и республиканцы либо изгнаны, либо сидят в тюрьме, что страну губят угодничество карьеристов и анархия. У него нет связи с внешним миром, и он не в силах помешать клевете на него, тем более несправедливой, что отряды его племен защищают всю северную границу страны, ловят агентов имама и задерживают караваны с золотом и оружием. И далее. На территории племен хашед нет дорог, засуха из года в год губит посевы, народ голодает и дошел до крайней

степени нищеты. Шейх называет невероятные цены за одну лепешку и фунт мяса. Продолжает: «Вода есть, но нужны буровые установки и опытные инженеры. Правительство умышленно отказывает в средствах на это. Мы готовы оплатить расходы, но нам не разрешают заключать контракты. Движение, которое я начал, распространилось уже по всей стране. Мы могли бы выступить хоть завтра: нас поддерживает большинство племен, но мы не хотим еще одного кровопролития...»

Кто-то стучит в дверь. Шейх Ахмар проворно встает, встаем и мы. Молча выходим за ним и оказываемся в полутемной комнате, похожей на пустой чулан. На полу лежат циновки, на них расставлены эмалированные тарелки с едой, бутылочки пепси-колы. Моем руки в общей миске. Аскер в белой тюбетейке молча подает полотенце. Обед неприхотлив: куски жесткого вареного мяса и курятина, картофель, традиционная хульба[9], крупно нарезанный салат. Едим руками, захватывая пищу кусочками пресных лепешек. Аскер сидит поодаль на корточках, безучастно глядя в окно, затянутое давнишней паутиной.

Шейх Ахмар ест деликатно, как бедная вдова-приживалка. Говорит один Абу Шавариб, ближайший его сподвижник. Расспрашивает Ахмеда о его семье, о своих знакомых в Сане. Смеется, шумно чавкает, облизывает бурые пальцы. Для консервированных персиков аскер подает алюминиевые ложки, вытерев их о подол своей юбки.

После обеда говорю о том, что мы хотели бы посмотреть Рейду. Спрашиваю, нет ли надписей или древних руин. Шейх Ахмар кивает, рассеянно слушая меня. Но получается как-то так, что, выйдя во двор, мы оказываемся в плотном кольце бородатых аскеров с автоматами. Шейх Ахмар и Абу Шавариб идут впереди. Показывать нам Рейду, похоже, никто не собирается.

Толпы любопытных заполнили переулки и проходы между домами. Едва мы появляемся в воротах, как раздаются восторженные вопли, пение и пальба, бьют барабаны. Шейх Ахмар явно демонстрирует всем двух русских, приехавших из Саны. Нас окружают его спод-

[9] Кушанье из помидоров, лука, фасоли, чеснока, зеленого перца, сырых яиц, растительного масла и разных специй. Все это тщательно растерто и взбито.

Автор и шейх Абдаллах аль-Ахмар в окружении свиты шейха

вижники. Сам он теперь в длинном, женского покроя пальто нараспашку. Через плечо висит автомат. Перед нами идут строем десятка три вооруженных аскеров. Все поют. Пронзительные свирели не замолкают ни на мгновение, пыль висит клубами. Мы совершаем «круг почета». Мальчишки с криком бегают вокруг шествия. Аскеры стреляют вверх.

Нас приводят на поле, показывают жалкие всходы — нет дождей, всходы гибнут, а козы и овцы доедают высохшие стебли. Шейх Ахмар трогает ломкие уже стебли дурры, говорит о колодцах, о воде. Глухо бьют барабаны, гнусавят дудки, а аскеры вокруг нас заунывно и нестройно тянут боевую песню и пляшут, взмахивая кинжалами и притоптывая надетыми на босу ногу пыльными башмаками.

Мы много фотографируем, шейх Ахмар охотно позирует, и мы снимаемся рядом с ним. Под дудки и барабаны с пением и пляшущими аскерами возвращаемся к дому, где на крыше висит республиканский флаг. Здесь все путается. Шейх Ахмар как-то сразу теряет к нам интерес, наспех прощается и тут же пропадает в

толчее. Озадаченные, мы стоим, ожидая, что будет дальше.

Пользуясь моментом, обсуждаем наше положение. Ахмед совершенно подавлен происшедшим: мы — среди мятежников, и если в Сане узнают о том, что он был в Рейде, его могут заподозрить в тайных связях с мятежниками и тогда не избежать ему тяжелого дознания. Из его слов выходит, что наш приезд оказался для шейха Ахмара нечаянной удачей: он использовал его, чтобы показать своим врагам и сторонникам, что русские не только признают его серьезной политической фигурой, но даже ищут контактов с ним под боком у правительства. Правда, мы с Чуриным несколько испортили эффект этой импровизированной «демонстрации солидарности» тем, что то и дело покидали шейха, бегали вокруг процессии с кино- и фотоаппаратами, с азартом снимая красочное шествие. Я видел, как шейх Ахмар недовольно посматривал на нашу легкомысленную суету: она могла породить сомнения в серьезности нашей «миссии». Но все же мы — русские, и мы — здесь.

И под конец Ахмед ошарашивает нас заявлением, что нас рассматривают как пленников и что нас отправят в горы, в Хамир, в главное логово мятежа, пока здесь, в Рейде, будут решать, как с нами поступить: расстрелять как соглядатаев, обменять на кого-нибудь из арестованных в Сане или отпустить. Тут пришел наш черед задуматься... Безобидная научная поездка может обернуться политическим инцидентом. Меня беспокоит Чурин, которому это может грозить служебными неприятностями.

Нас ведут к нашему «газику». Эфиопского вида молодой йеменец, секретарь шейха, садится рядом с Ахмедом, туда же втискивается аскер с автоматом.

— Ну и куда теперь? — спрашивает Чурин.

Я не успеваю ответить, как йеменец трогает меня за плечо:

— Прямо по дороге, а потом налево...

Да, выходит, действительно, теперь маршрут выбираем не мы.

Встречные расступаются. За нами, улюлюкая, бежит ватага мальчишек, кто-то пытается подсесть. Аскер, высунувшись, сердито кричит на них.

Мы съезжаем в неширокую долину по ту сторону

Рейды. Она такая же плоская и желтая, как и долина Эль-Баун, и похожа на глубокий залив, уходящий на запад между отвесными горами. Редкие деревья акаций одиноко стоят среди пустых полей. Навстречу надвигаются высокие горы. По их склонам видны круглые башни и высокие прямоугольные дома. Внизу, у подножия, тянется зеленая полоса посевов, заметны купы деревьев.

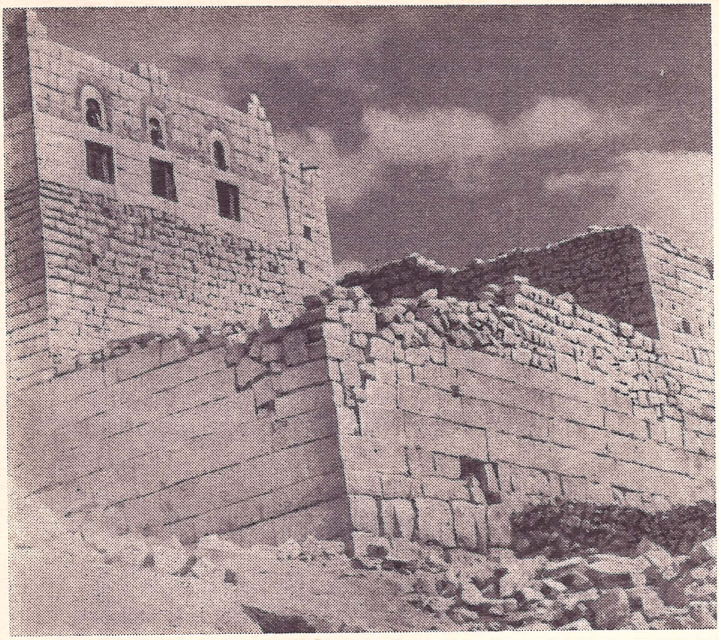
Ахмед сидит, затаившись, не произнося ни слова. Я понимаю его. Что ждет нас впереди? Так по-дурацки складывается моя первая поездка за древностями, с которой я уже начал связывать такие надежды! Вдруг Чурин лихо запевает:

А я еду, а я еду за-а туманом,
За туманом и за запахом тайги...

ВОРОТА В ЦАРСТВО САВСКОЕ

...Мы давно уже едем молча. Что с нами будет? Я не могу побороть в себе нарастающего чувства паники. Чурин вцепился в руль — дорога ужасная, вся в рытвинах. Трясет и подбрасывает, все прыгает перед глазами. От пыли тяжело дышать. А между тем перед нами словно раскатывается волшебный ковер с горами, долинами, деревьями, с пересохшими руслами, засыпанными до берегов белыми голышами. И постепенно тяжелый комок страха начинает отходить от сердца, и все вытесняет непередаваемое ощущение, что передо мной еще не исследованные места, места, где люди жили, куда веками приходили, чтобы торговать, воевать, строить или разрушать, но не за тем, чтобы узнавать, где, кто и как это делал. Я не могу объяснить, из-за чего пришло это ощущение, что дало ему повод — горы как горы, окаменевшая от жары белесая равнина, редкие деревья, холмы в серых колючках,— но во мне все напряглось, как у охотника, почуявшего долгожданного зверя. Хорошо было бы пройти здесь пешком или проехать на муле, на смирном, несуетливом ослике и обшарить каждый уголок этого удивительного и неведомого мира. А не так — из окна прыгающей автомашины.

И вдруг вижу — тут уж не ошибешься — руины!



Остатки дворца древнего сабейского правителя в Архабе. Дворец был достроен недавно, и сейчас это обычный жилой дом

Выступ горы над дорогой и на вершине его развалины. По виду — остатки крепости; стены сложены из прямоугольных блоков. Они хорошо подогнаны и составляют как бы монолит. Кое-где наверху стены достроены небрежно уложенными камнями.

Показываю на руины Ахмеду. Он, пригибаясь, смотрит в оконце. Прошу Чурина остановиться. Быстро выхожу. Руины великолепны. Серые гладкие камни отсвечивают на солнце. Каждый блок не меньше метра в длину и почти столько же в высоту. Сколько веков простояли эти стены? А вдруг там есть надписи?!

Меня лихорадит от волнения. Беру дорожную сумку с фотоаппаратами, иду наверх к развалинам. В конце концов я действительно приехал искать древности, и мне нет дела до вашей политики! Йеменец-провожатый что-то кричит мне. Я не понимаю, машу ему рукой. Чу-

рин и Ахмед поднимаются вслед за мной. Провожатый и аскер сначала топчутся у автомашины, а через некоторое время идут за нами.

Мы поднимаемся по узкой тропке меж огромных валунов, среди бесформенной осыпи камней. Ближе к вершине вижу выступающие из-под осыпи серые блоки. Ряд кладки идет вдоль всего склона — явно нижняя часть древней крепостной стены. В одном месте земля расчищена, вынутые блоки, приготовленные для вывоза, лежат рядком, а в обнажившихся слоях земли видны черные полосы слежавшегося угля и золы.

Появляются обитатели — с десяток женщин и мальчишек. Они выстраиваются, смотрят на нас. Откуда-то возникает маленький усохший йеменец в мятой жилетке, в длинной замызганной рубахе. Он сбегает к нам, торопливо здоровается, после каждого пожатия чмокает свою руку. Наверное, местный грамотей. От возбуждения он совсем потерялся. Перебегая от одной груды камня к другой, говорит без остановки, ловя на лету вопросы. Да, да, здесь был пожар! Когда вынимают камни, всегда находят много золы и угля... В древнее время здесь стояла большая крепость, и место это называется Каср Шахир (Славный за́мок)... И дома по склону вокруг построены из камня с этих развалин... Здесь жил царь химьяритов... у него был здесь дворец и большой водоем. Вот он! Есть ли камни с надписями? Есть. вон там...

Плоская вершина выступа тесно застроена нищими лачугами из булыжника. Всю его западную оконечность занимает огромное здание с глухими стенами, похожее на старую казарму. Это и есть остатки крепости, построенной, судя по всему, где-то между III и IV вв. Ближе к северному краю, за невысокой оградой,— пустой водоем округлой формы, высеченный в скале. Вплотную к нему стоит низкая мечеть с плоской крышей. Над ее входом, меж грубо обтесанных камней, вставлена отполированная плита из алебастра. И на ней — надпись в пять длинных строк!

Мы с Ахмедом от радости хлопаем друг друга по спине. У Ахмеда блестят глаза. И Чурин удивлен, трогает пальцами плиту, буквы:

— Ишь ты, нашли! Н-надо же!

Ни на одной карте не отмечены эти руины, никто

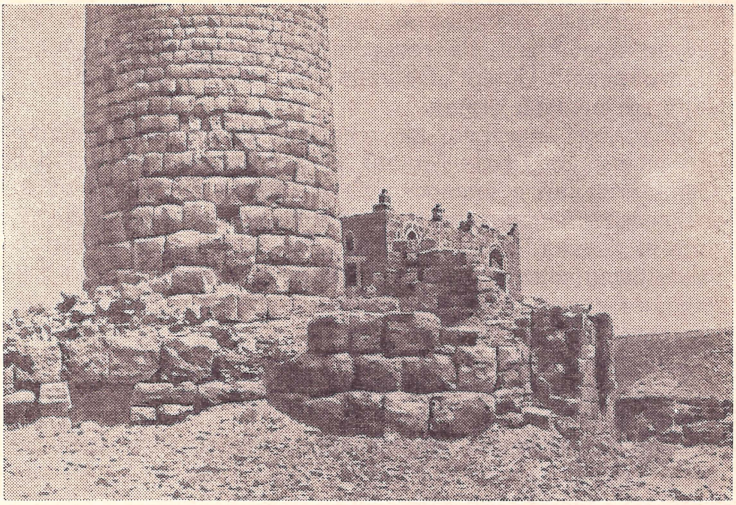
еще не читал этой надписи. Мы их нашли — свои руины, свою надпись! Теперь мы узнáем, что было здесь, кто воздвиг эту крепость и кто ее разрушил. Все кажется нам сейчас возможным. И уже все, кроме этого, представляется неважным, словно этой находкой мы получили право вести себя и жить иначе.

Записываю размеры плиты, делаю снимки. Все жители столпились за моей спиной. Никто не говорит ни слова. Женщины — в черных затасканных платьях, поверх платков у них на лбу черные повязки, у некоторых на шее висят ожерелья из крупного янтаря. Бледненькие дети — в цветных чепцах. У детей и у взрослых равнодушные лица. Нищета.

Иду вдоль края выступа между лачугами в надежде найти какие-нибудь «древности». Бродят овцы с тяжелыми мохнатыми курдюками, валяются кувшины, закопченные тазы. Всюду лежат кучки желтой соломы. Но надписей больше нет. По краям и по южному склону выступа видны еще развалины. На западе выступ круто обрывается в долину, к дороге; с северо-востока широкой седловиной он соединяется с горной кручей. Владыка крепости был, конечно, хозяином дороги, проходившей внизу у ее стен. Ни один караван, ни даже путник не мог пройти дальше, не получив его разрешения.

И вдруг мне приходит в голову — мы ведь уже на землях царства Савского! Вот и ворота в него — могучая крепость, вот и надпись... Здесь приятно обдувает прохладный ветер, звуки голосов глохнут, словно вокруг все из ваты. Я фотографирую руины, делаю зарисовки, записи, и постепенно ко мне возвращается то чувство приподнятости и беззаботности, с которым сегодня утром мы выехали из Саны. И то, что нас везут в Хамир неизвестно зачем, кажется каким-то неуместным, а происшедшее в Рейде вспоминается, как увиденный когда-то давно фильм. Единственно важное и реальное — это то, что происходит здесь, сейчас: мы нашли настоящие древние руины и большую сабейскую надпись. Мы добились своего, и нам открылось мгновение истории.

Отсюда, с развалин, мне видна идущая под обрывом в гору серая полоса дороги. Она то пропадает, то снова появляется на взгорке или на обходе крутого выступа уже где-то высоко по склону, уходя все выше и выше к



Даурам. Руины древней сторожевой башни

темному силуэту сторожевой башни на вершине перевала. Это — перевал Аджиб. По нему проходил торговый караванный путь из Саны на север, в Мекку и дальше к берегам Средиземного моря и в Наджран, а из него — через Аравийскую пустыню — в Месопотамию и Сирию. По этому пути испокон веков шли местные товары и привозные — из Индии и Африки. Это был великий торговый путь древней Аравии. Бесчисленные караваны прошли по этой дороге, многие столетия вышагивали по ней воины и купцы, погонщики верблюдов и паломники.

Ее называют еще Дорогой слона, потому что по преданию в 570 г., в год рождения пророка Мухаммеда, по ней якобы прошло войско христиан-эфиопов, чтобы разрушить Каабу — храм в Мекке, главное святилище языческой Аравии. Его место должна была занять недавно воздвигнутая эфиопами церковь в Сане. С войском шли слоны. Считают, что именно об этом походе произнес Мухаммед в Коране: «Разве ты не видел, как поступил Господь твой с приведшими слона? Разве не сделал он тщетной их уловку? И послал он на них птиц абабил...» Эти таинственные птицы забросали воинов камнями,

чума сразила остальных, слоны издохли. Эфиопы не смогли пробиться на север к границам единоверной, христианской Сирии. Остатки их армии вернулись в Сану вот по этой дороге.

У начала подъема, на перевале, находится селение. Его называют Гулат-Аджиб. Я думаю, оно возникло в древности, как и крепость Каср Шахир: надо же было остановиться перед восхождением или отдохнуть после долгого спуска. Его упоминают средневековые хроники: место было важное. В нем крепкие каменные дома в романском стиле. Круглые башни рассеяны, как хутора, на уступах по всему склону.

Кое-где мы проезжаем через такие хутора в четыре-пять домов, и за нами в клубах пыли долго бегут лохматые собаки.

Дорога медленно поднимается вверх. Она идет по краю крутого ущелья Гулат. Внизу видны ее светлые изгибы — мы только что проехали там, видны выступ с еще не разгаданными «нашими» руинами Каср Шахир, колеблющаяся в горячем мареве рейдинская долина. И только белый отрог Рейды с башней наверху еще высится на одном уровне с нами, но скоро и он расплывается светлым пятном внизу.

В недавнее время дорогу расширили, местами изменили ее путь, для того чтобы по ней могли ездить грузовые автомашины. И все равно она очень трудная и кажется бесконечной. Ахмед — вот где истинная ученость! — цитирует стихи про этот перевал, старые стихи, что-нибудь IX или начала X в. Я записываю их в тетрадь:

Ну и Аджиб! Если бы ты увидел Аджиб,
То увидел бы гору высоченную, устрашающую.
Измучил этот перевал породистого верблюда,
молодого, послушного.
Не слышит здесь спрашивающий отвечающего из-за
Понуканий и гиканья на верблюдов.

И вот мы наверху. Круглая башня, которую видно еще снизу, стоит на возвышении, поодаль от дороги. Рядом с ней — старая ветвистая чинара. Ближе к спуску находится древний водоем, высеченный в скале. Возле него дремлет, расставив ноги, оседланный мул, лежат козы. Все кажется каким-то давно знакомым. Библейский пейзаж.

Селение Рас-эн-Накиль (Вершина перевала) выглядит пустынным: в нем не больше десятка каменных домов. На обочинах дороги всюду темнеют пятна от солярки, от слитого масла, везде грязные замасленные тряпки, сухие кукурузные листья и кучи мусора. У околицы стоят два огромных грузовика. Шоферы и пассажиры сидят тут же в тени. Двое танцуют перед ними, взмахивая кинжалами. Мальчик-подросток бьет в тамбурин. Мы проезжаем селение, не останавливаясь.

За ним сразу начинается сильно пересеченное каменистое плоскогорье Бану-Сурайм. Оно изрезано глубокими оврагами, небольшие ровные пространства загромождены черными глыбами, узкие площадки уступами спускаются к дороге наподобие террасных полей. Местами дорога прорублена в слое лавы, прорублена в древности, так как стенки покрыты «загаром». Порой мы едем между невысокими голыми холмами.

Спускаемся в ложбину. Дорога здесь огибает скалу. Едва выезжаем из-за скалы, как на дорогу впереди нас спрыгивает человек в длинном черном пальто, в синей чалме. Он направляет на нас винтовку. Мы останавливаемся. На склоне повыше дороги среди валунов появляются еще трое вооруженных: двое в черных овчинных безрукавках, один в шинели, на каждом — черная чалма. Не выходя из автомашины, наш провожатый начинает странный разговор, похожий на перекличку: выкрик, в ответ тоже выкрик, затем пауза, и все повторяется. Те, среди валунов, стоят вполоборота к нам, наставив винтовки. Проходят томительные минуты. А если это монархисты? Человек в пальто опускает винтовку, отступает. Мы проезжаем мимо. Оглядываюсь — дорога пуста. Одни валуны кругом. Аскер и провожатый шепчутся сзади. Кажется, это был все-таки сторожевой пост. Что и говорить, места здесь мрачные: скалы, нагромождения валунов, голые плиты вместо земли. Я не заметил ни одного деревца, ни кустика.

Мы проехали не больше 10 километров от Гулат-Аджиба, когда слева, недалеко от дороги, на широкой площадке я снова увидел развалины. Груды камней покрывают все пространство. Присмотревшись, замечаю остатки стен, фундаменты, разбросанные блоки.

— Каср Курраз,— быстро говорит мне провожатый.— Я тут был. Надписей нет. Одни развалины. По-

ехали, поехали! — он постукивает Чурина по плечу, но я прошу остановиться и обещаю, что не задержусь долго. Провожатый смотрит на меня неприязненно, поджимает губы. Ничего не отвечает. Нам с ним не подружиться, это уже очевидно.

Идем осматривать. Кругом безлюдье и глубокая тишина. Мы спускаемся к руинам. Плоскогорье здесь имеет вид широких террас, спускающихся на юг к сухому руслу. На последней террасе, уже над руслом, среди хаотического нагромождения камней, виднеются остатки двух-трех десятков зданий разных размеров. Самое крупное из них расположено на возвышении, с юга обрывающемся к реке. Похоже, что в древности это был небольшой город. Место выбрано удачно: речка только здесь близко подходит к дороге, и в сезон дождей, когда в ней появляется вода, это идеальное место для остановки караванов. Кажется, и теперь на площади перед руинами происходят базары: я нашел здесь несколько крытых каморок из булыжника, в которых обычно сидят торговцы таких временных базаров.

Мы с Ахмедом быстро обходим развалины, переворачивая блоки, в надежде найти если не надпись, то хотя бы деталь архитектурного украшения. Но блоки все одинаковые — темно-серые, гладкие. Оглядывая развалины и будто ища что-то, Ахмед начинает торопливо говорить мне, что в Хамир нам ехать нельзя.

— Уговори его вернуться в Рейду! Там переночуем. Нельзя в Хамир!

Я понимаю всю безнадежность разговора, но начинаю его решительно. Выслушав меня, провожатый говорит с усмешкой:

— До Хамира уже близко...

И идет к автомашине. Мы — за ним. По террасам подниматься тяжело, обходим их, повернув к дороге.

За большим валуном натыкаемся на людей. У обочины дороги, на камне, упершись руками в колени, сидит старик крестьянин в овчинной жилетке. Бродячий цирюльник скоблит ему ножом голову, поливая из маленького кувшинчика и взбивая мыльную пену самодельной кисточкой. Мокрые клочки волос и пена падают старику на плечи, на рукава полосатой рубахи. Их счищает, вытирая пальцы о камень, девочка в черном лоснящемся капоре и в драном платьице. Здесь, в без-

Это и есть Хамир!

людье, среди камней, на полдороге меж двух деревень?! А почему бы и нет? Они встретились! Одному нужно побриться, а другой — цирюльник. Дело идет не быстро, но, судя по лицам обоих, весело. Брадобрей что-то шутливо приговаривает, вертясь вокруг клиента, а тот, кривясь и подергиваясь, отвечает ему с добродушной ухмылкой, смешно открывая щербатый, старческий рот.

Увидев нас, они замирают. Я беру киноаппарат, чтобы снять эту прекрасную «жанровую сцену». Брадобрей реагирует по-своему. Он прижимает к животу голову старика и начинает быстро скрести ее своим ножом, явно в ущерб технике безопасности. Старик отчаянно жестикулирует. Работа останавливается. Мы смеемся. Девочка прячется за старика. Из-за его плеча выглядывает испуганное личико, густо вымазанное темно-оранжевой краской, приготовляемой обычно из пыльцы цветущих фиников, растертой с растительным маслом.

НОЧЬ В ХАМИРЕ

С края крутого обрыва мы видим внизу, в долине, Хамир — сумрачный и в то же время необыкновенно живописный. Город кажется мне большим и тесным.

Он стоит на плоском холме. Узкие дома, как колосья из снопа, густо тянутся из его середины — один выше, другой ниже. Одноцветно серые и гладкие здания, похожие на крепостные бастионы, прикрывают снаружи эту сплошную, как будто совсем без улиц гущу домов. Куда нас занесло! Случись что — ни одна душа не узнает, где мы. Мне очень не хочется въезжать в этот лабиринт глинобитных башен.

Царапая днищем о камни, сползаем по разбитому спуску вниз. Дальше дорога идет мимо пустых еще, хорошо обработанных полей. Теперь город уже совсем властвует над нами. Чурин опять напевает, и даже Ахмед немного очнулся от своего мрачного оцепенения и спрашивает о чем-то провожатого, поглядывая на надвигающийся Хамир. Тот равнодушно отвечает, не поворачивая к нему головы.

Отсюда видно, что холм очень высок. Он сложен из толстых горизонтальных слоев известняка, расколовшихся на огромные кубы. Дома стоят по самому обрыву холма. Сейчас, на закате, из-за мягкого серо-розового освещения, они выглядят театрально и романтично.

Я рассказываю Чурину все, что знаю про Хамир, Ахмед помогает мне. Это очень древний город, может быть один из древнейших в Йемене. Да в Йемене все большие города — древнейшие. Аль-Хамдани писал о нем в начале X в.: «Хамир — зáмок в области Хамдан, удивляющий всякого, кто бы ни увидел его». По преданию здесь родился знаменитый царь Абукариб Асад аль-Камиль, правивший Йеменом в конце IV в. Прихоть народной фантазии выбрала его из десятков древних царей (среди которых были куда более достойные, с моей точки зрения) героем эпических сказаний. Он будто бы совершал невероятные походы, покорил полмира, поразил остальную половину своей мудростью и царским великодушием. Может быть, потому он и стал символом древнего героя, что как раз время его царствования оказалось поворотным в истории древнего Йемена и с этой поры начался неуклонный упадок великой цивилизации...

Нас, наверное, давно заметили, и когда по подъему, прорубленному в скалистом склоне, мы поднялись к въезду в город, десятка полтора вооруженных йеменцев уже стояли по обе стороны дороги.

Узнав нашего провожатого, они машут руками. Слух о нашем прибытии каким-то образом уже облетел недра города, потому что по дороге и из боковых улиц-щелей к нам бегут дети и взрослые. Все возбуждены, таращат глаза от любопытства, стараясь разглядеть сидящих в машине.

Мы едем по узкой улице между глухими стенами с торчащими деревянными желобами для стока нечистот. Придерживая на голове пузатый кувшин, жмется к стене женщина, закутанная в черное; старик, с трудом успокоив рвущегося ослика, прикрывает его собой от автомашины. Из тесных полутемных переулков тянет спертым воздухом, запахом дыма. Небольшая замусоренная площадь застроена лавочками; над входом в них — навесы из дырявой мешковины. Мы останавливаемся перед деревянными воротами в каменной стене. Наш провожатый бежит в калитку, тяжелые створки ворот медленно раскрываются, и мы съезжаем в глубину двора — он метра на два ниже уровня улицы. Вооруженные аскеры сбегают по ступенькам из крытой галереи, идущей вдоль стены. Все суетятся, кричат. С глухим стуком закрываются створки ворот, обитые железными полосами, как в старинных крепостях. Трое аскеров с трудом задвигают толстую перекладину. И двор сразу делается тесным и страшным.

— Н-нда-а,— задумчиво произносит Чурин,— и надолго вы сюда, доктор Бутрус?

На нас как будто не обращают внимания. Провожатого нашего не видно. Ахмед, держа в руках свой баул, настороженно озирается. Неожиданно совсем рядом с нами раздается жуткий громкий крик, лязг цепей и ругань нескольких голосов. Мы видим в сумерках мечущуюся за решеткой низкого каменного строения человеческую фигуру с всклокоченными волосами. Человек еще раз вскрикивает. Его оттаскивают внутрь. Тут же появляется провожатый и торопливо успокаивает нас: «Это сумасшедший». Приносят яркую лампу, отчего тут же становится темно вокруг. Идем в дом.

Нас ведут на самый верхний этаж. В конце темного коридора через пролом в стене сияет звездное небо. Пахнет горелым. Слышны чьи-то движения, стук посуды. Входим в ярко освещенную лампой комнату. Посередине поблескивает медью высокий кальян на широком

подносе старинной работы. Пахнет крепким табаком. Кто-то курил здесь до нашего прихода. Мы с Чуриным, устроившись на тюфяках, разглядываем развешанные по стенам автоматы, тяжелые канадские винтовки, патронташи, фотографии под стеклом, раскрашенные листы с изречениями из Корана. Прямо над нами на стене висит сабля в длинных, слабо изогнутых ножнах. У нее массивный серебряный эфес; портупея украшена серебряными пластинками и полудрагоценными каменьями. Чурин снимает ее и вытягивает из тугих ножен тускло поблескивающий клинок с широкой канавкой. Этой сабле нет цены. Вернее, цена ей — история: ее передают от вождя союза племен хашед к вождю, а племя хашед упоминается в надписях задолго до Рождества Христова.

Ахмед, облачившись в длинную ночную рубаху, молится тут же у подноса, расстелив коврик. У него есть о чем просить бога. Он беззвучно шевелит губами, глядя перед собой, сгибает спину, упершись ладонями в колени, низко склоняется, касаясь коврика лбом и высоко подняв зад, встает, опять садится, шумно выдыхает: «Бисмиллахи р-рахман-р-рахим!» (Во имя бога, милостивого, милосердного!)

Потом сидим, обсуждая события этого необыкновенного и бесконечно длинного дня. Ахмед настроен мрачно. Он слышал, как в Рейде кто-то предлагал задержать нас здесь в качестве заложников, и сейчас у шейха как раз и говорят об этом. Что решат они там?

Время от времени заходят йеменцы, босые, в рубахах и жилетках, поглазеть на нас. Посидев немного у двери, они исчезают.

Со стуком распахивается дверь, и появляется сначала большое блюдо, а за ним мальчик в голубой жилетке. Он ставит блюдо у наших ног; на нем такая гора вареного мяса и курятины, что хватило бы десятка на два голодных. Входят наш провожатый и с ним трое незнакомых. Один из них уже немолод — длинный и костлявый, с редкими волосами, прилипшими к лысеющей голове. На поясе — большой кинжал в широких серебряных ножнах необычайно тонкой работы. На безымянном пальце массивное серебряное кольцо с квадратным темным камнем. Он церемонно здоровается за руку, потом, подобрав широкие рукава рубахи, садится, по-хозяйски оглядывает блюдо и все, что продолжает ставить перед

нами мальчик, принимающий через дверь тарелки и миски. Второй, поздоровавшись, как-то сразу стушевался и на протяжении ужина только шумно чавкал, с присвистом обсасывая косточки, и, рыгая, облизывал пальцы. Третий сразу обращает на себя внимание. Он коренаст, круглолиц, в зеленой полосатой юбке, в пиджаке и в белой рубашке. В нем есть что-то европейское: и в том, как он здоровается, слегка наклонив коротко подстриженную голову, и в том, как взглядывает на собеседника — внимательно, оценивающе, и в том, как говорит — короткими фразами, без обычных витиеватостей. Мне кажется, что я где-то его уже видел. Он пристально, явно узнавая, смотрит на Чурина. С Ахмедом они обнялись, как знакомые [10].

Поднос с кальяном уносят, блюдо с горой мяса выдвигают на середину, все рассаживаются вокруг, подобрав ноги. Костлявый йеменец громко говорит «Бисмилля!» (Во имя бога!), за ним нестройно повторяют, и ужин начинается.

Ахмед, заметно оживившийся, скороговоркой рассказывает о нашей поездке, о приеме в Рейде у шейха Ахмара.

Нам подают кофе. Опять появляется кальян, и мальчик накладывает щипцами угольки в глиняную чашечку с табаком. Костлявый йеменец, откинувшись на подушки, делает несколько затяжек и передает мундштук соседу. Из темноты коридора всовываются головы в чалмах — кто-то все время пытается заглянуть в комнату,— слышится возня.

У большинства йеменцев совершенно «мужицкая» манера говорить о политике: медлительно, с экивоками, сводя все к конкретным людям и к их качествам. Они долго пересказывают всевозможные слухи и разные случаи, подробно говорят о том, что и как сделал тот-то и тот-то, дотошно выясняют какую-нибудь мелочь и лишь

---

[10] Позже я узнал, что это был Абд аль-Малик Тайиб. Он входил в состав последнего правительства Хасана аль-Амри (с июля 1965 по август 1966 г.). В ту памятную всем осень 1966 г., после неожиданного возвращения из Каира президента ас-Саляля, он бежал из Саны, а его дом был разрушен. Тайиб был одним из идеологов движения «третьей силы» и в правительстве Мухсина аль-Айни, сменившего после переворота 5 ноября 1967 г. режим маршала ас-Саляля, стал министром информации.

вскользь упоминают о главном, которое, однако, все имели в виду с самого начала. Такие разговоры бесконечны. Мы засиделись до полуночи. Вестей из Рейды все не было. Я уснул, не дослушав фразы.

Гонец приехал под утро. Я проснулся от громкого говора в коридоре. Кто-то торопливо прошлепал мимо в наспех надетых сандалиях. Щели в дверях к нам засветились вдруг белым светом и погасли. В доме опять все затихло. И вдруг неподалеку, словно только и дожидавшийся этой тишины, гнусаво и протяжно запел муэдзин призыв на раннюю молитву. Тотчас же где-то дальше возник другой голос, третий... До утра оставалось уже совсем недолго.

Думаю все-таки, что в Хамир нас привезли главным образом для того, чтобы нас увидели и здесь. Шейх Ахмар хотел использовать до конца наше неожиданное появление в его владениях. Ему нужно было, чтобы завтра среди племен поползли слухи о том, как двое русских приезжали в Рейду и обедали у шейха Ахмара, а потом жили в Хамире, в его доме, и говорили с его доверенными людьми. Такие слухи стоили больше успешной боевой операции. Во всяком случае, утром мы сразу почувствовали, что присланное шейхом Ахмаром распоряжение было вполне благоприятным для нас. В Рейде, видимо, решили, что дальнейшее наше сидение в Хамире лишено смысла, и потому велено было всем вернуться. Никто с нами об этом не заговорил, и само собой все складывалось так, что мы здесь — просто уважаемые гости.

Утром меня будит возня Ахмеда, устраивающегося на молитву, как наседка на гнездо. Выхожу из комнаты. В коридоре ни души. Дом, кажется, еще спит. Напротив двери — лестница, ведущая наверх, на крышу. Я иду туда, прихватив киноаппарат. На лестничной площадке стоит расчехленный крупнокалиберный пулемет. На крыше у глинобитного парапета — два миномета, прикрытые мешками. На всем лежит густая роса. Прохладно. Оранжевое утреннее солнце освещает однообразные, сверху похожие на ячейки сот, плоские крыши. Кое-где на них видны черные фигуры женщин. Курится дым. На площади перед домом шейха Ахмара, у лавок, бродят закутанные в легкие одеяла или в платки люди, пришедшие, наверное, с караваном. Чуть в стороне сто-

ят несколько верблюдов. Разложен ровными кучами привезенный для продажи хворост. Кто-то пристроился среди наваленных мешков, кто-то лежит на земле возле больших, крытых брезентом грузовых автомашин. Все еще спят. Брезент и высокие борта ярко разрисованы цветами и пальмами. На таких машинах ездят паломники в Мекку и те, кто отправляется в Саудовскую Аравию торговать или на заработки на нефтяные промыслы. Еще довольно рано, и жизнь в городе только-только пробуждается...

После завтрака мы демонстративно собираемся к отъезду. Нас никто не задерживает. Проводить выходят, кажется, все, кто живет в доме. Абд аль-Малик Тайиб, небритый, невыспавшийся, выглядит очень мрачным. Пожав нам руки, он сразу уходит в дом. Костлявый старик — родич шейха Ахмара — строгим голосом, как вчера за ужином, командует аскерами. Теперь на нем большая белая чалма, он в очках, за плечами висит винтовка.

Аскеры бегут открывать ворота. Тяжелые створки скрипят, как колеса арбы. Мальчик-слуга через дверцу машины ставит мне на колени картонку. В ней жареные куры, оставшиеся от вчерашнего ужина, и пачки сигарет «Ротманс». Я благодарно улыбаюсь и протягиваю мальчику руку, чтобы попрощаться. Взяв ее, он осторожно целует... Сдвигаю коробку на сиденье и выхожу. Мальчик спокойно смотрит на меня. Я обнимаю его за плечи.

По разбитому каменистому спуску съезжаем в долину и заворачиваем к двухэтажному дому с полосами белых и бурых камней по фасаду. В нижнем этаже помещаются лавки, еще закрытые. Нам нужен бензин.

Я снимаю Хамир, по-новому красивый в ярком свете чистого солнца. Отсюда, из долины, сомкнувшиеся прямоугольные башни с узкими и темными окнами кажутся уходящими до самых белых облаков, парящих над ними. Город неприступен и непроницаем. Мы приехали и вот уезжаем. А он стоял века, холодный и хмурый, и будет стоять еще столетия. Может быть, здесь построят электростанцию, и тогда по ночам в узких окнах будет белеть живой свет...

Мы опять на перевале. Видна уже рейдинская долина с ослепительно белой в утреннем солнце горой. До-

рога петлями спускается вниз, тысячелетняя дорога караванов, которую хочется потрогать руками, как переплет древнего фолианта.

Уже в долине, на полдороге от Гулат-Аджиба до Рейды, отчетливо видной впереди, нас останавливают. Несколько йеменцев, стоя на куче нарытой земли, машут нам руками, а один, спотыкаясь, бежит к дороге. Подходим. Роют колодец. Круглое отверстие около 3 метров в диаметре уходит в темную глубину. Оттуда пахнет теплой глиной. Слышно, как там невидимый сверху землекоп, ритмично напевая, гремит лопатой о ведро.

— Привет! Ну, как там? — кричу я ему, заглядывая в яму.

— Жарко! Давай, тяни!

— Далеко еще до преисподней?

— Не-ет, уже рядом! — хрипло смеется тот.

— А до воды?

— Далеко!

— Там темно и жарко,— поясняет мне йеменец, перехватывая веревку.

Нехитрое приспособление: в вершину вкопанного в землю треугольника из толстых кривых палок вделан деревянный блок. Через него перекинута веревка. Четверо, впрягшись гуськом, тянут по узенькой траншее веревку, поднимая бадью с землей. Двое подхватывают бадью, вываливают грунт, и бадья ползет вниз, а четверка бредет к колодцу. И так день за днем. Работают ритмично, выкрикивая слог за слогом простенькую песню: «Ал-лах ве-лик, да-вай, тя-ни! Ал-лах ве-лик...» Замерили веревку — больше 15 метров.

— А здесь есть вода? — спрашиваю.

— Аллах знает!

— Почему же роете именно здесь?

— Так это как раз будет посреди наших полей...

— ...?! А если так и не дойдете до воды?

— Будем рыть в другом месте. Без воды нам нельзя. Дождей нет. Все горит. Солнце!

Йеменец постарше, стряхивая пот со лба, просительно обращается к Чурину:

— Вот, может быть, господин русский инженер скажет нам, есть здесь вода (жест на яму) или нет. И где есть вода? Аллах наделил вас знанием, скажите нам: есть здесь вода? Мы люди бедные...

Нас обступают. Чурин смущенно разводит руками. Говорит, что нужны специальные приборы и механизмы. А так, просто глядя на землю, только Аллах может сказать, есть там внизу вода или нет. Нужно, чтобы приехал инженер с машиной.

— Зачем же вы тогда приехали сюда? Нам в Рейде сказали, что вы приехали к шейху Ахмару, чтобы рыть колодцы и строить дорогу.

Говорим, что сначала нужно все посмотреть, составить проект, а потом уже можно рыть колодцы. Звучит неубедительно. Все молчат. Потом расходятся, недовольно переговариваясь и взмахивая руками. Снова берутся за веревку. Мы тоже идем к автомашине. Что мы можем сделать?! Чурин не может успокоиться:

— Вручную! И наверняка зазря! Колодцы надо бурить и дороги строить! Правильно рассуждает шейх Ахмар: «Колодец и дорога — начало жизни». Голодному прежде всего нужен хлеб!

НАИТ БЕЛОКАМЕННЫЙ

В Рейде суматоха и шум, как будто сюда только что вошло на отдых большое войско. Везде толпы чем попало вооруженных, кто во что одетых, бестолково снующих аскеров. Мы с трудом пробиваемся к дому губернатора. Обшарпанный бронетранспортер встал поперек площади передом в ворота губернаторского дома, загородив проход. Толпа, навьюченные верблюды и автомашины с трудом обходят его. Три аскера наверху, у станкового пулемета, невозмутимо смотрят на кричащих им прохожих. Другой бронетранспортер подъехал под низкие ветви дерева, похожего на старую иву, и напоминает затаившуюся щуку. Мы останавливаемся рядом.

...В знакомой большой комнате та же картина, что и вчера,— тесно, сесть негде, накурено. Вдоль стен сидят угрюмые мужики в деревенских полосатых рубахах, в мятых пиджаках. На всех — патронташи. Это вожди окрестных племен, старейшины селений, вечные воины, феодалы, они же и землепашцы, с грубыми, обветренными лицами, с тяжелыми крестьянскими руками. Это их люди толкутся и шумят на улицах Рейды, ожидая, что решат здесь. Сидят они не первый день. У них свои

меры времени. Каждый обговаривает свою нужду, нужду своих людей, пока из этих «обговоров» не сложится нужда общая, и тогда решение придет само, как согласное движение всех в одну сторону.

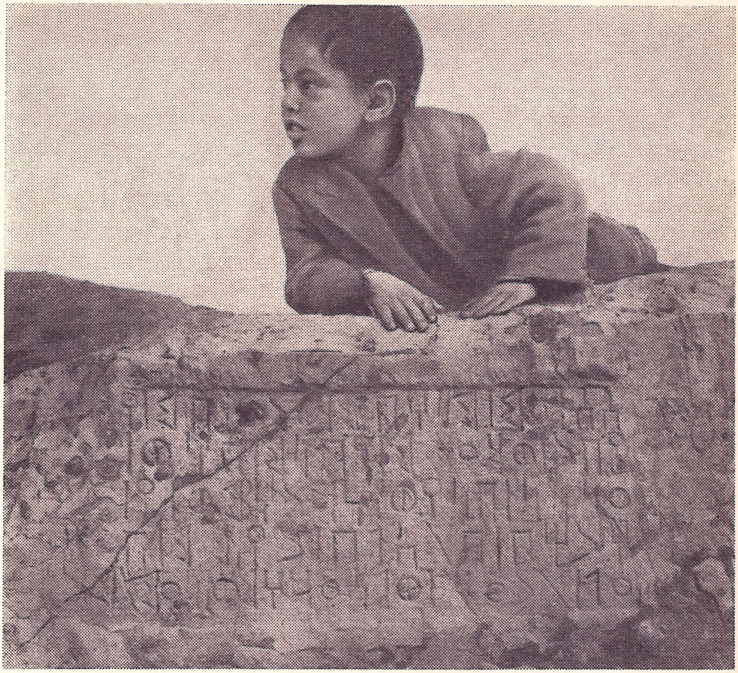
Нас встречают, как своих. Шейх Ахмар освобождает нам место рядом с собой и, не переставая улыбаться, внимательно слушает нашего провожатого, который нашептывает ему на ухо свой отчет. Мы пьем чай, нам подают банки с консервированными персиками. Мы болтаем, развалившись на тюфяках. Шейх Ахмар держится по-домашнему, и мы чувствуем себя его сообщниками.

Именно теперь, когда мы уже никому не нужны, мы начинаем вызывать общее любопытство. Все разговоры прекращаются, хмурые мужики спрашивают нас наперебой, что да почему, есть ли у нас дети, много ли в Москве народу, а кто у меня отец, верят ли в России в бога и что едят космонавты.

— Архаб? Скала с надписями? — переспрашивают меня, и разговор сразу путается, все говорят вразнобой, кричат, перебивают один другого. А мне удивительно, что эти люди говорят всерьез, спорят о том, что самому-то мне сейчас кажется не более реальным, чем сады Семирамиды или розовый снег на Неве морозным утром.

Из объяснений шейхов выходит, что Архаб расположен не так уж далеко отсюда, за горным хребтом, на юго-восток. Дорога туда тяжелая, она идет через горы, и на автомашине нам не проехать. Попасть в Архаб на машине можно по дороге, которая идет туда из Саны, по долине на Хайфу. Но район этот занят монархистами. В пещерах около Рияма, где надо искать скалу с надписями, находится ставка одного из принцев. С ним — европейцы-советники и наемники. Об Архабе нечего и думать. Значит, не найти нам архабской скалы, не прославиться нам навеки!

Тогда кто-то произносит слово «Наит». Все сразу начинают шуметь, и дело решается враз — нам ехать в Наит! И мы с Ахмедом встрепенулись: это, конечно, серьезный вариант. Там во II—III вв. была резиденция могущественных правителей из местного рода Хамдан, которые восстали против царей Сабы в Марибе, сами приняли царские титулы и завладели обширными территориями. В Наите находили надписи; белые колонны, привезенные когда-то с развалин наитского храма, сто-



Строительная надпись, высеченная на скале неподалеку от храма Турат-Рийам в Архабе

ят теперь в Сане, в мечети возле дворца принца Хасана — Дар аш-шукр (Дом благодарения).

Мне неловко при всех листать мой путеводитель — книжку о йеменских древностях, написанную замечательным человеком Хасаном аль-Хамдани — историком, филологом, поэтом и неудачливым политиком, жившим в этих краях в первой половине X в.: у него наверняка что-то написано и о Наите. Он объездил все руины. Так уж складывалось, что теперь мне просто нельзя было ссылаться на свое неведение: для всех я был «алим», что означает «ученый», «знающий»...

Минут за пятнадцать — двадцать мы перемахнули долину Эль-Баун и оказались у отвесного склона высокой горы напротив Рейды. Мы ехали без дороги. Чурин гнал напрямик по потрескавшейся от солнца земле. Пе-

ред подъемом на возвышенность, слева от горы, мы вдруг попали на какую-то болотину, и нас стало мотать вправо-влево по жидкой глине. Из ущелья между горой и отвесным краем возвышенности, невидимый среди каменных завалов, вытекал ручей. Вода держалась, не впитываясь, на глиняной почве, и около горы образовался заболоченный участок с ползучей травой и белыми полукружиями проступившей соли.

Было половина одиннадцатого. Галиб Наджи, молодой шейх, которого шейх Ахмар послал с нами, говорит мне, показывая на гору: «Джебель-Санейн. За ней — Наит». Как прозаически-буднично произносит он названия, которые, кажется, могут существовать только в книгах. И уж во всяком случае никогда бы не подумал я раньше, что кто-нибудь произнесет их мне так, как будто это названия соседней улицы или магазина.

Чтобы объехать гору Санейн и попасть в Наит, нужно подняться на холмистое предгорье Эс-Сайяд, проехать по нему 3—4 километра, потом повернуть на запад, спуститься в лощину и снова подняться на ступенчатую возвышенность.

Самым тяжелым оказалось проехать эти первые километры. Склоны и подножие горного хребта вдоль всей южной стороны долины Эль-Баун от Джебель-Санейн сплошь покрыты лавой. С предгорья можно было разглядеть всю долину. Это — хаотическое нагромождение вздыбленных черных торосов. Среди них возвышается несколько конусов небольших вулканов. Зрелище довольно мрачное — черная Арктика!

Мы едем с холма на холм, среди огромных валунов, опаленных вулканическим зноем. Дороги практически нет. Автомашина подпрыгивает на кусках лавы, то и дело буксует, взвизгивая и выбрасывая камни. Пахнет горячей резиной. Руль вырывается из рук. Чурин проклинает все на свете, и я боюсь, что, не выдержав тряски и жалея автомашину, он повернет обратно.

С трудом выбираемся на вершину каменистого холма, и здесь, у поворота от дороги к небольшому селению, глохнет перегревшийся мотор. Наступает блаженная тишина. До селения метров двести-триста. Галиб Наджи вдруг сползает с сиденья и испуганно тараторит. Я с трудом понимаю, что он упрашивает нас быстрее ехать дальше. Он замешан в кровавую распрю, и, если кто-ни-

будь из этого селения увидит его сейчас здесь, его могут убить. Но никто не появляется. От деревни к нам бегут с лаем собаки...

Стараясь перекричать шум мотора и стук камней о днище, Галиб Наджи рассказывает свою историю. От самой Рейды он держался по-провинциальному церемонно и, только увидев родные места, оживился. Его отец участвовал в революции 1962 г., воевал с монархистами на севере. Шейх Ахмар сделал его амилем этих мест и отдал ему поле одного здешнего, бежавшего к монархистам. Из-за этого поля отца Наджи и убили год назад. Убийцам, конечно, отомстили, перебив несколько человек из их деревни. С тех пор и потянулась череда перестрелок и смертей. В прошлом месяце шейх Ахмар пришел сюда с отрядом и несколько раз выстрелил из пушки по деревне убийц. Там притихли. Иногда все равно стреляют, но не каждый день. Порой устраивают засады на дороге, как и тогда, когда они убили его отца. Поэтому Галиб Наджи остерегается появляться здесь.

Ему лет тридцать, не больше. В нем, можно сказать, мало арабского — шатен, выпуклый лоб, сросшиеся брови, усы щеточкой. Одет он в пеструю трикотажную безрукавку и обычную длинную рубаху из нейлона, на голове — черная чалма. И на шейха племени он не похож. За широким поясом — отцовская джамбия с дорогой рукоятью из рога жирафа и множество разных предметов: нож, шариковые ручки, палочки-зубочистки, бумажные свертки. Он оказался славным парнем.

...Вокруг огромные черные валуны; некоторые из них больше нашего «газика». Какой, наверное, вселенский грохот стоял, когда они летели сюда из жерла вулкана! Земля сплошь завалена кусками лавы и почерневшим булыжником. Все пустынно и бесплодно. Нам встретился только пастух с десятком коз. Мелькнуло его морщинистое лицо, седая борода и черное, как головешка, тело под распахнутой овчинной жилеткой мехом наружу.

Гора Джебель-Санейн обращена к востоку отвесными светло-желтыми кручами. Местами сильно выветренные, они похожи на циклопические дворцы и башни, воздвигнутые на недосягаемой высоте. Над ними плывут белые облака, и снизу кажется, что они задевают за вершины этих причудливых построек. Вначале я думал,

что где-то там находится Наит, и все присматривался, надеясь разглядеть руины.

Вот дорога идет вниз по такой крутизне, что страшно взглянуть.

— Ма фиш хоф! (Пустяки!) — кричит Чурину Галиб Наджи,— здесь проходил танк!

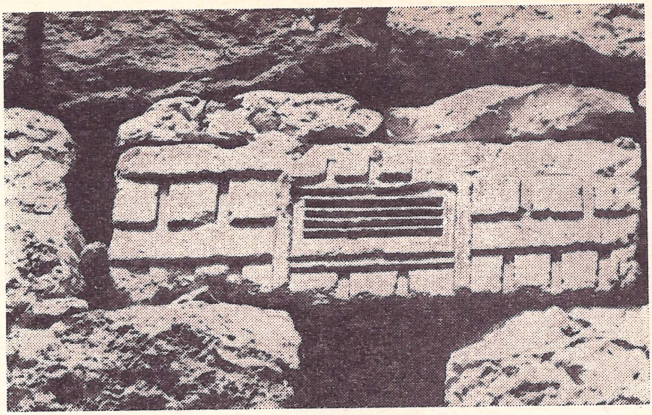
Ну разве что если проходил танк...

Скатываемся благополучно, в клубах пыли, увлекая за собой лавину булыжника и гальки. Долина разделена на небольшие поля. Среди них стоит приземистое здание, как оказалось, мечеть. Рядом — кладбище с бесчисленными плитами. И сразу от него начинается подъем, образуемый ступенями широких известняковых пластов. Словно гигантская лестница, они ведут к подножию крутого холма, даже не холма, а высокого скалистого выступа. На нем что-то пестрое — не то дома, не то развалины. Разглядеть не успеваю: Чурин совершает заключительную «фигуру высшего пилотажа». Непостижимо, как, карабкаясь с одной плиты-ступени на другую, он — под восторженные крики шейха и его аскеров — въезжает почти к самому подножию выступа. Вблизи видно, что выступ очень высок, склоны его отвесны. И на склоне, и особенно у подножия громоздятся гигантские квадратные глыбы отколовшегося камня.

Замолкает мотор, и ясно слышно, как наверху, в селении, кричат высокими голосами женщины, как вопят мальчишки, сбегающие, словно лавина камней, по склону.

Стою, оглядываюсь, и сразу же замирает сердце: передо мной пологим амфитеатром расстилается необозримое поле остатков большого города. Поле очень неровное, всюду на нем бугры, кучи обломков. Во многих местах каменные завалы расчищены, и там устроены пашни. Ближе к верху амфитеатра груды камня становятся все чаще, теснее, а на самом гребне, на прямоугольном постаменте, стоят две колонны. Они выглядят непомерно высокими и соприкасаются вершинами, будто столкнулись, падая, и так стоят века, поддерживая друг друга.

Так вот он какой, Наит! Еще минуту назад он был для меня только книжным словом, географическим названием из средневековых хроник, бесплотным обозначением места, где в едва различимой дали истории про-



Бейт-Дугейш. Деталь архитектурного украшения

изошли некие события. А это, оказывается, необозримое поле с холмами руин, две сомкнувшиеся вершинами колонны и несколько десятков массивных зданий в два-три этажа, в которых живут люди. Здания эти рябые, оттого что сложены из камней разного цвета. Они стоят тесно вдоль скалистого обрыва, каждое как бастион.

Нагружаю карманы фотопленкой, навешиваю на себя свои аппараты: что ни говори, а ведь здесь одно время находилась столица Сабейского царства! Законно или незаконно, вопрос другой, но все-таки факт, что сидевшие здесь правители носили полный титул владыки Савского царства. Я как-то только сейчас вдруг начинаю осознавать смысл всего этого: стало быть, Наит — одна из столиц древнего Йемена! И меня уже захватывает азарт: кто знает, какие открытия ожидают меня там, на руинах и в селении.

В числе самых знаменитых древнейеменских городов описывают Наит и средневековые географы, и историки. Еще в Рейде, сидя у шейха Ахмара, я успел вычитать в книге Хасана аль-Хамдани: «Я видел все древние постройки и крепости Йемена, за исключением Гумдана [11], от которого осталось лишь основание стен. Но я не видел ничего похожего на Наит, Мариб и Дахр. А у Наи-

[11] Древняя крепость, стоявшая на месте современной Саны.

та даже есть преимущество. Это — крепость овальной формы. Стены ее сложены из светлого камня. Она возвышается на вершине горы Санейн...»

И вот он, Наит, передо мной!

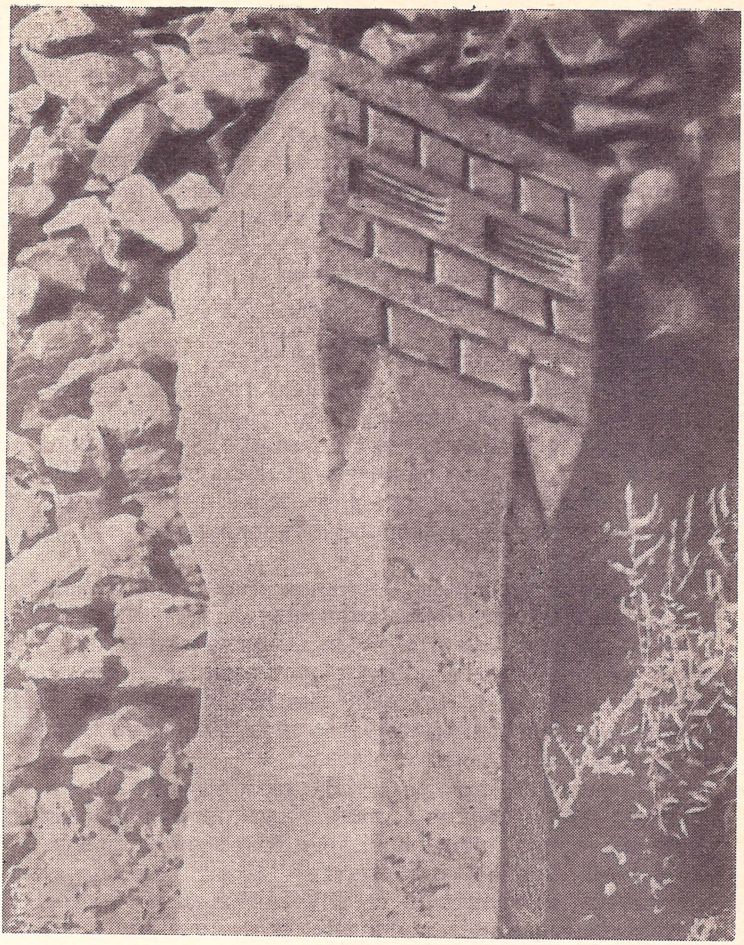
Едва я успеваю сделать первые фотоснимки, как вокруг уже шумят набежавшие возбужденные жители. Толпа увеличивается по мере того, как мы поднимаемся к селению. Нас ведет шейх Наита, высокий йеменец в цветастой чалме. Он взбудоражен не меньше других, говорит громко, размахивает руками, кричит на лезущих под ноги мальчишек. На памяти жителей мы — первые русские, приехавшие в Наит [12]. Мы — почти марсиане. Меня и Чурина трогают за руки, за одежду, следят за каждым жестом, ловят каждое слово. Это действительно необыкновенное событие: двое русских приехали посмотреть на развалины!

Шейх ведет нас к зданию на возвышении на западной окраине. Мы вытягиваемся длинной вереницей по тропинке, огибающей стену здания. У стены толпа останавливается, растет, и мне уже не пробиться к тому месту, на которое все указывают. Издали я вижу, что это — надпись на серой продолговатой плите, выполненная рельефом, изящными буквами. Шейх освобождает мне дорогу, но сойти с тропинки — значит покатиться по откосу склона. Меня проталкивают вперед, и вот я фотографирую надпись, первую из тех 30 с лишним, которые я нашел тогда в Наите.

Само здание огромно, высотой больше 10 метров. Мы обходим его с западной стороны. Стены могут простоять еще тысячелетия. И неархеологу ясно, что это — древний памятник. Они сложены из больших, тщательно отесанных плит, лежащих плотно,— первый признак постройки сабейского времени. Я уверен, что это — один из царских дворцов Наита, которые описывал аль-Хамдани.

Шейх зовет пойти сначала в селение, а я не могу отвести глаз от поля с руинами, лежащего к западу от здания, и от слепившихся вершинами колонн. И мы бредем к ним среди хаоса битого камня, куч щебня, булыжника. Местами все это больше напоминает отвалы горных разработок, чем остатки древнего города. Но все-та-

[12] В феврале 1884 г. здесь проходил Э. Глазер, первым упомянувший о больших руинах Наита.



Часть восьмигранной колонны с капителью. Такие многометровые колонны высекали из цельной глыбы известняка

ки это руины: то там, то здесь торчат фундаменты построек, попадаются куски колонн и полированного мрамора с остатками орнамента, обломки каких-то архитектурных украшений, части шлифованных строительных блоков. Кажется, что люди не просто разрушили великий город, но еще и дробили его камни.

«Разве ты не видел, что судьба сокрушила Наит, и он обратился в прах, и рухнули на землю башни Тальфума?» — так сказал о Наите древний поэт. Город погиб от землетрясений, это ясно, стоит только посмотреть на искрошенные огромные плиты. Всюду черные лавовые поля, по дороге мы видели множество небольших вулканов — все признаки когда-то активной тектонической зоны. И что гадать, когда с холма мне виден гигантский кратер вулкана совсем неподалеку, на юге, километрах в шести-семи. Его жерло обращено в сторону Наита. Из него-то и летели черные глыбы, покрывающие теперь все плато, по которому мы ехали сюда.

Мне говорят, что это — гора Зурб... Вот, значит, и Зурб — «адский пламень Йемена», как его называют в легендах, самый большой вулкан Аравии!

Одну за другой обходим заваленные камнями руины. Понять в них что-то невозможно. Разрушение сделало их однообразными, и теперь только археологические раскопки могли бы, наверное, объяснить, что это были за постройки.

— Дайма (овчарня),— говорит шейх, показывая на низкую лачугу, небрежно сложенную из битого камня.

Я заглядываю внутрь — здесь может укрыться с десяток овец и коз. А крышу ее подпирает... красивая древняя колонна с круглой капителью и с изящными желобками-каннелюрами вдоль ствола! Нижняя половина ее погребена в овечьем навозе.

Я измеряю ее и рисую в тетради. Знакомый с древней архитектурой увидит в каннелюрах эллинистическое влияние, а это определяет время изготовления колонны — I—II вв., самое позднее — III в. Трехъярусные украшения на капители, ее круглая форма, пропорции частей указывают на принадлежность колонны к определенному художественному стилю. Она — как кость древнего животного для палеонтолога. Мне от нее не отойти: я боюсь недоглядеть какую-нибудь деталь, важную мелочь.

На мое занятие смотрят как на забаву иностранца: кто с недоумением, кто снисходительно. Мальчишки залезают поглазеть в другие овчарни. Всем скучно стоять здесь на жаре. Ахмед с шейхом ушли давно, и я вижу, как они взбираются на постройку с двумя высокими колоннами.

Селение Сурха близ Зафара — столицы древнего Йемена. Фрагмент каннелированной колонны с базой

Она выглядит величественно: прямоугольная, над землей возвышается метра на два четыре ряда кладки из многотонных, хорошо обработанных блоков. На двух крайних блоках в юго-восточном углу и установлены два громадных сомкнувшихся вершинами четырехгранных монолита высотой около 8—9 метров. Кто-то не пожалел сил затащить сюда эти громадины и поднять: сами они не могли устоять здесь во время землетрясения, которое разметало всю колоннаду. Сейчас от нее остались лишь эти две колонны. Другие либо разбиты, либо погребены в земле.

Немного поодаль — большой водоем, вырубленный в скале, такой же, как и в крепости в Каср Шахир. Когда-то водоем был крытым: сохранились четыре опорные колонны, на которых лежат плиты перекрытия. Спускаюсь по ступеням, высеченным вдоль стенки, чтобы сделать замеры. За мной следует моя свита, мальчишки, которые тут же начинают аукать, чтобы вызвать эхо.

Мы усаживаемся отдохнуть на постройке с колоннами. Зной разморил всех. Меня тормошат — расскажи, что узнал! Узнал-то я еще немного, но кое-что уже складывается. Когда-то здесь был храм. Судя по строительному материалу, по обломкам архитектурных украшений и особенно по прекрасной колонне с каннелюрами в овчарне, это был не очень старый храм.

Имя божества, которому храм посвящен, я прочел на одной надписи. Оно-то и дало мне ключ ко всему: божеством назван Талаб. Это было местное имя божества Луны. Заявив притязания на верховную власть в Сабейском царстве, жившие в Наите правители из рода Хамдан начали вводить на подвластной им территории почитание своего божества — Талаба. Всюду стали строить посвященные ему храмы. Это происходило в I—II вв. Тогда же, вероятно, построили и этот храм, игравший, стало быть, роль столичного.

...Руины тянутся и дальше, к западу и на север. Мне показывают на холмы камней и говорят, что там тоже есть «древности» и древняя мощеная дорога, которая ведет к еще одному большому водоему — судя по жестам — очень длинному. Какой огромный город! Но я хочу вернуться в селение. Шейх, широко раскрывая глаза и разводя руками, уверяет меня, что там полным-полно надписей, найденных на этих развалинах. И вот вся

На руинах храма богу Луны в Наите

толпа, возбужденная моими рассказами, идет назад напрямик через каменные завалы, и вот уже ко мне подбегают и обещают показать и колонны, и «камни с рисунками», как они называют надписи, и я уже сам верю их невероятным обещаниям и подробностям.

Я изнемогаю от сухого зноя, пышущего отовсюду — и сверху, и от камней. Мне тяжело идти, я едва поспеваю за всеми. Тяжесть — предгрозовая. Но на меня машут руками: «Какой дождь? Уже пятый год здесь не упало ни капли!»

«Самый большой среди дворцов Наита,— читаю я стоящим вокруг из книжки аль-Хамдани,— это царский дворец, называемый Йарук. Другой дворец называют Зу Лаава. Он сложен из выпуклых камней кубической формы, похожих на небольшие щиты». «Где этот дворец?» —спрашиваю. И меня ведут к большому квадратному зданию, похожему на сундук. Стены без единого окна.

— Вот! Этот?

Строили его, наверное, циклопы: он из огромных базальтовых кубов. На их обработанной поверхности

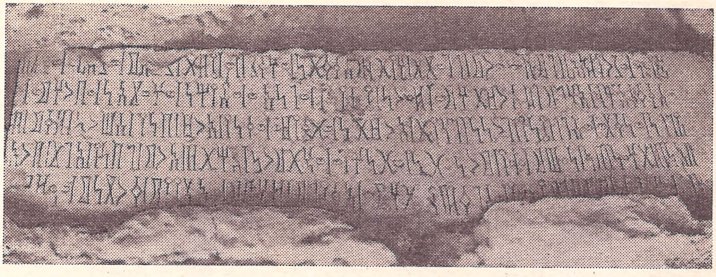
действительно есть округлые выпуклости, напоминающие щиты. Царский это дворец или нет, сказать трудно. Он несколько мрачноват, но совершенно похож на здание, которое описал аль-Хамдани. Прошу провести меня внутрь. Все мнутся. Желающих проводить нет: дом жилой. Подхожу ко входу. Дверной проем и притолока составлены из обтесанных блоков. Внутри темно.

Меня зовут назад. Зовут, показывая на осыпавшуюся яму. Подхожу — виден угол полированной плиты с надписью. Приносят что-то вроде кетменя, раскапывают землю. Длинная, хорошо сохранившаяся надпись! Ахмед начинает лихорадочно переписывать ее в свою тетрадку. Я фотографирую. Меня сразу же ведут дальше: на расчищенной площадке лежит восьмигранная колонна, тут же и круглая капитель, обломки каких-то строительных деталей, мраморных плит, еще части колонн.

Теперь я фотографирую чуть ли не на каждом шагу: то архитектурные детали, то плиты с надписями, целые и обломки. Они встроены в стены домов как обычные камни, чаще «вверх ногами». Иногда к ним трудно подобраться. Смотришь — плита с надписью служит подоконником на третьем этаже, другая поставлена вертикально и делит окно пополам или же — где-то на самом верху — белеет изящная капитель. И тогда начинаются крики и споры, как мне добраться до них. То мы карабкаемся на крышу соседнего дома, то несут лестницу.

Мальчик, приняв таинственный вид, тянет меня за руку. Огибаем с ним полуразвалившуюся постройку, и на задней стене ее я вижу обломок плиты с текстом, высеченным мелкими буквами. Спасибо, мальчик! Все разбрелись среди домов. Я уже не знаю, где Чурин и Ахмед. Меня ведут в одно место, в другое. Вот еще надпись — полный текст, четкое, красивое письмо. Плита — как плакат, посередине стены. Показывают старую мечеть, и я вижу, что она перестроена из языческого храма.

Только где же твои стены, Наит белокаменный? Ведь аль-Хамдани пишет — я показываю это место в его книге, и с десяток голов тянется взглянуть: «Наит — это круглая крепость из светлого камня, стоящая на вершине Джебель-Санейн... А вокруг него — стена,



Наит. Редкая сабейская надпись юридического содержания

сложенная из обтесанных и плотно пригнанных камней». Нет нынче этой стены в Наите. Зато здесь тесно стоят грузные двух-, трех- или четырехэтажные дома. Они сложены из блоков разной формы, разного цвета и разного качества обработки, потому-то они и показались мне снизу такими пестрыми.

В них сошлись, перемешавшись, все времена: тут и камни от языческого храма сабейцев, и светло-желтые гладкие блоки с городской стены, возведенной по приказу царей Сабы и Зу Райдана из рода Хамдан, тут и черные бруски из туфа или базальта, обработанные каменотесами химьяритских, эфиопских или персидских правителей[13], и камни от средневековых домов, воздвигавшихся здесь с именем Аллаха на устах. Я показываю на них Чурину: «Смотрите, вот она — связь истории! Чем вам не Греция или Рим? Теперь видите, как всюду исчезали древние города?»

Разрушение Наита началось с землетрясения, а довершали его люди. Оно продолжается и поныне. Мне объясняют: решив построить себе дом, человек разгребает один из завалов и берет оттуда готовые блоки. Трудность состоит лишь в том, что одному или даже вдвоем-втроем не справиться с этими тяжеленными каменными шпалами — нужна артель. Значит, нужны деньги. На постройку домов в нынешнем Наите и в окрестных селениях и пошли белые камни древних

[13] С начала IV в. вся Южная Аравия оказалась под властью царей Химьяритского государства, прежде зависимого от Сабейского царства. В 20-х годах VI в. Йемен был завоеван эфиопами, а в 70-х годах того же века — персами.

Наит. Сабейская надпись

городских стен и стоявшие здесь еще в X в. 20 дворцов, помимо царских.

В Наите нет ни улиц, ни переулков: дома возникали, как грибы, где попало, обрастали пристройками. Узкие кривые проходы ведут от дома к дому. И внутри селения всюду кучи камня, груды развалин, среди которых кое-как сложены бедные хибары. А для дверного проема или притолоки, смотришь, взята 16-гранная колонна или плита с надписью.

На северо-восточной окраине селения, вдоль отвесного склона холма, среди нагромождений глыб известняка — каждый с целый дом — жмутся странного вида жилища. Стены — высотой в 6—7 метров. Я узнаю белые блоки от городской стены. Кое-где из отверстия в стене тянется дым. Из-за каменных оград, из темных дверных проемов, из щелей, завешенных тряпками, появляются люди. Женщины по большей части в черном, дети — в капорах, в ермолках. Задней стеной жилищ служит склон холма. В нем, как мне говорят, целый лабиринт пещер. Это жилища евреев, уклонившихся от выезда в Израиль. Их немало в этих краях.

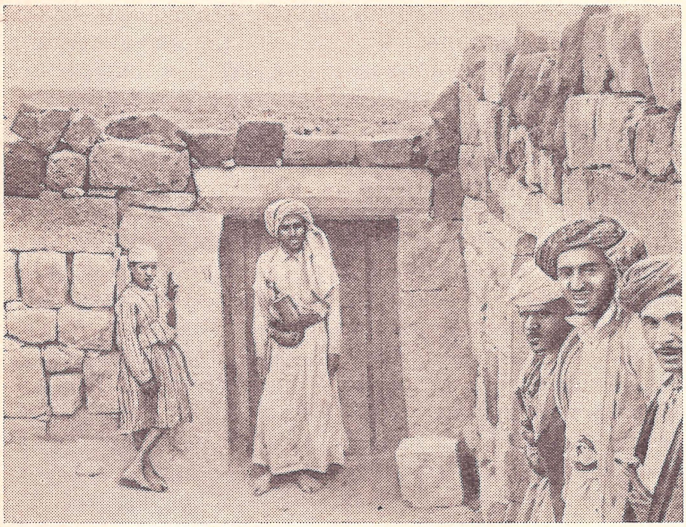
Мы разговариваем со стариком, вышедшим к нам из ближайшей хижины. За него цепляется маленькая девочка в черном нейлоновом платьице, в капоре и с кожаной ладанкой на груди. У старика узкое истощенное лицо с длинным носом, низко свисают слипшиеся пейсы. На нем черная чалма, овчинный жилет с наплечниками и длинная рубаха.

— Наша страна — здесь,— говорит он на мои расспросы и часто моргает красными, гноящимися от трахомы веками. Все теснятся вокруг, ожидая разговора, но старик неразговорчив. Наш шейх пытается расшевелить его. Старик сурово смотрит то на него, то на меня. В конце концов Галиб Наджи становится рядом с ним, обнимает его за плечи и зовет Чурина. Я фотографирую эту троицу под общие крики: «Сада-ака! Тама-м!» (Дружба! Хорошо!) Старик вытирает рукавом больные глаза и страдальчески улыбается, обнажая желтые редкие зубы. Девочка, испуганная шумом, начинает плакать. Он берет ее на руки и уходит, загребая пыль разношенными сандалиями из кожи.

И происходит невероятное: сначала падают крупные капли, горячие известняковые плиты делаются пятнистыми, а скоро начинает накрапывать. Йеменцы приходят в возбуждение, но кажется, и они сомневаются, будет ли настоящий дождь. И наверху, в селении, и здесь, среди лабиринта еврейских хижин, слышатся протяжные выкрики.

Мы стоим у низкой мечети. Это прямоугольный каменный сарай. Перед входом, непонятно зачем, вкопана узкая плита с надписью. Мальчишки разгребают землю — конец плиты засыпан. Прикрывая аппарат от дождя, снимаю эту редкую по исполнению надпись: она рельефная в отличие от древних сабейских, резных, но все-таки довольно ранняя — по характеру письма, вероятно, около середины I в. Сделав снимки, бегу в мечеть. Там неуютно и пусто. На полу — пыльные соломенные циновки. Две колонны подпирают кривую источенную балку перекрытия потолка.

Еще не верю, что дождь пошел всерьез: ведь я не осмотрел и половины Наита! Едва все затихает, как я тороплюсь пойти наверх. Но тут-то все и начинается! Переменился запах воздуха, и сразу наступает полутьма. Лиловое облако наползает на холм с юга. И хлы-



Наит. Двери в жилище

нул ливень. Он хлынул вдруг и как-то очень страшно — неожиданно и с неистовой силой. Толпа вокруг нас вмиг рассеялась. Часть йеменцев, прикрывая головы руками, бросается к склону холма и рассаживается под прикрытием каменных глыб. А мы одни бежим к своей машине, скользя по мокрым камням. Все вокруг отгораживается от нас стеной падающей воды. Мы бежим, огибая древний город, к своему «газику». Я еще пытаюсь, на бегу, посмотреть наверх, чтобы запомнить, что́ там, с этой стороны холма. Но оттуда, с обрыва, хлещет водопад.

Еще два-три часа, и мы бы осмотрели все. Мы не увидим архабской скалы и ничего не прибавим к легенде о царице Савской! Но мы нашли Наит, одну из столиц ее царства. Предание утверждает, что свое название Наит получил по имени не то внука, не то правнука царицы и что основан он был в том самом веке, когда она, говорят, ездила побеседовать о мудрости с царем Соломоном.

И вообще, грех жаловаться: не делая раскопок, просто прогуливаясь по Наиту, мы нашли столько, что

хватило бы на целую экспедицию: остатки храмов и царских дворцов, множество руин и почти четыре десятка древних надписей, целые и разбитые колонны, бесчисленные обломки архитектурных украшений, древние водоемы, высеченные в скалистом холме,— какое поразительное богатство памятников древности!

А если бы провести раскопки, то нашлось бы и все остальное, о чем написано у аль-Хамдани: и дворы, выложенные плитами, и скамьи из мрамора, на которых восседали вельможи во время царских приемов, и украшавшие стены дворцов барельефы с изображениями различных зверей и птиц, сцен охоты (коршуна, вцепившегося в зайца, своры собак, бегущих за газелями), статуи царей.

Кто не знает истории химьяритов
И оставшихся от них на земле построек,
Пусть отправится в Наит! —

писал аль-Хамдани.

Конечно, Наиту повезло меньше, чем, скажем, Хамиру, не говоря уже о Марибе: народное предание не связало с ним красочных легенд, хотя он и был столицей царства. И его забыли, как забыли и всю историю тех столетий, за исключением имен двух-трех царей, случайно прочитанных когда-то в надписи и сохраненных хрониками. В европейской литературе о Наите встречаются лишь беглые упоминания. Единственным путеводителем по его истории, по его руинам и его окрестностям и сейчас остаются страницы в книге аль-Хамдани, написанной больше тысячи лет назад. Какая удивительная страна!

...Земля еще не успела промокнуть, вода бежит по окаменевшей поверхности, и только поэтому мы сравнительно легко проскакиваем широкое поле и с ходу въезжаем по крутому подъему на плато, покрытое вулканической лавой. Через несколько минут это поле превратится в глинистую топь, и тогда по нему и пешком-то не пройти, а об автомашине и говорить нечего. Ливень падает стеной. Бурлящие потоки волокут с грохотом камни. Ехать становится все труднее. Автомашину заносит, потоки желтой воды бьют в колеса, заливают пол кабины. Под нами с шумом плещется вода, стучат о днище камни. Машина, подрагивая, по-

немногу движется вперед. Дорога идет вдоль обрыва. Поток воды и камней мчится через дорогу, падает вниз и оттуда слышен грохот настоящего водопада. И вокруг по склонам гор скачут, плещутся мутные потоки. Они заливают одно за другим террасные поля, превращая их в желтые озера. Вода в них поднялась до краев каменных оград и переливается на нижние поля.

Наши спутники поют, хлопают в ладоши, толкают друг друга, топают. Они — местные крестьяне, и этот дождь для них — все: хлеб на полях и трава на пастбищах, сытые дети и веселые праздники. Какое счастье, когда весной идут сильные дожди! Их не было здесь уже пять лет.

— Аллах благословил ваш приезд,— кричит шейх Галиб Наджи и целует мне плечо и затылок.

...Дождь уже совсем стих, когда мы, до испарины разогретые тряской, подъехали к деревеньке Хармаль, владению шейха Галиба Наджи. Он требует, чтобы мы заехали к нему. В его голосе — и мольба. Поворачиваем. Тяжелые двухэтажные дома из черных глыб блестят после дождя. Селение находится на склоне. Посередине переулка шумит пузырящийся поток. Мальчишки, подобрав подолы рубах, шлепают по лужам, голосит петух, мычат коровы, сладко пахнет дымом. Выбежала женщина и, вскрикнув, тут же исчезла, прикрывая лицо платком. Нас встречают пожилой йеменец с винтовкой и мальчик лет тринадцати в синей полосатой рубахе. Чинно здороваются с нами, целуются с шейхом. Ведут к большому дому. Окна в нем только на втором этаже.

В долине и по склону горы снуют женщины. Пронзительно перекликаясь, они возятся у стоков, устроенных в каменных оградах. Главное сейчас — не дать воде сразу уйти с полей. На каждом поле в ограде есть желоб для стока воды вниз, в следующее поле. Нужно приоткрыть желоб на столько, чтобы вода равномерно разошлась по нижним полям и не ушла зря в долину. За этим следят женщины. Это их обязанность. Мужчины сейчас сидят по домам, курят и разговаривают.

Нас приводят в длинную пустую комнату с закрытыми окнами. В дальнем углу — какие-то мешки, груда овчин. Давно небеленные облупившиеся стены, глиняный пол. На торчащих из стены кривых палках ви-

Мы с Р. И. Чуриным в гостях у крестьянина в селении Хаз

сят винтовки. В «парадном» углу, куда приглашают нас, лежат грязные тюфяки. Сейчас бы горячего чаю!

За эти два дня путешествия мы стали мудрее, и происходящее уже не кажется нам экзотичным. Успеваем окончательно закоченеть, покуда мальчик приносит жестяной поднос с чашками и чайник.

Уже все знают, что было в Наите, как пошел дождь и что на нас — благословение божие. Все требуют, чтобы мы остались ночевать. Завтра заколют баранов и будет пир. Мы дружно отговариваемся, ссылаясь на то, что нас ждет шейх Ахмар.

Провожатым нам дают мальчика. У него сияют глаза. Он стоит на подножке и по-взрослому командует Чурину: «Направо», «Налево». Эскортом служат собаки, бегущие с лаем по обе стороны автомашины.

Кругом — потоп. Все залито. Мальчик ведет нас кружной дорогой, минуя глинистые поля, где мы бы наверняка застряли. У спуска в долину Эль-Баун он спрыгивает с подножки и прощается.

Мы съезжаем в долину. Над ней в ясном небе горит солнце. За нами следом встает желтое облако пыли:

здесь не упало ни капли дождя. Мы останавливаемся и выходим посмотреть, не веря глазам. В горах позади нас висят низкие черные тучи; видно, как на склонах поблескивают потоки. А впереди перед нами — все та же пустая желтая равнина. Над Рейдой и над горами за нею плывут редкие белые облака. Горький запах сухой земли. Тишина...

К Рейде подъезжаем вечером. Пастушата с баклажками-тыквочками у пояса торопливо гонят с улицы коз и баранов. Не пройти, не проехать. Остро пахнет стадом. Звон колокольчиков, блеянье овец, выкрики пастушат. Музыка из транзисторов, шум вечерней улицы. Сигналя без перерыва, медленно пробираемся к губернаторскому дому на площади. Она вся забита вооруженными аскерами. Никто не обращает на нас внимания. Из грузовиков выбрасывают прямо на землю, на руки стоящим возле узлы, мешки. Грохоча о деревянные борта оружием, перелезают аскеры. Юбки им мешают. Их подталкивают сзади. Смех и ругань.

Охрана у ворот расступается. Во дворе горят костры. Вокруг костров — люди, горы полосатых мешков — настоящий бивак. Весело и тревожно. Слышно пение. Мы идем в дом. Дверь в комнату наверху распахнута. Там ярко горят лампы, слышен громкий разговор. Шейх Ахмар рассеянно кивает нам, делает рукой жест, приглашая подойти, и возвращается к прерванному спору с сидящими напротив него.

Сесть нам негде, всюду занято, и все время приходят новые и новые люди. Они как-то ухитряются втиснуться между сидящими. Лишь в середине комнаты еще немного свободно. Там в ряд стоят три высоких кальяна. Они дымят и булькают беспрерывно. Молодой аскер в носках переходит от одного к другому вдоль сидящих, держа обеими руками большой медный поднос, плотно уставленный гранеными стаканчиками с густым чаем. Стаканчики берут иногда сразу несколько человек, передают задним, расплескивая чай себе на руки, на плечи, на головы сидящим впереди. Слышатся сердитые выкрики, смех.

Прощаемся, стоя между кальянами. Шейх Ахмар пожимает нам руки. Я говорю ему, что мы благодарны за гостеприимство. Он внимательно смотрит на меня, и я не выдерживаю — улыбаюсь, шейх отвечает мне

снисходительной улыбкой. Он — шейх, он — политик, он с детства приучен к мысли, что всякое общение — это чья-то выгода, и он с детства же приучен все обращать к своей выгоде. Он уверен, что переиграл нас. Ему недоступно поверить, что только желание взглянуть на памятники древности и элементарное незнание обстановки были причиной тому, что мы оказались в Рейде.

Уходим. Я вглядываюсь напоследок в обращенные на нас лица, серьезные, как на молитве. У горцев веки густо подведены сурьмой. Странно видеть у таких суровых мужчин накрашенные глаза. С трудом проталкиваемся к выходу через стоящих в мятых пиджаках, полосатых рубахах, овчинных безрукавках, пахнущих мужицким потом, землей и крепким табаком людей, пришедших сюда по призыву своего шейха. Вот мы сейчас уедем, а они будут говорить о том, можно ли еще договориться с правительством или все-таки надо воевать против него.

Люди толпятся и перед дверью, и на лестнице. Им не попасть в комнату, но все стараются протиснуться поближе, тянут шеи, чтобы увидеть что-то внутри или услышать. Все возбуждены, на нас смотрят между прочим. Похоже, что сегодня здесь действительно произойдет что-то важное, примут какие-то важные решения. И кто знает, может быть, это поведет к крупным событиям, решительным переменам, и тогда происходившее здесь в эти два дня станет историей, о нем будут писать, будут пытаться представить себе, как все было, точно, как мы сегодня, когда обходили руины древнего Наита, думая о событиях давних времен.

УДИВИТЕЛЬНО — Я В АМРАНЕ!

Последней милостью шейха было то, что он велел снабдить нас бензином, дал провожатого и охрану. Гремя винтовками, путаясь в одеждах и крича, аскеры втискиваются на заднее сиденье. Не меньше десятка их облепило автомашину: одни пристраиваются сзади, другие стоят на подножках, а кто-то даже пытается поехать на капоте — его стаскивают.

Чурин включает фары, и в их свете мелькают но-

ги — босые, в пыльных ботинках, сандалиях,— полосатые юбки, подолы рубах, приклады винтовок. Мальчишка присел в полосу света и корчит нам рожицы.

Наши провожатые кричат на обступивших, отталкивают их прикладами. Сигналя и мигая фарами, мы наконец трогаемся и медленно едем по тесной улице, уже зажегшей свои ночные огни. Дверные проемы лавок ярко освещены, на выставленных жаровнях краснеют раздуваемые угли. Мы едем в сплошной толпе. Прохожие пытаются разглядеть нас, хлопают по капоту и по крыльям автомашины, дергают за одежды стоящих на подножках. И вдруг все смолкает — слышен только шум мотора. Мы въезжаем в непроглядную темень. Рейда остается позади. Один за другим спрыгивают с подножек добровольные провожатые. Мы одни. В полосе света видна наезженная пыльная дорога.

Уставшие от проводов, наши спутники понемногу оживают. Я оглядываюсь и не могу разобрать, сколько их там: четверо, пятеро? И как они там помещаются? Но все довольны. Скоро в кабине становится шумно, все говорят, перебивая один другого, смеются, возникает и прерывается пение — как будто подвыпившие мужички возвращаются с удачной ярмарки. Чурин или я время от времени кричим: «Куда ехать?» В ответ сзади раздаются смех и дружный вопль: «Алату-уль!» (Прямо!)

Где мы? Наезженная дорога давно кончилась, мы проскочили с десяток перекрестков. То едем по невспаханному полю, и под колесами трещат сухие стебли жнивья, то опять появляется дорога, и мы едем вдоль глинобитных оград.

Однажды в стороне мелькнули силуэты нескольких домов. Послышался лай собак. Вдалеке зажегся и погас огонек. Йеменцы примолкли, один из них просит ехать медленнее и погасить фары: здесь иногда обстреливают проезжающие автомашины. Несколько минут мы едем в полной темноте. Чурин только по движению колес и по тряске угадывает дорогу, иногда на миг включая подфарники. Наконец смотревший все время в окно йеменец говорит: «Тамам! Алатуль!» (Порядок! Прямо!), и мы опять едем бойко и шумно. Спутники наши снова принимаются ругать правителей в Сане,

президента, американцев, хвалить шейха Ахмара и республику. «Что такое, по-вашему, республика?» — спрашиваю, и мне отвечают, что это — когда нет имама-короля и его эмиров и когда каждый может поступать по своей воле.

Вдруг — стоп! Машина тормозит, я едва не стукаюсь лбом о стекло, сзади меня кто-то брякает о дно машины винтовкой. Навстречу нам, держа наперевес оружие, бегут люди, из темноты выступают еще несколько аскеров. Наши спутники молчат.

В полосе света появляется высокий человек в белой чалме и в распахнутом пальто с черной овчинной подкладкой. За плечом — винтовка. Подходит, всматривается в Чурина — тот сидит невозмутимо, положив руки на баранку руля. Буркнув «Маса аль-хейр!» (Добрый вечер!), идет к задней дверце, открывает, светит фонариком внутрь. Секунда, другая, третья... и начинаются восклицания: «Маса аль-хейр! Кейф аль-халь? Ахлян, ахлян, шейх!» и т. п. (Добрый вечер! Как самочувствие? Добро пожаловать, шейх!) Оказывается, с нами едет местный шейх, он же еще и брат губернатора города Амрана, куда мы, как ни странно, и прибыли.

Открываю дверцу, и сразу несколько голов тянутся к кабине. «Это Амран?» — спрашиваю, не веря. Мне почти хором отвечают: «Амран!»

Едем дальше. Высокий йеменец в распахнутом пальто, стоя на подножке, показывает дорогу. Мелькнул огонек, другой, послышался лай собак, запахло дымом. Темный массив города. В свете фар видны углы и стены строений. У ворот с низкой аркой появляются аскеры. Они загораживают нам путь и снимают с плеч винтовки. Высокий в пальто кричит им что-то коротко и властно. Все расступаются.

Подпрыгивая на камнях, въезжаем, как в туннель, в длинный гулкий переулок. Долго петляем по кривым улочкам, таким тесным, что прохожие, для того чтобы пропустить автомобиль, должны прижиматься к стене. Они стоят не шевелясь, словно изваяния. У некоторых в руке фонарь. Электричества в городе нет.

На крутом повороте задеваем крылом о стену. Перед нами — низкие ворота с деревянными створками. Прикрывая глаза от света, навстречу нам идут два вооруженных аскера в пальто. Наши провожатые спры-

гивают с подножек. Тяжело скрипя, раздвигаются половинки ворот. Настоящая крепость.

Двор наполняется людьми с фонарями. Беготня, крики. Проходим, как сквозь строй. Многие выскочили полуодетые, без чалмы, в одних длинных рубахах. Начинаем восхождение. Каменная лестница, переходы, площадки, двери в полутемных коридорах. Босой йеменец в белой тюбетейке открывает большой замок на двери. Заходим. Спертый воздух. Сквозь окна и витражи мерцают звезды, желтеют огоньки в невидимых домах. Вносят шипящий «петромакс» — и все оживает.

Длинная неширокая комната. Вдоль стен лежат свалявшиеся тюфяки с пестрыми подушечками. Окна начинаются почти от пола. В правом углу стоит похожий на сундук низенький столик-бюро, кое-как сколоченный из фанеры и заляпанный чернилами. На вбитом в него гвозде, как чеки в магазине, наколота пачка бумажек. Наверное, канцелярия.

Мы с Чуриным устали. Без малейшего интереса смотрим на суетливую возню вокруг нас. Ахмед уже молится. Входят аскеры, громко здороваются, жмут нам руки. У нас даже нет сил приподниматься каждый раз. Как вельможи, вяло протягиваем руки.

В комнате набилось десятка два аскеров. Они рассаживаются на тюфяках, нимало не стесняясь разглядывают нас, как диковинных зверей. Приносят ужин — на большом жестяном подносе несколько мисок с соусом, стопка лепешек и две алюминиевые ложки. Йеменец-слуга, суетливый и плешивый, в неподпоясанной рубахе, ставит перед нами две банки консервированных персиков и, присев, как-то снизу заглядывая в лицо то мне, то Чурину, скороговоркой тараторит: «Кейф аль-халь?! Ахлян, ахлян! Кейф аль-халь? Ахлян...» Мы подсаживаемся к подносу с мисками. Те, кто оказался в «первом ряду», враз суют руки в миску, чавкают и облизывают пальцы, запачканные в соусе. Другие тянутся к мискам из-за спин сидящих. Один из аскеров, которому не хватило места сесть, резко нагибается, чтобы обмакнуть в соус лепешку, из-за его пояса с громким стуком падает ребристая «лимонка» и катится к подносу. Оцепенев, все смотрят на черный шарик. Секунда-другая — и йеменец быстро хватает «лимонку»

и сует ее за пазуху. Общий смех. Растяпу отталкивают, он оправдывается.

Мы уже заканчиваем ужин, когда в дверях начинается возня и громкая перебранка. Трое босых аскеров под началом неугомонного плешивого слуги втаскивают большую железную кровать с металлической сеткой. Слуга подбегает к нам и, весь сияя, вертя остроносым личиком, тараторит: «Ну, хорошая кровать?!» Но мы отказываемся, уверяя, что на тюфяках нам спать удобнее. Сначала он оторопело смотрит на нас, потом вполне искренне соглашается, что троим на одной кровати не поместиться и вообще спать на тюфяках и удобнее, и естественнее.

...Мы проснулись, едва лишь комната наполнилась сумеречным светом занимавшегося утра. Спать дольше было невозможно: мириады блох бесновались на наших тюфяках и покрывалах. Чурин брезгливо отряхивал рубашку и брюки. Казалось, что и по полу нельзя пройти, не ступив на копошащуюся массу блох. Но зато мы в Амране, и за окном синее утреннее небо, видны стены и плоские крыши одного из древнейших городов мира! Ему было уже, наверное, не меньше тысячи лет, когда родился пророк Мухаммед, сокрушивший язычество и сделавший безвестных бедуинов историческим народом. А для нас Мухаммед — почти мифическая древность.

Открываю окно и встаю на подоконник. Отсюда можно разглядеть лишь небольшую часть города. Снизу, с улиц и из домов, несется разноголосое пение петухов, лают собаки, слышатся выкрики пробудившихся жителей. В переулке напротив нашего дома одна за другой открываются дверцы лавок, выходят сонные люди в мятых одеждах. Мальчик накачивает большой примус под ведерным медным чайником. Вот уже слышатся звуки музыки из транзистора, и сладкий, меланхолический голос модного йеменского певца поет об изгнаннике, всю жизнь мечтающем о родном доме:

Богом заклинаю тебя, о птица моя серая,
Расправь шире крылья и отнеси меня к дому,
К дому отнеси меня, что в селении меж двух гор,
возле потока...

Еще немного — и город оживет. Удивительно — я в Амране!

На небольшой площади перед воротами нашего дома между лежащими и стоящими верблюдами и ослами возвышаются, как раскрашенные слоны, три большие грузовые машины с высокими железными бортами, разрисованными пальмами, горами и башнями.

Здесь улицы еще теснее, чем в Хамире. Навесы перед лавками подпираются древними колоннами, которые рисовал одну за другой в 1939 г. Карл Ратьенс, первооткрыватель Амрана, первым начертивший план города и прошедший по его улицам. В 1939 году! Он очень человечно описал, как его донимали клопы и блохи на ночлеге в доме губернатора, в том самом, где теперь остановились и мы, как мучили его до крайности возбужденные зрители, и особенно мальчишки, когда он ходил от дома к дому, копируя надписи.

Мы пережили все это сполна, осматривая днем город. Что там Наит с его по-деревенски сдержанными и застенчивыми жителями и услужливыми мальчиками! Здесь толпа обступала нас тесным кольцом. Мне нужно было спиной отжимать людей назад, чтобы выкроить расстояние для фотографирования надписи. Стоило мне посмотреть на верхний этаж дома, как все головы поднимались кверху. Стоило мне подойти к обломку надписи, встроенному в стену, как вся толпа начинала напирать на меня сзади, стараясь разглядеть предмет моего интереса. Мальчишки проползали меж ног взрослых к самой стене и смотрели то на меня, то на злосчастный обломок. Только после отчаянных криков и тычков наших провожатых-аскеров, которых отправил с нами шейх, удавалось немного и ненадолго отодвинуть толпу и сделать фотоснимок, бегло осмотреть остатки древней постройки.

В Амране все древнее. Здания разрушались от старости, из их обломков строили новые, и новым в них был только фасон, а камни стен были все те же, вытесанные много веков назад.

Первую надпись из двух десятков, найденных в Амране, я увидел в воротах нашего дома, когда мы выходили на осмотр города: длинный блок с текстом охранительной надписи-заклинания «Вадд-отец». Вадд — одно из имен верховного божества Южной Аравии, божества Луны, такой огромной, почти живой в этих широтах.

Мы обошли бо́льшую часть города. Толпа, наши мучители, менялась от квартала к кварталу. Порой мы старались ходить порознь, чтобы разделить ее. Нас оставили в покое, только тогда, когда мы зашли в главную мечеть и за нами закрыли дверь. Наступила тишина. В одних носках мы прошли по стареньким паласам меж колонн в молитвенном зале во двор, устланный плитами. Высокая ограда двора сложена из древних блоков, среди которых были и надписи, и замечательной красоты барельефы священных символов древности — быков с виноградными лозами, растущими между рогов, и горных баранов с круто загнутыми рогами. На колоннах внутри мечети я нашел сабейские надписи. У подножия колонн, опершись о них спиной, дремали, положив раскрытый Коран на колени, ветхие старички с серебряными бородами. Время здесь шло неделимым и немереным — от вечности в прошлом к вечности в будущем. Деревянный резной потолок мечети сохранил еще старую краску. Здесь царили покой и прохлада...

В Сану возвращаемся к самым сумеркам. Еще немного, и нас бы настигла ночь. Ахмед берет свой баул и одеяло, грустно прощается с нами. Его томят страхи из-за встречи с шейхом Ахмаром, и мы подбадриваем его, обещая помочь, если понадобится.

Во дворе посольства на нас все смотрят, оглядываются, и мы идем праздничные, не торопясь. Чурин — в берете набекрень — вертит на пальце ключ зажигания. Только у самого выхода разъясняется причина этого общего внимания: на нас — запыленная, мятая одежда, мы сами не лучше одежды — с серыми от пыли лицами и спутанными волосами. И попавшийся навстречу советник, недоуменно оглядев нас, делает замечание. Сегодня в посольстве киносеанс, у здания представительства и около кинотеатра уже собирается народ. Да ведь никто и не знал, куда и зачем мы ездили. И уезжали ли мы вообще? Консул спросил меня, когда я зашел к нему доложить о возвращении:

— Ну как, порядок?!

— Все в порядке...

ПРОЩАЙ, СЧАСТЛИВАЯ АРАВИЯ!

22 декабря 1967 г. Таизз

В два часа дня — короткое собрание у консула: ночью всем выехать в Ходейду, оттуда — в Союз. Обстановка в стране критическая, возможны провокации и диверсии монархических агентов. В Сане — бои уже на окраинах. Дороги перерезаны мятежными племенами. Открыта только дорога из Таизза в Ходейду. В любой момент и на ней могут появиться мятежники. Тогда мы окажемся в ловушке. «Руководство не может рисковать нашей жизнью»,— консул говорит устало, но тоном приказа.

Прощай, Йемен! Заботы и планы, которые еще полчаса назад, когда мы шли сюда, строя догадки о причине вызова в столь необычное время, казались мне значительными и естественными, теперь были уже далекими и странными. Все стало безразличным. Время остановилось.

На столике гудит вертун-вентилятор. Зарешеченные окна с цветными витражами закрыты наглухо. Эвкалипты возле окон бесшумно всплескивают ветвями в порывах ветра. Не хочется вставать из мягких кресел, уходить из знакомой комнаты с пушистой ковровой дорожкой, ведущей от двери к столу. Обсуждаются какие-то детали отъезда, но слова уже не доходят до меня. Равнодушно разглядываю лепные украшения из алебастра по стенам, образующие затейливый орнамент.

Когда-то этот дом принадлежал принцу. Здесь была его приемная. Принц, говорят, был честолюбив и жесток. Немало занятного слышали эти стены. Теперь они услышали слова по-русски:

— Все товарищи. Собирайте вещи. Сохраняйте спокойствие. Решение об отъезде не разглашать!

Я представил себе изумленные лица знакомых йеменцев завтра утром перед дверями наших пустых домов. Вечером мой приятель Абд ар-Рахим придет меняться марками, а доктор Андреи [1], как обычно, будет поджидать меня к позднему ужину. А где я буду завтра вечером? Наверное, в Москве. Никто и не думает, что я приеду. А я позвоню в дверь, увижу удивленное лицо моего друга и, притворяясь спокойным, скажу: «Привет!»

Во дворе посольства — непривычное безлюдье. Пустые кресла в крытой галерее перед кинозалом. Двери открыты, там полумрак. Не слышно ленивого стука бильярдных шаров — тишина. Цветы и деревья давно уже не поливали, трава начала желтеть, и все покрыто пылью. За воротами мы расходимся, каждый в свою сторону.

В будке у ворот лежат на полу два аскера из охраны. Щеки вздуты — жуют кат. Винтовки прислонены к стене. Перед ними — транзистор. Музыка в меланхолическом ритме. Аскеры в такт покачивают головами. Каникулярная обстановка.

Посольский садовник, присев рядом на корточки, играет со щенком. У него, как всегда, спокойные, внимательные глаза. По одежде в Йемене не сразу отличишь министра или шейха многотысячного племени от беззаботного йеменца с двумя риалами в кармашке на поясе. Часто только глаза, выражение лица да еще осанка дают понять, с кем имеешь дело. Есть, конечно, десятки других примет, но, чтобы увидеть их, нужно в тонкостях знать йеменский быт. У нашего садовника хорошие, умные глаза. Я бы не взял его в садовники в посольство. Но теперь все это не имеет значения. Сегодня ночью мы уезжаем, и по его глазам я вижу, что он знает об этом.

Остаток дня прошел в хождении по лавкам. Говорю со своими приятелями-купцами, мысленно прощаясь с ними. Обсуждаем военные события. Все настроены оптимистически. Спора ради пытаюсь возражать. Мои

---

[1] Доктор А. Андреи — врач-фтизиатр в Республиканском госпитале Таизза, член французской медицинской миссии в Йемене.

собеседники сразу начинают горячиться. Собирается толпа. Только тихий Абд аль-Малик, богатый торговец с большими связями, сказал мне, когда я спросил его, возьмет ли имам Сану:

— Все может быть, Бутрус. Но даже если имам победит, это ненадолго. Будет много крови. При имаме был порядок, но время имама прошло. Мы пять лет прожили при республике, и люди отвыкли верить в имама. Нужно, чтобы русские помогли нам. У нас нет армии, нет оружия. Имам может взять Сану, потому что племена на севере обнищали. Там давно не было дождей. А имам дает золото, оружие. Но, как только имам отстоит свою первую молитву в мечети в Сане, племена восстанут, и снова придет республика. Шейхи боятся, что имам и его родичи начнут мстить им за службу республике, а простые люди боятся чиновников имама.

Весь вечер заполнен встречами, особенно тягостными для меня, потому что никто не знает, что я-то прощаюсь с ними. Говорю последние слова, вглядываюсь напоследок в знакомые лица. Медленно иду домой вверх по шоссе. Привычные мне запахи и звуки улицы, стук костяшек, крики играющих под навесом кофеен.

В больнице в окнах горит тусклый свет, и в сумерках она похожа на длинный двухпалубный пароход, плывущий по темной реке. Я хорошо представляю, что́ происходит сейчас в палатах: вечерние часы — самое грустное время в больнице. Что будет там завтра, когда все узнают, что русские врачи уехали?!

Иду прощаться к доктору Андреи. Не увидеть его еще раз — выше моих сил. Мы молча пьем виски. Он обнимает меня у калитки. Высокий, костлявый. Клянется, что летом уедет отсюда. В Париж. Но я не верю. В старости не так просто сменить место, где ты привык ложиться спать. Обещаем писать друг другу, хотя бы раз в год. Мне было интересно с ним, и он привык к моим вечерним визитам. Да и кто здесь будет слушать теперь его сумбурные рассказы о детстве в Одессе, о Махно, о нищей и веселой молодости его в Бухаресте в царствование короля Карола.

...В моей комнате, где я провел невероятных два года, прохладно и тихо. Вчера я все прибрал, повесил

чистые занавеси, сложил стопками книги на столе, вытер запылившиеся фотографии на стенах. Я ждал гостя сегодня вечером и с утра варил и жарил на кухне.

Санитарка из госпиталя

И вот мы сидим за столом. Мы пьем вино, которое я берег для редкого случая. Саид стучит кулаком по моему плечу и утешает. Читает стихи, клянется в дружбе, уверяет, что я еще вернусь сюда. И снова начинает свой вечный разговор о грядущих революциях по всей Аравии, которые сметут империалистов и реакционеров. Он боготворит Че Гевару, и глаза его загораются мрачной яростью, когда я, как обычно, начинаю подшучивать над его страстью к заговорам, к стрельбе из автомата и над его якобинской нетерпимостью. Однажды он клялся, что, если бы я был арабом, он расстрелял бы и меня за умеренность и реформизм.

Я не увижу его больше. Да и вообще он вряд ли протянет долго: у него туберкулез, и он фанатик по натуре. Такие не живут долго. С ним хорошо пить виски и говорить о политике: для него в ней вся жизнь, и даже химеры и банальности в его устах звучат зажигательно.

В первый раз я увидел его у доктора Андреи. Мы пили кофе в саду. Кто-то осторожно постучал в калитку. Доктор недовольно крякнул. В калитке появился невысокий молодой человек в полувоенном костюме. Он прихрамывал и опирался на палку. Быстро прошел к нам и, угрюмо взглянув на меня, стал обнимать хозяина. У него было худое нервное лицо и воспаленные глаза. Доктор Андреи что-то сказал ему, и тот, переменив выражение, крепко пожал мне руку. Через минуту он уже с ожесточением стучал своей палкой и доказывал, что русские слишком мягко говорят с империалистами, в то время как единственными словами

для них должны быть пули. Он почти кричал и изображал на палке стрельбу из автомата.

Когда он ушел, в садике наступила тишина. Пахло цветами. Мы молча допивали кофе, и доктор Андреи, усмехаясь, рассказал мне его историю. Саид попал к нему в палату с острым туберкулезом легких. Лежал под чужим именем, и к нему по вечерам приходили таинственные посетители. Он был весь опутан тайнами. Некоторые из них, кажется, были весьма серьезны. Однажды за ним в палату пришла полиция, но его уже не было. После победы революции в Южном Йемене в ноябре 1967 г. мы узнали, что наш Саид был деятелем подпольного филиала партии Национальный фронт освобождения, находившегося в Таиззе.

— Вы знаете, Петр,— говорил доктор Андреи,— он мне даже симпатичен. Мне нравятся люди, которые живут ради идеи. И сам я когда-то был похож на него. Я состоял в тайном обществе, и король Карол посадил меня за это в тюрьму на двадцать лет. Но этот Саид — опасный человек. У него нет образования, он прямолинеен и жесток. Такие люди делают революцию слишком кровавой.

...Мы прощаемся: мне надо собираться. Последние слова, последний жест привета. Дребезжа, захлопывается за Саидом калитка. Слышны его быстрые шаги по асфальту. Он подарил мне несколько растрепанных книжек и фотографии с надписью: «Ли-з-зикра!» (На память!)

Надо собираться, но я тяну время. Под листьями папайи перед моим окном верещат в темноте воробьи, во дворе у соседа раздается веселое пение — это Мухаммед, фельдшер, идет на дежурство в госпиталь и по обыкновению распевает, как беспутный герцог.

В городе, внизу, где базар и торговые улицы, сейчас шум и оживление. И уже почти как воспоминание мне представляется то, что там сейчас происходит: полно народу, двери магазинов открыты, хрипят транзисторы, кто-нибудь хлопает в ладоши и громко подпевает. Доносятся глухие удары бубна и пронзительное пение: наверное, у кофейни остановилась компания бродячих певцов и музыкантов. Чувствую запах горелого масла: это торговцы лихорадочно пекут и жа-

рят — сейчас рамадан, пост, все спешат поесть вдоволь перед голодным днем. Слышны крики лоточников, переливчатые гудки клаксонов. Жизнь идет своим чередом, как будто войны и нет. Удивительная страна. Разве можно уезжать отсюда?!

Во всем доме у нас горит свет, мы с Маргаритой Евгеньевной бегаем по комнатам, хлопают двери. С ужасом смотрю на свои коробки — я уезжаю! В них, наверное, тонна весу, но здесь все мои ценности: комплекты местных газет и журналов, материалы о революции в Йемене, которые я собирал с таким трудом, обломок камня с надписью и мраморная плита с прекрасным барельефным изображением сидящих козлов. В Эрмитаже будут рады такому подарку, а наши сабеисты впервые возьмут в руки камень с настоящей химьяритской надписью. Время от времени присаживаюсь и смотрю на весь этот разгром.

...Автомашины, одна за другой, спускаются к шоссе от опустевшего темного здания посольства. В считанные минуты мелькнул передо мной гудящий беспечный город. Знакомые улицы, знакомые лица перед освещенными входами в магазины.

Еще один поворот, еще одна улица в огнях, и сразу мрак. Пустырь. Я его знаю — здесь кладбище. Среди зарослей кактусов — плиты и кучи камня на могилах. Это — средневековое кладбище, на нем давно не хоронят. Слева, дальше за кладбищем,— горы. Их уже не видно, и не сразу угадаешь, огоньки ли это в горных селениях или далекие звезды в ночном небе.

Сторожевой пост на границе города. Светят фонари, мелькают какие-то фигуры. Дорога перегорожена бочками — шлагбаум. За ними видны силуэты больших, доверху нагруженных машин, задержанных до утра для таможенного досмотра. У обочины горят костры, дрожащие языки освещают ноги сидящих рядом и спящих под машинами людей. Солдаты не спеша отодвигают бочки, и мы въезжаем в темноту. Теперь вокруг только черные массы холмов, гор. Усыпляющий гул мотора. Все!

24 декабря 1967 г. Ходейда

Суматошный день в Ходейде. Все время и всюду слышно, как шипят волны. Они подкатывают чуть

На базаре в Ходейде. Торговка корзинами

ли не к порогам домов поселка советских специалистов, растянувшегося вдоль низкого берега. От вечной сырости дома облупились. Бóльшая часть их уже опустела. Ветер разносит едкий дым от тлеющих куч мусора. Море сейчас неприглядное, серое, вспененное — дует муссон. Все в липком поту. Разговоры только об отъезде. Мы еще не знаем, кто, когда и на каком самолете полетит. В ожидании новостей толчемся около здания консульства, окруженного каменной оградой. На флагштоке плещется красный флаг, подъезжают и отъезжают автомашины, йеменские и наши. У ворот толстый маленький человек рассказывает о событиях в Сане. Он смотрит на нас рассеянно, говорит веско, как бы никому, похлопывая себя по бедру пачкой газет. Это новый корреспондент ТАСС. Он одет еще по-московски — в костюме, с галстуком. От него пахнет домом, и его хочется слушать, хотя он только пересказывает сообщения московского радио о том, что мы знали сами еще два дня назад, в Таиззе.

Вечером ухожу в город. Так непривычно видеть повсюду черные мясистые лица, курчавые головы, да и развязная манера обращения на базаре так разительно отличается от неторопливого, уважительного торга в Таиззе или в Сане. Поплутав по кривым улочкам портовой Ходейды, захожу на почту и неожиданно для себя пишу письмо доктору Андреи, выбирая самые добрые французские фразы, которые сохранила моя дырявая память.

Ночью почти холодно. Тревожно шелестит листва. От шумящего в темноте моря резко пахнет гниющими

водорослями. Скоро полночь, а уходить не хочется. Огней не видно, поселок спит. Все устали. Завтра — долгий день. Может быть, уже будем дома. Решаюсь выкупаться — на память: все-таки Красное море! Волны сбивают с ног, вода теплая, маслянистая. Тело после купания как будто покрыто жиром, рубашка неприятно липнет.

Засыпаю под гул кондиционера. Под потолком вертятся лопасти фена, и в лицо ударяют струи холодного, пахнущего машиной воздуха. Последняя ночь в Йемене...

25 декабря 1967 г.

В семь утра вылетаем. Клубы пыли вокруг самолета. Стремительно проносятся серые бугры, какие-то строения, и начинается божественное небо, такое красивое на заре. Оно безоблачное. Синее и малиновое. Перелетаем Красное море. Теперь мы над Африкой.

Мы летим в транспортном самолете. Нестерпимая боль в ушах. Судорожно глотаю, но во рту сухо. Напротив сидит белобрысый парень, Гена, врач из Ходейды. На нем широкополая тихамская шляпа. Он обхватил руками панцирь черепахи, из-за которой скандалил при посадке (летчики не хотели брать) и мотает головой, как маятником. Боль разламывает голову, глаза колет иглами. Скорей бы все кончилось!

Все немного оживают, когда самолет снижается, делая круг и показывая нам безрадостное царство камня — Асуан. Проплыла игрушечная панорама Асуанской плотины среди голых скал.

...В людном холле аэропорта встречаю знакомых: врачи из Саны — немцы и венгры. Обмениваемся приветствиями. Они наперебой рассказывают о своих последних днях в Сане. Каждая деталь волнует. Мы стоим тесным кружком и говорим, наверное, слишком громко и возбужденно. «Асуанцы», отъезжающие в отпуск или насовсем, смотрят на нас с недоумением. Кому теперь объяснишь, как это невозможно, чтобы над сказочной Саной, над ее многоцветными домами и пестрыми минаретами, летали снаряды и рвались мины на улицах, знакомых нам до мелочей и казавшихся нам неповторимыми как раз своей отрешенностью от мирового зла.

...Каир. Утро. Пасмурно. Нам холодно. А, может быть, мы зябнем только потому, что всего несколько часов назад изнывали от духоты в Ходейде. День не приносит облегчения: дует пронизывающий ветер, бегут низкие тучи, солнца не видно. Совсем не похоже, что мы в Каире, под небом Африки. Мы ждем самолета, и часы тянутся бесконечно. Вдали белеют корпуса предместий, зеленые рощицы эвкалиптов отделяют один ряд зданий от другого, а слева — пески, пустыня. Мы сидим на летном поле среди чемоданов, сумок, коробок, как погорельцы.

Приземляются и взлетают самолеты. Земля дрожит от могучего рева, а мы — от холода. К нам подходят летчики, спрашивают, сочувствуют, подбадривают. Самые сердобольные жертвуют нам виски из своих запасов. Белое здание аэропорта в конце бетонированного поля похоже на гигантскую птицу, раскинувшую два крыла. Впервые я вижу его днем.

...Вот и замкнулся круг моих странствий. Мне кажется, что прошла целая жизнь с той ночи в ноябре 1965 г., когда с детским удивлением я смотрел на белый серп полумесяца, лежавшего на спине в черном небе рядом с самолетом. Это было и неожиданно, и невероятно: задрав кверху острые рожки, он плыл, как ладья, в черном океане. А внизу мерцали огни Каира. Сейчас я усмехаюсь, вспомнив, как придумывал тогда красивые слова: «Поднимается занавес с лежащим на спине полумесяцем и сверкающим Каиром, начинается сказка об Аравии Счастливой». Я не разочарован, я усмехаюсь только потому, что теперь знаю: для пережитого мною в Аравии Счастливой должен был подниматься занавес совсем с другим символом.

ДОМА

11 марта 1968 г. Ленинград

Прошло почти три месяца как я дома, но я все еще там. Невольно снова и снова я переживаю картины тревожных дней нашего отъезда. Сны возвращают прошлое, дневные мысли продолжают сны. Случившееся уже кажется рожденным прихотью сна, и мир

вокруг будто оцепенел, как и я сам, потерянный в хаосе химер и были. Мне тяжело начинать новую жизнь.

Непостижимая вещь — человеческая память, и удивительна ее власть. Даже там я был больше хозяином себе, чем теперь, когда от Йемена меня отделяют тысячи километров, почти десять стран, три месяца другой жизни. И вот сегодня мне кажется невероятным, что я мог так радоваться возвращению, мог ощутить блаженный покой, увидев знакомые улицы, слыша привычную речь. Мне кажется сейчас, что этими чувствами я предал нечто высокое, подаренное мне случаем.

Стыдно даже вспоминать, с какой одержимостью я выговаривался в рассказах друзьям и знакомым, в лекциях и докладах, с какой суетливой готовностью старался избавиться от вошедшего в самую плоть мою и так изменившего весь строй моей жизни. В сущности, я пытался перешагнуть через необратимое и начать жить так, будто ничего этого и не было.

Но вот наступил день, когда пережитое явилось вдруг целиком и вмиг навсегда сделало меня одиноким в этом прежде единственно мыслимом мире. Ко мне пришел человек с моим именем, которого уже давно нет, но который был там, там возник, который там родился и умер, когда самолет на аэродроме под Ходейдой в клубах песчаной пыли с ревом оторвался от земли, оборвав пуповину его жизни. Он пришел теперь, он заселил мой дом, он стал тканью моей одежды, водой моей пищи, воздухом, который я вдыхаю. Ему смешна моя ирония. Он равнодушен к моим уверениям, что мы — чужие. И я понял, что не избавиться мне от него, что отныне мне суждена участь солдата, живущего видениями уже забытой всеми войны, что навсегда останусь я пленником памяти и ничто уже не сможет теперь утолить тоски по тем дням душевной полноты и невыразимого ощущения безграничной свободы сердца.

ЧЕРЕЗ ТРИ ЦАРСТВА И ОБРАТНО

Осенью 1970 г. я прилетел в Ходейду. Я все еще не верил тому, что произошло. Неужто я снова в Йемене?! Ничто не переменилось на пыльном пустыре ходейдинского аэродрома с того декабрьского утра, когда я улетал отсюда домой, твердо зная, что уже никогда не вернусь в эту страну, где жизнь моя неожиданно обрела новый смысл.

С аэродрома я ехал в автомашине с нашим генеральным консулом в Ходейде. Недалеко от города мы обогнали на шоссе велосипедиста. Консул попросил шофера остановиться. Когда велосипедист поравнялся с нами, консул вышел и заговорил с ним о чем-то, показывая на меня. Велосипедист — сухонький старичок в обычной йеменской одежде, с большим кинжалом в серебряном окладе — положил на сиденье велосипеда потрепанный портфель, вынул из него амбарную книгу и печать. Консул подал ему мой паспорт. Подышав на резинку, старик шлепнул печатью на паспортный листок, сделал несколько росчерков на нем и в амбарной книге и вернул паспорт консулу. Всё. С формальностями было покончено. Я въехал в Йемен. Сомнений быть не могло: так въехать можно только в Йемен!

На этот раз я приехал в новом качестве: не открывать неведомый мне мир, а работать в нем. Мои рассказы и научные доклады в Ленинграде о найденных памятниках древнейеменской цивилизации вызвали интерес. Я говорил о необходимости продолжить начатую работу, хорошо понимая, что это не более чем благое пожелание: в Йемене шла гражданская война. Но однажды я вынул из почтового ящика письмо с обратным адресом Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО, из кото-

рого следовало, что мне нужно готовиться к новой поездке в Йемен.

По представлению академика Б. Б. Пиотровского, известного археолога и историка Древнего Востока, директора Государственного Эрмитажа, я был выдвинут кандидатом на стипендию ЮНЕСКО по программе изучения и охраны памятников истории и культуры. Б. Б. Пиотровский сразу оценил большое научное значение южноаравийского материала для исследования истории древневосточной цивилизации. Он настаивал на продолжении и расширении полевых работ по выявлению, научному описанию и изучению памятников древнего Йемена.

В извещении из штаб-квартиры ЮНЕСКО в Париже говорилось о том, что мне предоставлена стипендия и что я могу выехать в Йемен в любое удобное для меня время. По разным причинам это время не наступало так долго, что я постепенно начал забывать об этом взволновавшем меня эпизоде с ЮНЕСКО.

Наконец я получаю приглашение прийти в гостиницу «Астория» на Исаакиевской площади, и мадам Верье, представительница авиакомпании «Эр Франс», вручает мне билет на самолет Ленинград — Аден — Сана. Остановка в Адене была разрешена мне либо в награду за мое долготерпение, либо, и скорее всего, из-за устаревших сведений о воздушных путях в столицу Йемена. Теперь уже мало кто помнит, что когда-то — если лететь самолетом из Европы — в Сану попадали через Аден. Сейчас самолеты международных авиакомпаний, в том числе и Аэрофлота, после Каира и перед Аденом останавливаются в Ходейде. Отсюда добираются в Сану кто на чем сумеет. Я летел до Адена, сделав часовую остановку в Ходейде, согласно билету, который никто не мог исправить, а уж потом, через три дня, из Адена назад, в Ходейду, следующим рейсом. Но я не протестовал.

...И все повторяется. Ночной Каир в огнях, полумесяц, как ладья, серые пески Нубийской пустыни, Красное море в белых барашках. Трехдневная остановка в Адене. Посещение Музея древностей с прекрасной коллекцией древнейеменских надписей, скульптур, украшений, торопливые прогулки по тесным, душным и живописным улицам в старых кварталах знаменитого и

древнего города, расположенного в кратере вулкана. Днем меня мучил влажный зной, а после заката солнца сразу начинало знобить, и я долго не засыпал, пытаясь согреться под легким одеялом. Одну ночь — прихоть судьбы! — я провел у друзей в красивом особняке, принадлежавшем когда-то легендарному мультимиллионеру Антонину Бессу. Клоди Файен красочно описала свой визит сюда перед отъездом в Сану в 1951 г. Состарившийся коммерсант, некогда безраздельно царивший на рынках Красного моря и Индийского океана, заклинал ее не ехать в Йемен, пугая всеми ужасами. Он верил только в свое мужество и в собственную волю добиваться желаемого.

И вот — Тихама. Йемен. Он все такой же. Красочный и шумный. Но вдруг я почувствовал, что мне нелегко будет увидеть мой дом под эвкалиптами в Таиззе и людные улицы в Сане, не встретив тех, без которых Йемен для меня будет уже другим.

Меня ожидала интересная работа. Научная программа была насыщена до предела. Меня ждали поездки, неисследованные края. Но все-таки что-то было потеряно. И на пустыре ходейдинского аэродрома я стоял таким непохожим на того растерянного от встречи с незнакомым миром человека, которого пять лет назад высадили в Таиззе с самолета, летевшего в Сану — сказочный город.

В Сану я приехал 12 ноября 1970 г., в самый разгар рамадана, месячного поста. В Адене пост как-то не слишком повлиял на ритм уличной жизни. В Ходейде я тоже не почувствовал спада деловой активности: на улицах было шумно, тяжелые грузовики с лентами на радиаторе катили от города к порту, из транзисторов лилась тягучая мелодия, и толстогубый йеменец на пороге лавки отбивал хлопками ладоней ритм и подпевал, покачиваясь. На базаре жили по-разному: часть лавок торговала, как обычно, на других висели тяжеленные замки. Но когда я проехал по дневной Сане, я понял, что до конца рамадана нечего и думать о серьезной работе.

На пустынных улицах ветер закручивал пыльные столбы. Они поднимали с земли обрывки бумаги, ломкие листья кукурузы и неслись с тротуара на дорогу, с дороги опять на тротуар, оседали или взвивались

вверх, унося пыль и мусор в белесое небо. Грязные лохматые собаки спали кучками где попало — на тротуарах перед запертыми лавками и посередине дороги. Редкие в эти часы автомашины предпочитали объезжать их. Только в крайнем случае, когда никак было не втиснуться между разлегшимися собаками и стеной дома или оградой, шофер выскакивал из кабины и пинками расчищал себе путь. Собаки покорно поднимались, лениво делали несколько шагов и снова ложились, рыча друг на друга.

Вялые чиновники в приемных министерств на все вопросы меланхолически отвечали: «Баад рамадан» (После рамадана). Жизнь приходила в город только к вечеру, перед закатом солнца. Выстрел из пушки и разноголосые крики муэдзинов, разносимые городскими репродукторами, возвещали конец дневного поста, и с этого момента до глубокой ночи все улицы до самых крошечных переулков Саны заполняли шум и оживление. С наступлением сумерек повсюду вспыхивали лампы, в старых домах начинали светиться многокрасочные витражи, и жизнь в древней столице казалась приезжему бездумным карнавалом.

Миссия ООН в Йемене находилась в нелепом двухэтажном доме у обочины шоссе, за городской стеной, возле старинного кладбища, существовавшего еще во времена пророка Мухаммеда. На крыше дома и над всегда распахнутыми на пыльный двор воротами висел выцветший голубой флаг. Исполнение формальностей оказалось приятной процедурой из-за полного отсутствия каких-либо формальностей и непритворного дружелюбия, с каким меня встретили в миссии. Я был первым и единственным стипендиатом ЮНЕСКО, никто не знал, как со мной быть, и потому мне предоставили полную свободу действий. И уже совсем все показалось мне невероятным, когда Джон Кросс, ведавший хозяйством миссии, объявил, что в моем распоряжении будет большой лендровер с номером «ЮНЕСКО № 1».

В ноябре 1970 — мае 1971 г. обстановка в Йемене оставалась еще напряженной, несмотря на то что примирение между республиканцами и монархистами было достигнуто, в апреле 1970 г. военные действия были прекращены на всей территории Йеменской рес-

публики, а в мае в состав правительства вошли пять министров из числа вернувшихся в Сану монархистских лидеров. (Монархистом был и министр образования ЙАР, с которым мне предстояло находиться в постоянном общении. Теперь я с благодарностью вспоминаю его неизменно дружеское расположение ко мне. Человек широких взглядов, он отдавал себе отчет в важности археологического изучения Йемена и оказывал мне всяческую помощь.) Тем не менее не прекращались конфликты правительства с племенами в ряде районов страны, в том числе и в тех, где мне предстояло работать. Лихорадила страну подготовка к принятию новой Постоянной конституции (принята 28 декабря 1970 г.) и к проведению выборов в Консультативный совет (начались 10 марта 1971 г.) — высший орган законодательной власти республики. Вскоре начался затяжной правительственный кризис, который в феврале 1971 г., в самый разгар моей полевой работы, завершился отставкой правительства Мухсина аль-Айни. У меня были причины жалеть об этом: премьер аль-Айни всегда деятельно поддерживал мои проекты по изучению истории и культуры Йемена и оказывал помощь в организации Национального музея и в поездке в Мариб.

Неустойчивое и неопределенное положение в стране затрудняло мои отношения с официальными лицами в Сане и особенно на местах. Тем не менее в начале декабря я приступил к выполнению научной программы.

МЫ ЕДЕМ В МАРИБ

24 декабря 1970 г.

Господин Тони Хааген, генеральный резидент миссии ООН в Йеменской Арабской Республике, распорядился пригласить меня к себе на завтра, ровно в восемь утра. Это было потрясающее известие. За месяц, что я находился под его началом, он только однажды поднял на меня глаза — когда Эдвард Полански, административный директор миссии, привел меня к нему представиться. В остальное время он не замечал меня, даже когда здоровался. На самом деле он, говорят,

был сердечен и доброжелателен ко всем, кто имел с ним дело. Но у него были твердые принципы. Я был всего лишь стипендиат ЮНЕСКО, человек из дочерней организации и без ранга, а для него — все равно что нищий студент для гейдельбергского профессора. Так что же случилось? Спрашиваю шофера, который привез мне это известие, но он растерянно хлопает глазами.

После утреннего азана[1] я уже не могу уснуть. Долго пью кофе, потом раскладываю на кровати все свои белые рубашки, чтобы выбрать особенно белую — Хааген сам всегда свеж и элегантен и, как говорят, не терпит небрежности у своих подчиненных. И на улицу выхожу такой чистый, такой официальный, что торговцы из соседних лавок, которые обычно здороваются и зовут к себе, провожают меня взглядами молча. Возле меня останавливается такси — битая-перебитая колымага. В другой раз я бы только махнул рукой, а тут, растерявшись, сажусь. Дверца не закрывается, я держу ее все время. Дорога заняла от силы три минуты — до миссии рукой подать, особенно если идти пешком. И заплатил риал вместо 10 букшей[2]. И уже войдя в переднюю дома миссии, где по стенам висят рекламные плакаты служб ООН, я вдруг обнаруживаю, что опоздал: на часах ровно восемь. Я бегу по лестнице наверх, бой испуганно вскакивает со стула и бросается открывать мне дверь в приемную.

Хааген, чуть повернув голову, надменно оглядывает меня и, не отвечая на мои извиняющиеся бормотания, продолжает говорить решительно, отделяя фразу от фразы. Большие усы с пушистыми подусниками делают его похожим на старинного английского капитана. Он невысокого роста, подвижный, с горделиво откинутой головой. Перед ним за низким столиком сидят знакомые мне служащие миссии, прикомандированные вроде меня и двое приглашенных: Марио Ливадиотти — врач-терапевт из госпиталя в Сане и швейцарец-психолог из какой-то благотворительной организации, добивавшейся признания службой ООН.

Мне освобождают место, потеснившись, и тут до сознания доходят слова Хаагена:

---

[1] Азан — призыв на молитву.

[2] Медная монета; в 1 риале — 40 букшей.

— Поездка планируется как специальная миссия ООН. В ее задачу входит обследование района Мариба с целью выяснить возможности оказания ему помощи ООН в организации фельдшерских пунктов и школ, в снабжении продуктами питания. Археологи — мимолетный наклон головы в мою сторону — составят заключение о наличии памятников древности и об их научной ценности...

С ума сойти! Мы едем в Мариб!

Все как-то спуталось в голове, и я уже плохо понимаю, что именно он говорит дальше о воде, горючем, об охране — да это уже и детали! Меня лихорадит — мы едем в Мариб! В город из сказок! Я увижу Марибскую плотину, образ чуда для всякого араба. Увижу руины Мариба, где жила царица Савская, руины знаменитого многоколонного храма бога Луны. Воображение рисует холмы с живописными развалинами крепостей, акрополей и парфенонов, хотя по книгам я знаю, что́ мы увидим, вернее, что́ мы можем увидеть, если это уцелело после жестоких боев, бомбардировок и обстрелов. Но сейчас возникшее в воображении кажется действительным и, наверное, спроси меня — я описал бы эти парфеноны и акрополи в Марибе...

— Итак. Два дня на сборы. Считая сегодняшний день. Выезд 19-го. Доктора Ливадиотти прошу взять на себя обязанности врача миссии. И практические вопросы, связанные с отъездом. С премьер-министром я договорился...

Мы переглядываемся: в Йемене еще никто не уезжал в такую дальнюю и сложную дорогу за два дня. Хааген твердо прерывает споры:

— Два дня, господа! Не забывайте, впереди — Рождество!

Он возглавлял тогда две миссии ООН одновременно: в Йемене и, кажется, еще в Перу, и не слишком входил в «специфику» и в детали.

Но карусель завертелась. Нужны были автомашины, особые, для пустыни, нужна была охрана, а главное — сопровождающие от племен, по землям которых нам предстояло проехать, и деньги, большие деньги, на уплату им. Оказалось, что все это нужно было «материализовать» почти из воздуха. Два дня мельк-

нули незаметно в беготне и бестолковщине. Потом прошло еще два дня. Дело было не рутинным, и неизвестно было, кто и как должен помогать нам.

С доктором Марио я ездил по министерствам, в дома — к шейхам, в какие-то конторы, в автомастерские.

Благодаря частной практике у Марио были самые невероятные и многочисленные знакомства. Но мы ничего не добились: речь шла о серьезных вещах — об автомашинах, о крупных суммах, о поездке через районы Йемена, о которых ходили самые противоречивые слухи. К тому же доктор Марио — у него был и вид мафиозо: лицо-маска, черные очки, сжатые губы, усики, бородка — окружил переговоры такой тревожной таинственностью, что скоро половина Саны говорила друг другу на ухо, что в Мариб едут иностранцы с каким-то особым поручением правительства. Это как раз было и лишним, и опасным. Скоро вокруг поездки началась оживленная запутанная возня со множеством довольно неожиданных участников. Нас начали сторониться.

В Сане все слухи сходятся на главном базаре, в его бесчисленных каморках и закутках торговцев и ремесленников. Отсюда они растекаются по всей стране, преображаясь и обрастая нюансами и подробностями. Их пересказывают по вечерам за бесконечным чаем в продымленных полутемных ночлежках для проезжающих, в гостевых комнатах у шейхов в часы ката. Меланхолично разжевывая листочки, гости обмениваются новостями и, погружаясь под действием ката в расслабленное блаженство, легко смешивают достоверное с внезапно возникшей догадкой или обыкновенной фантазией. До мест, куда мы ехали, и до Мариба эти слухи доползли уже в таком виде, что это едва не стоило нам жизни...

21 декабря вечером, собравшись обсудить состояние дел, мы, вздохнув, признали, что Йемен, конечно, не Швейцария, отечество нашего шефа Хаагена, и что никакой поездки не будет. Я думаю, что если бы к такому выводу пришли пять человек в Швейцарии, то это бы действительно означало, что поездка невозможна.

Дальше — как в сказке. Мы еще не разошлись. Го-

ворим о предстоящем Рождестве. Вдруг — грохот дверной стучалки-«звонка». Стук дверей. Восклицания нашего хозяина, громкий разговор. Входит шумно, на американский манер, Полански. Я впервые вижу его не в оффисе. Всегда собранный человек, он совсем неожиданно оказывается и жизнерадостным, и как-то трогательно молодым. Оглядев с порога нашу скучную компанию, Полански рокочет басом:

— О'кей, джентльмены-империалисты и товарыш-чи (это в мою сторону)! Вот вы где! Объездил всю Сану!

Он потирает красноватые веснушчатые руки с рыжим пушком и требует виски для всех.

— Йемен — страна чудес! Я вас поздравляю, Пьётр, с выбором страны и специальности!

Мы узнаём: премьер-министр аль-Айни распорядился дать нам мощный «форд» и деньги для уплаты племенам за наш проезд, а господин Хааген, удивленный, что мы еще не уехали, согласился выделить одну автомашину из парка миссии и оплатить все расходы на бензин и масло. Это устроил сам Полански, убедившись в беспомощности доктора Марио. Мы кричим «ура». У Полански на лице счастливая улыбка.

Мы выезжаем в полдень 24 декабря.

Еще два часа назад казалось, что мы вообще никогда не уедем: утром сбежал шофер с «форда», испугавшись дальней и опасной дороги. Его нашли и посадили в «калабуши» [3]. Ехать он все равно отказался, и мы торчали в переулке с вещами. Припекало солнце. Аскеры из нашей охраны переругались между собой и с сопровождающими нас шейхами. Они боялись ехать и считали, что им мало заплатили. Все кричали, махали руками, трясли друг у друга перед носом сжатыми в щепоть пальцами, напирали друг на друга, как петухи. В другое время это было бы занимательно: жанровая сцена. Но не сейчас и не для нас. Мы смотрели, как все начали куда-то разбредаться, прихватив свои узлы. Пытались задержать, но кто улыбался в ответ и шел дальше, кто смотрел бесстрастно. Доктор Марио и другой наш спутник, Паоло Коста, специалист по мусульманской архитектуре из Неаполя, ра-

[3] Ножные кандалы, в которые заковывают виновного на разные сроки в зависимости от тяжести проступка.

зыгрывали ту же сцену на свой, итальянский лад, который, как оказалось, от йеменского отличается разве что по языку. Но на этот раз Марио, пожалуй, ни при чем: кто же знал, что шофер сбежит за час до отъезда и еще прихватит какую-то деталь из мотора.

Наконец, надутые, они уехали в миссию, и в переулке осталось несколько человек: два шейха, присевшие в тень у стены, аскеры, любопытные, я и четвертый спутник[4], Ричард Руэгг, швейцарец, с болезненным узким лицом и длинными пальцами виолончелиста. Он с трудом передвигал скрюченные полиомиелитом ноги, и йеменцы, провожая его взглядом, жалостливо морщились и шептали мне: «Мискин!» (Бедняга!). Руэгг представлял благотворительную организацию и ехал посмотреть, не найдется ли в этом не известном миру уголке работы для его добровольцев.

Руэгг спокоен. Он с явным любопытством смотрел на все происходившее в переулке. Для него неудача — просто одна несостоявшаяся экзотическая поездка, о которой он бы рассказал в отчете. С утра я уже ни во что не вмешивался: я почувствовал, что смертельно устал за эти сумбурные дни с ежечасными перепадами надежды и безнадежности, с бесконечными бессодержательными разговорами, лазанием по крутым лестницам, сумасшедшей ездой по тесным улицам (машину доктора Марио часто водила его жена, маленькая, крикливая женщина со злым накрашенным лицом). Я устал от бессонниц, когда сновидения, связанные с отъездом, или почудившийся окрик с улицы будили меня еще задолго до предрассветного азана. Я ворочался, терзал себя вопросами: поедем? не поедем? сегодня? завтра? и вставал разбитым. Я уже равнодушно ожидал, куда в конце концов повернется колесо фортуны.

И вот, мы все-таки едем! В последний момент наш общий знакомый, эксперт ООН, сжалившись, отдал нам свою служебную автомашину — 12-местный лендровер. Один лендровер из парка миссии нам раньше выделил Хааген. И уже под занавес неугомонный Полански привел нам еще «газик», куда поместили запасы

---

[4] Остальные члены миссии, которые должны были принять участие в поездке, по разным причинам отказались от нее.

горючего, инструменты. Нас четверо европейцев, с нами — шесть шейхов и пять человек охраны.

...Кавалькада автомашин движется в густой пыли по узким переулкам. Едва различаем кузов идущей впереди машины... Мелькнула в серо-желтой мгле фигура испуганного прохожего, прижавшегося к глинобитной ограде. Во главе едут лендроверы шерифа Мухаммеда ад-Думейна, губернатора провинции Джауф, и его свиты. На крыше его автомашины — станина для пулемета. Губернатор поехал проводить нас.

У Эль-Мамара, в 25 километрах от Саны, мы прощаемся. Ему далеко за 60. Аккуратная седая бородка, подстриженные седые усы. Он молчалив. Блестит золотая оправа очков, когда он поворачивает голову в белой чалме к говорящему. На нем — белая нейлоновая рубаха почти до пят, пиджак в полоску, патронташ на поясе, за спиной — винтовка. Он отходит в сторону то с одним, то с другим из наших шейхов, пишет им короткие записки и дает последние указания. Все серьезны, ни обычных шуток, ни гомона. Приходит наш черед. Губернатор пожимает нам руки. Сухонькая слабая ладонь. Он похож на римского кардинала. Я успеваю увидеть блеклые стариковские глаза. Он спрашивает у Марио об охранной грамоте от премьера аль-Айни. Читает ее, нахмурившись, и, возвращая, говорит негромко, что ее лучше не показывать.

Примерно то же сказал и сам премьер, когда мы с доктором Марио пришли к нему благодарить за помощь. Он угощал нас кофе, говорил со мной о марибских древностях, о проекте создания в Марибе центра туризма. По его мнению, наша поездка должна показать, что правительство контролирует всю территорию страны, что даже провинция Джауф, старинный оплот монархистов и контрреволюционных сил, теперь на стороне республики. Но, подавая нам подписанный лист охранной грамоты с гербом республики, он смущенно попросил показывать ее только с согласия нашей охраны.

...Еще немного, и мы на перекрестке, где в апреле 1967 г. Чурин, Шараф ад-Дин и я повстречали последний пост правительственных солдат. Сейчас здесь пусто. Мы поворачиваем по дороге на Амран. И вот опять впереди синее небо, горы, голубые вдали и неж-

но-серые поблизости. В открытое окно врывается свежий воздух, пахнущий дорогой, странствиями. И я улыбаюсь: мы едем в Мариб!

НОЧНОЙ ПАТРУЛЬ У ЗИБИНА

Ненадолго останавливаемся — что-то с мотором — возле полуразрушенного караван-сарая, торцом обращенного к дороге. Стены сложены из огромных валунов, крыши нет. Внутри — закопченные камни, кучи мусора. Неподалеку от него — старая мечеть без двери, с обвалившимся потолком. Сразу за мечетью видны два больших водоема, вырубленных в скальном грунте. Пять-шесть нежилых домов из дикого камня стоят поодаль. Это все, что осталось от когда-то большого древнего селения, упоминаемого в старинных дорожниках. Несмотря на полдень, откуда-то тянет прохладой. Первозданная тишина вокруг, даже в ушах звенит.

Потянулись лавовые поля. Черные, пустынные. Жутко видеть огромные обугленные валуны, застывшие среди поля, как сгоревшие танки. Примерно через час показались серые оплывшие городские стены с массивными башнями. За стенами тесно от пестрых домов, на мир глазеют обведенные известью окна. Белые минареты. Амран. Один из древнейших городов Йемена, который вообще-то не удивишь древностью. Его упоминали сабейские надписи задолго до нашей эры, он сохранил стены времен Александра Македонского. Из его ворот выходили, говорят, полчища со слонами, идя на Мекку. Эфиопский военачальник Абраха, ставший правителем Южной Аравии, посчитал Мекку соперницей Саны, которую он хотел сделать центром Аравии.

Амран, конечно, удивительный город. Это не просто древний город. Это город подлинной древности, где не одни стены или ворота стоят на том же месте, что и три тысячи лет назад. Здесь многие дома простояли тысячелетия на том же месте и в том же виде. Здесь даже земля на улицах имеет такой вид, что ее хочется насыпать в мешочек и показывать как реликвию истории, как святыню всего человечества.

С Амраном у меня уже связаны собственные воспоминания. В апреле 1967 г. бродил я по его улицам, фотографируя надписи и древние постройки. И это был первый в моей жизни легендарно-древний йеменский город. И теперь я вглядываюсь в раскрашенные побелкой многоэтажные дома, как в лица знакомых моей молодости.

...Возле Рейды, почти у самого въезда в город, шейхи просят остановиться. Выходят, идут на полянку, покрытую серебристым песком. Выстраиваются в ряд. Как по команде, кладут перед собой автоматы, винтовки. Застывают. Взмах рук. Падают на колени. Лоб о землю. Встают. Это вечерняя молитва. Солнце уже опустилось за горы, и воздух в долине Эль-Баун светится каким-то театральным, пепельно-серым светом. И все преображается вокруг, становится однотонным и мягким. Наши шейхи молятся. Мы ждем. Во всей долине стоит необыкновенная вечерняя тишина. Сейчас весь Йемен молится, как наши шейхи. День прожит — надо благодарить бога. Я благодарю судьбу, фортуну, прошелестевшую надо мной своими волшебными крыльями.

Вот она, Рейда! На тесных улицах людно. Шумно. Огни. Запахи. Все так, как тогда, в апрельские вечера 1967 г., когда я проезжал здесь и Рейда казалась мне многотысячелетним Вавилоном. Теперь многое изменилось. Много построено. Много строится. У этого города большое будущее: здесь сходятся важные дороги — на север, в Хамир, в Сааду, в Мекку, и на восток — в Джауф, в Мариб, в Хадрамаут.

Мы пьем чай в харчевне на постоялом дворе. Шейхи ушли выяснять обстановку. Нет, это уже не та Рейда, что в 1967 г. Границы запретного мира отодвинулись дальше. Теперь в Рейде европеец не диковина, как тогда, а скорее клиент. Нам даже пытаются прислуживать, и мне это так странно.

Над входом в харчевню вижу блок с сильно попорченной надписью, сделанной мелким шрифтом. В прошлый раз я не видел ее в Рейде. Наверное, новая. Собираюсь переписать ее: фотография вряд ли получится — сумерки. Появляется хозяин, здоровается за руку, суетится. На нем обычный мятый пиджак, нейлоновая рубаха ниже колен. Он хочет быть галант-

ным и говорит две-три фразы по-английски. Больше он не знает. Я отвечаю по-арабски, и он становится совсем противным из-за потока льстивых фраз, хлынувших на меня. Про надпись говорит, что нашли ее недавно, когда рыли грунт для дороги. И вот главное для меня — здесь проезжали немцы[5] и фотографировали ее днем. «За два риала я и тебе разрешу снять ее». Он рассчитывает всю жизнь получать доход от этой надписи. Я отказываюсь. Тем более что ее снимали немцы, как он говорит. А немцы снимают хорошо — не мне чета.

Возле входа в харчевню, привалившись спиной к стене, сидит нищий в истлевшей солдатской куртке, надетой на голое тело. Воспаленные гноящиеся глаза его — словно две раны, волосы на голове слиплись в кудельки. Он не протягивает руки, только смотрит в упор на проходящих своими страшными немигающими глазами. Иногда у него начинает хрипеть в горле: может быть, он говорит что-то, но мне не разобрать. Нет-нет да подойдет кто-нибудь из проходящих, бросит на разостланную тряпку монетки, бормоча молитву. Но он как будто даже не понимает, только немного поднимет на подошедшего голову. И мне видно, как по гноищу у уголков его глаз и возле рта ползают мухи.

Уже наступает темнота. Шипят «петромаксы», испуская ослепительно белое сияние, от которого больно глазам. Теперь и улица меняет облик: ее составляет только то, что освещено — части зданий, ступени, проемы входов, переплеты окон.

Возвращаются шейхи, зовут нас. Не мешкая рассаживаются по машинам, торопят с отъездом. Вокруг автомашин — нищие и любопытные. Шейхи покрикивают на них, освобождая дорогу автомашинам. Я-то хотел бы заночевать в Рейде, чтобы завтра утром посмотреть на восточную половину долины Эль-Баун, еще никем не обследованную и не описанную. По западной ее части я проехал в апреле 1967 г. Но мы не будем ночевать здесь: негде. Так говорят шейхи — у них какие-то

---

[5] Речь идет, видимо, о проезжавшем через Рейду в октябре 1970 г. проф. В. Мюллере из ФРГ, семитологе-сабеисте, и его спутниках, составивших так называемую немецкую археолого-эпиграфическую экспедицию.

счеты со здешними, и потому нам, европейцам, ночевать здесь можно, а им нельзя.

Быстро проезжаем людные, тесные улицы, то освещенные фонарями лавок, то совсем темные. Минуем заставу — бочки отодвинуты, аскеры с винтовками растерянно топчутся возле будки из булыжников с флагом над входом. Что-то кричат нам, машут. Проехав с километр, останавливаемся. Договариваемся не двигаться дальше, пока не будут на виду все три автомашины.

Вокруг темно. И только в сиянии звезд проступают контуры гор по обе стороны долины. Дорога плохая — выбоины, камни, местами встряхивает так, что стукаемся головами о крышу машины. То и дело камни с грохотом бьют о днище, и я обмираю от страха, что от удара там, внизу, сломается какая-нибудь деталь и мы застрянем здесь на всю ночь, а то и вовсе придется вернуться в Сану. Временами мы как будто медленно плывем — выбираемся на гребень холма, скользим вниз, и тогда два столба света от фар то упираются в густую темень неба, то высвечивают дорогу впереди до камушка, и виден на пыли след от первой машины и отодвинутые на обочину большие бесформенные глыбы туфа, все в дырках, и ограды, разделяющие крошечные виноградники.

Я начинаю засыпать, несмотря на жестокую тряску, и теряю представление о времени. Вдруг резко тормозим, два красных задних огня первой автомашины гаснут и зажигаются прямо перед нами. Мне видны неровный выступ скалы и возле него несколько человек с направленным на нас оружием. Вдоль машин быстро идут, размахивая фонариками, аскеры, светят нам в лицо, внутрь автомашины. Пучок света переходит с одного лица сидящих сзади меня на другое, скользит по перекрещенным патронташам, по винтовкам, стоящим между колен. Все молчат. Никто не шевельнется. Ползут тягостные секунды. В полосе света впереди показываются Марио, Коста и один из наших шейхов. Их обступают. До меня долетают обрывки громкого разговора. Кто-то сердито требует, чтобы мы остались здесь до утра. Ему отвечает наш шейх. Мне слышен его глухой ровный голос. Я тихонько спрашиваю шофера, где мы.

— Зибин,— шепотом отвечает он мне, и я зами-

раю: Зибин?! Так странно, что я уже давно связан с этим городом, с декабря 1947 г. В те слякотные, холодные декабрьские дни, как раз когда объявили о денежной реформе и об отмене карточной системы, произошло событие, круто изменившее мою жизнь.

Дело было в Казани. Я учился в университете. Реформенные «страсти» меня не коснулись: от стипендии у меня было меньше ста рублей, по тем временам — пустяки, а карточки — мои и свои — потерял незадолго до этого мой приятель по курсу. Несколько дней мы ходили полуголодными. Реформа явилась нам как дар небесный, мы побежали на радостях ликвидировать свои «капиталы» и, надо сказать, распорядились ими потрясающе удачно: купили билеты в театр чуть не на все спектакли до конца месяца, по два брикета мороженого и, зайдя погреться в книжный магазин, приобрели по книжке на оставшиеся несколько рублей. Мне попалась на глаза книжечка И. Ю. Крачковского под названием «Над арабскими рукописями». На ней и теперь стоит пометка «Казань. 17 декабря 1947 г.»

Если не считать ночей и времени лекций, вся моя жизнь тогда проходила в «каталожной» на втором этаже библиотеки историко-филологического факультета. Комната была тесной, кубы с картотекой стояли на столах в простенках меж окон. Самым дальним столом в углу у окна владели мы с приятелем. Мы приходили к открытию библиотеки и уходили последними. Здесь было тепло и не так шумно, как в общем зале.

...В «каталожной» никого не было. В те дни не сиделось, все бегали, устраивали свои дела. Я читал книжку до закрытия библиотеки, потом в холодном трамвае, пока он тащился до нашего общежития на Арском поле, и дочитывал уже у теплой плиты на общей кухне, где все пили без конца первый чай с хлебом и сахаром, купленными просто так, без карточек, в студенческом ларьке при общежитии.

Читать ее было нелегко, простой и открытой была подчас лишь интонация рассказов. «Соль» отдельных страниц, как я это вижу теперь, интересна одним востоковедам, но доступен и притягателен был весь мир этой необыкновенной книги. Едва вступив в него с

первыми же рассказами, я ощутил вдруг, как меня медленно отпускает оцепенение, в котором я жил многие месяцы, подавленный ощущением внутреннего неустройства и неприкаянности. В ту бесприютную холодную зиму спасительными стали для меня душевная гармония и добрая мудрость старого человека, негромким голосом рассказывавшего о временах своей юности и о событиях, разметивших, как вехами, его жизнь.

Здесь все было так, как в добрых сказках Андерсена. В мире этой книги не было воинствующе злых людей, в нем не происходило непоправимых жестокостей, вульгарное и бессмысленное здесь просто не получили ролей. В этом мире царили глубокая человечность, спокойная серьезность и несуетность подвижников. В нем жили и умирали «тихие гиргасы» [6], полтавские семинаристы с мягким грустным взглядом, неслышно двигались старенькие библиотечные хранители; сентиментальную патетику сменяла светлая элегия, и даже об истинно трагических фигурах, таких, как Ф. Розенберг или И. Рейске [7], рассказано было с теплой грустью.

Истинный, скорее, высшим смыслом, чем своей жизненной реальностью, этот мир представал прибежищем для всех скитальцев и философов, книголюбов и ученых-филологов, самою судьбою своею обреченных добру.

Многим эта книга внушила в ту суровую пору веру в смысл жизни.

Для меня она решила выбор пути. Бесформенный мир вдруг сразу обрел полюса. Строй жизни в этом мире, цель занятий и вся атмосфера деятельной преданности духовным интересам и гуманитарным идеалам больше всего подходила моему острому восприятию своего одиночества в чужом городе в начале самостоятельной жизни. Я написал И. Ю. Крачковскому

---

[6] В. Ф. Гиргас (1835—1887) — русский востоковед-арабист. В книге И. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями» ему посвящена глава, названная «Тихий Гиргас».

[7] Ф. Розенберг (1867—1934) — советский иранист, специалист в области истории иранского искусства и литературы; И. Рейске (1716—1774) — немецкий античник и востоковед, выдающийся знаток арабских рукописей и средневековой арабской литературы.

и скоро получил ответ, поразивший меня эпическим спокойствием и домашними интонациями. Осенью 1948 г. я поступил на восточный факультет Ленинградского университета, а скоро вошел и в те же комнаты с ясеневыми шкафами, которые описаны в книге. Реальный мир был, конечно, мало похож на мир этой «саги о временах Азиатского музея». Но свою роль книга выполнила: она дала силы не потеряться, когда на смену иллюзиям пришла реальность, и еще многие годы интонация книги звучала камертоном во времена сомнений и жизненных испытаний.

Восток и рукописи давно стали для меня обыденной жизнью. Многое из описанного в той книге превратилось в некую дальнюю периферию моей научной биографии — это обычное дело, этим и совершается связь культуры и связь времен.

В книге была и показавшаяся мне тогда необыкновенно таинственной история о двух древних бронзовых табличках с надписями из далекой Южной Аравии. Их передал в Институт востоковедения АН СССР в Ленинграде служащий советского торгпредства в Йемене. И. Ю. Крачковский перевел их, издал с комментариями, и это издание положило начало развитию в СССР особой отрасли востоковедения — сабеистики, науки об истории и культуре Южной Аравии, носившей когда-то название Сабейское царство, царство Саба, оно же и царство Савское.

И. Ю. Крачковский установил тогда, что обе эти таблички первоначально находились в храме в сабейском городе Зибине. И вот он Зибин!

Хоть бы что-то мне увидеть! Но едва различаю только очертания гор напротив. Над ними — по-южному крупные белые звезды. Высовываю голову в окно автомашины и глубоко вдыхаю ночной, прохладный воздух, пахнущий бензином, остывающими камнями, пылью и — только для меня — запахами моей юности: подумать, я добрался до Зибина! Каким он казался мне тогда, в сыром декабре 1947 г., в Казани? Город где-то в полусказочной истории в каком-то уголке сказочной Аравии. Я думаю, и самому И. Ю. Крачковскому он представлялся не намного яснее, разве что не настолько отвлеченно...

Красные огни передней машины вздрагивают,

мигают. Мы тоже трогаемся. Проезжая, видим стоящих у скалы вооруженных людей. И опять — темнота.

Оказывается, нас остановил ночной патруль. В Зибине расположен небольшой гарнизон, и здесь кончается территория, бесспорно контролируемая правительством. В апреле 1967 г. такой последний пост стоял почти у самой столицы, на развилке дорог на Амран и на Рейду. Теперь граница отодвинулась до Зибина. Что за страна там дальше, чья она, что происходит в ней — как раз это мы и должны узнать. Сами. Не с чьих-то слов узнать, а появлением своим, своим присутствием проверить, где проходит истинная граница республики.

СИНВАНСКАЯ КРЕПОСТЬ

Я ясно почувствовал, что за Зибином начинается новая страна. Едва мы отъехали, как кто-то сзади облегченно вздохнул. Все сразу оживились, задвигались, начали закуривать. Как будто до этого мы ехали по ветхому мосту над пропастью или по минному полю. Все будто освободились от напряжения и заговорили. Долго спорили, глядя в темноту, угадывая что-то, потом почти разом сказали: «Халас! Халас!» (Всё! Кончено!) Один из них тронул меня за плечо: «Халас, доктур!» и объяснил: мы только что проехали границу между землями хашед и бакиль — двух главных соперничающих племенных союзов Северного и Северо-Восточного Йемена. И в доказательство он распустил чалму и снова закрутил ее уже на другой манер, сказав, что теперь это «амама бакилия» (т. е. чалма по-бакилитски). Значит, теперь мы на территории союза племен бакиль, в который входят племена едущих с нами шейхов. Это еще не земли их собственных племен, но здесь уже другая страна, их страна, где все живущие считаются происходящими от одного прародителя, все объединены союзными обязательствами и имеют общего верховного вождя, главного шейха.

В гражданскую войну эти два племенных союза были по разные стороны фронта, и со взаимными счетами не покончено и поныне. Из недомолвок я понял, что главным образом по этой причине шейхи не остались ночевать в Рейде и отказались остановиться в Зибине.

Еще возле Зибина кончились наконец и лавовые поля, и жестокая тряска. Ехать стало мягче, но теперь нас душит пыль, проникающая даже через закрытые окна. Дорога идет по широкой речной долине — это Шаваба — то по руслу среди голышей и гальки, то, незаметно переместившись, по низкому берегу, и тогда фары освещают далеко вокруг белую от нашего света каменистую степь, низкие серые кусты, одинокие валуны, кривые деревья с колючками вместо листьев. Все беззвучно, неподвижно, как будто оцепенело, застигнутое светом.

...Остов сгоревшего танка неподалеку от дороги, среди редких деревьев. Обезображенный, в пятнах, с погнутым стволом орудия. Мы едем медленнее, все всматриваются. Спрашиваю, что это, и шейх рассказывает:

— Сначала был бой в Синване[8]. Каид[9] приказал нам сжечь всю крепость. Египтяне отступали к Зибину, мы устроили здесь засаду и подожгли этот танк. Он взорвался. Мы лежали за валунами и стреляли в солдат. Я взял себе в Синване автомат. Дальше еще есть бронетранспортер. Мы бросили в него гранаты. Много тогда было убитых. Остальные убежали в Зибин. Это были всё египтяне[10], йеменцев с ними не было. Йеменцы были в Зибине.

---

[8] Селение, расположенное в 25—26 км на восток от Зибина. В рассказе речь идет о боях за крепость в Синване 11 ноября 1962 г. Крепость была опорным пунктом египтян, складом военного снаряжения и горючего.

[9] Каид — военачальник. Так называли принца Абдаллаха ибн Хусейна, командовавшего в конце 1962 г. отрядами монархистов на северо-востоке Йемена.

[10] Опираясь на поддержку феодальной верхушки, вождей племен на севере и северо-востоке Йемена, имам — король Йемена — и члены свергнутой династии развязали осенью 1962 г. гражданскую войну, стремясь вернуть власть. Король Саудовской Аравии предоставил значительные суммы денег и оружие на организацию военных отрядов монархической армии, английские власти в Южном Йемене и правители пограничных с Йеменом княжеств также оказали помощь в снабжении, военной подготовке мятежников. В этой обстановке правительство республики обратилось за помощью к Египту. В соответствии с соглашением от 10 октября 1962 г. в ЙАР прибыли египетские войска, выступившие на защиту республики. Вооруженным силам Египта и ЙАР удалось к началу 1963 г. остановить наступление монархистов на Сану. Гражданская война в Йемене продолжалась с 1962 по 1970 г.

Так я записал тогда рассказ в трясущейся автомашине при свете от щитка приборов. Потом я много раз расспрашивал о синванском сражении, с трудом восстанавливая истинный ход событий из множества мелочей, анекдотических подробностей, обычных преувеличений и путаницы.

Проезжаем мимо лежащего на боку бронетранспортера с разорванным днищем. Видим разбитый легкий танк на открытой поляне, в стороне — пушку, стоящую на ободах со снятыми покрышками. Шейхи спорят о каких-то деталях, вспоминают эпизоды, кричат, перебивая друг друга. Рассказы их будничны и жестоки. Так рассказывают о футболе. В гражданских войнах, как и в религиозных, нигде не знают милосердия. Они все участвовали в этих боях. На стороне монархистов, как выясняется.

Я слушаю их вполуха. Стараюсь не пропустить ни одной попадающей в полосу света приметы событий: это уже не просто земля, на ней все значительно. Она поглотила тогда многие десятки людей. Солнце выжгло следы тех кровавых дней. Одни колючие кусты, прогалина, горка камней, корявые деревья с голыми ветвями, изуродованные железные коробки остались свидетелями, и я хочу увидеть их. Кто знает, может быть, я напишу когда-нибудь об этих горьких днях республики.

Вполголоса спрашиваю шофера про наших спутников: «Так что, они все малаки (монархисты)?» Он, не поворачивая головы, цедит: «Бараны! В Джауфе тогда погиб мой брат. Мне перебило осколком кость на ноге, он тащил меня за холм, где собрались остальные, и тут они прострелили ему голову. Его похоронили без меня. Не знаю где».

...В Синван мы приехали поздно, в начале одиннадцатого. Нигде ни огонька, сколько ни всматриваюсь. Фары скользнули по каменной стене, по большому пролому в ней, осветили пустырь и низкие дома в глубине, стоящие редко и как-то вкривь и вкось. Шейхи ушли искать ночлег: дальше ехать уже нет сил.

Отхожу в темноту, и сразу — другой мир. Над головой — купол звезд. Недалеко от наших автомашин различаю тлеющие под пеплом угольки в костре. Потянуло кизячным дымом. На земле рядом с костром — темные силуэты верблюдов. Между домами начинается движе-

ние. Вспыхивают фонарики. Кое-где в окнах уже зажигаются лампы. Лают собаки. Слышны голоса. В темноте кто-то ходит. Мы разбудили деревню. Я думаю, жители еще долго будут вспоминать этот нежданный ночной приезд автомашин с европейцами и шейхами из Джауфа.

Нас ведут на свет яркой лампы, засветившейся впереди в проеме двери. Какая-то конура, похожая на сторожку, пристроенная к высокой глухой стене. Дверью служит дерюга, теперь откинутая в сторону и прижатая кривой палкой. В прокопченном углу, ближнем к входу, на камнях стоит черный чайник. Старуха машет куском картона, раздувая огонь. Она ворчит и время от времени взмахивает усохшими руками. Звенят браслеты. Сам хозяин, отводя глаза, хмуро отвечает на наши приветствия и тут же садится на корточки, обхватив голову руками. Мы топчемся возле, не зная, что делать. С давних пор в йеменских деревнях все запуганы правительственными постоями. Шофер присаживается рядом с хозяином и внушает ему, что мы заплатим и за чай, и за беспокойство — за все, но тот сидит, не меняя позы.

Возле сторожки натянута большая солдатская палатка. В ней и останавливаются проезжие. Шейхи тащат в нее свои узлы. Других помещений в деревне нет. А мы? Хозяин, немного взбодрившийся, освещает нам фонариком квадратную дыру высоко в стене. Один за другим поднимаемся туда по приставной лестнице. Она еле дышит, скрипит, потрескивает. Ощупью вползаем внутрь. Темно, пахнет деревенским амбаром. Подают снизу фонарь. Тесное помещение, видимо, что-то вроде кладовой. Половина его завалена снопами соломы. По стенам развешаны сухие тыквы, старая одежда, ссохшиеся кожи, связки чесноку. Коста, светя фонариком, осматривает потолок, щели в глинобитных стенах — нет ли скорпионов.

Последним к нам поднимается сухонький старичок в железных очках, в белой чалме. Он закидывает свой узел, винтовку, с трудом взбирается сам. Это самый старый из наших шейхов. Он ночует с нами. Шейхи несколько раз зовут его вниз ужинать, но он отказывается. Он — шериф, потомок пророка, аристократ и хочет спать с «господами». Покопавшись в узле, он вытаски-

вает что-то вроде шали и начинает стелить себе у самого выхода, рядом со мной.

Заглушая шумом своего голоса бульканье, Коста разливает по кружкам виски. Конечно, неловко перед потомком пророка, но ведь прошел первый день нашего невероятного путешествия... Мы тихо говорим: «Прозит!» и выпиваем, пока шериф шуршит соломой, готовя свою постель. К чаю зовем и его.

Не уснуть мне. Спускаюсь вниз. В палатке свет, слышен громкий разговор. Заглядываю. Мне показалось, что шейхи играют в карты. Все сидят вокруг разостланной тряпки. Увидев меня, они замолкают, наступает неловкая пауза: на тряпке лежат пачки денег. Я говорю: «А мне?» Смеются, зовут войти: «Бери, доктор!» Они делят деньги, выданные им правительством за сопровождение и охрану.

Деревня уже успокоилась. Тихо. Но ночь всегда живет потаенными звуками. Вот послышался шум, будто птица захлопала крыльями. Треснула ветка. Стукнул и покатился камень, — наверное, горы близко. Глухой разговор со стороны наших автомашин — там укладываются спать шоферы. Мне слышно, как глубоко, по-коровьи вздыхают верблюды, которые лежат где-то неподалеку.

Разглядываю звезды. Небо здесь совсем незнакомое, все по-другому. И мне уже не подавить волнения, и я говорю самому себе или тому, кого вспомнила душа, не называя: «Слушай, ты знаешь, где я теперь? Аравия, Синван, проездом в Сабейское царство...»

...Уже рассвело, в деревне кричит петух, похоже один и тот же. Рядом со мной молится шериф, так близко, что, делая поклон, касается головой моей ноги. Спокойно и сосредоточенно говорит про себя молитвы. Без очков его лицо кажется удивленным. Лицо старого аристократа: узкое, с тонким носом, с мягкой смуглой кожей. Видно, что он не пахал земли, что его не выжаривало солнце в песках. Старческие морщины не обезобразили его. Сейчас он вообще не похож на себя дневного — без чалмы, с редкими седыми волосами, в одной рубахе. Последнюю молитву он уже пришептывает, натягивая пиджачок с авторучками в кармашке и шаря сощуренными глазами вокруг себя. Одевшись, сидит, безмятежно глядя в голубой проем двери. И мне видна

нежно-серая стена горы, темные борозды на ней, расщелины, выступы, а в полоске между гребнем горы и притолокой двери — чистое утреннее небо.

Спускаюсь за шерифом. Все еще спят — и в палатке, и наши шоферы в автомашинах. Упала густая роса, и все мокрое и холодное. От земли над деревней и над долиной на западе, откуда мы вчера приехали, летит кверху туман. На пустыре лежат тесно друг к другу верблюды, больше десятка. Людей не видно. Пусто.

Щемит сердце. Как все пустынно и бедно! Нищие плоские дома из сырцового кирпича или из булыжника. Постройки все новые. Где же старый Синван? Это ведь старое поселение. Я невольно готовился к праздничному зрелищу неведомой страны, в которую мы въехали ночью. А перед нами — мир бедных людей, захудалая деревня и унылые слоистые горы без живописных утесов. Кое-где видны кривые акации с плоской пустой кроной. И всюду — камни, камни. Как, наверное, невыносимо здесь в летний зной!

...Мы ночевали в остатках Синванской крепости. Ночлегом нашим был чудом уцелевший чулан на втором этаже разбитого дома, пристроенного изнутри к крепостной стене. Эта стена, сложенная из крепкого камня, окружала крепость, в старые времена служившую и резиденцией местной власти, и постоялым двором для караванов. Вдоль нее мы и ехали вчера ночью. Стена теперь сильно разрушена. Неподалеку от ворот в ней зияет огромный пролом.

Местные крестьяне не раз начинали поиски винтовок и кожаных мешочков с серебряными риалами, погребенными, по слухам, среди развалин, но чаще натыкались на мины и гибли. Мы ходим здесь с опаской. Большой двор завален камнями и мусором. Всюду нелепые остовы сгоревших автомашин, куски рваного металла, снарядные стаканы, недогоревшие автомобильные покрышки, истлевшее тряпье. Возле ворот грудой лежат стащенные вместе обгоревшие бронетранспортеры. Вдоль стены — разрушенные жилые здания. Видны этажные перекрытия, остатки внутренних лестниц, пустые окна. Музейная тишина вокруг. И мы ходим, как экскурсанты, хотя шейхи были здесь в тот самый день, 11 ноября 1962 г., когда принц Абдаллах приказал захватить крепость.

Вместе с шейхом Мухаммедом Салихом — это он сидит за моей спиной в машине и обычно рассказывает о войне — заходим в угловую башню, разбитую взрывом. Земляная насыпка перекрытия и упавшие камни завалили когда-то несколько трупов. В размытой дождями земле видны кости, тряпье, остатки обуви, раздавленные ржавые консервные банки.

...В первых числах ноября 1962 г. отряды монархистов и бедуинов Джауфа во главе с принцем Абдаллахом ибн Хусейном появились у Синвана. В крепости, по рассказам Мухаммеда Салиха, находилось около 700 египетских солдат. Четыре танка и семь бронетранспортеров охраняли подходы к ней. 11 ноября принц Абдаллах приказал атаковать крепость. Горцы, прекрасные стрелки, били по смотровым щелям, взбирались на броню танков, забрасывали бронемашины гранатами. Несколько машин вывели из строя, остальные начали отступать к дороге на Зибин. За ними побежали солдаты из крепости. Монархисты устроили засаду вдоль дороги, подорвали еще танк и бронетранспортер. В сумерках остаткам гарнизона Синванской крепости удалось добраться до Зибина. Говорят, что вплоть до начала нового весеннего наступления египтян растерзанные грифами и вороньем десятки убитых солдат лежали в долине по дороге на Зибин и вокруг крепости, потому что принц Абдаллах запретил хоронить «врагов религии».

Крепость была совершенно беззащитна против авиации, а принц Абдаллах панически боялся бомбардировок, и поэтому он решил уйти из Синвана назад, к своей основной базе, расположившейся на стыке Вади-Харида и Вади-Хиррана. Монархисты захватили тогда богатую добычу: винтовки, несколько легких орудий, боеприпасы. Но никто из них не умел обращаться с танками и бронемашинами, и принц велел облить их бензином и сжечь. И то, что они не смогли тогда взять с собой из крепости, он тоже приказал поджечь. Запасы горючего, остатки боеприпасов, снаряжения, снаряды — все взлетело на воздух, разрушив здания внутри крепости. Возвращаясь в свой лагерь в Вади-Хаир-Ишш, они еще долго слышали взрывы. Клубы черного дыма были видны им всю дорогу...

Набравшись духу, прямо спрашиваю шейха Мухам-

меда Салиха, как же случилось, что они вступили в армию монархистов против правительства и против республики. И как же теперь? Он говорит, что война научила их и имам больше никогда не вернется в Сану.

— Когда принц Абдаллах ибн Хусейн сразу после революции пришел в Джауф и объявил священную войну против врагов религии, мы все собрались к нему. Он дал всем оружие. Мы пошли на Сану. Мы устраивали засады, поджидая отряды египтян. Принц Хасан[11] и каид Абдаллах говорили нам, что египтяне пришли в Йемен, чтобы захватить страну и поставить у власти коммунистов. Мы не любили имама Ахмеда и его наместников, но мы боялись, что к нам придут египтяне... Тогда еще никто не знал, что́ происходило в Сане.

В Синване находились владения имама, и бо́льшая часть мужчин ушла в отряды монархистов и либо погибла в боях, либо и поныне скитается где-нибудь в Саудии. Многие из нынешних обитателей Синвана — недавние поселенцы.

Мы уезжаем. Солнце еще не поднялось над горами, но их вершины уже сияют. Начинает пригревать. Несколько крестьян подошли посмотреть на наши сборы. Я расспрашиваю их о деревне, о недавних событиях, Ходивший везде за мной йеменец в белой куфейке, горбатый, с большими бархатно-черными глазами, торопясь, рассказывает. Кто-то из шейхов, увидев, что я записываю, цыкнул на него, он сразу замялся и отошел.

В ДОЛИНЕ ЧЕРНЫХ РАБОВ

На дороге уже пыль. Небо чисто, как после дождя. Снова вокруг горы, ущелья, впереди — каменистая долина Сафият-Синван. Но перед глазами всё стоят руины Синванской крепости, и, когда выдается ровный кусок дороги, я записываю. Наверное, никто еще не писал столько о Синване — теперь маленькой деревне, но своим местоположением назначенной всегда быть

[11] Принц Хасан ибн Яхья — дядя свергнутого имама Мухаммеда аль-Бадра. В октябре 1962 г. стал премьер-министром монархического правительства и организатором борьбы против республики.

воротами из Центрального Йемена на северо-восток, в Джауф, йеменскую Вандею.

В машине все оживлены. Теперь всем хочется говорить. Я спрашиваю о местных древностях, о камнях с надписями, о пещерах и скалах с рисунками, о горе в Архабе, где надписи занимают целую скалу, снизу доверху. Но никто не поддерживает моей темы.

Здесь все живет воспоминаниями о войне. Все знают только одну историю — рассказы о связанных с ней событиях. Каждое приметное место известно только тем, что́ произошло здесь тогда. Война заслонила им прошлое, и, наверное, еще не одно поколение йеменцев будет жить ею как событием, давшим смысл их жизни, не столько понимая, сколько чувствуя, что она необратимо изменила все в их существовании.

По дороге мы останавливаемся, но вместо древних руин меня ведут посмотреть на пещеры, где в 1963 г. находился штаб другого принца — Абдаллаха ибн Хасана, объединившего тогда под своим началом отряды монархистов, действовавших на северо-востоке и на востоке Йемена. Горы здесь образованы наклонными пластами светло-желтого известняка со множеством пещер. В них принц Абдаллах и разместил свою штаб-квартиру и склады боеприпасов, надежно защитившись от бомбардировок египетской авиации.

Молчаливый шейх со странным прозвищем аль-Кухкух водит меня по лабиринту полутемных пещер, где мы спотыкаемся о консервные банки — местами их тут целые горы,— где еще остро пахнет солдатской землянкой. Своды пещер — закопченные, входы заложены крупным булыжником. Жить в этих пещерах было нелегко: каменная сырость, спертый воздух, вечный полумрак [12].

Шейх Ахмед аль-Кухкух часто бывал у принца, жил здесь, но из него много не выжмешь. Он воевал с октября 1962 г., и война переделала его из шейха в веч-

---

[12] Принц Абдаллах ибн Хасан говорил тогда корреспонденту «Лайф» о своей жизни в пещерах: «Я просыпаюсь в этой пещере часто с головной болью, грязный, нет ни ду́ша, ни уборной, ничего нет. И я думаю о Нью-Йорке. Я никогда не забуду Пятой авеню и Таймс-сквера». Принц Абдаллах перед революцией был членом йеменской делегации в ООН и жил в Нью-Йорке. Его штаб в пещерах около Синвана называли Хакумат аль-джарф (Правительство в пещере).

ного солдата. Теперь, похоже, он до смерти будет жить привычками своей военной жизни, любой холм или лощина будут для него позицией, а самой удобной одеждой — его длинная рубаха из хаки, перекрещенная ремнями и патронташами. На поясе у него патроны, даже в два ряда, в особых кармашках, за поясом и в карманах пиджака — обоймы к автомату.

Он всегда невозмутим, голова его замотана большим платком из хаки на манер башлыка, из него торчит мясистый нос и смотрят настороженные глаза. Я спрашиваю его, почему вместо принца Абдаллаха ибн Хусейна здесь стал командовать Абдаллах ибн Хасан.

— Он был несправедлив, и мы не любили его. Он это понял и ушел отсюда. Сначала к Эль-Харфу, а потом в Бану Матар [13]. Потом, уже после войны, его кто-то застрелил в Сааде, когда он возвращался из мечети. Говорят, что это были люди шейха Ахмара. Но точно я не знаю...

Почти сразу же после пещер нам является истинное чудо: за одним из поворотов, как по волшебству, возникает впереди зеленая долина. Шумит широкий поток, а по его берегам тянутся зеленые поля с густыми, высокими всходами и растут большие деревья с пышной кроной, финиковые пальмы и банановые рощицы. Этому трудно поверить. Глаза привыкли к однотонности пустынных ущелий, серых каменистых равнин. Шейхи хлопают меня по плечу, тычут в спину, смеются, довольные эффектом: «Ну как, доктор?!» — словно сами подстроили мне это. И я смеюсь от неожиданной радости.

Мы останавливаемся, и все бегут к воде, шумно плещутся, толкаются, брызгают. Мы умываемся впервые после отъезда из Саны. Вода теплая, прозрачная. В густом кустарнике возятся, вскрикивают птицы. В воздухе — прохлада и свежесть. Благодать!

Никто не знает в точности начала этого потока. Некоторые считают, что он — продолжение Вади-Шавабы,

---

[13] Эль-Харф — город в Северном Йемене. В 1962—1963 гг. был важным опорным пунктом египтян на основной линии коммуникаций войск, действовавших на севере и северо-востоке страны. Бану Матар — большое племя, территория которого расположена по северной стороне шоссейной дороги Сана — Ходейда.

что он течет под землей и здесь вырывается из-под скал на поверхность и круглый год на протяжении нескольких километров течет по долине, дальше снова уходит между камней под землю и впадает в главную реку этого края — Вади-Харид. И только когда идут дожди весной и осенью, по всему руслу, от истока до устья, шумит настоящая горная река, перекатывая серые валуны.

Долину называют Хирран, и этому названию не одна тысяча лет. Оно упоминается в сабейских надписях до нашей эры. Божество здешнего храма в древности почитали во многих отдаленных отсюда местах. Но никто из шейхов, часто бывавших здесь, не слышал о руинах в этой долине: шла война, и у них были другие темы для разговоров. Я думаю, что со временем найдутся и следы знаменитого храма, и другие древности.

В долине жили издревле. Она и нынче необыкновенно плодородна, хотя климат здесь нездоровый. Долина лежит между высокими отвесными горами, воздух в жару застаивается, делается тропически влажным и тяжелым. Мириады комаров тучами висят над посевами, над потоком, вода кишит всякой нечистью. Жить здесь тяжело. Свирепствуют малярия, желудочные заболевания. Бедуины с караванами стараются пройти эту долину без остановки на ночь.

...Дорога все время идет то по краю крутого обрыва над потоком, то вдоль самого русла. Местами поток заливает дорогу, и мы едем наугад, как в лодке, рискуя угодить в яму. Иногда выскакиваем прямо в воду и подталкиваем буксующую автомашину.

Деревень мало, они похожи на хутора. Никто не выбегает нам навстречу, когда мы едем мимо них. Жители молча стоят у своих домов. Они, как правило, высокие. Все черные, у многих волосы курчавые, но попадаются и с прямыми волосами, как у йеменцев. Шейхи указывают мне на них, как на диковину.

Это, как их называют, абида — потомки африканских рабов, давно еще завезенных сюда купцами-работорговцами для работы на полях. В начале XIII в. имам Абдаллах ибн Хамза отпустил их на свободу, и они остались в долине частью вольными арендаторами, частью собственниками земли. Они живут замкнуто, мало общаясь с миром вне долины, почти не смешиваясь с арабским населением, не рабы, но и не полноправ-

ные. Богатые шейхи охотно покупают здесь себе наложниц.

За время гражданской войны деревни в долине Хирран сильно обезлюдели. Абида, по традиции, считали себя верными слугами имамов, когда-то даровавших им свободу, и почти поголовно воевали на стороне монархистов. Многие не вернулись домой, и жилища их стоят заброшенными. Семьи их либо вымерли, либо разбрелись кто куда.

Такая благодатная и такая печальная долина!

Уже на выезде из долины, когда как-то незаметно исчез поток, кончились зеленые поля, пальмы и заросли кустарников, среди серых скал на левом берегу сухого русла показывается большое селение. Нам видно, как в улочках между домами, на плоских крышах появляются вооруженные люди. Шериф Мишли велит шоферу ехать быстрее, и мы в клубах пыли мчимся километра полтора-два. То же делают и в передней автомашине.

Мне объясняют: здесь многие годы идет кровавая распря между жителями деревни и горцами области Нихм из-за большого пустыря, по которому мы ехали. Земли здесь хорошие, но их никто не засевает из-за этой распри, и поля уже который год лежат невспаханные. Каждая из враждующих сторон требует от проезжающих хотя бы символической уплаты за проезд или даже простой остановки в знак признания их права на эти земли. А иногда кто-нибудь открывает стрельбу. И проезжающие поэтому всегда торопятся миновать это место.

К ГРАНИЦАМ ДРЕВНЕГО МАИНА

Километр за километром едем мы в безмолвном и безлюдном мире. Горы отошли дальше, и дорога то выходит на русло вади, и тогда галька колотит по днищу, то на пустую равнину, усеянную мелким камнем. Раз как-то вижу пастуха, стоящего в серой тени тамариска и положившего черные руки на палку, как на коромысло. Пятнистые козы разбрелись вокруг; некоторые, поднимаясь на задние ноги, стараются дотянуться до верх-

них, еще не объеденных веток терновника. И совсем особое, дорожное чувство отрешенности и безмятежности, как приступ старой болезни, приходит ко мне. И уже кажется будничным, что вот мы едем в Мариб по одной из древнейших караванных дорог мира, что мы проезжаем последние километры до границ загадочного Маинского царства.

На 143-м километре от Саны мы выезжаем в сухую долину Хутайби, окруженную складчатыми горами. Склоны их, не слишком крутые, изрезаны ущельями, покрыты низким кустарником и колючками. По ущельям кое-где чернеют лавовые потоки. Русло вади остается справа. С дороги мне видны и крутой откос правого берега, и ложе потока, заваленное булыжником. Долина усеяна голышами, опустошена безжалостным солнцем. Серые акации кажутся окаменевшими в неподвижном зное, пахнущем горячей пылью.

Впереди, у дороги, останки грузовой автомашины, а немного дальше — небольшое орудие. Шейхи опять оживляются и рассказывают то один, то другой, что здесь в конце октября 1962 г. принц Абдаллах ибн Хусейн напал на отряд египтян, направлявшихся в Джауф. Отряд двигался по дороге, не ожидая нападения, и попал под перекрестный огонь. Укрывшись среди скал вдоль дороги, монархисты безжалостно расстреляли всю колонну. Сражение длилось недолго. Пылали подорвавшиеся и подожженные автомашины, метались солдаты, не находя укрытия на пустой равнине. Стрельба со всех сторон, клубы дыма и пыли, взрывы гранат, грохот от рвущихся боеприпасов, вопли раненых, завывание бедуинов. Дым от горевших машин помог остаткам отряда выбраться из долины. Все как обезумели тогда. Раненых добивали, убитых не хоронили. Полураздетые трупы бросили червиветь на солнце.

И вот мы обходим место сражения. Возле пушки «герои» просят сфотографировать их на память. Безмятежная тишина царит вокруг, завораживая и пугая. Слышатся только наши голоса, звучащие странно, словно вокруг все ватное. В нескольких шагах голоса уже глохнут. Шейхи сошлись вместе и разговаривают, разглядывая долину. Мухаммед аль-Адхами, молодой парень с нежным овалом лица, обросшего пушистой бородкой, ведет меня к останкам грузовика. Кабина

распахнута. Ящерица метнулась с капота. Шейх рассказывает, как он тогда обнаружил и добил лежавших в кабине двух раненых — шофера и офицера — и забрал их вещи, раздев обоих донага: они были его личной добычей в бою.

Я смотрю в разоренную кабину. Все покрыто густой пылью. Шейх в лицах изображает, как кричали тогда раненые и как молили его о пощаде. Во имя его матери, во имя ислама. Он охотно соглашается со мной, что все это было «плохо», все:

— Сахх! Муш тамам, доктур! Му-уш тамам! (Верно! Плохо, доктор! О-очень плохо!)

Но добыча все-таки была его правом!

— Офицер был очень толстый,— он взглядывает на меня, сравнивая,— я ударил его джамбией... У него была хорошая шинель, много консервов...

Он не садист, он не смакует ужасов, он просто хочет точно передать мне, как все было. Другая мера жестокости? Как в средние века, как у бравых мушкетеров: враг — не человек, вытер кровь со шпаги и пошел выпить мальвазии в «Золотую лилию»? Но слушать это невмоготу, я обрываю его и начинаю ругаться. Он смотрит на меня с некоторым недоумением и добавляет, как бы поясняя:

— Это были египтяне... Нам говорили, что они пришли, чтобы обесчестить наших женщин и сделать их общими для всех, отменить ислам и отобрать наши земли и скот.

...Вади-Хутайби поворачивает на восток, огибая длинный горный отрог, а мы едем на север по отвесному краю каменистого плато. Оно постепенно повышается к западу, и на его пологой вершине растянулись цепью каменные дома селения Эс-Сафи. К северо-востоку от него стоят два длинных, полуразрушенных строения, похожих на казармы. Это караван-сарай Самсарат альджумрук (Постоялый двор при таможне), построенный, как считают, имамом Абдаллахом ибн Хамзой (начало XIII в.). Уже шесть веков его толстым стенам, сложенным из крупных базальтовых брусков, плит известняка и из древних, хорошо обработанных блоков. Высокие арочные ворота ведут во двор с колоннадой. Перекрытия давно обрушились, и двор, и внутренние помещения завалены камнем и щебенкой. Здание поменьше стоит

выше, на склоне. Странно видеть сейчас такое большое сооружение на каменистом пустыре, в почти безлюдной местности.

А когда-то здесь устраивали многолюдные общейеменские ярмарки, на которые съезжались купцы со всех концов Йемена, из Наджрана и Хадрамаута. После 1962 г. эти ярмарки прекратились. Воспоминание о них сохранилось в названии урочища — Сук ас-сувайк [14], которое находится ниже караван-сарая, на восточной стороне дороги. Это целое поле с развалинами каких-то строений, лачуг из булыжника — в них во время ярмарки продавали свой товар и жили мелкие торговцы. Здесь в гражданскую войну происходили сборища монархистов Северного Йемена и Джауфа.

Пока я обходил развалины, шейхи вдруг затеяли состязание в стрельбе. Мишенью выбрали крохотное оконце в стене полуразрушенного дома за караван-сараем. После первых же выстрелов из-за стены выбежали три женщины и, крича и размахивая руками, побежали прочь. Безлюдье, как будто бы царившее вокруг, оказалось обманчивым: из-за валунов на гребне возвышенности и со стороны селения вдруг появились вооруженные люди. Несколько мужчин направились к нам, другие с оружием наперевес стояли в отдалении. Если бы стрелявшие попали в женщин, нам бы несдобровать. Кое-как объяснившись с подошедшими, мы поспешно уехали.

...Скоро мы спускаемся с плато на большую долину. Она изрыта оврагами, промытыми потоками в рыхлой почве. Мы оказываемся в узком каньоне. Из трещин в стенах пробиваются стебельки серо-голубой травы.

Желтая тяжелая пыль покрывает дорогу толстым слоем. Мы въезжаем в нее, как в воду. Машины увязают в пыли по ступицы колес, мы движемся с большим трудом, ежеминутно буксуя. Окна закрыты, мы задыхаемся от жары. Пыль поднимается, как вязкий горячий туман. Она проникает всюду, дышать мучительно трудно, во рту образуется кашица. Шейхи замотались шарфами, так что видны одни глаза с серыми от пыли бровями и ресницами. Шофер походит на мельника, и я, наверное, не лучше.

---

[14] Сувайк может означать также «базар в субботний день, малый базар (после пятничного)».

На подъеме мы забуксовали. Шофер велит всем выйти и подтолкнуть автомашину. Шейхи и аскеры, стуча оружием, выходят. Я открываю дверцу, ступаю вниз и тут же отдергиваю ногу, словно опустил ее в горячее масло. Это неожиданно и невероятно. Шофер смотрит на меня вопросительно, а я не знаю, как быть — в пыли невыносимо горячо. Я распахиваю дверцу и прыгаю на камень у дороги. Аскеры и шейхи по колено в этой жуткой пыли, крича, толкают наш лендровер. Нет, моим ногам не вытерпеть в ней. Я карабкаюсь из оврага наверх. Там свежо, несмотря на солнце. Земля жесткая и вся потрескалась от зноя.

Наспех рисую план местности, фотографирую и делаю заметки: места эти не обследованы, и мои описания и фотографии могут быть интересны для географов. Например, краткое описание контура долины, характера рельефа и растительности или вулканов, торчащих на востоке и никем еще не отмеченных, а я насчитал их пять. На некоторых лава дошла только до середины конуса, и издали кажется, что на серую гору надели черный колпак. Кое-где по ущельям чернеют потоки лавы, излившиеся из невидимых отсюда, из долины, кратеров. Все они расположены вдоль западного края обширнейшей горной области Джебель-Йам; северная сторона Джебель-Йам обращена к древнему Маину, а восточная — к Марибу.

Мне рассказывали о богатстве и плодородии долины Хаир-Ишш, но я заметил только деревья вдоль подножия гор, справа, и группы финиковых пальм. Долина в древности была вся возделана, поля разделялись оросительными канавами, со временем превратившимися в овраги, которые и погубили долину. На месте древних полей торчат теперь высокие прямоугольные земляные башни или уже совсем оплывшие бугры. Где-то здесь, говорят, сохранились остатки большой древней плотины длиной около 150 метров, сложенной из тесаного камня.

Переезжаем сухое русло. По берегам его растут кривые акации, видны полузанесенные пылью кустарники, заросли ашара — растения с высокими, похожими на бамбук стеблями и мясистыми темно-зелеными листьями. Оно особенно распространено в солончаках Тихамы, на просоленных песках Красноморского побережья. Говорят, что река здесь течет под землей, а русло и все

эти бесчисленные овраги и каньоны наполняются водой только в периоды дождей. Сейчас здесь царят солнце и тишина.

Долина переходит в долину, одно название сменяет другое, как в старых московских переулках. Теперь это уже все время — широкая долина, местами в 2—3 километра, сплошь покрытая, как копнами, разросшимися кустами раки́ — колючего вечнозеленого кустарника: значит, здесь близко подходят подпочвенные воды, а может быть, и сама подземная река. Это — Вади-Харид.

Горы то далеко раздвигаются, то как будто совсем смыкаются — длинный отрог закрывает продолжение долины. Мы держимся ближе к подножию Джебель-Йам — старых складчатых гор, безлесных, однообразно серых.

...Я даже пугаюсь, когда на дороге впереди автомашины появляется человек на ослике — так я уже привык к безлюдью. Он сидит боком, босой, помахивает палочкой, на нем какое-то бесформенное одеяние, на голове черный капор, какой в «том Йемене» носят обычно дети и женщины. Он кричит нам что-то, подняв палочку, как жезл, а ослик срывается в галоп, едва не сбросив седока. Он едет налегке, значит, не издалека, и мне кажется, что сейчас мы увидим селение. Давно уже не было жилья.

И вдруг — река! Точнее, речка шириной в 4—5 метров. Ее низкие берега поросли травой и кустарником. Но это настоящая речка: живая, быстрая вода с песчаными отмелями, с перекатами по гальке и даже с мелкой рыбешкой!

Мы пробуем искупаться — местами здесь по пояс. Вода прохладная, чистая.

Итак, мы выехали к реке, или речке, Вади-Харид, или Гейль-Харид, берущей начало возле самой Саны и пробивающейся сюда через горы, разделив их на две горные области — Архаб и Нихм.

Шейхи и аскеры, помывшись, идут на белую отмель, выстраиваются длинной шеренгой, положив перед собой оружие. Шериф Мишли становится впереди лицом на запад, к Мекке: полуденная молитва. А мы, «неверные», сидим на нежной зеленой траве, опустив ноги в воду, и жуем галеты с раскисшей от тепла колбасой. Толстый Паоло Коста кричит мне, подняв руку с бутербродом:

— Изумительно! Потрясающая жизнь, Пьетро!

И громко, аппетитно хохочет, зная заранее, что я скажу ему сейчас мое излюбленное «оф кос!»

После полудня мы трогаемся дальше, умытые, свежие и — это как-то сразу почувствовалось — подружившиеся после общего обеда на траве. Чтобы легче было расспрашивать, я перехожу к шейхам на второе сиденье, поменявшись местами с шерифом Мишли, которому давно надоела компания его шумных спутников.

Почти сразу же въезжаем в другую реку, пожалуй даже более широкую и полноводную: Харид сливается здесь с речкой Гейль-Хабаш, текущей с запада. В месте слияния — целое озеро. Машины осторожно едут по нему на другой берег. Вода то и дело заливает пол кабины.

Стадо верблюдов бредет нам наперерез вниз по течению, медленно, с остановками. Наше появление не слишком обеспокоило их. Вот верблюд, расставив ноги, наклоняет длинную шею, погружает губастую морду в воду, фыркает, пришлепывает нижней губой и настороженно косит на нас глубоко запавшими глазами. Большинство верблюдов светлой масти, черных мало. Они очень высокие, крупные и злые. Все они ужасающе тощие, мосластые, замученные, в коростах на костлявых спинах. Шейхи наши разволновались, покрикивают на них, взмахивают руками, открыв дверцы машин,— родное! Некоторых верблюдов они знают по именам, знают их историю — откуда привели, кто и кому их продал. Теперь уже ясно, что мы в Джауфе.

СТРОКИ СЕМЕЙНОЙ ХРОНИКИ VI в. ДО Н. Э.

Слившись с Гейль-Хабаш, Гейль-Харид не становится особенно широкой и многоводной. Песчаные холмы подходят к самому берегу. Русло реки делает петли. Мы переезжаем с одного берега на другой по каменистым перекатам, пока окончательно не выбираемся на левый берег. Теперь дорога идет по полупесчаной равнине, покрытой земляными буграми и густым кустарником, заметенным песком чуть не до половины.

Шейх Мухаммед аль-Адхами уверяет меня, что где-

то здесь есть «асар» — развалины, древние постройки. На этой пыльной, унылой равнине?! Как-то не верится — настолько все прозаично. Но вот одно за другим, то там то здесь, по обе стороны дороги, появляются пологие возвышения прямоугольной формы. Они похожи на занесенные песчаной пылью развалины строений.

Равнина здесь совершенно плоская. Заросли акаций и тамариска скрывают пространство равнины, но по множеству признаков чувствуется, что мы едем по некогда обжитой территории.

Впереди, справа от дороги, показывается большой холм, обросший колючими кустами. На его склонах можно различить в песке прямоугольные камни, в одном месте из-под завала выставился угол постройки из крупных блоков. И наверху среди кустов видны еще груды камней. Похоже, что весь холм наметен на строениях.

Машины остаются на дороге. Увязая в песке, поднимаемся гурьбой на холм. Вот! На вершине холма, по склону и внизу, куда ни глянь, лежит огромное городище. Не просто руины, развалины. Это — целый город, засыпанный обломками камней и песчаной пылью, заросший кустарником и колючками. Не видно ни одного мало-мальски сохранившегося здания, а только — остатки каменных стен, песчаные бугры с торчащими обтесанными блоками; такие же блоки лежат в песке, всюду — горы каменного мусора, бесформенные развалины крупных зданий из грубо обработанных массивных глыб.

Все разбрелись по тропинкам, пересекающим городище в разных направлениях. Я торопливо обхожу одну груду развалин за другой в надежде найти хоть что-то характерное, «говорящее»: какую-нибудь колонну, капитель, а если уже совсем повезет, то и надпись. Посылаю аскеров искать блоки с рисунками или буквами. Бегу назад на холм: оттуда хорошо видна общая картина развалин.

Это был большой город. Он несколько вытянут с запада на восток вдоль левого берега сухого русла. Другой берег чуть повыше, за ним до самых гор — равнина в кочках, в буграх, с разросшимся кустарником. Город окружала каменная стена с прямоугольными, выступающими вперед башнями-бастионами. От нее осталось

немного — северо-восточный угол, занесенный доверху песчаной пылью. На нем и образовался большой холм. В нескольких местах я натыкаюсь на части стен. Раздвигаю неподатливые ветки кустов: вдруг как раз здесь я и найду самое важное. Наверное, я похож на гончую, ищущую где-то близко затаившегося зайца.

Меня зовет аскер. Стоя на коленях, он отгребает руками песок от лежащих вплотную в ряд прямоугольных блоков. На боковой стороне блоков, обращенной к востоку, я вижу очертания букв. Надпись! Зовем других аскеров, все начинают копать, кто руками, кто прикладом. Вот виден контур — это явно башня-бастион; по фронту она около 8 метров. На блоках — длинная монументальная надпись, высокие, по 21 сантиметру, буквы.

Текст высечен неглубоко, местами выветрился. Я прощупываю углубления букв, переписываю их в дневник, и от волнения у меня дрожат пальцы: текст-то выполнен очень архаичным письмом, наверное, не позднее VI—V в. до н. э., т. е. в эпоху последних фараонов и вавилонских царей. Надпись была высечена в это время, а сам город, надо думать, возник еще раньше. Что за город? Чей?

В тексте упомянуты три имени. Одно из них — Альмаках, имя божества Луны, верховного божества Сабейского государства. Стало быть, город — сабейский, и тогда слово, стоящее перед именем божества, Йасаамар,— традиционное имя сабейского правителя. Сабейского правителя-мукарриба с таким именем еще ассирийские анналы называют среди приславших в 715 г. до н. э. дары царю Ассирии. Тот ли? И еще одно имя: такой-то, сын такого-то, построил дом свой (или храм?) [15], называемый Хирран (я читаю это аскерам, и они кричат: «О, Вади-Хирран!»), у стены внутри города... И здесь недостает блока. Самое интересное — название города, и как раз этого блока нет! Аскеры бегают вокруг, ища недостающий камень, один из них тычет ножом в песок рядом со стеной. Нет! Увезли куда-нибудь на строительство или засыпан глубоко.

Прибегает, запыхавшись, доктор Марио.

— Где надпись?! — И начинает снимать ее своими

---

[15] Дом и храм — святилище божества в древнейеменском языке называли иногда одним словом — «бейт».

фотоаппаратами, один вид которых всегда вызывал мою жгучую зависть[16].

Возвращаются аскеры — блока нет, но один подает мне обломок архитектурного украшения из известняка, которое я встречал и на других городищах (я назвал его «рифленые жалюзи»), другой вытряхивает из подола рубахи обломки больших кувшинов, куски шлифованного мрамора с остатками орнамента. Я фотографирую. Подносят часть плиты для жертвоприношений. Уже целая коллекция!

Все давно ушли к машинам. За мной прислали аскера: «Шериф сердится!» От бугров с развалинами, от кустов тянутся лиловые тени. Надо спешить — до заката остается недолго. Мы почти бежим. Аскер несет обломки от кувшинов — две горловины и несколько донышек, а у меня в руках — небольшая плита с «жалюзи»: экспонаты для музея в Сане. И по дороге уже фотографирую великолепно сохранившийся угловой блок фриза, целый и такой чистый, будто его вытесали сегодня утром. Мы сваливаем всю добычу в кабину, и не успеваю я захлопнуть дверцу, как автомашины трогаются. Нам предстоит еще долгая дорога сегодня.

...Место это сейчас называют Хизмат-Абу-Саур (Развалины Абу Саура). Дóма, в Ленинграде, изучая материалы, относящиеся к исторической географии Джауфа, я наткнулся на издание еще одной надписи из Хизмат-Абу-Саура[17]. К моему удивлению, ее автором оказался сын того человека, который назван в надписи, скопированной мною. Следуя примеру отца или обычаю, он тоже воздвиг дом «у стены внутри города». Как и отец, он был жрецом и знатным человеком и увековечил свое имя строительством и надписью. Если бы удалось раскопать тот холм, можно было бы увидеть, чтó именно воздвигли почти две с половиной тысячи лет назад Абамар, сын Абйадаа, и его сын Амамар, носившие почетный титул «друга» правителя Сабейского государства Йасаамара.

---

[16] К сожалению, грабитель, проникший в квартиру доктора Марио в Сане, вместе с другими ценностями похитил и его фото- и кинопленки, отснятые во время нашего путешествия в Мариб.

[17] Ее издал Жозеф Галеви — французский семитолог и знаток надписей, побывавший в Джауфе весной 1870 г.

В надписи строителя-сына сохранилось название города Манахит[18]. Потом нашлась и еще одна надпись, упоминающая строителя-отца. Вот так и получилось, что камни с плохо различимым текстом, которые мы нашли тогда в песке 25 декабря 1970 г., дали возможность восстановить эпизоды семейной хроники знатного рода, проживавшего во второй половине VI в. до н. э. в городе Манахите, расположенном на северной окраине Сабейского государства.

ДОЛИНА ВЕЛИКИХ ГОРОДОВ

Мы уже не едем, а мчимся, шейхи торопят: дело к вечеру, а до ночлега, говорят, еще ехать и ехать. Дорога то пыльная — по полупесчаной равнине, среди больших кустов, то тряская — по лощинам, усеянным кусками вулканической лавы, по жестким каменистым плоскогорьям, где редко стоят кривые акации с плоской кроной и пасутся козы.

Но ни пыль, ни тряска теперь мне не досаждают. В ногах лежат черепки и камни с городища, в дневнике — копия очень старого текста, впервые найденного, план и описание неизвестного древнесабейского города VI в. до н. э. Я в Джауфе, неизведанном и запретном! И в душе у меня ликование, я бесконечно добр и терпим ко всему и всем. И, как с давнишними знакомыми, болтаю с нашими шейхами. Мы сидим, обнявшись, я шучу с ними, и мне радостно их расположение. Они пахнут партизанами — потной одеждой, кожей патронташей и дымом. И мне уже кажется, что в хаосе и неизвестности вокруг, тяготящих меня с утра, начинает проступать какая-то определенность, что-то уже знакомое и как будто даже свое. И я спрашиваю себя: разве может существовать на земле чужая история?

Слепящий, знойный день кончается. Солнце уже на западе и вот-вот пойдет вниз. Мы — два шейха и я — стоим на краю плоскогорья. Под нами впереди — бескрайняя широкая долина, по-вечернему мирная, окутан-

---

[18] В другой надписи название города можно прочитать как Мунйат или Манйат (сабейский алфавит, как и другие семитские алфавиты, не отмечает гласные звуки).

ная прозрачной дымкой. Даль ее голубеет и сливается с небом, по обе стороны долины — горы. Вот и все — Джауф. Здесь в VIII—I вв. до н. э. была земля Маинского царства, точнее союза нескольких городов-государств, забравших в свои руки провоз и продажу южноаравийских благовоний (прежде всего особо тогда ценившихся ладана и мирры) Египту, странам Средиземноморья и Двуречью.

В те давние времена это был цветущий край. Римляне, пришедшие сюда завоевать Счастливую Аравию, застали здесь густые леса, полноводные реки. О богатых лесах Йемена, кишевших дикими зверями, писали Геродот, Плиний и Страбон. Сейчас от лесов сохранилась только роща, которую я заметил с холма в Хизмат-Абу-Сауре как раз напротив городища, и шериф Мишли сказал мне, что там водятся дикие звери.

...Долина Джауфа кажется совершенно плоской, слегка наклоненной к северу. Широкое русло делит ее на две половины. На южной, более пустынной стороне — пески, бесконечные унылые бугры, кочки, разросшиеся кусты. Северная половина, левобережье русла, и зеленее, и гуще заселена. Заросли деревьев чередуются с серыми плешинами, с зелеными и желто-серыми сжатыми полями. Кое-где деревья образуют большие зеленые массивы. И только на самом западе долины местность совсем открытая и безжизненная. Здесь все черно, земля усыпана черной галькой, мелкими камешками, блестящими на солнце. Редко где пробиваются пучки травы, растут морщинистые изогнутые деревца и прозрачные кусты, объеденные козами. Ближе к горам стоят в некотором отдалении друг от друга два высоких вулкана идеальной конической формы.

Проезжаем селения, похожие одно на другое: тесно застроенные двух- и трехэтажными глинобитными домами, безрадостные, как-то отстранившиеся от мира и словно вообще безлюдные. Нам попадаются небольшие стада коз, бредущих домой на ночлег, нет-нет да мелькнет фигурка крестьянина на поле. Над крышами домов курятся дымки — там готовятся к ужину, к близкой ночи.

Неожиданно мы останавливаемся. Неподалеку от дороги — большая деревня на просторном пустыре. Шериф Мишли увязывает свой узел. Он сходит здесь: в

этой деревне у него дом, вернее дом одной из его жен. Сухие, старческие руки плохо слушаются, он то и дело вытирает краем тряпки слезящиеся глаза. Все шейхи идут с ним в сторону, садятся в круг на корточки, держа винтовки меж колен. О чем-то шумно спорят. Шериф, запуская руку в узел, вынимает горстью деньги и раздает шейхам. Покончив с расчетами, он отходит теперь с каждым в отдельности в сторону и шепчется. Потом, закинув большой узел из полосатой тряпки за одно плечо, винтовку повесив на другое, он медленно бредет к деревне, не обернувшись к нам, не сказав на прощанье ни слова. Бородатый пожилой аскер с заячьей губой, открыв дверцу кабины, гнусавя, кричит ему вслед что-то озорное, и все начинают гоготать, хлопая себя по коленям.

— Ялла, ялла, рух, рух! (Давай, давай, поезжай!), — шейх ан-Науфи, недовольно морщась на соленую шутку, торопит шофера. Мы сигналим передней машине, и вот наш караван уже катит по дороге, поднимая высоко тучи пыли, погромыхивая на ухабах.

Шейх ан-Науфи, кажется, теперь за старшего. Раньше всю дорогу он, озабоченно нахмуренный, обычно молчал, редко вступал в общий разговор и все смотрел куда-то в сторону, облокотясь на открытое окно, как принято ездить и у нас на Кавказе. В нем все мужицкое: и мятая одежда, и широкое, всегда потное лицо, и тяжелые руки с толстыми короткими пальцами, и хитреца в глазах, и простодушие в том, что не касалось его крестьянских дел, выгоды и местной политики. И еще — полная невосприимчивость к юмору.

Я спрашиваю его о шерифе, и он отвечает, что, мол, шериф уже в годах, его утомила дорога и он пошел отдохнуть. Аскеры сзади опять гогочут: к жене он пошел, а не отдыхать! А Мухаммед аль-Адхами шепчет мне, что шериф боится ехать дальше, потому что у него там — Мухаммед шевелит перед моим носом пальцами, закатывает глаза — «трудности» с какими-то шейхами в Джауфе, и он боится.

...Развалины, дома без крыш, пустые окна. Когда-то это было большое селение. Сейчас здесь ни малейшего признака жизни, одни разбитые стены домов, желтые пустыри на месте полей. Это, оказывается, и есть Эль-Мутимма — ее и сейчас обозначают на всех картах как

крупный населенный пункт, хотя теперь это — развалины и здесь давно никто не живет.

Некоторые деревни производят странное впечатление. Они словно после чумы. Вот селение Эль-Мутун; оно даже есть на карте, в нем около 60 домов. Все они глинобитные, в три, некоторые в четыре этажа, с зубчатым парапетом вокруг крыши. Дома окружены еще и высокими оградами. Но селение выглядит пустынным. Даже собаки не лают нам вслед. И вокруг селения — желто-серый пустырь, ни полей, ни деревьев. Тяжелая пыль поднимается за нашими машинами.

Местами едем по гальке. Такие участки попадаются все чаще и чаще: приближаемся к руслу реки. Заросли деревьев видны далеко на севере и на юге. Здесь же пока только сухая трава, колючки и низкие акации на каменистых полянах. Пасутся козы, гладкие, тонконогие, иногда — верблюды, одиночные и группами, по пять-шесть голов. Две женщины-пастушки идут среди стада коз. Одна на ходу крутит веретено, суча нитки, у другой на руках — крохотный козленок. Шейх ан-Науфи вдруг говорит, что хочет козьего молока. Он подходит к женщинам, громко приветствует их. Ему отвечают разом. Он здоровается с каждой за руку, как с равной. Они разговаривают, женщина с козленком протягивает шейху черный бурдюк, висящий у нее через плечо. Тот делает несколько глотков. Снова пожимает им руки и идет назад, к машине.

С явной гордостью шейх ан-Науфи объясняет мне, что здесь, в Джауфе, другие обычаи, нежели там, «у них в Сане». Здесь женщины-бедуинки всегда здороваются с мужчинами за руку, держатся свободно. Они, например, могли и не дать ему молока и прогнать, как попрошайку. И женятся здесь не так, как в Сане, без выкупа. Когда юноше понравилась девушка, он начинает ходить около поля, на котором она работает, встречается с ней у колодца и, где возможно, ухаживает, дарит ей что-нибудь. Нравится он ей — она приходит к нему на свидания. Согласна она выйти за него замуж — молодой человек идет с отцом или братом сначала к ее матери. Если мать отказывает, сватовство прекращается и его держат в секрете. В случае согласия матери, жених приходит к отцу девушки. Когда все приходят к согласию, шейх соединяет руки жениха и представителя невесты. Ему

за эту церемонию платят символически — около 10 риалов, и всё... Жених устраивает угощение и уводит к себе невесту...

Из-за этой остановки мы потеряли наших спутников-итальянцев. Сбившись с дороги, добрых полчаса разъезжаем между песчаными грядами. Нас останавливают три бедуина с винтовками. Поговорив с ними, шейх ан-Науфи зовет их в машину. Мы теснимся. Объехав несколько барханов, попадаем в небольшую лощину с низкими песчаными буграми. Здесь разбито пять-шесть черных палаток, дымится костер. Собаки выбегают к нам с громким лаем, из палаток показываются обитатели — взрослые, дети. Верблюды с поклажей лежат около палатки, вытянув шеи.

Нам подают граненые стаканчики с кофе. Он пахнет дымком и горчит. Две молодые бедуинки, переговариваясь, разглядывают меня. Они в черных платьях, на груди — в три дуги — монисто из серебряных монет. Я разглядываю их в надежде увидеть древнюю монету, но здесь только массивные серебряные ахмади, талеры, половинки риала и пятиугольные сумны[19]. У каждой лоб повязан бархатной лентой, богато украшенной серебряными подвесками. Я протягиваю одной из них руку, она подает мне свою. Я крепко пожимаю ее и слегка встряхиваю — монисто и подвески звякают. Все смеются. Из палатки доносится женское пение, негромкое, заунывное, почти без слов.

На гребне бархана показываются несколько торопливо идущих вооруженных бедуинов. Подойдя, они здороваются с нашими шейхами за руку, потом целуются с ними в обе щеки. И этого обычая я не видел в Центральном Йемене. Со мной здороваются за руку. Мы пьем еще по одному стаканчику кофе. Очагом служат несколько закопченных валунов, на которых стоит черный от сажи чайник. Старуха, сидя на корточках, подкладывает в огонь хворост. Вокруг — песок; палатки низкие, с далеко оттянутыми крыльями. Они окружены оградами из сухого колючего хвороста. Через такую ограду даже не перепрыгнешь, не зацепившись. Колючки длинные,

---

[19] Ахмади — название серебряного йеменского риала; сумн — серебряная монета в 5 букшей, восьмая (сумн) часть риала.

острые, как жало скорпиона. Я впервые вижу становище настоящих кочевых бедуинов.

Мы допиваем кофе — обряд выполнен. Шейх ан-Науфи прощается с хозяевами, все уверяя их, что мы никому не причиним зла, что мы приехали сюда «для добра». Он произносит эти слова как клятву. Один из бедуинов идет показать нам дорогу, и скоро с вершины бархана мы видим впереди среди желтых холмов шлейф пыли: нас разыскивают.

Мы стремительно проезжаем селения, и я едва успеваю спрашивать названия и нацарапать несколько слов об их местоположении, величине и каких-то особенностях. Все в кабине, исключая меня и безразличного ко всему шофера, с таким напряженным вниманием, главное молча, вглядываются в слепые, мертвые серо-желтые башни, в песчаные холмы, на которых, по-моему, ничего нет, кроме унылого терновника, что мне начинает казаться, будто мы или ускользаем от чего-то или еще только приближаемся к чему-то, чего желательно избежать. Спрашивать бесполезно. Раз я все-таки спросил, но шейх ан-Науфи, скользнув по мне быстрым взглядом, рассеянно проговорил: «Куллу тамам, доктур!» (Все в порядке, доктор!). Да после его ответа о причине ухода шерифа Мишли я и сам перестал спрашивать его о серьезном и говорил теперь только с другими шейхами, а чаще с аскерами: эти отвечают как на духу, правда, когда шейха ан-Науфи нет поблизости.

За Эль-Муаммирой, о которой мне еще в Сане друзья-йеменцы говорили как об опасном месте (ее жители сохранили связи с монархистами), нас наконец-то застигла ночь. Ночь преобразила все вокруг, все стало значительным, крупным и еще более таинственно-тревожным. Да и местность уже переменилась: мы въехали в рощу больших, похожих на старые ивы, ветвистых деревьев. И я даже не удивился этому, поддавшись общей тревоге, царившей в машине.

Мне вдруг вспомнилось — из давних-давних лет, из-за этих толстых стволов и тревоги,— как однажды на случайно нанятой автомашине я вез жену с маленьким сыном и вещи на дачу, расположенную в глубине Карельского перешейка. Я положился на шофера, похвалившегося знанием дорог, и мы заблудились. Настала ночь. Мы переезжали в густом лесу с одной дороги на

другую, все больше теряя представление, где мы, и большие стволы сосен впереди как будто сдвигались, загораживая нам путь. И сердце сжималось от мысли, что вот-вот с нами что-то случится — упадем в овраг, ударимся о дерево, завязнем в топкой колее...

Мы медленно продвигаемся в темноте, объезжая глубокие рытвины, стволы упавших деревьев. Я вдруг замечаю, что едем-то мы по руслу реки, состоящему из многих параллельных рукавов разной ширины. Спрашиваю шейха аль-Адхами: «Это вади?» Он отвечает мне почему-то полушепотом: «Вади-Мазаб», и я вслепую пишу себе в книжку цифру счетчика километров. Это главная река Джауфа, это она, как я видел сверху, делит долину на две части. По руслу растут деревья, и временами кажется, что мы в настоящем лесу — деревья вокруг большие, ветвистые, стоят тесно. Тянет прохладой и сыростью. Под колесами хлюпает вода. Все перепуталось: пустыня, лес, лужи, галька. Где мы, куда едем? Полный мрак, гудят моторы.

Меня успокаивает только то, что впереди нет-нет да мелькнут красные огни головной автомашины: в ней сидят проводники — два шейха и аскеры — и еще итальянцы. Они и выбирают путь. Один раз, другой, снова и снова показывается и пропадает за деревьями какой-то необычно яркий свет, как будто там включают и выключают праздничную иллюминацию.

Передняя машина стоит с потушенными фарами. Мы останавливаемся рядом. Шейхи отходят совещаться и, вернувшись, говорят нечто неожиданное: здесь, в доме с огнями, живет принц Хасан ибн Хусейн.

— Родной брат того самого принца Абдаллаха ибн Хусейна, который сжег Синванскую крепость?

— Да, родной брат... и двоюродный брат имама аль-Бадра.

Не так давно, говорят они, он объявился в Джауфе, поселился здесь, взял жену из селения Эль-Мутун (мы его только что проехали) и заявил, что хочет жить, как простой крестьянин, заниматься сельским хозяйством. Нужно бы заехать к нему. Шейхи мнутся, чего-то недоговаривают. Они не знают, как быть — заехать, не заехать? Как мы к этому отнесемся? Шейх ан-Науфи смущенно смотрит на меня, и мне кажется, что он-то хотел бы заехать, но взять это на себя не решается. Ка-

кой соблазн — побывать у принца, решившего стать простым крестьянином! Но как знать, чем обернется для нашей поездки ночной визит к человеку, который еще совсем недавно командовал силами монархистов всего Западного Йемена и был в этой роли фактическим заместителем имама. Я говорю осторожно, что принц Хасан — частное лицо, а мы не знакомы с ним, и поэтому невежливо идти к нему в дом без приглашения. Все согласны.

Мы проезжаем мимо дома принца. Это, собственно, целая усадьба на открытой поляне. Ее даже называют словом «касаба» (крепость, резиденция), которым никто не назовет дом крестьянина[20]. Нам видны только высокая глинобитная стена, окружающая двор усадьбы, и парапет вокруг крыши дома. По гребню стены сияют трубки-лампы дневного света, слышно, как за стеной, во дворе, стучит движок, и вся касаба похожа на корабль, плывущий по пустыне среди кромешной темноты.

...Фары освещают ноздреватую глинобитную ограду в два человеческих роста — глухую стену дома с темной полосой от стока нечистот из уборной наверху. Умолкают надоевшие за день моторы. Звенит в ушах. Все тело ноет от усталости. Мы начинаем выгружаться. Кто-то негромко велит потушить фары. И сразу — темнота, словно глаза завязали. Натыкаемся на машины, друг на друга, на ограду. Я стою, прижавшись к ней спиной и вытянув вперед руку, чтобы не налетел кто-нибудь. Вокруг возня, разговоры вполголоса, стуки. Залаяла и тут же, взвизгнув, умолкла собака. Принесли фонарики, но и при их свете не разобрать где что, где наши шейхи, где хозяева дома.

---

[20] Позднее один из моих друзей-йеменцев рассказывал, что усадьба принца и есть маленькая крепость с подземным складом оружия и боеприпасов, разного снаряжения, консервов и т. п., которые хранились на случай возобновления борьбы с республиканцами. Сам он тогда состоял в свите принца. По его словам, принц был очень недоволен нашим появлением в Джауфе. Той же ночью он разослал гонцов к связанным с ним вождям племен, требуя от них не вступать с нами ни в какие отношения. Он послал людей устроить засаду на дороге, но шейхи повезли нас кружным путем. Тогда он подбил одно племя к вооруженному нападению на нас, едва не стоившему всем нам жизни.

Шейх ан-Науфи идет впереди, освещая дорогу. Мы тащимся сзади, держась друг за друга, как слепцы. Ступени очень высокие. Подъем кажется нескончаемым. Нас заводят в узкую полутемную комнату. Крошечные окна закрыты. Очень душно, пахнет сырой глиной, овчинами, дымятся ароматические палочки. В комнате уже собрались несколько человек. Сидят вдоль стены, сосут по очереди кальян, все без чалмы, по-домашнему, лица красные: жуют кат. Я плюхаюсь на тюфяк у окошка и открываю деревянную ставню. Сразу потянуло свежестью. В тесном квадрате чернеет небо, видны белые звезды.

Селение называется Эль-Маслуб. Теперь мы на территории Бану Науф — одного из самых больших племен Джауфа. И остановились мы, оказывается, в доме шейха ан-Науфи. Теперь мы в полной безопасности, потому что мы — его гости, гости всего племени. Он сам скоро появляется, уже переодетый, умывшийся, с непокрытой головой. На руках у него маленький мальчик в жилетке с блестками. Так странно увидеть его не в пиджаке, без винтовки и патронташей, с растерянным и умиленным лицом. Он приводит других своих детей, тоже еще малолетних: в войну было не до семьи. Немного погодя входит его старший брат (он живет в этом же доме со своей семьей), такой же коренастый, как наш ан-Науфи, но более подвижный и, конечно, самый главный здесь. Распоряжается всем он, привычно вникая во все.

Становится совсем шумно. Приносят керосиновые лампы. Приходят один за другим какие-то люди, видно родичи, соседи, громко здороваются, пожимают всем руки, усаживаются. Некоторые, пошептавшись с ан-Науфи-старшим, исчезают. Бессвязные разговоры. Мы устали от жаркого дня, от впечатлений, от тряски, от мелькания новых лиц, от бесконечных разговоров о войне, о республике, об имаме, о дожде и о помпах. Но здесь в этих разговорах — вся жизнь.

Мучительное ожидание ужина. Через какое-то время мальчик вносит на жестяном блюде подгорелую печень, сочащуюся кровью. Это называется «вестник» или «авангард». Это бедуинский обычай: слегка обжаренную печень подают гостю, чтобы он знал, что баран (или козел) уже заколот, мясо уже на огне и надо на-

браться терпения. Но я так хочу спать и так невыносимо душно в комнате от курения, от дыма ароматических палочек, от чадных ламп, что мне просто дурно, все плывет перед глазами. Не помогает мне и крепкий, очень сладкий чай, который нам наливает в стаканчики парень лет пятнадцати с большим дорогим кинжалом за поясом. Он и показывает мне проход на крышу.

Ночной мир приводит меня в восторг. И уже нет усталости. Не оторвать глаз от фантастического неба, как будто живого, шевелящегося. Воздух расширяет грудь — не надышаться. Где-то неподалеку глухо стучит движок: наверное, помпа. Нет-нет забрешет собака. Я обхожу крышу и вижу яркие огни в усадьбе принца. До нее совсем недалеко. Он — сосед нашего хозяина! Там не спят — мне отчетливо видно, как по освещенной поляне быстро проезжает «виллис». И возле нашего дома тоже движение. Хлопает дверца, слышен шум отъезжающей автомашины, громкий разговор.

Спускаюсь вниз, в комнату, где уже начался пир. Раздирают дымящееся мясо, возбужденно покрикивают. Шейх ан-Науфи, совсем уже размякший, сует мне огромный кусище, нестерпимо горячий. Я перекидываю его в руках, дую и начинаю грызть. Из разговоров улавливаю, что пока я созерцал звезды, сюда приходил человек от принца выяснить, что за необычные гости нагрянули к шейху ан-Науфи. Говорят о чем-то еще, но уже нет сил ни слушать, ни думать. Спать, спать!

ПО СЛЕДАМ РИМСКОГО ЛЕГИОНА

25 декабря 1970 г. была пятница. Мы поднялись рано. В доме еще тихо. От тяжелого керосиново-овчинного духа в комнате голову разламывает, как после попойки. И не у меня одного: мои соседи тоже ворчат и охают, копошась на своих тюфяках (мы спали на полу). Полумрак. Коста толкает деревянную ставенку, закрывающую окно снаружи, и посреди серой стены вспыхивает нежно-голубой квадрат. В комнату влетают мирные утренние звуки, какие бывают на отдаленном хуторе. Скоро до меня доходит тонкий невырази-

мый запах этой сияющей голубизны, и всё — я окончательно просыпаюсь, и во мне разливается безмятежная радость.

Нас в комнате четверо. Я впервые вижу моих спутников без посторонних, без дневной маски, еще в постели, с мятыми домашними лицами. И они кажутся мне незнакомыми. Коста и Марио тихо переговариваются, разбирая вещи. Всегда молчаливый Ричард Руэгг мурлычет французскую песню, закрыв глаза и протирая платком на вытянутых руках очки. И от внезапного прилива телячьего дружелюбия я громко читаю по-русски: «Друзья мои, прекрасен наш союз!» Все на мгновение замирают. Я замолкаю, и тогда все смеются. Просят, чтобы я читал дальше. Я читаю, сколько помню, корявенько перевожу. Гремит дверь, и появляется улыбающийся, заспанный ан-Науфи:

— Сабах аль-хайр! (Доброе утро!)

— Сабах аль-хайр, шейх.

Мы умываемся на плоской крыше, размазывая грязь на руках и на лице: воды совсем мало — небольшой кувшин для омовения на всех. За ночь все отсырело, и, как всегда по утрам, зябко. Мы дрожим, поливая друг другу.

Руэгг ходит по крыше, как краб, неуклюже выкидывая искривленные ноги. Он хорошо выспался и возбужден экзотичностью обстановки. У него блестят глаза, он впервые заговаривает со мной, ища сопереживателя.

С крыши нам видны поля вокруг дома, окруженные глинобитными оградами. Поля — темные полосы зелени — видны и дальше, меж песчаных бугров. Серо-желтые горы на юге вдоль горизонта еще в дымке. Носами в стену ограды стоят наши запыленные машины. Неподалеку, к северу, видна касаба принца за высокой глинобитной стеной. Она серая, угрюмая, совсем не праздничная, как вчера ночью. Ни возле стен, ни внутри ограды никаких признаков жизни. Днем ее можно посчитать за усадьбу простого крестьянина.

Завтракаем быстро и скудно — гишр, лепешки и разваренная фасоль в мясном бульоне с кусочками вчерашнего мяса. Ложек нет. Черпаем лепешками. Руэгг страдает: у него все проливается на колени. Арабы посмеиваются. Он краснеет от досады. Торопливо со-

бираемся, тащим пожитки вниз. Руэгг с трудом ковыляет по ступенькам. Эти крутые узкие лестницы — для него мучительное испытание. Вдоль лестницы — дощатые дверцы, ведущие в каморки. За дверцами слышатся торопливый разговор, возня, детские возгласы: нас разглядывают домашние шейха.

...Передняя машина высоко поднимает пыльное облако, оно клубится и летит на нас, застилая все вокруг. Иногда из желтой мглы вынырнут длинные ветки придорожного куста, покажется песчаный бугор с торчащими пеньками. Багрово-рыжее сквозь пыль солнце еще низко. Вдруг мы вырываемся на чистый воздух, и перед нами, посередине пустыря, возникает ярко освещенная стена города. В первую секунду стена показалась мне новой. Где же развалины, которые обещал шейх ан-Науфи? Мы подъезжаем ближе, и тут я вижу то, от чего сразу начинает ныть сердце: настоящие крепостные башни, прямоугольные, выдвинутые вперед, по верху стены и башен лежит карниз с особым украшением. Это значит, что стена — целая! Чуть пониже карниза на всю длину передней стенки башни тянется надпись. Она высечена высокими, крупными буквами...

Вокруг города лежит нетронутый песок, темный от густой росы. Из него торчат пучки сухой травы, корни срезанного тростника. Не покрытые песком прогалины усыпаны мелким камнем. Сразу за пустырем начинается высокий кустарник, всюду песчаные бугры — и так до самых гор, виднеющихся вдали. Кругом ни души. Это даже неправдоподобно — на пустыре, в безлюдье, среди нехоженых песков, стоит целый древний город с башнями. Он стоял уже в VII в. до н. э., т. е. больше двух с половиной тысяч лет назад. Вдоль его стен и башен в 24 г. до н. э. проходили солдаты Элия Галла, вступавшие в побежденный город. А сейчас на пустыре лежат серые тени. Языки барханов кое-где добрались до самого верха стен.

Кутаюсь в плащ — мне холодно, зябнут нос и руки. На мне все мои аппараты, и я, стоя перед башней, решаю, как быть: взобраться ли по бархану на стену, чтобы попасть сразу в город, или пойти в обход стены, чтобы сфотографировать надписи. Сначала — надписи! Все-таки это — документ, подлинные слова строивших город,

Так мы начали осмотр древнего Нашка. Надпись мукарриба Сабы Йадаила Байина

живших в нем и считавших его своим, оповещение всех о том, что важно было сказать.

Шейхи и аскеры быстро поднимаются на стену, осматриваются, часть их уходит на западную сторону. Шейх ан-Науфи поторапливает меня, просит не мешкать: могут появиться местные бедуины, владельцы здешних земель, и тогда не избежать «осложнений». Бедуины здесь ревниво оберегают развалины, считая, что под ними погребены сокровища древних царей.

Фотографирую и обмеряю надписи. Тесаные блоки с текстом помещены на одной высоте, на передних стенах башен и на куртинах. Текст время от времени повторяется, он краток: «Йадаил Байин, сын Йасаамара Ватара, мукарриб Саба, обнес стеной свой город Нашк». Надписи сабейцев выполнены (высечены) всегда в

третьем лице. Может быть, потому, что составителем текста был не просто грамотей и он не повторял слов заказчика, а сам передавал их содержание богам и людям по строго установленным правилам и в строго определенных выражениях. И только в этом виде и только из его «уст» текст обретал свою священность, а стало быть, и силу, мог быть принят богами и быть значимым для людей.

В других надписях другие правители или не названные, но явно известные тогда всем люди говорят о строительстве в городе, об ирригационных и сельскохозяйственных работах на полях в его окрестностях. Город жил, его жители строили, сеяли, просили богов о защите и благодарили за покровительство... Он тогда назывался Нашк, и еще в VII в. н. э. его знали и упоминали среди знаменитых городов-крепостей древнего Йемена. Цари и божества, называемые в надписях, были сабейскими. Я-то считал, что вся долина Джауфа должна была принадлежать Маинскому царству. Но вот уже второй город, который я вижу,— сабейский, а мы проехали около трети всей долины.

Шейхи ан-Науфи и аль-Кухкух пошли со мной в обход города. Это выглядело несколько театрально: у того и у другого оружие наготове, головы замотаны платками (было еще холодно), видны были только блестящие глаза. Шейх ан-Науфи подгонял меня, приговаривая: «Давай, давай! Пошли! Таких камней везде много!» и т. д. Поддаваясь их нервозности, я торопливо фотографировал надписи и спешил дальше. Потом попытался хитрить: просил их позировать и ставил их так, чтобы надпись или интересная архитектурная деталь попадали в объектив. Ухмыляясь, они шли в указанное место и застывали, приняв воинственную позу, а я фотографировал только надписи над их головами или соседний участок стены, где было что-то важное. Порой развлекал их, рассказывая, присочинив, конечно, историю города, «переводя» тексты надписей, а на самом деле пересказывая сведения о нем из книги аль-Хамдани и сообщение греческого географа Страбона о походе на Мариб Элия Галла. Я боялся, что они помешают мне осмотреть весь город.

Наконец я остановил их понукания, сказав, что я — не турист и приехал сюда работать, что осматривать

Шейхи учатся читать по-сабейски. Обломки надписи о сооружении стены города-крепости Нашка

древности это и есть моя работа. Мои слова явно показались им странными: иностранец приехал посмотреть на то, что они видят ежечасно и повсюду?! Но они больше не говорили мне ничего, молча топтались вокруг, пока я умышленно медленно фотографировал надписи и, насвистывая, делал измерения. В конце концов они отошли в сторону и уселись в жидкой тени тамариска, наблюдая за мной. Скоро я потерял их из виду, повернув за угол городской стены.

На южной стороне стена высокая. Здесь нет песчаных наносов, и стену видно от верха до основания. Башни придают ей грозный вид. Совсем рядом проходит русло реки. В периоды дождей вода течет здесь у самого

подножия башен. Сейчас русло сухое, и перед стеной просторно и пустынно. От яркого солнца все бело. Глазам больно смотреть. И так странно идти одному в мертвой тишине среди этой пустынности, возле этих стен и башен из библейских времен.

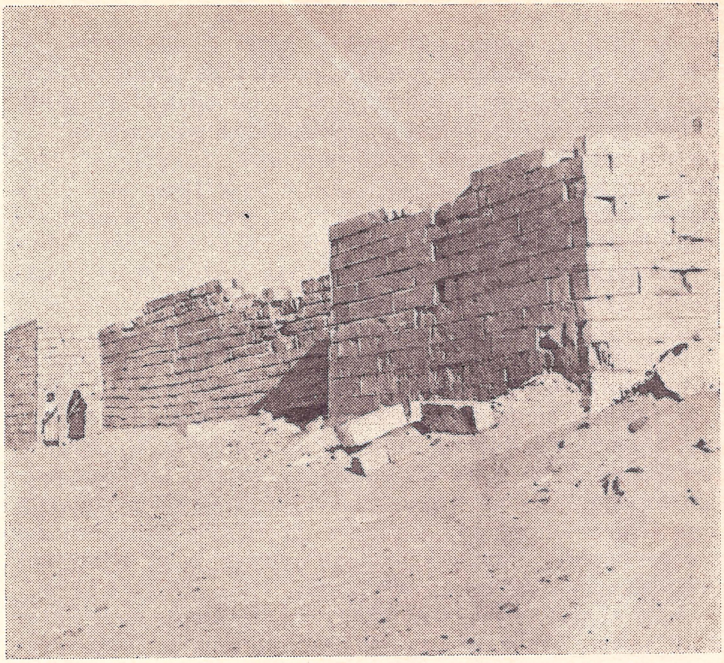
Надписи попадаются реже: стена во многих местах ремонтирована, древние блоки, в том числе и блоки с надписями, были заменены плохо обработанными камнями.

Откроется ли когда-нибудь история города? Пока известны лишь общие события: мукарриб Сабы Йадаил Байин (590—580 гг. до н. э.) построил древнюю стену Нашка; его брат Карибаил (580—560 гг. до н. э.) начал расширять территорию города и возводить существующие ныне городские стены; эти работы закончил сын Карибаила — Замаралай (560—545 гг. до н. э.).

По тем временам это был большой и сильно укрепленный город с храмами и дворцами. В окрестностях находились орошаемые поля, росли финиковые пальмы и мастиковое дерево дирв — популярное благовоние древнего Йемена. Выше Нашка была плотина, которая регулировала подачу на поля воды из Вади-Харида. Нашк был важным сабейским городом еще в I в. Последние найденные здесь надписи относятся ко второй половине I в. (хотя сам город упоминается и в более поздних надписях). Несколькими десятилетиями раньше, в 24 г. до н. э., в город вступило римское войско Элия Галла. Никто не знает, что стало с городом в последующие столетия.

Сейчас город называют Эль-Бейда (Харибат-эль-Бейда — Белые развалины). На солнце он и в самом деле ослепительно белый. Его называли так уже в X в. Сохранилось предание, что вскоре после распространения ислама среди потомков древних жителей города вспыхнула кровавая распря, оставшиеся в живых покинули его, часть из них переселилась в далекий Хадрамаут, древнее название города — Нашк — было забыто, и сам город начало заносить песком. Может быть, как раз благодаря песчаным заносам остались в целости его древние стены, и сегодня они едва ли не единственный памятник сабейской крепостной архитектуры, сохранивший полностью все ее характерные черты.

Я вхожу в город через главные ворота, меж двух ба-



Стены Нашка. На солнце они ослепительно белые

шен. Ворота находятся на юго-западной стороне. Из долины к ним дорога идет на подъем — она видна еще, столетиями нехоженая дорога. Снизу большие, почти квадратные башни по обе стороны прохода кажутся высокими и неприступными. Одна из них совершенно целая. Проход завален упавшими камнями; я прыгаю по ним, выбегаю на земляной холм. Передо мной — полузасыпанные руины зданий из тесаных камней, большие холмы, наметенные на каких-то постройках. В юго-восточном углу возвышаются развалины цитадели города. От ворот к руинам ведет размытая дорога, после дождя по ней бежит ручей. Он намыл ямы в рыхлой земле, засыпавшей город внутри почти до самого верха стен. И город похож на амфитеатр, занесенный песком, поросший кустами и жесткой серой травой.

Выхожу к просторной площадке с массивными пря-

моугольными колоннами. На нескольких из них видны следы растительного орнамента и геометрических фигур. На двух колоннах можно различить надписи мелким письмом, покрывающие всю поверхность грани. Текста мне не разобрать, он почти сглажен выветриванием и зачернен «загаром». К тому же он в тени. Все говорит за то, что здесь был храм, и тексты на колоннах могли быть указами, обычно так богатыми информацией. Я пытаюсь разобрать хотя бы несколько слов, прощупываю буквы. Имя бы прочитать или название храма! Но буквы сливаются с шероховатой поверхностью и кажутся запутанными следами птичьих лапок.

Я вздрагиваю, когда рядом со мной вдруг появляется шейх ан-Науфи. Насупившись и глядя вбок, он сердито торопит меня, говорит, что все давно ждут в машинах. Вдвоем мы быстро идем через город и по насыпи поднимаемся на край стены. В последний раз оглядываю городище — оно так живописно. А через несколько минут здесь опять будет тихо и пустынно. Потом ветер заметет наши следы, и все снова примет свой обычный вид непотревоженного запустения.

Нам подают сигналы. Внизу, на пустыре, перед стенами, разворачиваются наши автомашины, и Паоло Коста машет мне из окна кабины.

Теперь мы все время едем по середине долины, где проходит Вади-Мазаб. Без конца переезжаем высохшие русла, иногда довольно широкие. Трудно даже понять, куда они направлены, дорога делает петли, и мы то оказываемся среди песчаных бугров с кустарником и едем в облаках пыли, то опять выезжаем к руслу, где растут старые ветвистые деревья, иногда даже рощицами. Видны упавшие горбатые стволы, затянутые илом. Вади-Мазаб, конечно, большая река. В сезон дождей здесь, говорят, разливается целое море. Вода течет и по главному ложу, и по многочисленным параллельным руслам. К ним добавляется и множество небольших притоков.

Эта река испокон веков давала жизнь земле в долине. На ее плоских берегах и выросли в Джауфе великие города государств Саба и Маин. Они тянутся цепочкой с запада на юго-восток с промежутками в несколько километров один от другого, и с вершины высокого здания в любом из этих городов можно было увидеть стены со-

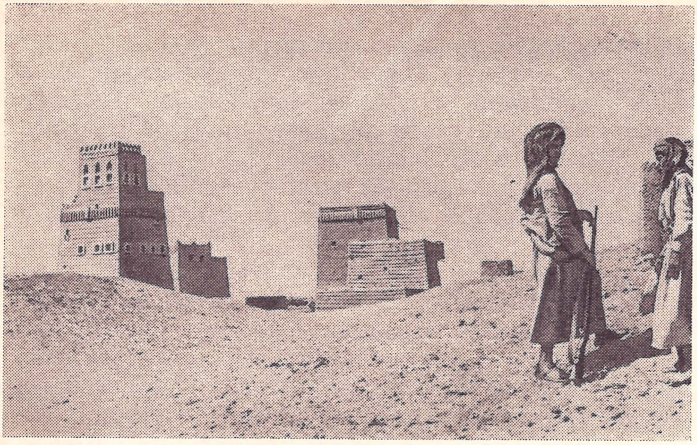
седнего города, не говоря уже о столбе дыма от сигнального костра на сторожевой башне.

Всего в 5 километрах от Нашка (Эль-Бейды) стоял большой маинский город Нашан, ныне Эс-Сауда (Харибат-эс-Сауда — Черные развалины). И с дороги я вижу большие холмы среди деревьев, но наши провожатые наотрез отказываются ехать туда. Шейх ан-Науфи, по своему обычаю, объясняет причину намеками, и трудно понять что-то определенное. Похоже, что они боятся вражды к ним тамошних жителей. И это, я думаю, главная причина, хотя ан-Науфи начинает уверять меня — и все кивают головами,— что там нечего смотреть, кроме холмов, что все занесено песком и пылью, поросло кустарником, что камни давно уже раскопаны и увезены на строительство в соседние деревни. Впрочем, это правда — то же писал и египетский археолог Ахмед Фахри, проехавший здесь на обратном пути из Мариба. Но мне хотелось хотя бы просто постоять там.

Передняя машина останавливается. Я думаю, это Коста уговаривает своих спутников свернуть к городищу. Мы не успеваем подъехать, как машина трогается. Я сигналю. В ответ из окошка высовывается рука Косты. Сжатые в щепоть пальцы разжались, раскрытая ладонь качнулась вверх — жест безнадежности. Мы едем дальше, лавируя между деревьями, между полузанесенными корягами, объезжая выбоины, скользя и пробуксовывая колесами по гальке. Я утешаю себя тем, что все-таки видел холмы Нашана.

Где-то неподалеку от него должны быть еще два древних города — Камна и Харам, где были найдены остатки храма Астар, божества планеты Венеры, с воротными столбами, украшенными замечательным орнаментом. На них изображены горные козлы и две танцовщицы с изогнутыми жезлами в руках. Я говорю об этих городах шейху ан-Науфи, но он только косится в мою сторону, отрицательно мотает головой: «Нельзя!» и даже остановиться не разрешает, когда за деревьями, слева от дороги, показываются оплывшие земляные холмы на месте развалин Камны — древнего Каминаху.

Мы вступаем с ним в пререкания о целях нашей поездки, я говорю, что вообще не буду писать отчета правительству о поездке, если мы проедем по Джауфу, не осмотрев древних городов. Я добавляю, что премьер



Глинобитные дома в селении Эль-Гейль в Джауфе

аль-Айни думает о проекте организации туризма в Джауфе. Тогда здесь проложат дороги, откроют школы и больницу.

Оказывается, я затронул больное место. Здесь все мечтают о туризме. Ради него племена готовы обеспечить спокойствие и безопасность. Из-за этого они так ревниво и оберегают свои права на древности в крае. Пожалуй, безлюдье и запустение в древних городах только кажущееся: они не брошены за ненадобностью, за ними внимательно смотрит много глаз. И отчасти поэтому шейхи так осторожны, соглашаясь на мои требования заехать в то или иное место. Меня расспрашивают о том, что говорил премьер, меня даже просят о поддержке и обещают показать все древние города, о которых я и не слышал... Но не сейчас, а на обратном пути из Мариба. Сейчас поедем посмотреть самые главные древние развалины Джауфа — Баракиш. И при этом названии все делают большие глаза.

Мы въезжаем в большое селение с высокими домами-башнями, совершенно непохожими на то, что я видел до этого в Йемене. Дома прямоугольные, резко сужающиеся кверху. Их стены слоистые и как будто сложены из глинобитных бревен; узкую площадку крыши окружает парапет с зубцами. Маленькие оконца при-

крыты деревянными ставенками или решетками. Карниз под парапетом имитирует древний орнамент из голов горных козлов. Такие здания я видел только на фотографиях селений в Саудовской Аравии. Мне говорят, что это Эль-Гейль. Селение, конечно, гораздо древнее названия (оно означает «текущий поток»). В нем много оплывших земляных холмов — остатки старых построек, и нынешние дома сооружались обычно на таких же возвышениях.

Мы долго кружим по пустынным переулкам, кого-то разыскиваем, кого-то навещаем, взбираемся наверх по крутым ступеням в темных коридорах, сидим в полутемных, увешанных оружием гостевых комнатах, набитых людьми, пахнущих глиной, пылью, кожей, грязными тюфяками, выпиваем два-три стаканчика кофе — бурой приперченной жидкости — или сладкого чая с кардамоном и опять тащимся вниз в полумраке, держась за стену. Смысл этих визитов — получить согласие местного племени на посещение Баракиша и взять провожатого.

В одном доме мне удается ненадолго зайти на крышу и оглядеться: вокруг почти сплошные рощи деревьев талх; горы Джебель-Йам на юге — плоские, изрытые ущельями. Они отходят на юго-восток, постепенно понижаясь и открывая вход в долину. Джебель-Ахмар (на северной стороне), наоборот, высокие, крутые, с отвесными склонами. Мне показывают на ущелье напротив — здесь кончается горная цепь Джебель-Ахмар, а за ущельем к востоку начинается обширная область гор Лауз. В долину обращены их скалистые кручи; за ними в глубине поднимаются темные вершины.

БАРАКИШ

...Сейчас я с недоумением перелистываю страницы в своих обтрепанных блокнотах с записями, которые делал в прыгавшей на ухабах машине, подъезжая к Баракишу, и в самом городе, среди развалин, и на коротких остановках, когда мы мотались по окрестностям, нанося «полезные» визиты местным шейхам. Теперь эти записи кажутся мне и бедными, и бесстрастными, хотя писал я тогда, не ища слов, как в лихорадке, весь за-

хваченный азартом и ошеломленный грандиозностью увиденного. Одно, может быть, объясняет мое нынешнее впечатление от записей — в них мало сказано только по сравнению с тем, что я там в действительности испытал и что видел.

Трудно поверить, что такой выдающийся памятник древнего и средневекового Йемена остается — не говорю уж нераскопанным — просто совершенно необследованным. Я думаю, во всей Аравии нет теперь равного ему по размерам и особенно по сохранности, по богатству материала для истории всего древневосточного мира. Стены его возведены в начале VII в. до н. э. сабейским мукаррибом Карибаилом Ватаром — воином и устроителем Сабейского царства, воздвигавшим на завоеванных землях могучие городские стены, здания, храмы и крепости и высекавшим пространные надписи. Город назывался тогда Йасиль. Пока еще никто не знает, каким он был до того, как правитель сабейцев обнес его стеной.

Прошло немного времени, и на стенах Йасиля появились надписи уже от имени царей и Совета старейшин Маина. Границы царства Савского отодвинулись, а из городов Маина — Йасиля и Карнау — на запад и на север, в Герры на Персидском заливе, в Дедан на северо-западе Аравии и дальше в Газу на Средиземном море пошли маинские караваны с благовонными смолами. От тех веков доныне осталось на стене Йасиля множество надписей, и мне казалось невероятным, что я могу трогать строчки на плитах, поставленных здесь в те времена, когда Ахеменидская империя была могущественной, когда Афины воевали с персами и со Спартой, Демосфен обличал македонского царя Филиппа, молодой Александр покорял миры и народы, а император Цинь Ши-хуанди строил Великую китайскую стену.

В 24 г. до н. э. в городе оставался небольшой гарнизон префекта Египта Элия Галла, ушедшего на Мариб. Самая поздняя сабейская надпись, упоминающая Йасиль, высечена около 230 г. н. э. Судьба города в IV—VII вв. неизвестна. О ней узнают те, кто раскопает толщи земли, заполнившей в течение веков пространство внутри стен.

...За Вади-Рауд полупесчаные участки чередуются с наносами галечника и с длинными плешинами голой

земли — по ним автомашины катятся легко, как по асфальту. Кругом пусто: ни жилья, ни растительности, только вылизанная ветрами земля, окаменевшая от солнца. Мы все больше отклоняемся к югу.

Издалека виден длинный высокий холм, вершина его опоясана стенами. Это и есть Баракиш. Мы едем долго, город все растет вверх и вытягивается. Скоро уже можно различить прямоугольные башни и темные промоины по склонам холма. Останавливаю автомашину, чтобы фотографировать. Вокруг — мертвая тишина. Солнце стоит в зените. Все оцепенело. От сухого зноя першит в горле.

Возле самого города переезжаем неглубокое сухое русло, огибающее холм с запада на северо-восток. Вдоль вади — два-три скрюченных деревца. Белые голыши, безлистые кусты. Мы видим проломы в стене, обрушившиеся части башен, груды камней внизу. В городе все грандиозно, даже эти разрушения.

Как и другие древности Джауфа, Баракиш открыл Жозеф Галеви. Долину Джауфа он увидел рано утром 1 апреля 1870 г., выйдя из ущелья почти напротив Баракиша. Галеви еще не знал, что увидит его, что он вообще есть. Никто из европейцев не бывал до него в этих краях — ни монахи, ни авантюристы, ни честные землепроходцы, «вечноидущие за горизонтом».

Даже сам Галеви — лицом к лицу с памятниками древности Маина — не узнал открытого им. Перед ним была огромная долина. Вдали сверкала река, и за полупустынной равниной видны были густые кустарники и деревья. Вид такой большой долины и особенно реки убедил его, что он пришел туда, куда стремился — в вади Саба, в самое сердце страны сабеев. Ведь у Страбона в рассказе о походе Элия Галла говорится о реке, возле которой римляне, вступив наконец в страну сабеев, разбили их войско, убив 10 тыс. человек, при этом потеряв лишь двоих. Галеви был уверен, что попирает ногами «классическую» землю, и был полон энтузиазма. Он еще и не знал, что открыл неведомую страну и неизвестное государство, что вади Саба, которую он ожидал увидеть, находится далеко на юге и от нее его отделяют оазис Рагван и горные хребты.

Галеви был измучен дорогой и непривычными для

него — городского жителя, «кабинетного» по складу ученого — дорожными испытаниями, начавшимися сразу же, едва он покинул Сану. В одной деревне его схватили и посадили в тюрьму, приняв за мессию-самозванца, объявившегося недавно в этих краях. Из Саны он выехал на нанятом муле, но встречавшиеся по дороге арабы заставляли его каждый раз спешиваться, как того требовал обычай при встрече мусульманина с иудеем, и он пошел пешком. Пришлось отказаться и от других привычек.

Иностранец не мог тогда появиться на йеменских дорогах, тем более в глухих местах. Да и само появление европейца в Йемене было делом небезопасным. Жозеф Галеви поехал на розыски сабейских древностей под видом странствующего иерусалимского еврея, рассказывающего единоверцам о святых местах в Палестине и собирающего подаяния на нужды иерусалимского храма.

Он шел пешком, в грубых сандалиях, в домотканой рубахе и длинных штанах, подпоясанных голубой тряпкой, в потертой ермолке, из-под которой свисали пейсы. Лицо его обгорело, ноги распухли и покрылись струпьями. Не одну ночь он спал на земле, завернувшись в одеяло: было время отела, и бедуины, боясь дурного глаза, не пускали к себе ночевать странствующего еврея. Ночи в феврале сырые и холодные. Вставали, едва занимался рассвет.

Он шел в Джауф самым коротким путем — через область Нихм. Места эти и теперь еще по большей части бесплодные и безлюдные, дорога усеяна камнями. Я сам проехал здесь в январе и в мае 1971 г. Галеви напишет потом: «Ничто не сравнится с унылым видом этих выжженных и раскаленных солнцем гор; ничего живого в этом царстве камня! Лишь кое-где можно увидеть жалкие крохи растительности».

Он шел в неизвестность, вернее не туда, куда он предполагал. То, что он знал об этом крае и его истории, было и ничтожно, и неточно. Он был филологом по своим знаниям и склонностям, а вдобавок и закоренелым горожанином, легко терявшимся «на лоне природы». География оказалась самым слабым местом в его отчетах о путешествии по Йемену. Он знал лишь, что где-то здесь находилась область племени «мине-

ев», которые торговали благовониями и о которых Гай Плиний Старший (ум. в 79 г.) написал: «Области минеев богаты насаждениями пальм и других деревьев, но их главное богатство составляют стада скота».

Ни один из известных Галеви писателей древности и средневековья не упоминал о другом богатстве Джауфа — о его древностях, о великих городах, руины которых покрывают всю долину. Тем более неожиданным оказалось для него то, что́ он увидел. Нигде еще не встречал Галеви такого количества древних построек и надписей. И он испытал здесь одно из самых глубоких потрясений за всю свою долгую жизнь исследователя древнего Востока. Ему было тогда 43 года, он уже получил некоторую известность среди семитологов, но именно в Джауфе он пережил свой «звездный час», а сделанные им здесь открытия наряду с находками в других местах Йемена составили эпоху в изучении древней истории Южной Аравии.

Галеви первым описал область Джауф (хотя и с существенными промахами) и руины его главных древних городов. Он сам и его спутник-провожатый Хаим Хабшуш, еврей из Саны, медник и гравер по профессии, сделали здесь копии около 200 сабейских и маинских надписей. В процессе издания их, перевода и особенно исследования стало ясно, что отныне во всемирной истории появилось новое понятие — Маинское государство, Маинское царство, существовавшее в Южной Аравии в течение нескольких веков и игравшее важную роль в жизни древних государств Ближнего Востока и Средиземноморья. Его называли Маин по имени главенствующего племени, ядро и опору его составляли города-крепости в долине Джауфа — Йасиль, Нашан, Харам, Камна и др., а столицей был Карнау, часто именовавшийся также Маином. Им управляли цари и Совет старейшин, его охраняли многочисленные боги, над которыми возвышалась троица главных божеств: Вадд — божество Луны, Астар — божество планеты Венеры и Никрах — божество Солнца.

Проход из области Нихм в самый Джауф начинается возле руин сабейской крепости Барран, что лежит левее дороги, на низком холме, и идет через горы Джебель-Йам по руслу реки в тесном ущелье Фарда. Галеви нашел здесь наскальную надпись. К нему под-

бежал его проводник, запыхавшийся и бледный: прямо на них по дороге скакал отряд всадников, вооруженных ружьями с зажженными фитилями, на хороших лошадях. Судя по чалме, это были шерифы из Верхнего Джауфа, здешние рыцари-разбойники. Но испугом все и ограничилось, путешественников не тронули: ограбить или убить еврея считалось позором не только для шерифов, но даже для обычного бедуина.

Южная часть Джауфа, прилегающая к Джебель-Йам,— почти сплошь безжизненная высохшая степь, изломанная полупесчаными буграми. Галеви пересек ее вместе со своим спутником и бедуином-проводником по старой дороге, шагая по жгучей пыли, изнывая от зноя и напрасно выискивая вокруг признаки колодца. Только к вечеру он добрался до селения Эль-Гейль. В селении жила небольшая еврейская община. Ему рассказали о здешних руинах, но провести к ним отказались, приняв его за чародея, который хочет найти сокровища, спрятанные под руинами и охраняемые полчищами духов-джинов.

В Эль-Гейле Галеви впервые услышал о Баракише. Местные евреи рассказывали ему захватывающие истории о древнем еврейском городе с этим названием, который находится в половине перехода на запад от Эль-Гейля. Они показали текст договора, составленного в этом городе, и дата документа указывала на то, что еще 100 лет назад в Баракише существовала большая еврейская община. По их словам, там сохранились могилы почтенных раввинов с эпитафиями на каменных плитах. Один человек даже вызвался проводить Галеви к могилам, чтобы он прочитал эпитафии и сообщил имена похороненных раввинов: сами они читать не умели.

Галеви и его спутник ехали на осликах, их проводник, местный еврей, из уважения к гостю из Иерусалима шел пешком. Они добрались до места после полудня. К великому изумлению Галеви, вместо заброшенного еврейского поселения перед ним возник, как в сказке, огромный город — именно такой, какой уже давно виделся его воображению.

Теперь я хорошо представляю, как они стояли — такие маленькие — у подножия высокой насыпи и смотрели на стены города, запрокинув назад головы.

Так выглядит сверху древний Йасиль-Баракиш

Они были совсем крошечными рядом с этой громадой. Потом они карабкались по этому крутому откосу, по каменным осыпям. Я представляю, как лихорадочно заблестели глаза у «странствующего иерусалимского еврея», когда он увидел бесконечно длинные надписи, высеченные на плитах и тянущиеся по стене, как казалось, вокруг всего города.

Они тогда обошли город и через разрушенные ворота на юго-востоке, напротив которых остановились мы, поднялись на городище. Город внутри был весь разрушен. Всюду видны были земляные холмы, покрывшие большие массивы руин и остовы построек из камня и глинобитных зданий, а между ними лежали широкие пустыри. Приближался вечер. Они пошли к кладбищу по едва различимой дороге, тянувшейся с востока на запад (и сейчас здесь осталась тропинка) среди пустынных развалин, раскаленных августовским зноем. Грубые глинобитные дома без потолков, с глубокими трещинами через всю стену стояли на засыпанных остатках древних зданий. По торчавшим из земли вершинам колонн и прямоугольным блокам перекрытий Галеви распознал несколько храмов. «Многочисленные обломки стел, разбросанные повсюду,— писал потом Галеви,— наводят на мысль, что это был в полном смысле религиозный город, центр паломничества сабейцев...»

Для Галеви Йасиль так и остался сабейским городом, а весь Джауф — страной сабейцев. Между тем как все в нем — и язык здешних надписей, и приведенные в них имена богов и царей, и содержание их, и вся история края — маинское. Ядро обитателей его составляли некогда родственные племена, носившие общее название *маин*. Когда-то они разводили верблюдов в степи в Центральном и Восточном Джауфе, а потом постепенно перешли к оседлости, занялись верблюжьим извозом и поставляли караваны для транзитной аравийской торговли, связывавшей в древности страны Индии и Восточной Африки с Ближним Востоком и Средиземноморьем. Был даже термин «маинская мирра», хотя на территории Маина мирру не собирали. Это название появилось потому, что в города Средиземноморья мирру привозили обычно маинские караваны. Гай Плиний писал, что минеи — так антич-

ные авторы называли маинцев — первыми начали регулярно вывозить благовония из Южной Аравии.

Не был Йасиль и «центром паломничества сабейцев», как думал Галеви. Каждый город в Маине имел своего бога-покровителя. Йасилю покровительствовал Астар Зу Йахрик, одна из ипостасей божества планеты Венеры — Астара, почитаемого во всем Маине наряду с верховным богом Ваддом — богом Луны. А главный культовый центр Маина находился дальше к северу, в полукилометре от Карнау — столицы маинцев, местопребывания их царей. Там и было главное святилище — храм Маина, который называли Расф.

Солнце уже уходило за горизонт, когда путешественники вернулись к своим осликам, поджидавшим их у подножия насыпи. Сам Галеви больше не увидел Баракиша: его «прогулки» к древним развалинам начали вызывать подозрения местных жителей. Пока он ходил по другим селениям и руинам, провожаемый недоверчивыми взглядами арабов, его спутник Хаим Хабшуш незаметно пришел к стене Баракиша и переписал бóльшую часть надписей. Не зная языка, выучив только алфавит, Хабшуш часто делал описки, путал местами части одной и той же надписи, высеченной на разных блоках. Но выбора не было.

По текстам надписей Галеви установил, что древнее название города — Йасиль. В искаженном виде — Атрулы — оно дошло до античных авторов, но его не знали ни арабские географы, ни историки. Они вообще не знали о существовании Маинского государства.

Совершенно очевидно, что Йасиль долго — может быть, не одно столетие — простоял необитаемым. Что случилось с ним, куда делись его жители? Война ли нагрянула жестокая? Эпидемия? Землетрясение? Или же все это вместе обрушилось вдруг на древний великий город, и он умер? Стены и башни его во многих местах разрушились, и некому уже было восстанавливать их. Время от времени среди развалин в городе поселялись приходившие в эти места бедуинские племена. Но они ничего не строили: и не умели, и это было не в их обычаях. Они просто занимали уцелевшие здания.

Настоящую историю города рассказать было уже некому, даже название его было забыто: традиция

прервалась. Но вид древнего большого города будил фантазию. Тогда историю заменили легенды.

У одного древнего царя, рассказывается в одной из них, была дочь по имени Баракиш. Когда он уходил в далекие походы, то оставлял ее править царством вместо себя. Один раз, когда царь был на войне, везир посоветовал ей воздвигнуть какое-нибудь строение, которое бы увековечило ее имя. И она построила две крепости: одну назвали Баракиш, а другую — Маин. Когда вернулся царь из похода и увидел эти крепости, он рассердился и сказал дочери: «Ты хотела бы, чтобы о тебе помнили, а меня забыли?!» И приказал мастерам, которые строили стены и башни крепостей, разрушить их. Так и стоят они разрушенные и безлюдные. С тех пор пошла среди арабов поговорка: «Накликала на своих беду Баракиш».

Но шейх ан-Науфи рассказал мне другую историю этой поговорки. В ней фигурируют осада города и собака по имени Баракиш.

У жителей города — название его не упоминается — был колодец за пределами крепости. В самом городе тогда не было колодцев. Но вот выступили против города враги, осадили его и закрыли его жителям доступ к воде. А к тому колодцу из крепости был прорыт подземный ход, и люди тайно приносили воду в город. Враги долго осаждали город и не могли понять, откуда его жители берут воду. Однажды в подземный ход спустилась собака по имени Баракиш и выбежала по нему наружу. Кто-то из врагов, бравших воду, заметил это и сообщил предводителю войска. Тот послал людей, они разыскали проход и по нему пробрались в крепость, напали врасплох на ее защитников, перебили их, захватили крепость и разрушили. И люди потом назвали эти развалины по имени той собаки, которая навлекла беду на своих хозяев.

Это все очень старые легенды, еще первых столетий ислама, т. е. VII—IX вв. Тогдашние обитатели Джауфа — пришлые из других мест — смотрели с удивлением и недоумением на грандиозные руины, и объяснения-легенды рождались сами собой. Они возникают и ныне.

...Наискось по склону к стене ведет ложбина. Мы поднимаемся по ней. Когда-то это была дорога. Она шла

Маинские надписи в стене Йасиля-Баракиша

к восточным воротам. Теперь она размыта стекающими от стены дождевыми потоками. Часть аскеров остается внизу. Шейхи ан-Науфи и аль-Кухкух идут дозором вокруг города по вади. Но они только отходят на середину вади, там присаживаются на корточки и начинают свои нескончаемые разговоры. Хорошо, что они не будут ходить за мной следом и я смогу теперь спокойно заниматься своим делом.

Я уже поднимаюсь за остальными к разрушенным воротам, чтобы пойти на городище, как вдруг слышу крики, идущие как будто из-под земли. И даже не сразу понимаю, что это кричат шейхи. Чтó они кричат, не разобрать. Они машут мне руками и показывают в сторону стены. И меня как будто обжигает — надписи! Прыгаю по камням, словно перехожу горную речку, быстро спускаюсь к башне на восточном углу. И сразу вижу блоки с надписями. Шейхам они, конечно, не видны снизу — они просто знают, что они здесь есть.

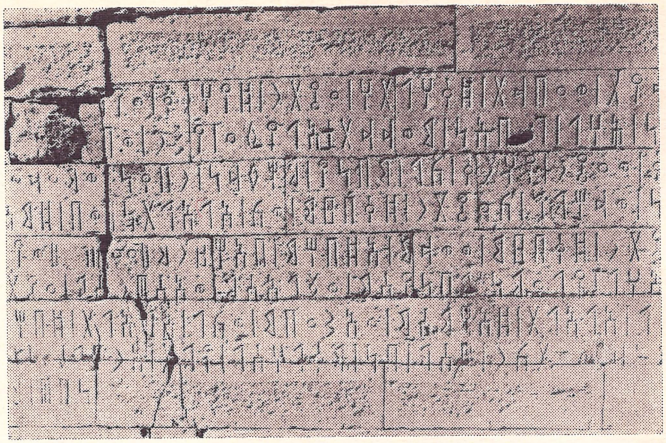
Вдоль стены все завалено упавшими камнями и щебнем, откос насыпи крутой, и я иду с опаской, где можно держась за стену: насыпь здесь так высока, что деревца внизу кажутся кустами. На солнце стена совсем белая, на ней видны все трещины, горячий воздух здесь неподвижен, мне тяжело дышать. Но какое грандиозное зре-

лище! Стены уходят высоко вверх, башни по 6—7 метров шириной, каждая — как отдельная крепость. Не представляю, как можно взять приступом такие стены. Они сложены из темно-серого известняка, прямоугольные блоки обработаны одинаково — по краям гладкий рант, середина покрыта насечкой. У основания стены положены крупные широкие блоки; чем выше, тем они у́же и это усиливает впечатление легкости и устремленности ввысь. Эти стены были не только могучи и неприступны, но и красивы.

Я отснял уже с десяток надписей. Почти все они — куски от разных текстов, попавшие сюда во время ремонта стены. Одни обломки встроены боком, другие вообще перевернуты. Тексты разных времен, разных «почерков», где два-три слова, а где и по нескольку строк: «...царь Маина построил башню Нирман и куртину Ташбам...», некто «возвел постройку из дерева и тесаных блоков от основания доверху» и «пожертвовал и построил башню Йашбам и ее куртину», а еще кто-то извещает, что он «и вырыл, и углубил до воды, и выложил камнями свой колодец» или «и наполнил забутовкой» пространство между наружной и внутренней кладкой стены[21]. Это напоминает обрывки объявлений на старом заборе. Есть тексты и более связные: «Йасааил Садик, царь Маина, сын Абйадаа Рийама, построил и возвел (текст сколот)... принес богам... пожертвования от первого урожая земли его в Йасиле». А вот фрагмент надписи, где говорится о вознаграждении какого-то лица «за то, что он совершил для своего бога, и для бога-хранителя своего рода, и для своего царя, и для своей общины во время войны и мира». А то попадаются куски, где сохранились лишь имена людей или богов.

Я не ощущаю времени — сколько уже прошло с тех пор, как я начал фотографировать? Где остальные спутники? Кругом тишина. Торопливо карабкаюсь по осыпи от одной башни к другой. Иногда камни начинают катиться из-под ног вниз, прыгая, стукаясь, вызывая небольшие обвалы и раскатываясь по руслу вади далеко от подножия насыпи. Аппараты мои раскали-

[21] Здесь и далее я привожу тексты надписей из Баракиша в переводах моего товарища московского сабеиста Г. М. Бауэра, выполненных для уже упоминавшегося издания «Южная Аравия...»



Эти надписи — настоящая летопись города, его архив

лись от солнца, они горячие и липкие — я перезаряжаю их, пряча под рубашку. Здесь нет тени — солнце над головой.

Надписи попадаются уже по нескольку метров, на всю длину башни или куртины. Это — части стены, сохранившиеся в своем первоначальном виде, и надписи находятся там, где их высекли в IV—III вв. до н. э. Это настоящий строительный архив города. Сообщается, кто, в какой связи и на какие средства построил башню, куртину, отремонтировал участок стены. Обычно это делала богатая семья, или род, или целая группа жителей Йасиля, или царь, или даже вся община города. И каждый участок стены — ворота, куртина, башня — имел свое название. Верховным собственником и покровителем постройки считали одного из богов или всех богов, почитаемых в городе. Им и «отписывали» постройку, они и должны были защищать ее, а также надпись, высеченную по этому поводу.

На пяти шершавых, слегка заравненных блоках высечено тонкими легкими буквами пространное, в девять строк, оповещение о том, что три жреца города Йасиля — отец и два его сына, «друзья» царей Маина Ильйафаа Йашра и его сына Вакахаила Набита — построили и посвятили богам Йасиля башню под названием Рабкан,

воскурили благовония богу Вадду и заклали жертвенных животных богу-покровителю города Астару Зу Йахрику. Надпись завершается темпераментной концовкой: они поставили построенную башню и надпись об этом под защиту богов Маина и Йасиля, и «всех богов их племен и общин, и всех богов моря и суши, Востока и Запада, и под защиту царей Маина и города Маина и общины Йасиля от всякого, кто станет изменять их, разрушать, соскабливать их часть, добавлять и замышлять удалить их с их места — пока существуют земля и небо и пока существуют город Йасиль и башня Рабкан».

Так много нужно было защитников для надписи! Именно надписи, а не башни. Так важно было, чтобы она сохранилась в целости и на своем месте! Стало быть, надпись была посредником между людьми и богами. Изменят в ней имя или еще что-нибудь, перенесут ее в другое место или разобьют — и все пропало, лишатся человек и его потомки милости богов и их покровительства! Поэтому перенос или повреждение надписи было в те времена тяжким преступлением. Среди надписей на стене Йасиля сохранились фрагменты судебных постановлений о наказании за это отдельных лиц и их родичей.

...Еще надпись, еще... Стена — как книга, древняя, сплошь да рядом непоправимо испорченная превратностями судьбы — войнами и землетрясениями, сокрушавшими город. Я уже присмотрелся к ней. Местами куртины и башни были разрушены до основания и восстановлены частью прежним материалом, частью новым, кое-как обтесанными кусками базальта, положенными между древними блоками. Иногда среди них попадаются и обломки с надписями.

Вдоль длинной куртины — от одной башни к другой — тянется огромная надпись в четыре строки. И в ней — целая повесть из жизни Маинского государства. Вот о чем рассказывается в этой длинной надписи.

Маинцы, занимающиеся караванной торговлей, и их два начальника караванной службы — Аммсадик, сын Хамасата, и Саад, сын Валига,— «провели караван и посетили для торговли» Египет, Ассирию и «страну за рекой» — Палестину. Они собрали пожертвования, построили и посвятили божеству-покровителю города Карнау, столицы Маина, Астару Зу Кабду куртину Тани-

им — вот, значит, как называлась тогда эта куртина! — между башнями Зарбан и Лабан в стене города Йасиля. Они обещали это богам, отправляясь в дальнюю дорогу. И принял бог Астар Зу Кабд эту обещанную жертву и через посредство Аммсадика и Саада, возглавлявших караван, защитил их, и их товары, и их верблюдов во время нападения на караван по дороге между Маином и Наджраном людей Саба и Хаулана, спас их от случайностей войны, происходившей между «народом севера и народом юга», а также помог им выбраться вместе со своим добром из Египта, когда там возникла междоусобица.

И после этого, сказано дальше в тексте, охранял их и их добро бог Астар Зу Кабд, пока они не вернулись в свой город Карнау. И вот, осуществив обещанную жертвенную постройку, маинцы-караванщики вверили ее и эту надпись защите всех богов Маина и Йасиля и царя Маина «от того, кто станет удалять их надпись с ее места, разрушать ее и изменять ее». И она высечена была и помещена здесь во имя бога Астара, Вадда и Никраха — главных богов маинского пантеона, а также во имя богини города Нашка и всех богов Маина и Йасиля, и во имя Абйадаа Йасаа, царя Маина, и во имя Аммсами, главы Йасиля, и сыновей Маадкариба, сына Ильйафаа, и народа Маина, и общины Йасиля, и во имя обоих начальников караванной службы — Аммсадика и Саада.

Вот какая сложная была в те времена жизнь!..

Голова у меня тяжелая от жары и от напряжения. Сажусь в тень в углу между куртиной Таниим и башней Зарбан, построенными больше двух тысяч лет назад маинцами-караванщиками, вернувшимися из удачного торгового путешествия в далекие страны. Здесь прохладно. Так хорошо вытянуть ноги и закрыть глаза. Фотоаппараты лежат рядом, я покрываю их беретом от солнца. Они хорошо поработали — я сфотографировал больше сотни надписей. Только теперь осознаю, как я спешил и нервничал, все время думая про себя, что вот сейчас, именно сейчас, когда я начинаю снимать такую надпись, появится ан-Науфи или еще кто-нибудь и станет звать меня в машину. Уезжать? Отсюда?! Мне кажется, я готов прожить здесь годы, посвятив себя этому городу. И разве будет в моей жизни дело значительнее этого?! Но уехать придется. Скоро я услышу крики,

и начнутся последние минуты моей жизни в этом удивительном мире.

Стена поворачивает к северо-западу, надписи попадаются все реже, а потом и вовсе пропадают, хотя и куртины, и башни здесь в хорошей сохранности. Насыпь у стены очищена от каменных завалов, и видна хорошо утоптанная, местами даже широкая тропинка. Совсем как возле новгородского кремля. Кто протоптал ее здесь? Куда и зачем ходили по ней вдоль стены? Или же и тропинки, как и стены и надписи, живут тысячелетия?

Подбираю несколько тонких черепков, окрашенных бордовой краской и разрисованных решетчатым орнаментом. Чашки и сосуды с таким орнаментом еще в начале нашего столетия изготовляли еврейские гончары в Сане.

От подножия насыпи к югу тянется вади, пустынное и совсем белое от солнца. За ним начинается слегка приподнятая полупесчаная равнина, на которой заметны узкие полосы — следы каналов, когда-то разделявших равнину на поля. Значит где-то неподалеку должны быть плотина и шлюзовые устройства. И теперь только я вижу широкое сухое русло реки примерно в 1,5 километра от города, и желто-серые просторы вокруг до самых гор, и мутное знойное небо. Все высохло, все окаменело здесь с тех пор, как жизнь ушла из города. Кажется, даже солнце стало здесь жарче.

Главные ворота Йасиля-Баракиша расположены на западной стороне. И я не спеша прохожу между высокими башнями, защищающими ворота. Проход завален разбитыми камнями, кучами лежат целые блоки, приготовленные к увозу. Все покрыто густой пылью. Здесь давно никого не было. У стены башни густо разросся терновник. Жутко от тишины вокруг и особенно от того, что я вхожу один в ворота великого города, где всегда было и людно и шумно. Уходили или возвращались караваны с благовониями для египетских фараонов, для владык и модниц Вавилонии, для погребальных воскурений в Афинах и в Риме, для врачей всего Средиземноморского мира. Какие, наверное, торжественные и тревожные были проводы и какие шумные, красочные встречи! Люди уходили в другие миры и возвращались не только богатыми и умудренными, но еще и счастли-

выми неоспоримым доказательством того, что они сами и их жертвы угодны богам, не оставившим их в дальних странах своим покровительством и защитой. Проходило через ворота пешее войско и проезжали бедуины на верблюдах, шли или ехали по своим делам простые и именитые люди, приближенные царей Маина, жрецы и старейшины общин... Невероятны эта тишина и это запустение сейчас.

А ведь и потом, после упадка Маинского царства, были еще столетия неизвестной нам истории, появились и ушли отряды римского войска с императорскими орлами на древках штандартов, войска эфиопов в пестрых одеяниях с грозными слонами, наводящими страх, и, наконец, сверкающие доспехами и оружием отряды персидских шахиншахов. Последними — около середины VII в.— сюда пришли не знающие страха мусульманские воины, которых привели в Йемен эмиссары мекканского пророка. Но они не принесли новой жизни городу. Джауф был тогда погружен в кровавый хаос межплеменных войн, довершивших разрушение и гибель последних центров древней цивилизации. Наверное, тогда и опустел окончательно великий Йасиль и померкла память о его былой славе.

Внутри город — как полная чаша. Здесь нет городской стены — земля лежит вровень с краями высоких башен и куртин. И город похож на большой пустырь с торчащими остовами домов. Это просто невероятно. Мне кажется, что я иду по земляному навесу, что вот-вот я провалюсь и упаду вниз на улицу погребенного города. С того времени как Йасиль был обнесен стеной, его внутреннее пространство превратилось в огромный резервуар для песка и земли, ежегодно приносимых в большом количестве весенними пыльными бурями. Из года в год в течение многих веков все это оседало на улицах и площадях города, постепенно поднимая поверхность почвы. Земля и песок покрывали слой за слоем руины древних построек, забивались между развалинами, когда город был покинут. Дожди и солнце уплотняли эти слои, дождевые потоки разливали по городищу земляную массу, образовавшуюся из разрушенных и размытых глинобитных зданий.

На этой наносной земле, покрывшей древний Йасиль, и были воздвигнуты каменные и глинобитные

постройки, когда в конце XII в. имам аль-Мансур Абдаллах ибн Хамза отремонтировал стены Баракиша и сделал его своей резиденцией и опорой власти в Джауфе. В 1203 г. имам аль-Мансур передал управление Джауфом своему брату и переселился из Баракиша в отстроенную им на отвесной скале возле Зибина неприступную крепость Зафар. С той поры здесь осталось немногое — совсем развалившаяся мечеть, над уцелевшим входом в которую начертан зейдитский символ веры.

Много строили здесь, наверное, и во второй половине XIII в., когда город перешел под власть династии Расулидов и был резиденцией султана аль-Малика аль-Музаффара Шамс ад-Дина Юсуфа I (1249—1295), а затем его наместников и преемников. В это время между Баракишем и Багдадом существовала караванная связь, и по древней дороге на Наджран и дальше через Аравийскую пустыню в Ирак шли гонцы с посланиями и дарами к аббасидскому халифу, которого султан выбрал своим покровителем. Халиф прислал султану желанную грамоту о признании его в качестве правителя в одном ранге с султаном Египта, а заодно и грамоту о низложении соперника султана зейдитского имама Ахмеда. Имам вскоре был убит, но, когда гонец султана с извещением об этом добрался до Ирака, его встретило известие о взятии монголами Багдада и об убиении последнего аббасидского халифа.

Жизнь мусульманского Баракиша была недолговечной — скоро он был оставлен. Время от времени в нем оседали какие-нибудь переселенцы, и в конце концов здесь обосновалась еврейская община, покинувшая Баракиш, по-видимому, на рубеже XVIII — XIX вв. Думаю, что причиной этого было отсутствие в городе и вблизи от него колодцев.

Строили в мусульманском Баракише неосновательно; постройки быстро разрушились. Но древние стены остались, сохранились и надписи. И когда 15 мая 1947 г. добрался сюда Ахмед Фахри, вид города и стен ошеломил его не меньше, чем в свое время Жозефа Галеви. Он собирался провести ночь среди руин Баракиша, но был так болен, что проводникам удалось уговорить его поехать в Эль-Хазм и переночевать на казенном постоялом дворе — не так романтично, но зато с удобствами. Потрясенный богатством памятников Джауфа, Фахри

мечтал вернуться сюда после своего выздоровления. Но имам не дал согласия, и в конце мая 1947 г. Фахри уехал из Йемена.

На международном конгрессе востоковедов в Париже он говорил о необходимости изучения древностей Маина, а в своей книге о путешествии в Йемен он написал: «Руины Сирваха и Мариба могут дать археологу немало памятников древности и могут пролить свет на историю Аравии в те далекие дни. Но если мы хотим знать истоки сабейской цивилизации, мы должны обратить свои взоры на города Джауфа. Здесь, под развалинами его городов, археолог когда-нибудь найдет истоки и проследит развитие одной из величайших цивилизаций Древнего Востока».

...Мы уезжаем. Позади — удаляющаяся громада города, праздничного в ярком солнце и словно вставшего ему навстречу во весь рост. И он снова не похож ни на древний город, ни тем более на пустой и разрушенный. Величественным и таинственным кажется он мне опять из окна автомашины.

ДВА ЧАСА В СТОЛИЦЕ МАИНСКОГО ЦАРСТВА

Пылит впереди автомашина. Она вся серая, едва можно различить окна на задней дверце. Пыль висит над дорогой, медленно оседая. Колея местами глубокая, по обе стороны ее белеют тропинки. Этой дороге, наверное, столько же лет, сколько и всей человеческой истории в Южной Аравии: она ведет к оазису Рагван и дальше — на Мариб, а оттуда в Хадрамаут, к побережью океана.

Но куда едем мы? Нам ведь еще рано поворачивать в Мариб. Ан-Науфи говорит, что мы едем в Дарб-эль-Ашраф. Это — «надо».

Селение скоро показывается среди пологих холмов — большое, но несколько разбросанное. В этих местах селятся просторно, не то что в Центральном Йемене или даже на западной половине Джауфа.

Высокие глинобитные дома стоят между земляными буграми. На них теперь сыплют золу и мусор, в теплой пыли спят собаки и копошатся куры. Дома́ в Дарб-эль-

Ашрафе точно такие же, как в Эль-Гейле,— высокие, прямоугольные, сужающиеся кверху, украшенные карнизом с характерным орнаментом, имитирующим головы горных козлов. На некоторых домах встречается имитация карниза с крупными «сухариками», как на сабейских храмах и крепостях. Дома́ побогаче надстроены на крыше башенкой; наличники окон побелены; площадка на крыше огорожена парапетом с лепным узором.

Как и в Эль-Гейле, долго разъезжаем по селению, распугивая тощих кур, сопровождаемые остервенелым лаем собак, восторженными криками ребятишек. Селение взбудоражено. В крохотных оконцах, на крышах за зубцами парапетов мелькают женские лица, слышны завывания и гортанные выкрики. Останавливаемся. Шейхи исчезают в темной прихожей дома и скоро появляются в сопровождении хозяев, на ходу подвязывающих пояса с патронташами или накручивающих чалму. В машину уже и кошке не втиснуться.

Наконец в одном доме мы поднимаемся по темной лестнице наверх, усталые рассаживаемся вдоль стены и ждем. Шейх ан-Науфи объявляет, что здесь мы должны отобедать. Он опять чем-то встревожен, уходит, возвращается, отводит в сторонку то одного, то другого и сипло шепчет что-то, вытирая мокрый лоб.

Все время входят люди. Оружие складывают в углу на скатанные запасные тюфяки. Почти все одеты в одинаковые длинные рубахи темно-зеленого цвета, у всех завязанные по-бакилитски чалмы из такой же темно-зеленой материи — не скоро еще сносят здесь эти одежды военных лет. Каждый входящий сбрасывает у порога пыльные башмаки, здоровается со всеми за руку, причмокивая губами и бормоча приветствие, и занимает место, видимо, сообразно своему положению: один садится на свободное место с краю, другой расталкивает сидящих и втискивается между ними, не обращая внимания на толчки и ругань соседей.

Наш хозяин, шериф аль-Мансур ибн Хамуд аль-Аджарфили, каждому рассказывает, кто мы и зачем приехали: мы от «Объединенных Наций», «специалисты по нуждам страны», ездим, смотрим, чтобы потом рассказать правительству, в чем нуждаются люди здесь. Он говорит это не спеша, веско, покачивая головой, но,

кажется, и он сам, и сидящие понимают, что этот рассказ — лишь часть правды. Все напряженно вслушиваются в его слова и сразу замолкают, если кто-то из нас вступает в разговор, надеясь уловить и другую ее часть, скрытую, ибо не было еще в истории Джауфа случая, чтобы иностранцы приехали узнать, не нуждаются ли здесь в чем-нибудь люди.

Чтобы помочь хозяину, мы спрашиваем обо всем, заранее уже зная ответы. Во всем Джауфе нет не только больницы, но даже маленького фельдшерского пункта. Заболевших везут в Сану, если есть оказия и средства, или лечат сами — молитвой, раскаленным железом, старинными настоями, верблюжьим молоком, а иногда случайными лекарствами, попавшими вместе с военными трофеями — вдруг поможет! Зовут бедуинских знахарей, старух, бормочущих заговоры. Марио тут же осматривает кое-кого из присутствующих, дает таблетки. Хозяин приносит вялого ребенка, покрытого золотушными коростами и не издавшего ни единого звука, пока Марио, морщась, смазывает ему из тюбика болячки.

Я спрашиваю о школах. И школ нет в Джауфе. Здесь, в Дарб-эль-Ашрафе, в селении шерифов, где все ведут свой род от пророка, детей учат Корану и тому, что знает сам учитель — слепой имам-мулла. Вскоре появляется и он сам. Его ведут под руки двое нахмуренных юношей, похожих на монашков. Он очень стар, с трудом передвигает трясущиеся ноги. Прикрытые глаза слезятся. Но он резво поворачивает голову то к одному провожатому, то к другому, спрашивая и слушая ответы.

Видно, ему сказали о нас, потому что он вдруг кричит дребезжащим тенорком: «Добро пожаловать! И благословит господь приходящих с добром!» Чуть понизив голос, скороговоркой начинает задавать спутникам бесчисленные вопросы: как мы одеты, какие на вид, с оружием ли, на чем приехали, с кем, откуда и т. д., одновременно отвечая на приветствия, ловя на ходу обрывки разговоров и подавая реплики говорящим. Старик был неуемен, любознателен и обнаружил изрядную широту интересов и познаний.

Его усаживают рядом со мной. Он сразу же потрогал мою руку, провел ладонью по рукаву и спросил, где

я учился арабскому языку и «наукам». Говорить с ним легко. Он хорошо помнит тексты хроник, своей скороговоркой проборматывает их и по привычке тут же комментирует, смешивая сказку с былью. Он говорит, что на его памяти Баракиш был всегда необитаем, но люди часто ходят на городище и копают там, надеясь найти сокровища. Чаще всего, однако, находят мелкие изделия из бронзы и мрамора, посуду, которая сразу же разваливается, и статуэтки. Он кричит кому-то неожиданно твердым громким голосом, чтобы тот принес «вещь», найденную недавно в Баракише. Небольшая статуэтка из мутного мрамора изображает упитанного быка на пьедестале. Статуэтка не лучшей работы: бык больше похож на жирного кота.

На некоторых статуэтках, говорил мулла, бывают и надписи. Во времена имама здесь находили много таких предметов и увозили продавать в Сану. Однажды было велено собрать плиты с надписями, камни с изображениями и другие древние вещи. Всё погрузили на верблюдов и отвезли в Сану. И сейчас кое-кто еще пытает счастья, копая в разных местах, но желающих становится все меньше, так как обычно находки не возмещают труда и времени. Однажды сама по себе обрушилась верхняя часть башни в Баракише, и с тех пор люди опасаются ходить вдоль подножия стены. В древних колодцах около Баракиша находят иногда воду, темную и плохо пахнущую, которая горит, если ее поджечь.

На юг и юго-восток от Баракиша расстилаются древние поля, которые не объехать и за полдня. Их давно никто не засевает, потому что некому расчистить старые каналы.

За какие-нибудь полчаса старик успевает рассказать мне десятки историй, легко переходя от темы к теме, и еще поговорить с двумя-тремя из присутствующих, которых он узнаёт по голосу. И все-таки о чем бы ни говорили здесь, в Джауфе, разговор всегда сходит на воспоминания о недавней войне, долгой и жестокой. В войну здешние жители потеряли почти весь скот, поля годами не засевались. Почти все шерифы ушли в армию имама. Многие колодцы были завалены. В каждой семье были свои трагедии, и я слушаю эти рассказы, мучаясь их горем, совсем забыв, что они — монархисты.

Среди сидящих, за исключением немногих, все —

шерифы, что значит по-русски «благородные». Вообще-то говоря, шерифы мало чем отличаются от других бедуинов, разве что они немного спесивее. Есть некоторые особенности в одежде. Они занимаются, как и все вокруг, разведением коз и верблюдов, у них есть поля, колодцы, они сеют клевер, разные зерновые, овощи. Шерифы всегда были чем-то вроде касты профессиональных военных в противоположность сейидам, больше причастным к религиозным наукам, богословию и мусульманскому праву, государственной политике и дипломатии.

Основное отличие шерифов от бедуинов в том, что они — нейеменцы «по корню», что они — пришлые с севера, хотя пришли в Йемен много веков назад и принадлежат к группе североарабских племен аднан в отличие от коренных йеменцев, относящихся к генеалогическому древу кахтан [22]. Самое же главное это то, что шерифы ведут свой род от Хасана — внука пророка Мухаммеда. Их почитают за принадлежность к дому пророка, и поэтому они — аристократы, белая кость, голубая кровь. На этом основано и их влияние, сейчас, впрочем, очень скромное. Реальной власти у них нет. Здесь все решают бедуины — габили, как их называют, которым принадлежат почти все пастбища и земли. Но еще в конце прошлого века шерифы были правящей элитой и в Джауфе, и в Марибе. Да и сегодня губернатор Джауфа все-таки шериф из старинной семьи ад-Думейн, члены которой занимают этот пост с незапамятных времен.

...Мы сидим уже второй час. Ждем обеда. Дело, конечно, не в том, чтобы поесть: отобедавши здесь, мы могли рассчитывать на гостеприимство и на защиту тех племен и родов в округе, которые были как-то связаны с шерифами из Дарб-эль-Ашрафа. Но я просто страдаю от мысли, что уже два часа мы сидим без дела в табачном дыму, усталые от беспорядочных разговоров, а где-

---

[22] Аднан — название легендарного прародителя, от которого ведут свою родословную арабские племена Северной и Центральной Аравии. Кахтан — прародитель бедуинских племен Южной Аравии. Это разделение возникло в начале VII в., и в середине VII — начале VIII в. оно вылилось в кровавую междоусобную борьбу за политическую гегемонию в Халифате. Однако со временем эта рознь потеряла свою политическую остроту.

то совсем близко лежат развалины легендарного города Карнау-Маина, столицы Маинского царства, торговавшего благовониями со всем древним миром. Правда, нам уже дали по кусочку дымящейся, слегка обжаренной печени, стало быть, скоро появится и барашек. Шерифы оживляются — для них обед совсем не символическая церемония. Разговоры становятся живее. Шейх ан-Науфи подмигивает мне, облизывая пальцы. В ответ я стучу по стеклу своих часов — Маин! К черту вашего барашка!

После обеда вдруг выясняется, что шейхи договорились с доктором Марио ехать на Рагван по марибской дороге, не заезжая в Маин. Я протестую, ссылаясь на то, что доктор Марио не может принимать решения о маршруте, не согласовав его с остальными членами миссии. Уехать, не повидав Маина?! Неожиданно меня поддерживает Коста. Вскочив на ноги, выкатив глаза, ужасно смешной и «прекрасный во гневе», Коста кричит, размахивая руками, путая все языки, что он тоже не тронется дальше, не осмотрев Маина. «Это не пикник! Мы — ученые, и у нас свои задачи!» Я всегда буду вспоминать с благодарностью его порыв. Все поднялись на ноги, начался галдеж и невероятная сумятица. Но все-таки через полчаса мы ехали назад, к Баракишу, и дальше, на север, к Маину, потратив впустую почти четыре часа!

В 16 часов 45 минут мы проезжаем мимо Баракиша. Солнце опускается, и от стен города по склону холма к дороге тянется огромная тень. Мы спешим. Быстро минуем пустынное плато к северу от Баракиша, потом равнину, поросшую колючками, жесткой серой травой и тамариском. Через 13 километров от Баракиша въезжаем в усеянное галькой и крупным булыжником русло Эль-Хашрадж. Множество толстенных высоких деревьев растет здесь. И это даже не русло, а просто низина шириной около 3 километров, по которой в сезон дождей бегут бурные потоки, меняя ложе, разливаясь на всю ширину низины. Если, конечно, дожди обильны.

Мы едем без дороги, объезжая глубокие промоины и упавшие стволы, занесенные песком и галькой. За вади начинается полоса саванны. От кустарника и редких деревьев, от кочек с пучками травы ложатся синеватые тени. Горы на севере все ближе. Шейх ан-Науфи

показывает мне на плоский холм впереди — Маин! Это — Маин, Харибат-Маин (Развалины Маина).

Справа вдруг слышен выстрел, еще один. Передняя автомашина резко тормозит, около нее останавливаемся и мы. К востоку от нас, в углу равнины, окруженной густой стеной тамарисков, видно несколько плоских домов из камня и круглые башни. Мне говорят, что это небольшая деревня Бейт-эль-Маррани. Мы стоим и ждем. От селения к нам идет женщина, идет твердым скорым шагом, напряженно всматриваясь. Шейх ан-Науфи и шейх аль-Кухкух уходят на переговоры. Женщины в Джауфе выполняют обязанности парламентеров-посредников. Рассказывают, что среди них встречаются настоящие дипломаты. Вскоре появляется шейх селения с тремя аскерами. Все усаживаются в круг на корточках. В тишине слышно, как в усадьбе перекликаются женщины.

Разговор затягивается. Шейх настойчиво приглашает всех к себе в усадьбу поужинать, наши провожатые под разными предлогами отказываются. Из разговоров ясно, что сейчас происходят распри между племенами, и все настороженно следят за тем, чтобы одна из сторон не изменила соотношения сил, воспользовавшись поддержкой извне. Несколько дней назад здесь ночью прошли какие-то автомашины из Саудовской Аравии и была перестрелка. Наши машины, естественно, вызвали подозрение шейха и его людей. Если бы мы не остановились, нас бы обстреляли.

Кажется, только Галеви упоминает это маленькое селение, Бейт-эль-Маррани, расположенное в 2 километрах южнее Маина. В нем и около него он видел руины древних построек и нашел здесь восемь фрагментов маинских надписей.

...Вид столицы Маина вначале несколько разочаровал меня, хотя я уже немного был знаком с ним по фотографиям египетского энтомолога М. Тауфика: длинный массивный холм, повыше и покруче, чем холм Баракиша. Плоская вершина его кажется пустой. Кое-где по краю видны груды камней, которые можно принять за остатки построек. На юго-западном склоне холма местами сохранились участки городской стены, сложенной из крупных блоков. Склоны холма изрыты овражками и завалены камнями, целыми блоками, боль-

шими плитами известняка. Он разделен седловинами как бы на три отдельные вершины, на три холма.

Если не всматриваться, можно вообще не заметить никаких следов развалин, а тем более не понять, что на этом огромном пустынном холме лежат руины одного из самых знаменитых городов древнего мира. Мы останавливаемся напротив западных ворот. Они выдаются немного вперед.

Солнце стоит уже низко над горами далеко на западе и хорошо освещает серые камни предвратных построек и примыкающие к ним с юга остатки городской стены. До захода солнца — полтора-два часа. Прижимая к себе аппараты, я бегу наверх вдоль южной стороны ворот; вдоль северной, опередив меня, торопится толстый Коста в белом платке, перехваченном на лбу по-бедуински черными жгутами. Мы сталкиваемся уже за воротами и вместе поднимаемся на высокий оплывший земляной холм. Отсюда городище — как на ладони. Вот он — Маин! Мы кричим разом, не сговариваясь, и обнимаемся, переполненные волнением от увиденного, от всего пережитого за этот необыкновенный день. Коста кричит что-то по-итальянски, я — свое — по-русски. Такого «смешения языков» Маин наверняка еще не слышал.

Центр городища составляет широкая, почти квадратная площадь, совершенно ровная, усеянная мелкой галькой и поросшая пучками серой полынной травы. Посередине площади, ближе к северной стене, стоит прямоугольное приземистое здание храма. Его освещает солнце, и мне видны огромные, почти квадратные блоки в его стенах.

К северу от ворот, на большой возвышенности, занимающей всю северо-западную часть городища, находится около десятка лачуг из камня и сырцовых кирпичей. В них живут несколько семей нынешних обитателей Маина. Они поселились недавно. Когда в мае 1947 г. сюда приходил Ахмед Фахри, египетский археолог, здесь еще никого не было.

От храма мы с Костой идем к возвышающимся надо всем городищем прямоугольным башням. Когда-то они охраняли восточные ворота. Уцелела, собственно, одна башня — южная, и то частично: разрушен верх, нет внутренних перекрытий. От башни, расположенной

на северной стороне ворот, осталась лишь передняя стена. Зато она сохранилась целиком от фундамента, сложенного из известняковых плит, до карниза. В верхней половине стены — два ряда «бойниц»-отдушин, по три в ряду. Внутри стены вверху, под самыми рядами отдушин, на двух блоках высечена длинная надпись. Прочесть ее могли только находившиеся в теперь не существующем помещении наверху.

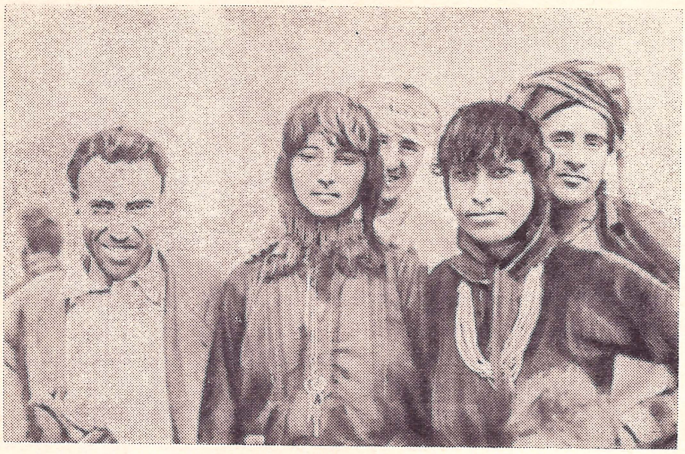
Возле южной башни сохранился и участок городской стены. На высоте около 3 метров от земли в стене идет ряд отдушин для ее внутренних помещений. В нижней части стены и примыкающей к ней южной стороне башни находятся блоки с текстом самой длинной надписи, обнаруженной в Маине.

Ворота разрушены, на их месте, в промежутке между башнями, навалены груды камней и блоков, щебня и земли. Внутри стен, перед воротами, стоят оплывшие развалины глинобитных зданий, таких убогих рядом с каменными башнями.

Северо-восточная часть Маина представляет собою хаотическое нагромождение развалин среди размытых земляных холмов, скрывающих более ранние постройки. Мы подходим к краю холма, и перед нами открывается неоглядный простор полупустынной равнины, уходящей на восток. Скалистый изрезанный хребет Лауз, возвышающийся к северу от городища, кажется совсем близким. Горы уходят на восток, где небо уже стало густо-синим. Оттуда надвигается вечер. Мы идем назад.

Столица Маинского государства разрушена людьми и землетрясениями. Местные жители продолжают разбирать остатки городских зданий и стен и увозят блоки в окрестные селения на строительство своих домов. Многие руины стали еще ниже, чем они были, когда их осматривали Тауфик и Фахри, не говоря уже о Галеви.

С тех пор как стены Маина были разрушены почти до основания, их никто не пытался восстанавливать. Видимо, город был оставлен. Его не упоминают в рассказах о походе Элия Галла; значит, уже в конце I в. до н. э. он не существовал ни как столица государства, ни просто как город. Во времена аль-Хамдани он лежал в развалинах и был необитаем. Когда были возведены глинобитные постройки на занесенных землей и песком древних руинах, остается пока неустановлен-



Две красавицы из Абасира

ным. По-видимому, они относятся к периоду строительной деятельности в Джауфе имама аль-Мансура Абдаллаха ибн Хамзы (конец XII — начало XIII в.).

Наиболее значительные постройки были возведены вблизи восточных ворот и на возвышенностях в северо-восточной и северо-западной частях города. Судя по всему, это поселение существовало не слишком долго. Отсутствие колодцев на городище и вблизи от него сыграло в этом не последнюю роль.

Время от времени здесь находят приют безземельные переселенцы, но никто еще не положил начала постоянному поселению. Неизвестно, долго ли продержатся здесь нынешние обитатели древних руин.

...Я думаю, нас провожают все жители Маина. Они толпятся на краю холма — мужчины, женщины и дети. Только трое или четверо спустились вниз и стоят поодаль, безоружные, наблюдая, как мы рассаживаемся по машинам. К запаху теплой земли, поднимающемуся в густых токах воздуха, примешивается горьковатый вкус дыма. В вечернем безмолвии, царящем вокруг, звуки как бы замирают. Лай собак и людской говор там, наверху, слышатся словно через толстые двери.

Машины одна за другой разворачиваются, и вот уже мы быстро едем на юго-восток, к темной полосе леса.

Холм с развалинами древнего Маина становится все меньше, как будто прижимается к земле. Было решено, что мы заночуем в Рагване.

ОАЗИС НА ПЕРЕПУТЬЕ...

25 декабря 1970 г. Рагван

От Маина на восток, почти до самого селения Рагван тянется пустынная равнина, то каменистая, усыпанная галькой, то полупесчаная, и всюду сухая и необитаемая. Никто не встретился нам по дороге, мы не видели ни одной деревни. Растительность нищенская — пучки степной травы, кустарник, иногда одно-два кривых деревца. Два больших притока Вади-Мазаба — Хади и Кудайр — идут с юго-запада к северу. За ними начинается холмистая местность, пересеченная оврагами и мелкими потоками.

Мы едем не останавливаясь. Сейчас в этом нет надобности — уже темно. Впереди то появляется, то исчезает белый сноп от фар передней машины. Равнина давно кончилась, идут пески, ехать стало труднее. Фары освещают по сторонам невысокие барханы. Машина то взбирается наверх, то ползет вниз, и в полосе света возникают причудливые картины — на песчаных холмах застыли скрюченные деревья, покрытые, как инеем, белой пылью; бугры с пучками травы похожи на всклокоченные головы закопанных в землю. Ночью в пустыне жутко. До нас по дороге никто не проезжал. Только верблюжьи следы иногда видны на ней.

Аскеры поют одну песню за другой, свои деревенские и бедуинские, поют замаль — боевую песню монархистов. Еще год назад они законно горланили ее с утра до ночи. А теперь поют веселыми голосами, как бы в шутку. В кабине душно от дыхания восьми человек. Зябко, ночная прохлада ощутима. Я давно уже потерял представление, куда мы едем. Впереди и вокруг однообразные белые холмы. И весело, и жутко представить себе нашу машину с поющими аскерами, затерянную в песках и светом фар, как слепец палкой, нащупывающую дорогу. Наконец и меня заставляют спеть. Поломавшись немного, пою «По Дону гуляет казак молодой», невольно пришедшую на память, удивительно похожую

на распевы бедуинских песен и интонацией своей, удалой и грустной, лучше всего подходящую к общему настроению.

Одно за другим переезжаем три больших русла. Это все еще притоки Вади-Мазаба, может быть образовавшиеся из древних оросительных каналов: Вади-Джуфра, Умм-эль-Джана и Вади-Халхалан (самый большой из них). Восточный берег его крутой, и мы поднимаемся на него с трудом после нескольких попыток. Рубим кустарник и суем негнущиеся ветки под колеса, крича толкаем машину.

Раз мне показалось, что слева от дороги в некотором отдалении я вижу полузасыпанные развалины какой-то постройки. Среди камней как будто стоит человек, держа винтовку стволом вниз. Свет от машины скользит по нему, и тут же все исчезает. Я так и не знаю определенно, действительно ли там были развалины и человек с винтовкой или же просто такими показались мне песчаные бугры и деревцо между ними. Я не спрашиваю об этом: все и без того держатся нервозно. Мы часто останавливаемся, гаснут фары, и шейхи, открыв дверцы, прислушиваются к темноте. Потом дорога сходит в русло, напоминающее широкий коридор. Несколько раз шейх ан-Науфи уходит с аскерами в темноту, отыскивая пропущенный поворот.

Через 3 километра после Вади-Халхалан под колесами зашумела галька, и шейх ан-Науфи говорит, наклонившись к моему уху: «Пиши! Вади-Рагван». Немного погодя впереди мелькает желтый огонек, другой, потом все исчезает, и мы видим переднюю автомашину, стоящую с потушенными огнями. Шейх ан-Науфи шепчет что-то шоферу, тот сразу гасит фары, и машина останавливается.

Выходим. Тьма кромешная. Тишина. Единственно живое сейчас — необыкновенно яркие звезды на огромном небе. Где мы?

Подношу тлеющую сигарету к часам — 8 часов 25 минут. Мы проехали 65 километров от Маина и 334 километра от Саны. От Кудайра, где я последний раз вспомнил про время, мы ехали почти полтора часа. 26 километров за полтора часа! Впрочем, во времена Галеви от Маина до Рагвана ехали два дня.

Не раз по дороге я разглядывал на карте усеянную

крапинками — значит, там пустыня! — северо-восточную окраину Йемена. Там, где на карте обрывается пунктирная паутина, обозначающая уходящие в пески воды сезонных рек, стоит крошечная точка населенного пункта без названия. Где-то здесь и находится Рагван, и в нем теперь мы должны ночевать. Всякий раз, когда я вспоминаю об этой точке, от волнения начинает колотиться сердце. Здесь — заповедные места сабейской истории, окраина живого мира, преддверие глубинной Аравии. Всего лишь гряда горного массива Лауз отделяет нас от величайшей пустыни мира Руб-эль-Хали. Ничья власть, ничей закон не имеют здесь силы, кроме племенных обычаев, капризной стихии предрассудков и своеволия бедуинов. Причудливо преломляются иногда здесь страсти мировой политики, но относительно ее главных целей не заблуждаются и самые что ни на есть темные бедуины.

Жозеф Галеви прошел здесь, как в полусне, летом 1870 г., почти потеряв ориентировку, измучившись жарой и бессердечными капризами своего бедуина-провожатого. Он прошел пешком, скрывая свое имя, цели своего пути, среди безмолвия раскаленных холмов, оторванный от мира, бесправный и беззащитный. Галеви первым из европейцев назвал главные древности оазиса Рагван и сохранил в своих копиях тексты надписей, часть которых теперь безвозвратно погибла. Только здесь можно оценить его мужество, понять его отчаяние, телесные и моральные страдания, которыми он заплатил за свою славу первооткрывателя.

И все же честь истинного открытия оазиса Рагван принадлежит Филби — выдающемуся исследователю Внутренней Аравии. Он приехал сюда в начале октября 1936 г. на двух автомашинах, не спеша осмотрел древности, которые попались ему по дороге, и составил отличную карту местности по обе стороны своего пути. Впрочем, там, где ехали мы, он не бывал: он прибыл сюда с востока, из Хадрамаута, по древней караванной дороге. И Галеви, кажется, тоже прошел какой-то другой тропой. И я горжусь, что еду в Мариб своей дорогой, которую еще никто не описал и не нанес на карту.

Через оазис Рагван проехал из Мариба в Джауф в середине мая 1947 г. Ахмед Фахри. Еще в Марибе у него началась дизентерия, и ему едва хватило сил ос-

мотреть главные руины оазиса. Он берег фотопластинки и фотографировал только еще не открытые надписи. О древних городах оазиса он написал строже и отчетливее, чем Филби, подтвердив, однако, его главные наблюдения.

Оазис Рагван и его памятники не тронули его воображения. Он не увидел их как целое и не разгадал в них историко-археологического феномена. Свою страсть историка и археолога, свою душу исследователя он отдал Джауфу и его городам. Они потрясли его. Образ великого Маинского царства и убеждение в его особой и исключительной роли в истории древней Южной Аравии владели им позднее, в то время, когда он составлял описание своего путешествия в Йемен. Пустынный оазис Рагван на глухом перепутье остался для него периферией Маина и Сабы.

...Мы ждем в полной темноте. Я ничего не вижу, мне слышно только, как рядом, совсем близко от меня, кто-то шевелится, ходит, говорит вполголоса. Где-то неподалеку монотонно бубнит Коста. Хлопает дверца автомашины, и тут же слышен шум падающего человека. Там начинается движение, и по голосам я догадываюсь, что упал, споткнувшись в темноте, Руэгг. И снова наступает эта странная тишина, полная смутных звуков.

У меня такое чувство, словно мне завязали глаза, и я нахожусь в тесно заставленной комнате с множеством людей, которые нарочно молчат, ожидая моих действий. Постепенно начинаю различать в темноте еще более темные места. Здания? И мне становится не по себе от тишины и мрака.

Далеко впереди мелькает свет фонарика, рядом с ним появляется желтый огонь застекленного фонаря, освещающего шагающие ноги и приклад винтовки, раздаются приглушенные голоса и — наконец-то! — лай собак, до того, видно, сидевших в доме. И сразу отпускает грудь и, похоже, не только у меня, потому что рядом кто-то вдруг заговаривает неестественно громко, кашляет. Начинается хождение, вспыхивают фонарики, выхватывающие из темноты комья ссохшейся земли, руки, лица.

Зажигают фары, и тут оказывается, что мы стоим на дне русла у отвесного берега. На краю его жмутся друг

к другу глинобитные дома с низкими дверями и крохотными темными окнами наверху. У дверей видим людей, мужчин с винтовками, подростков.

Мы едем по руслу вдоль селения, поднимаемся по крутой выемке в береге и попадаем на тесную площадь, окруженную высокими зданиями. Идет церемония приветствия — причмокивания, бормотания, чьи-то глаза внимательно разглядывают мое лицо, чьи-то руки сжимают в полутьме мою ладонь. Обычная суматоха и путаница с вещами. Шоферы и часть аскеров остаются ночевать в машинах. Мы снова, как слепые, тыкаясь друг другу в спины, хватаясь за стены, поднимаемся по высоким ступеням наверх, вконец обессиленные событиями дня и гонкой в темноте по пустыне.

За ужином рассказывают новости: никто не приезжал сюда встретить нас, хотя в Сане было условлено, что в Рагване нас будут ждать военный губернатор Мариба Ахмед Саад с аскерами. С ними мы должны были ехать до Мариба.

И это была еще не самая худшая новость. Хуже всего было то, что несколько дней назад неподалеку отсюда произошла стычка между людьми из здешнего племени дахм и из воинственного огромного племени абида, которому принадлежит и территория оазиса Мариб. Во время стычки были убитые, и теперь здесь, между Рагваном и Марибом, все настороже, боятся нападения и мести, дороги опасны. Ехать без провожатых от местных племен, не замешанных в стычке, нельзя. А в Рагване таковых сейчас нет. И 100 лет назад, когда Галеви из Рагвана направился к Марибу, ему едва не помешал увидеть уже прославленные в Европе руины набег на Мариб, совершенный неукротимыми бедуинами абида. Тогда они разграбили город, перебив множество людей.

И последнее. В Рагване кончается территория племенного союза, к которому принадлежат наши шейхи, и стало быть, здесь теряют силу их права на нашу защиту. Даже если бы и не было этой злосчастной стычки с абида, дальше они могут ехать с нами уже только как обычные спутники. Теперь же и это становится небезопасным для них.

От усталости и волнений мы едва дотягиваем до конца ужина, и очень бедного, и очень долгого: хозяе-

ва уже укладывались спать, когда мы нагрянули нежданно. Ссылаясь на свою усталость, на желание раньше лечь спать, мы с Костой выпроваживаем своих шейхов, гостей и хозяев, несколько удивленных нашей нелюбезностью в чужом доме.

Я запираю дверь на задвижку. Коста достает из дорожного саквояжа наши припасы, а доктор Марио, сладострастно улыбаясь, ставит на пол две тонкие изящные бутылки. Гасим шумный «петромакс» и зажигаем бледно-розовые свечки. Смотрим на часы. Несколько минут молчим, ожидая полуночи, думая о своем и на своих языках. Наконец Коста негромко говорит: «Прозит!», и мы отвечаем. Мы встречаем Рождество. На краю пустыни, в глубине Аравии. Такого Рождества у нас никогда больше не будет. Мы еще разговариваем. У меня нет сил раздеться, и я ложусь возле Руэгга, моего обычного соседа на ночлегах, прикрывшись своим плащом. Уже сквозь сон слышу голоса, стук в дверь, громкий разговор доктора Марио, кажется, с нашим хозяином...

ПО СЛЕДАМ ГАРРИ СЕНТ-ДЖОНА БРИДЖЕРА ФИЛБИ

26 декабря 1970 г.

Просыпаемся под трубные всхлипы молодого осла. Ему не остановиться. Разъяренный Коста швыряет через узкое окно в осла пустую консервную банку, но неудачно: банка задевает за край окна и падает вниз, на крышу нашей автомашины, наделав грохоту и перепугав спящих в ней шоферов и аскеров. К ослиному реву присоединяются их крики.

Вид нашего ночлега ужасен. Рождественскую ночь мы провели на грязных тюфяках. На глиняном полу — листья и ветки от ката, солома, смятые пустые коробки из-под сигарет, обрывки газет, разбросанные где попало наши пожитки. Тяжелый кислый смрад не может разбавить даже хрустальная чистота утреннего воздуха, проникающего в оконце. Через него видны полоса долины на юго-западе — сизая неровная степь, пелена утренней дымки над ней и голубой силуэт гор далеко на горизонте.

Час еще ранний, и мы страшно продрогли, пока умывались на крыше дома, поливая друг другу из хозяйского кувшина для омовений. В деревне уже начинается движение, пахнет дымом и отсыревшей глиной, кудахчет курица и где-то в отдалении стучит движок.

Вчера ночью Рагван показался мне большим и таинственным городом. И теперь я разочарован, увидев его сверху. Он расположен на неровной возвышенности. Серый и унылый. Около десятка обычных глинобитных зданий-башен в беспорядке занимают южную сторону возвышенности; часть домов разрушена.

Селение Рагван возникло как станция на перекрестке караванных дорог. Отсюда дорога из Мариба поворачивает на запад, в Джауф, другая идет на север — мимо гор Лауз — в Наджран. Сюда выходит еще дорога с востока, в древности соединявшая царства Катабан и Хадрамаут с Маином и Сабейским царством. Вопрос, конечно, в том, всегда ли эта станция находилась на месте нынешнего Рагвана. Однако уже давно селение здесь было самым большим в этих краях и теперь считается административным центром всего оазиса Рагван. От оазиса оно получило и свое нынешнее название, вытеснившее из обихода прежнее — Асдас.

В оазисе мало растительности. Его поверхность сильно пересечена. На юг и юго-запад от селения земля изрыта узкими оврагами и представляет собой как бы скопление плоских, почти квадратных бугров, небольших по площади и примерно одинаковой высоты. Такие столообразные бугры я уже видел, когда мы ехали по Вади-Хаир-Ишш. Это — остатки древних полей. На западе оазис ограничен отвесным ступенчатым краем плоскогорья. Вдоль его подножия с юго-востока на северо-запад вытянулась холмистая долина. По ней мы и проехали вчера ночью. Дальше на север находятся скалистые возвышенности. За ними — в отдалении — синие отроги Лауз и Хадба. С востока на оазис наступает пустыня. Барханы внушительных размеров и холмы, занесенные песками, видны всюду на горизонте. В юго-восточном направлении от Рагвана опять появляются темные пологие горы явно вулканического происхождения.

И в голову не придет теперь, что некогда, правда довольно давно — больше двух с половиной тысяч лет назад, эта огромная, изрезанная сухими руслами, од-

поцветно-белесая долина была цветущей, как райский сад. Оросительные каналы поили землю, зеленели посевы, гордо стояли богатые рощи финиковых пальм, паслись стада. Вдоль большой реки, теперь наполовину занесенной песком и разделившейся на несколько протоков, почти всегда сухих, стояли крепости и города. В храмах курились алтари, аромат благовоний наполнял все вокруг, и божества были милостивы к людям.

Великие правители сабейцев благоустраивали край. Они еще не назывались царями и носили титул мукаррибов. Они воздвигали здесь стены вокруг крепостей, охранявших каналы и пашни, и высекали на плитах в стенах надписи, подтверждавшие совершенный труд и имя устроителя. Среди этих имен я нашел уже знакомых мне мукаррибов, строивших стены Нашка и Баракиша-Йасиля, правителей города, что стоял на месте теперешнего Хизмат-Абу-Саура. С их именами связано возвышение государства Саба и превращение его в могущественную державу Аравии. При них, мукаррибах Сабы VII—V вв. до н. э., оазис Рагван пережил пору благоденствия.

Это была целая страна, и она лежала на стыке трех царств — Сабейского, Маинского и Катабанского. Она сама могла бы быть отдельным царством. Здесь встречались главные торговые пути Южной Аравии. Оазис был плодороден и богат, его население многочисленно, а города и крепости надежно защищены от врагов.

И все же оазис пришел в запустение, по-видимому, еще в глубокой древности, несмотря на плодородие земли и выгодное местоположение. Дело в том, что я не нашел здесь надписей позднее V в. до н. э., когда мукаррибы стали царями: цари государства Саба, правившие до III в. н. э., не оставили надписей. Нет надписей, относящихся и к более позднему времени, когда — уже в III—IV вв.— Южную Аравию объединило Химьяритское государство, а его правители включили в свои торжественные титулы названия главных областей-владений страны.

Для будущих историков и археологов этот оазис тем и будет интересен, что в нем не наслоились пласты других исторических эпох, как это стало с Джауфом, Марибом и большинством других долин. Руины в оазисе Рагван останутся памятником древнейшего и, наверное,

самого замечательного периода истории Сабейского государства.

Филби считал, что древние города Рагвана пострадали от землетрясения. Из своих поездок по Йемену я вынес убеждение, что в истории южноаравийской цивилизации два разнородных фактора — землетрясение и засоление почв — сыграли особенно губительную роль. Ибо цивилизация эта держалась все-таки земледелием, зависевшим от сохранности ирригационной системы и от плодородия почвы. В Джауфе я видел гигантские трещины в городских стенах, похожие на застывшие молнии. Я видел рассыпавшиеся на мелкие обломки колонны на руинах в Центральном Йемене, груды битого камня на месте дворцов в Наите, в Зафаре, Маукиле и Залмане, многотонные блоки вокруг городища в Хаммат-Зиябе, разбросанные, как игрушечные кубики. То, что разрушает землетрясение, часто невосстановимо: легче построить все заново, чем разобрать груды каменных обломков.

Уязвимым местом для открытого равнинного оазиса Рагван была его сложная ирригационная система. Сильное землетрясение или особенно разрушительная война — и вот весь строго сбалансированный кругооборот земледелия нарушался необратимо. Плотины и каналы выходили из строя, а недостаток воды вел к засолению почвы и вечному бесплодию. Горы здесь довольно далеко, потоки дождевых вод в руслах быстро истощались на полупесчаной равнине. Люди покидали эти места или вымирали. Города пустели, и тогда всем овладевали пески.

...С самого утра меня лихорадит. Мне все труднее сохранять мои обычные благодушие и оптимизм. Я почти с робостью думаю о том, в какие глубины Аравии забрались мы теперь, оказавшись в этом глухом оазисе на перепутье. Мне трудно свыкнуться с мыслью, что я уже видел великие города Маина — они все стоят перед глазами,— что где-то совсем рядом легендарный Мариб и что я — в Рагване, может быть самом необыкновенном оазисе Йемена и самом загадочном уголке царства Савского. Древние памятники, конечно, надо обходить пешком, не торопясь, раздумывая, или объезжать их на тихом ослике, а не в английской автомашине, которая за два-три дня промчит тебя через два-

три тысячелетия истории, не дав ни опомниться, ни оглядеться. И не под охраной автоматов.

Я нервничаю за завтраком, прислушиваясь к разговору шейхов: они твердо решили не ехать в Мариб, и все споры вертятся теперь вокруг того, возвращаться ли всем в Сану сейчас, сразу, или же попытаться найти военного губернатора Мариба Ахмеда Саада. Разговор затягивается, он полон недомолвок и намеков, каких-то для меня бессвязных, «отступлений» о том, кто вел автомашину, ушедшую в прошлом месяце в Бейхан (Южный Йемен). Я устал от тревожной ночи, от этих «качелей», я просто пугаюсь мысли — неужели я так и не увижу Мариб, почти доехав до него, из-за чьей-то стычки где-то в песках?!

Спускаемся к машинам. Вокруг нас собирается почти все население Рагвана. В конце концов решено отправить одну автомашину по дороге на Мариб, чтобы выяснить обстановку и попытаться отыскать Ахмеда Саада, который, по слухам, бродит где-то между Марибом и Рагваном. С нашим шофером едут двое проводников из местных. Шофер говорит возбужденно, капризничает: он явно трусит, но, так и не найдя повода уклониться, в конце концов уезжает.

Я предлагаю поехать посмотреть руины в Вади-Рагван. Коста поддерживает меня, а от провожатых нет отбою. Мы едем на северо-восток по широкому вади — левому рукаву Вади-Рагвана. По берегам растут тамариск, кусты раки́ и хармаля. Поднимаемся на берег. Дорога идет среди барханов, среди торчащего из песка кустарника. В 6—7 километрах от Рагвана наш тяжелый лендровер глубоко зарывается в песок. Аскеры и проводники начинают откапывать машину.

Отсюда я вижу — впереди, в окружении барханов, на невысоком возвышении, занесенном доверху белым песком, стоит крепость с низкими стенами. Это и есть руины древнего города Кутала (Харибат-Сауд — Саудовы развалины). Стены крепости кажутся совершенно целыми, и только угрюмая пустынность вокруг говорит о том, что это — мертвый город. В промежутках между барханами темнеет твердая почва. Пески закрыли здесь некогда возделываемые земли.

Почти час мы возимся с машиной. Утренняя прохлада уходит, и песок становится совсем сухим. Маши-

на буксует и с каждой попыткой стронуть ее с места все глубже оседает в песок. Все отправляются собирать хворост и камни.

Я иду по вершине холма, занесенного песком. Скоро натыкаюсь на три узкие прямоугольные площадки, засыпанные камнем, галькой и мелкими обломками тонкостенной поливной керамики. Плиты известняка установлены на них торчком. Площадки эти расположены в ряд, близко одна от другой; возможно, их не три, а больше: часть их занесена песком. Площадки ориентированы все в одном направлении — с юго-запада на северо-восток. Я уже видел в Джауфе такие холмики с площадками, выложенными необработанными камнями. Это — могилы. В этих местах много сохранилось таких древних могил. Они напоминают остатки башен на земляном валу. И далеко на восток от Вади-Рагван Филби нашел их сотни, целые кладбища на гребнях каменистых гряд, и считал это едва ли не самой значительной находкой за все время своего путешествия. Действительно, обследование этих могил могло бы дать ключ к пониманию самых тайных проблем южноаравийской цивилизации.

Объезжаем крепость, двигаясь с юго-запада на северо-восток по твердой земле между песчаными наносами. Стены Харибат-Сауда выглядят грубее и архаичнее стен Нашка или Баракиша. Основание города относится, видимо, к первой половине — середине VII в. до н. э. Стены крепости сложены из блоков известняка и базальта разных размеров, по большей части не крупных, обработанных, но без орнаментации. Блоки подогнаны неплотно, и зазоры между ними иногда значительны. Стена имеет выступающие вперед прямоугольные башни и длинные куртины. Она не очень высокая, наверное, не выше 5 километров. Как и в других городах, верхняя часть стены во многих местах разрушена. Ее много раз ремонтировали, часто наспех. Кое-где с наружной стороны куртин и стен башен зияют большие проломы. Крепость была построена на невысокой, в 3—4 метра, насыпи; она прямоугольная в плане, хотя и не строго геометрична.

Мы входим через разрушенные ворота, расположенные на северной стороне города. Русло потока на середине прохода образовалось на месте прежней дороги.

И, пожалуй, только оно указывает сейчас, что именно здесь были ворота. Площадь города невелика, и в нем, наверное, было тесно. Как и в Баракише, обычные постройки располагались вдоль стены. Отойти от городской стены к центру, к площади, а значит, выделиться, мог только храм, или дворец правителя, или дом человека, стоявшего на высшей ступени социальной иерархии.

Я иду через все городище и поднимаюсь на верх западной стены. Куда ни посмотри, всюду песчаные барханы, серый кустарник, деревца акаций и тамариска. Южнее крепости расположены небольшие холмы, похожие на засыпанные землей и песком руины построек. Еще дальше, в направлении Рагвана, виден холм с домами на вершине.

Похоже, что город не восстанавливали. Следов построек мусульманского времени я не нашел. Почти все руины древних зданий погребены под размытой массой песка и пыли, покрывших разрушенные дома. И только три-четыре холма — остатки древних строений — возвышаются в средней части городища. На одном из них виден ряд кладки из грубых глыб базальта. Неподалеку от него среди кусков камня мне попался обломок (угол) высеченной из песчаника прямоугольной колоды с монограммой на наружной стороне стенки. Дождевые потоки, стекающие к середине городища от стен, вынесли множество обломков керамики, кусочков полированного мрамора и гипса; среди них я увидел и обрывок бус из бронзовых горошин.

Самое интересное находится возле южных ворот: на возвышении, заваленном битым камнем, сохранилась часть фундамента главного храма города. Здесь разбросаны обломки четырехгранных колонн, куски архитектурных деталей.

Мне везет — надписи! Я радостно трогаю буквы на разогретом камне: фрагмент большой надписи на блоке белого известняка. Четкие крупные буквы: «...и в округах, и в городе Кут...» — дальше отбито. И тут же — еще два обломка прямоугольной стелы с текстом на двух гранях. Эти три текста, судя по почерку, наверное, одни из самых древних южноаравийских надписей, какие я вообще видел. Стела из темного известняка покрыта «загаром». Часть текста сколота. Я фотографирую и —

на всякий случай — копирую текст в блокнот: он выполнен и древним письмом, и древним способом — бустрофедоном. В тексте приводятся имя божества Зат Химиам — ему, стало быть, и посвящен этот храм,— имена каких-то людей (это уже дома разбирать). А вот название города: Кутал.

Я знаю эту надпись. Ее впервые списал Х. Хабшуш, спутник и помощник Галеви, летом 1870 г. Тогда вся колонна была еще целой, и кроме текста на ней были изображения растопыренной пятерни. Вскоре колонну раскололи, и части ее оказались в Лувре, где их потом опознал Г. фон Висман. Оставшиеся куски в октябре 1936 г. сфотографировал Филби, решивший, однако, что он нашел неизвестные надписи.

Ему вообще немного не повезло с этим городом-крепостью: он ревниво доказывал, что Галеви не был в Харибат-Сауде, и гордился городом как своим открытием, хотя Галеви все-таки был в нем; Филби думал, что его название — Йалт, которое он сопоставил с Элатом — городом в Акабском заливе, а он в действительности назывался Кутал. И вот он «открывает» надписи на стеле, которые до него уже скопировал Галеви. И, наконец, он посчитал этот город, как и другие города в оазисе, маинским, хотя по именам правителей и богов легко увидеть, что здесь были земли Сабейского государства. Филби написал тогда: «Было очевидно, что мои надписи не были его (т. е. Галеви.— *П. Г.*) надписями, а его — моими. И я укладывался спать весьма довольный сознанием, что я был бесспорно первым, кто открыл тайны Й. Л. Т., Харба и Катла — городов древних маинцев».

Почти все здесь было не так, как он говорил. И тем не менее только после его описаний древние памятники оазиса Рагван прочно вошли в науку.

...Мне давно уже сигналят. Все ушли к машине. Покой и безлюдье опять надолго сделают мертвыми эти оплывшие холмы. Вдруг становится жутко здесь одному. Я тороплюсь, обходя один за другим завалы камней на западной стороне городища, в надежде найти не замеченную другими надпись. Но мне попадаются только обломки строительного материала, куски каких-то архитектурных украшений. В одном месте нога вдруг проваливается вместе с камнями в яму, и я

судорожно выдергиваю ее. В яму сыплются мелкие камешки, струятся тонкие ручейки песка. Что там? Разглядывать некогда. Мне сигналят беспрерывно: все спешат в Рагван. Я бегу к воротам...

Мы объезжаем город с юго-востока. Он удаляется постепенно. Вот между нами уже широкая поляна, бугры, кусты. Волнистые пески окружают город, кое-где песчаные языки добираются до самого верха стен, и вот он уже кажется совсем низким, черным, почти утонувшим в белой песчаной зыби. Мы съезжаем в ложбину, и город исчезает из виду. Для меня — навсегда.

НА РАЗВАЛИНАХ АРАРАТА

Собственно говоря, нам незачем было так спешить с возвращением в Рагван. Машина, посланная на розыски Ахмеда Саада и его людей, еще не вернулась и мы разбредаемся кто куда. Солнце уже палит, жарко.

Я иду с Марио к больному. Нас приводят к полуразрушенному дому на окраине. В тесной комнатке душно и пыльно. На тюфяках под лоскутным одеялом лежит старик. Он поднимает голову в расшитой серебром ермолке. Лицо худое, заострившееся, но глаза смотрят живо и почти радостно. Он встречает нас длинными благопожеланиями, суетливо силится присесть, начинает говорить что-то шутливое о себе, но, сразу утомившись, опускается на подушку и закрывает глаза. Марио долго выслушивает, мнет его костлявое сухое тело, выкладывает на одеяло какие-то таблетки, пишет рецепты, и мы уходим, отказываясь от угощения, от денег. Мне жалко больного старика.

Марио зовут еще куда-то, но я иду назад. Пройдя немного, я вдруг оказываюсь на краю деревни. Мне видна дорога, уходящая по равнине на юго-восток к черным горам на горизонте. За ними — Мариб. И сколько я могу видеть, дорога пустынна. По ней и должна вернуться наша автомашина.

Возле большого старого дерева, стоящего у последнего дома, дорога круто идет вниз по уклону. И я сразу вспоминаю то место в описании путешествия

по Йемену Ахмеда Фахри, где говорится о ветвистом дереве на окраине Рагвана.

...Утром 14 мая 1947 г. под ним сидел Фахри, отдыхая после перехода из Мариба. Его сопровождали два шерифа, два бедуина и шесть аскеров, его багаж везли верблюды — это были еще патриархальные времена. С ним даже ехал проводником шериф Хусейн, сын шерифа Мухаммеда (друга и спутника Глазера), родившийся как раз тогда, когда Глазер жил в их доме, и даже названный в его честь (у Эдуарда Глазера было и мусульманское имя Хусейн)...

Словно исполняя ритуал, сажусь под дерево на бугорок в негустой тени. Здесь тихо. Два мальчика разглядывают меня, шагая за небольшим стадом коз. Где же я был в том мае 1947 г., когда Ахмед Фахри сидел здесь, расспрашивая бедуинов о древностях и о дороге в Джауф, а вокруг все застыло от зноя? В это время я жил в далекой сибирской деревне и зубрил учебники, готовясь к выпускным экзаменам. Я еще только собирался жить. И у нас тогда была весна, в низинах за огородами и в лесу еще лежал заледенелый снег, а возле завалинок, на буграх, уже просыхала оттаявшая земля и пробивалась первая трава. И от весеннего солнца было легко и весело...

Сразу же за спуском лежит вади — широкое, поросшее деревьями и кустарником. Оно служит границей между Джауфом и территорией племени джидан из союза Нихм. Именно оно и носит название Вади-Рагван. Если нам удастся пересечь его, значит, мы побываем в Марибе. Если же нет — завтра утром мы двинемся в обратный путь.

В наше отсутствие в Рагван приехали гости. Посреди площади стоят два потрепанных «форда», нагруженных доверху мешками и картонными коробками. На высоких металлических бортах по-детски неуклюже и ярко нарисованы пальмы, горы, букеты цветов, верблюды с острыми горбами, люди с патронташами, глазастые птицы и покосившиеся дома-башни. Судя по номерным табличкам, машины — из Саудовской Аравии. В толпе, собравшейся здесь, вижу наших шейхов. Все замолкают, когда мы подходим. Нас почему-то представляют вновь прибывшим. Молодой йеменец в мятом черном пиджаке церемонно, на ев-

ропейский, как ему кажется, манер пожимает нам руки и произносит невразумительные слова вроде бы по-английски. Он вырывает листок из блокнота, пишет на нем ужасными каракулями свое имя и подает мне. Визитная карточка. Второй, повыше, с худым лицом цедит, здороваясь, арабские приветствия и переводит с одного из нас на другого злой оценивающий взгляд.

Они приехали из Наджрана, привезли товар для хозяина местной лавочки. Это здешние коробейники. Они развозят товары и новости, письма и поручения, просьбы и приказания, всем и отовсюду... В кабине рядом с шофером сидит еще один «коробейник». Борода у него белая, и оттого обветренное жесткое лицо его кажется совсем темным. Меж колен он держит автомат. Он не вышел из кабины и бесстрастно наблюдает за происходящим. Молодой йеменец назойливо хлопочет вокруг нас, пытаясь вызвать на разговоры. И даже мы чувствуем, что появление гостей усилило напряжение и нервозность наших шейхов.

Нас не посвящают в суть громких споров, которые идут возле машин. По долетающим до меня репликам я улавливаю, что споры касаются недавних стычек между племенами дахм и абида, а также нашего присутствия здесь, которое оказалось нежелательным. Поэтому, когда после двух часов бесцельного сидения я предлагаю поехать посмотреть еще одни руины поблизости, все охотно соглашаются, чтобы только не оставаться в деревне.

...Скоро Рагван исчезает из виду. Мы едем в северном направлении, по тем же местам, где мы ехали вчера,— то по руслам, то по раскатанной белой колее среди голых холмов. Наконец попадаем на широкое вади и, съехав с дороги, поворачиваем, пересекая его, на северо-восток. Дорога остается слева. Она уходит в Джауф.

Русло ровное и крепкое. Это — северный рукав Вади-Рагвана. Мы мчимся по нему наперегонки к высокому скалистому обрыву на левом берегу. На нем возвышаются целые горы черных камней. Карабкаемся один за другим по склону среди отколовшихся глыб. Наверху веет прохладный ветерок, хотя вокруг здесь

одни горячие камни и палит аравийское солнце. Я снимаю берет, расстегиваю ворот мокрой от пота рубахи и стою, овеваемый живительными струями. Галеви писал, что сами бедуины объясняли ему это поразительное явление так: где-то в песках Руб-эль-Хали есть сказочное море Бахр-эс-Сафи, которое охлаждает воздух; над морем и рождается этот прохладный ветер, дующий сюда из раскаленной пустыни.

В углу совершенно голой скалистой платформы, слегка наклоненной к северо-востоку, расположены руины. Около десятка почти первобытных хижин окружает огромный комплекс древних зданий, сложенных из крупных прямоугольных блоков темного известняка и базальта. Потолочные перекрытия и верхние части построек обвалились внутрь, и издали все это похоже на один большой холм, обложенный по бокам каменными опорами. А скорее всего, это была крепость с высокими массивными стенами, густо застроенная внутри. Она высоко стояла над крутым обрывом, и с ее крыш можно было видеть, наверно, всю долину оазиса. Но «лицом» обращена она была все-таки на юг-юго-восток, в сторону Мариба. Когда-то враг ее был там.

Место это действительно выигрышное для наблюдения и обороны. А у подножия обрыва сходятся русла двух потоков. И люди жили здесь с незапамятных времен. Много раз, видимо, они оставляли его и приходили сюда, может быть, спустя десятилетия. Здесь было поселение бедуинов еще в начале нашего столетия, но Филби застал руины уже необитаемыми. Ему говорили, что жители ушли отсюда после нескольких лет засухи, когда русло не заполнялось водой и даже козы не могли найти себе корма. Сейчас здесь останавливаются только кочующие семьи пастухов со своими стадами, живут недолго в сложенных кое-как хижинах и идут дальше.

На скальной поверхности нахожу выдолбленные углубления для сбора дождевой воды, выровненные площадки для обмолота снопов в круге из камней. Вижу и необычные сооружения из поставленных вертикально огромных глыб, напоминающие мегалиты, и несколько круглых сторожевых башен. Я забираюсь на одну из них, фотографирую и даже снимаю несколько кинокадров, нарушая жесткий запрет шейха

ан-Науфи. Отсюда мне видны и все руины, и примыкающая к ним ограда из валунов по западному краю обрыва, протянувшаяся более чем на километр, и заметенное песками кладбище с могильными холмиками внизу, в долине, к юго-западу от городища, и небольшие поля в низинах вдоль восточной стороны платформы, разделенные оградами, и селение километрах в двух-трех за этими полями на возвышенности.

Мы собираемся уже уходить, как на тропе, идущей от этого селения, показывается группа йеменцев. Передние машут нам руками. Двое ведут под руки худого высокого мужчину в длиннополой шинели. Они спрашивают доктора. Видимо, кто-то из Рагвана утром дал знать им о приезде иностранцев с доктором. Марио подходит к больному, и все обступают их молча. Даже я могу поставить диагноз — он умирает от туберкулеза. Марио щупает пульс, прикладывает ладонь ко лбу, о чем-то спрашивает пришедших йеменцев. Больной молчит, он устал от дороги сюда, нервными движениями поворачивает голову то к одному, то к другому, запавшие глаза его блестят, он судорожно глотает слюну. Мы отходим. Йеменцы упрашивают Марио дать лекарство. Больной делает несколько шагов за нами, он едва держится на ногах, откашливается и молча протягивает в костлявых пальцах платок, густо запачканный кровью. Я слышу, как Марио говорит идущим рядом с ним, что больной скоро умрет и его уже нельзя вылечить. Они испуганно восклицают: «Аллах, Аллах!..»

Мне неловко сейчас расспрашивать про здешнее городище. Кто-то из наших спутников сказал, что место это называется Харибат-Сувалих (Развалины Сувалих). Филби писал, что бедуины именовали его Фадия[23] по названию расположенного поблизости небольшого колодца. В конце прошлого века Э. Глазеру об этих руинах рассказывали, что когда-то здесь поселились бежавшие от истребления из-за междоусобиц жители древнего Нашка, а самое поселение называли Мединат-Хатим-эт-Таи (Город Хатима ат-Таи) в честь

---

[23] Фадия, собственно, и значит «примитивный, неглубокий колодец» (обычно в высоко расположенном водоносном слое).

доисламского героя-бедуина, прославившегося своей самоотверженной щедростью.

Филби не нашел здесь надписей. Местные пастухи отнеслись к нему враждебно — англичан здесь ненавидели,— иначе бы они наверняка показали ему наскальные рисунки, на которые я наткнулся, лазая среди отколовшихся глыб, разбросанных на восточном краю обрыва. Рисунки сильно выветрены и покрыты «загаром». Они изображают горных козлов с длинными изогнутыми рогами и еще каких-то четвероногих.

Но главное, чего не заметил Филби, это — остатки крупного сооружения, находящегося на отдельной скале, вернее, на огромной, отколовшейся от платформы глыбе к юго-востоку от городища, примерно в 100 метрах от края обрыва. По всем признакам это был храм. Я не раз уже встречал руины святилищ древнейеменских божеств, построенных чуть поодаль от поселения. Для этого храма место выбрали эффектное: он был виден всякому проезжавшему по дороге в Маин, или в Мариб, или — мимо — к крепостям, стоявшим ниже по течению вади. Он не сливался с другими постройками и был сам по себе.

Я обхожу его, разглядываю, задрав голову. Вход в него был на северной стороне. От стен сохранилось несколько рядов кладки из массивных, тщательно обтесанных блоков светлого известняка. Храм был белым и, наверное, сиял на солнце. Верхняя часть его сейчас покрыта песком и битым камнем. Подножие скалы завалено обломками строительного материала, кусками колонн и архитектурных украшений. На шершавом, почерневшем от времени выступе скалы у восточной стены храма нахожу и долгожданные «слова», «визитные карточки» древних жителей этих мест — граффити какого-то имени: *ншрм,* а чуть повыше имени — монограмма, обозначающая название одного из главных правящих сабейских племен — зу халиль, игравшего важную роль в ранней истории государства Саба.

Сижу на верху каменного завала, скрывающего остатки сабейского храма, как на убитом медведе, и счастлив: приятно все-таки найти храм! И я равнодушно смотрю, как мои спутники машут мне и кричат возле машин далеко внизу — ничего, подождут! Мне хочется

спокойно насладиться этим мгновением чистой радости на руинах древнего храма, который я нашел где-то в далеком оазисе Рагван, на самой восточной окраине Йемена!

На самой большой моей карте оазис Рагван выглядит огромным. На ней нанесены названия только трех рек оазиса: Вади-Рагван, Вади-Маас и Вади-Халхалан. Из населенных пунктов на карту попали всего два: Фадия и Дурум-Даира. Самого селения Рагван (Асдас) нет, на его месте стоит только черная точка. Теперь я увидел, что Фадия — это Харибат-Сувалих, древние необитаемые руины. А о «селении» Дурум-Даира побывавший в нем Филби писал: «На скалистом косогоре, по другую сторону низины, мы нашли одинокое строение из массивных... грубых и необработанных камней, разделенное на одно большое и два поменьше помещения. Сохранилось лишь три ряда кладки. Площадь всего строения составляла лишь 22 на 15 футов; вероятно, это была сторожевая башня для охраны посевов внизу. На нем не было и намека на надписи. Его называют Даира или Дурум-Даира».

Ниже руин Харибат-Сувалих русло вади[24] отклоняется к востоку. Дороги здесь нет, и мы едем просто по гальке между высокими песчаными берегами, заросшими густым терновником. Это я уговорил всех поехать к «харабе» — «развалине», что лежит возле селения неподалеку отсюда, как нашептал мне наш проводник из Рагвана. Никому не хочется возвращаться в настороженный, ожидающий чего-то Рагван, и, поспорив, покричав, как всегда, все рассаживаются по машинам. Едем на северо-восток.

«Хараба» появляется как-то очень скоро и внезапно. Я даже не успел еще кончить записи о Харибат-Сувалихе. «Развалина» расположена на правом берегу вади. Я вижу черную стену за вершинами ветвистых деревьев, растущих здесь во множестве. Оставляем машины в тени одного из них, настоящего гиганта с толстым корявым стволом и могучей кроной.

Я совсем не ожидал, что вместо заурядной «харабы», заметенной песком, среди бугров и кустарника,

---

[24] Его называют сейчас и Вади-Сувалих, и Вади-Сууд. Глазеру сказали, что это Вади-Фадия; это же название оно носило в 30-х годах, когда здесь был Филби.

увижу целую крепость с башнями. Она стоит на высокой насыпи. Старые обвислые деревья растут у самого подножия. Стены крепости кажутся такими же грубыми и тяжеловесными, как и в Харибат-Сауде: они сложены из брусков базальта и темного песчаника. Бруски все разные — прямоугольные и квадратные, большие и маленькие; между ними попадаются и обломки дикого камня. Строители заботились не о красоте. Да ведь и не эстетическое удовольствие должны были вызывать эти стены!

Мы не успеваем подойти к самой крепости, как на стене ее появляются люди. Слышны женские крики. По дорожке вдоль стены к нам идут вооруженные йеменцы. Мы с Костой немного отстаем от наших спутников, наблюдая за тем, как будет происходить их встреча с местными жителями. И вот нам уже пожимают руки, все улыбаются, нас разглядывают внимательно, но без враждебности. Я спрашиваю, как называется это место.

— Алусахиль...

Смотрю на свои карты, меня обступают, заглядывают в мою книжку, пока я пишу. Это, конечно, аль-Асахиль (Эль-Асахиль). Здесь всё произносят на «у»: вместо Рагван — Ругван, вместо Сауд — Сууд и, наверное, вместо аль-Асахиль — Алусахиль. Древние надписи, кстати, тоже сохраняют некоторые отличия в языке по сравнению с языком надписей других частей Сабейского государства. Нет, Рагван был не просто отдельным оазисом на перепутье древних царств! Нигде больше я не видел и крепостей, построенных так, как здесь...

Мы с Костой уходим, оставляя всю компанию вести свои разговоры. Поднимаемся по каменной осыпи на северной стороне, где стена сильно разрушена. Городище кажется мне очень большим. Коста от возбуждения хлопает меня по плечу: конечно, это замечательная крепость, она гораздо больше, чем Харибат-Сауд, и вообще здорово, что мы поехали сюда! Было бы досадно, побывав рядом, не увидеть одну из древнейших крепостей Южной Аравии.

Внутри городище заметено песком и землей до самого верха стен; наносный слой слегка понижается к середине, и здесь, и вдоль стен видны оплывшие хол-

мы засыпанных руин. Пустынно. Одно солнце царит здесь уже которое столетие. И душевное волнение, и азарт, и любопытство, с которыми я только что взбирался на эти развалины, торопясь взглянуть на образ немыслимо далекого прошлого, сменяются раздражением от нашей постоянной спешки, от этих обзоров на бегу, от бессилия перед молчащими руинами, готовыми открыть все. А мы сейчас уедем, так и не узнав, что́ лежит здесь погребенным под многометровой толщей земли. Наверное, домашняя утварь, оружие, орудия, монеты. Но чьи? Какие? Кто жил здесь? Сколько? Чего достигли жившие здесь? И снова, как в Баракише и в Маине-Карнау, я с завистью думаю о будущих археологах, которые придут сюда, на эти великие руины. И здесь возродится история.

Коста уходит на городище, а я возвращаюсь назад, чтобы пройти вдоль стены и посмотреть, нет ли надписей. Спускаюсь с насыпи в широкую, огибающую крепость ложбину. Наши спутники и хозяева мирно беседуют в тени дерева. Дальше, к западу, видны обработанное поле, зеленые полосы всходов и несколько небольших домов — скорее, хутор, чем деревня. Меня окликают, зовут поговорить, но я бегу к стене, уже издали заметив плиту с надписью. Она находится неподалеку от угла крепости, возле разрушенных и теперь кое-как заложенных камнями ворот. Надпись прекрасная! Она высечена на тесаной метровой плите из темного песчаника, немного оббитой по краям. Едва взглянув на текст, я обмираю от волнения: он очень древний, его автором был мукарриб Сабы Йасаамар. Он жил в конце VIII в. до н. э.

По обе стороны текста высечена та же обозначающая название сабейского племени зу халиль монограмма, которую я только что нашел на скале возле остатков храма у Харибат-Сувалиха. Текст гласит: «Йасаамар Байин, сын Сумухуалая, мукарриб Сабы, воздвиг стену Арарата. Хариб». Он написан бустрофедоном, в две строки, строго вымеренным монументальным письмом.

Во второй половине VIII в. до н. э. эту крепость называли, стало быть, Арарат. Говорю об этом йеменцам, сразу же собравшимся возле меня, едва только я вынул фотоаппарат. Все возбуждены этим неожи-

Надпись мукарриба Сабы Йасаамара Байина о строительстве стены города-крепости Арарат

данным для них открытием. Меня ведут дальше по дорожке вдоль стены: говорят, есть еще две надписи. Теперь уже всем интересно. Но на обеих надписях текст оказывается одинаковым (Йасаамар воздвиг стену Арарата), меняется только последнее слово в тексте: на первой надписи было Хариб, на следующих — Данам и Мархаб. Что означают эти слова, я не знаю, и каждый строит свои догадки[25]. Идущий рядом со мной парень записывает все эти названия на ладони.

Передо мной вдруг появляется высокий йеменец в длинной распахнутой шинели из бледно-зеленого сукна. За плечом у него тяжелая винтовка. Он здоровается со мной за руку, ему что-то наперебой объясняют. Он вежливо улыбается и, загораживая дорогу, объясняет, что фотографировать надписи он не разрешит. Я не спорю, закрываю фотоаппарат и говорю равнодушно, что его запрет не имеет смысла, поскольку еще 100 лет назад здесь проходил ученый-европеец, который прочитал все эти надписи и напечатал их в

[25] Речь идет, конечно, о названиях, которые дал мукарриб построенным башням или куртинам, как это было издавна заведено в Южной Аравии. Этот обычай существовал и в других странах, на Руси в частности, где городским и крепостным башням давали особые названия.

своей книге[26]. Разговор наш заканчивается неожиданно для меня: йеменец, смущенно помявшись, просит, чтобы я записал его имя. Я, конечно, соглашаюсь, и тут он поражает меня, назвав совершенно диковинное имя, показавшее, что я нахожусь на древнейшей земле, где племена, как и крепости, исчисляют свой возраст тысячелетиями. Его звали Заайза, сын Али, внук Арафаджа. Он принадлежал к племени шаддад, входившему в группу племен дахм, к которой относились и племена шейхов ан-Науфи и аль-Кухкуха. И мы окончательно поладили, когда я спрашиваю в шутку, уж не из потомков ли он Антары ибн Шаддада[27], а он с гордостью отвечает, что дело обстоит именно так: они здесь все из потомства Шаддада — отца знаменитого доисламского поэта и героя.

Увидев свое имя в моем блокноте, Заайза, снисходительно похлопав меня по плечу, царским жестом дозволяет мне фотографировать все, что я пожелаю. Но я нахожу всего одну надпись, причем самую неказистую из всех, высеченную на необработанном пласте песчаника. Я спрашиваю Заайзу, что же он дозволяет мне фотографировать. Все вокруг посмеиваются: надписей, видно, больше нет. Тогда он берет меня за рукав, и мы быстро идем вдоль стены, среди бугров и развалов камней, скатившихся со стены. Обходим крепость с севера. Здесь стена разрушена, песок перехлестнул уже через развалины внутрь городища. Надпись, которую показывает мне Заайза, сильно выветрена, многие буквы неразборчивы, и я с кислым видом делаю снимок, измеряю длину плиты, переписываю текст по буквам, и тут только разбираю имя мукарриба — оно совсем другое! Это не Йасаамар, поставивший четыре надписи на западной стене, а Карибаил Ватар, сын Замаралая, неутомимый строитель и воин, утверждавший власть народа и государства Саба

---

[26] Я имел в виду Галеви; позднее я выяснил, что он не был в Эль-Асахиле. Надписи эти скопировал от руки Филби в начале октября 1936 г.; возможно, я был первым, кто их сфотографировал.

[27] Антара ибн Шаддад, знаменитый поэт-воин V — начала VI в., принадлежал к племени абс, кочевавшему в Центральной Аравии, и не имел отношения к Йемену. Он стал героем цикла эпических рассказов «Деяния Антары», и многие племена в Аравии связывали с ним свою родословную.

во многих областях Южной Аравии. Некоторые считают (в своих исторических экскурсах я следую хронологии, принятой Г. фон Висманом в его последних работах), что он послал дары ассирийскому царю Синахерибу в 685 г. до н. э. и имя его попало в царские анналы.

Надпись лаконична: «Карибаил Ватар, сын Замаралая, мукарриб Сабы, воздвиг стену Арарата». По обе стороны текста стоят монограммы племени зу халиль. Только именем мукарриба она отличается от надписей Йасаамара. И вот мне уже кажется ясным, почему стены крепости в Харибат-Сауде так похожи на стены Арарата: они появились в одно время — в конце VIII в. до н. э., их заложил один из великих устроителей государства — Йасаамар, а через 30 лет его дело продолжил мукарриб Карибаил Ватар, построивший в оазисе Рагван несколько подобных городов-крепостей. Они служили ему опорой в борьбе с соседними государствами за господство в богатейшем оазисе. Здесь, возле самих стен, это кажется мне бесспорным, и я рассказываю, как школьный учитель...

Мы двигаемся дальше, выходим к восточной окраине крепости. Мне видна уже вся южная сторона с выступающими башнями, с белыми барханами, поднимающимися чуть ли не до половины стены. Пески лежат далеко вокруг, наверное, до самого Рагвана. И оттуда до нас вдруг доносятся выстрелы — один, другой, пауза и еще два выстрела. Это — условный знак, здешний «телефон», как мне говорят. Значит, в Рагван вернулась наша автомашина, а с ней, возможно, приехал и Ахмед Саад с аскерами; стало быть, мы поедем в Мариб!

Все идут вдоль стены на запад, а я, чтобы просто еще раз показать своим глазам руины древнего Арарата, быстро поднимаюсь по камням в проломе, напоминающем ворота, и, не думая уже о солидности, бегу вдоль стены и через все городище. Оплывшие земляные холмы вдоль стен, груды битого камня, разбросанные повсюду строительные блоки, горы глиняных черепков, серо-желтые бугры на остатках зданий, промоины, образованные дождевыми потоками, неровная белая полоса дороги от стены к стене — все это в мгновение проходит перед глазами. На середине го-

родища знойный воздух неподвижен, и все глухо, как в большой яме. Я задыхаюсь от быстрого бега на жаре, от волнения, что, может быть, сейчас все решится, и ночевать мы будем уже в самом Марибе, и я наконец увижу знаменитую колоннаду храма среди песков, и чудо из чудес древнего мира — Марибскую плотину, и сам город, сердце царства Савского. Ловлю себя на мысли, что как-то невольно связал свою жизнь с тем, увижу или нет новые руины, новые места, найду ли новые надписи, как будто другое уже не могло дать ей смысла и радости, как будто вся прежняя жизнь была подготовкой к этим дням беспрерывного поиска потерянных следов древней цивилизации.

...Последний взгляд на городище, прежде чем спуститься вниз, к автомашинам, стоящим под деревьями. Стены крепости очень толстые — 1,5 метра, местами, наверное, 2 метра. Верхняя часть их почти везде разрушена, и камни раскатились до самой середины. Как и в Хабират-Сауде, здесь нет поздних построек; веками стоит крепость необитаемой, и кто знает, какая судьба ожидает ее в будущем.

У западной стены замечаю несколько жалких хижин, почти землянок, построенных из обломков камней и сырцового кирпича на занесенных руинах. Из отверстий в плоских крышах курится дым, толпятся полуголые дети, прыгают и лают собаки, слышны возбужденные женские голоса. Здесь живут самые нищие, самые бесприютные — на руинах древнейшего города!

В МАРИБЕ

Мы выезжаем из Рагвана в полдень. Суматоха неописуемая! Никто не может толком объяснить, что же узнали наши посыльные. Все бегают, кричат. Прощаемся на ходу с нашими шейхами. Они будут ждать нас здесь, в Рагване. Мне вдруг стало жалко, что не будет с нами ни вечно озабоченного ан-Науфи, ни бесстрастного, как индеец, аль-Кухкуха, ни Мухаммеда аль-Адхами, по-братски опекавшего меня. С ними было надежно. Теперь мы одни, среди незнакомых.

Провожающие бегут за нами и, пока мы крутим

между домами, успевают выстроиться на косогоре, где стоит старое ветвистое дерево и дорога идет вниз по склону. У меня сжимается сердце. Я машу рукой и еще успеваю увидеть, как шейх ан-Науфи трясет в ответ винтовкой. Со мной в машине едут Руэгг и несколько йеменцев с оружием,— как я понял, свита уверенно севшего рядом и оттеснившего меня к шоферу молодого шейха. Впереди, на пятнистом исцарапанном грузовике «меркурий», едут шейх — он постарше моего соседа,— доктор Марио и Коста. Это — грузовик шейха. На номерном знаке после цифр написано «город Рияд». Издалека грузовик! Пятеро вооруженных аскеров стоят в кузове, вцепившись в раскрашенную металлическую решетку, которыми здесь надстраивают борта грузовых машин. Сквозь рев мотора доносится их пение. Ветер раздувает полосатые шарфы, подолы длинных рубах и юбок. На поворотах я вижу в кабине возбужденное улыбающееся лицо Косты. Он машет мне рукой. Мы едем в Мариб!

Проехав немного, мы вдруг круто сворачиваем на юг со старой караванной дороги, уходящей на восток, в Мариб. Почему? Куда мы едем? Шофер снисходительно хмыкает — «увидишь!» Мы с ним не подружились, хоть сидим рядом уже который день. Служба в миссии ООН развратила его, бывшего солдата-добровольца. Он возил самого резидента и привык уважать только тех, кто замечает его лишь как слугу. Эту поездку, без чаевых, с ночевками в машине или на затасканных тюфяках, с ездой по бездорожью, в жаре, в пыли, в постоянном предчувствии близкой опасности, он посчитал незаслуженной обидой для себя. С тех пор как в дороге я налил ему чаю из своего термоса и отломил половину своего бутерброда, он стал со мной запанибрата, и я уже не раз пресекал его фамильярность.

Некоторое время мы едем по Вади-Рагван. Собственно говоря, это не одно русло, а несколько рукавов, разделенных островками наносной земли, песка и галечника, густо поросшими деревьями и кустарником. Кое-где среди кустарника стоят черные бедуинские палатки с длинными растяжками. Два-три небольших стада коз, охраняемых черно-белыми собаками, попадаются нам навстречу. Кудлатые, в черном тряпье па-

стухи-бедуины бдительно разглядывают нас. Интересно бы послушать, что они расскажут сегодня о машинах с европейцами, промчавшихся мимо из Рагвана. А какие толки поползут потом в пустыню от палатки к палатке?!

Я разговариваю с молодым шейхом, и он отвечает мне с достоинством. Мы едем, оказывается, в усадьбу Бейт Кулан, мы — гости хозяина усадьбы, шейха Мабхута, вождя племени джидан, а сам он — сын шейха Мабхута. Его зовут Рабиш. Я оживляюсь — это интересно: джидан — старинное бедуинское племя, живущее в этих краях с незапамятных времен. Его родам и коленам принадлежат обширные территории между Рагваном и Марибом. Люди этого племени занимаются разведением верблюдов и коз. А у вождей племени джидан есть постоянное занятие — быть посредниками между враждующими племенами дахм и абида.

Не помню, чтобы кто-нибудь из европейцев проезжал по этим местам, и теперь у меня ни минуты свободной, чтобы смотреть безмятежно на мир вокруг, отдаваясь тихому ликованию в душе. Молодой шейх охотно отвечает на мои вопросы, и я веду записи, стараясь не пропустить ни одной примечательной детали. Рисую карту, он говорит мне названия потоков, долин, отдельных холмов — у бедуинов все имеет свои названия, чуть ли не каждый большой камень или группа кустов.

Местность здесь открытая, степная, неровная. И земля, и небогатая растительность — почти безлистые кустарники, жесткая трава, верблюжьи колючки, одинокие деревца тамарисков — все покрыто песчаной пылью, которую несут ветры, дующие в конце лета и всю осень из Руб-эль-Хали. Пустыня здесь совсем рядом; из машины мне видны белые холмы на востоке. Они тянутся на юг, где вдоль горной гряды, тоже черной, возвышаются крутые черные конусы вулканов. За грядой находится Мариб.

Дорога уходит все дальше и дальше на юг, иногда отклоняясь к западу. Мы поднимаемся на пологие косогоры, пересекаем неширокие и мелкие русла, покрытые галькой; нам попадаются пасущиеся на свободе верблюды, сухой горячий ветер бьет в лицо, обжигая кожу. Все оживлены, говорят о каких-то делах, что-то

вспоминают, но мне никак не сосредоточиться. Меня охватывает ощущение глубокого покоя и душевной полноты — впервые после Баракиша.

Медленно приближается серый хребет Джебель-Хайлан, который я утром разглядывал из Рагвана. Он делается все выше и выше, загораживая небо. Скоро я уже различаю многочисленные расселины по склонам и высокие деревья у подножия. Приближение гор чувствуется и в заметном повышении поверхности земли. Все чаще попадаются русла высохших ручьев и неглубокие овраги между пологими возвышенностями. Ближе к горам зеленеют небольшие поля и пальмовые рощицы.

...Русло большого потока, почти реки. На нем даже растут кусты и одиночные деревья. Это — Вади-Хурайба. На карте его нет, и я рисую пунктирную линию на сплошном светло-желтом поле, обозначающем пустыню. На самом деле в этой части долины песков нет, они дальше к востоку.

Мы держим направление на гладкие серые холмы впереди. Видно, как дорога поднимается по склону. На вершине стоит несколько домов. С грохотом проскакиваем по каменистому руслу, огибающему подножие холма; еще несколько минут — и мы уже въезжаем через ворота в глинобитной ограде на двор большой усадьбы. Это и есть Бейт Кулан — усадьба шейха Мабхута Наджиба, вождя племени джидан. В ней три высоких жилых дома и длинное прямоугольное помещение, как мне говорит Рабиш, для приема гостей и для племенных советов. Мы останавливаемся напротив него, у широкого крыльца.

Шейх Мабхут встречает нас на крыльце, зычным голосом выкрикивая приветствия. Он в шамбалах на босу ногу. Среднего роста, грузный. Большой живот выпирает над поясом с кривой серебряной джамбией. Не переставая кричать приветствия, он спускается к нам, каждому пожимает руку, каждого оглядывает внимательнейшим образом. Ему под шестьдесят. Он прихрамывает. Покрытое шрамами и морщинами обветренное лицо темное, как у большинства жителей этих мест, а мохнатые брови и борода — снежно-белые. Это истинный шейх, вождь и хозяин, неугомонный, шумный и властный. Он отдает на ходу распо-

ряжения слугам и домашним, шутит со всеми, спрашивает нас о здоровье, прикрикивает на путающихся под ногами детей. Его сильный диковатый голос царит и на дворе, и в доме, куда он нас ведет. Он всюду и главный, и первый.

Двор усадьбы весь в движении. Бегают слуги, йеменцы и негры, не пожелавшие оставить шейха, когда отменили рабство. Кроме наших автомашин во дворе стоят два тяжелых грузовика с крашеными железными бортами и японская «тойота» для разъездов. Тут же и верблюды, и мулы, и пирамиды высушенных навозных «брикетов», и груды хвороста, и мешки, и желтые снопы. В усадьбе живут около 50 человек — семья шейха и челядь. У него 11 сыновей и 8 дочерей.

Нас ожидали здесь еще вчера. Глава союза племен нихм, тогдашний губернатор Ходейды — шейх Синан Абу Лухум прислал в Мариб телеграмму, в которой предлагал признававшим его шейхам проявить лояльность правительству и помочь губернатору Мариба в обеспечении безопасности миссии ООН. Телеграмму привезли из Мариба в Бейт Кулан вчера на попутном тракторе, и шейх Мабхут сразу же разослал своих людей на дороги, ведущие в Джауф. Его посланец уехал вчера из Рагвана незадолго до нашего приезда. Аналогичные телеграммы были посланы и шейхам племени абида, но от них ответа пока еще не было. Положение осложнялось недавней стычкой между людьми из абида и из дахм, о которой нам рассказывали в Рагване. Из-за нее губернатор Мариба и не мог приехать в Рагван. Сейчас он где-то неподалеку, и за ним уже послали гонца.

В честь нашего приезда шейх Мабхут готовит пиршество, на которое он пригласил именитых соплеменников и вождей соседних племен. Гости начали прибывать, едва только мы вошли в помещение для сборищ. Окон в нем нет, и свет идет только из широко распахнутой двери. Гости входят по очереди, каждый сбрасывает обувь в общую кучу, вешает винтовку на палки, торчащие из стен у двери, и степенно движется в обход сидящих, здороваясь за руку, произнося приветственные формулы. Так они и идут гуськом, лохматые, в полосатых и клетчатых юбках, с перевязью через плечо. В зале стоит гул. Собралось больше 60 че-

ловек. Хозяин решительно расхаживает взад-вперед посередине, выкрикивая зычным голосом приветствия приходящим, называя каждого по имени, и благопожелания, и вопросы о новостях. Гости отвечают твердыми, заученными голосами, монотонно, стандартными, всем известными фразами.

Перекличка возобновляется, когда все рассаживаются. Теперь уже этот обмен информацией напоминает викторину, в которой шейх Мабхут играет роль «затейника»: он выкрикивает вопрос и кто-то отвечает на него, другой уточняет или опровергает. Спрашивает о политических событиях в Йемене и за его пределами, о событиях внутриплеменных, о том, кто и откуда прибыл, кто и что слышал, где кто пасет скот сейчас и т. д. Отвечают иногда складной скороговоркой с ритмом и даже рифмой, в быстром темпе, и если не вдумываться в содержание, то все это можно принять за турнир жизнерадостных острословов. То и дело раздается громкий хохот в ответ на остроумную реплику или, наоборот, на неуклюжий ответ. И хотя причиной сборища были мы, никто о нас не заговаривает и даже как бы не замечает. Слуги разносят чайники и подносы с гранеными стопками. Наливают светлый кофе с имбирем без сахара, а после него — сладкий чай.

О появлении Ахмеда Саада, губернатора Мариба, узнаю по шуму, который вдруг возникает в зале. Кое-кто встает, шейх Мабхут, прихрамывая, гукая приветствия, идет навстречу. Ахмед Саад — в полувоенной одежде из хаки: юбка и френч с набитыми карманами. Ему лет 35, он худощав, подвижен, лицо обветренное и жесткое, как у спортсмена-ветерана. Он входит быстрым шагом, зорко оглядывает всех одним поворотом головы. Шейх Мабхут ведет его в середину правого ряда. Там вскакивают, освобождая место. Свита Ахмеда вваливается за ним гурьбой, весело и шумно толкаясь, разувается и только тогда утихомиривается. Вступает в силу вековой ритуал. Они здороваются, проходя вдоль сидящих, и лишь потом быстро рассаживаются, кто где.

С приходом каида Ахмеда в зале все переменилось. Теперь уже никто не балагурит. Вдруг вспыхивает настоящий митинг. Здесь, оказывается, все возмущены тем, что правительство послало сюда иностранцев, не

получив предварительного согласия племен. Некоторые требуют вернуть нас в Сану. Крики и споры продолжаются довольно долго. Мы молча ждем решения.

Наконец шейх Мабхут объявляет, что он исполнит просьбу Синана Абу Лухума и окажет гостеприимство представителям Объединенных Наций. Он еще долго разглагольствует о своей лояльности правительству и республике, несмотря на то что всю жизнь свою воевал на стороне имама, что все его тело изранено республиканскими пулями и осколками, показывает всем свою криво сросшуюся ногу, закатывает рукава рубахи и обнажает багровые шрамы, но главное уже сказано. Во весь свой голос он еще раз выкрикивает приветствия гостям и велит подавать обед. Слуги-негры, голые до пояса, в одних юбках, вносят огромные подносы с наваленными грудой кусками мяса. Шейх Мабхут хватает их с подноса, рубит на весу ударом ножа и бросает наиболее почтенным гостям, начав с нас.

...В Мариб нас везут уже совсем одних: шоферы и аскеры из Саны остаются в Бейт Кулане с нашими автомашинами. Марио и Коста едут вместе с Ахмедом Саадом на его красном, похожем на таксу, приземистом «додже» со станком для пулемета на крыше. Мы с Руэггом втискиваемся в кабину «меркурия», который нам предоставил шейх Мабхут. Только эти мощные грузовики могут пройти через пески. Около двух десятков вооруженных аскеров забираются в кузовы обеих автомашин. Шейх Мабхут в белых одеждах, обутый в пыльные ботинки, с винтовкой за плечом, стоит на крыльце, окруженный сыновьями и своими аскерами. Гости толпятся возле крыльца и во дворе. Некоторые начинают разъезжаться, и по дороге уже мы видим столбы пыли за их автомашинами то там, то здесь в необъятно широкой равнине.

Почти четыре часа дня. Мы лихо, как на гонках, скатываемся с холма и направляемся на восток. Дорог здесь нет, машины на большой скорости мчатся по твердому лессовому грунту, лишь слегка припорошенному песчаной пылью, объезжая небольшие возвышенности и рытвины. К востоку от Бейт Кулана равнина повышается ступенями, и нам приходится искать объезды. Всюду сухая жесткая степь, сизые колючки и полынник. Раз или два нам попадается безотрадная акация,

напоминающая усохшего кривобокого нищего под ветхим плоским зонтиком.

Полуденная жара изнурительна. Все неподвижно. Все словно вымерло. Но мы зноя не чувствуем — в кабине гудит ветер.

Неожиданно попадаем в странный мир, казалось бы, несоединимых явлений: вулканы на плоской серой равнине, как черные стога, окружают нас теперь со всех сторон, жерла кратеров обращены на восток-юго-восток, но лавовых полей не видно; большие, по-осеннему пустые деревья со спутанными ветвями и тут же — высокие песчаные холмы; пятнистые козы пасутся среди кустов на широкой зеленеющей поляне. Стоит особенная тишина, и эхо разносит в подступающих горах и рев моторов, и выкрики поющих аскеров.

Теперь мы едем вдоль высоких скалистых гор, за которыми должна быть Марибская долина. Одиночные вулканы стоят здесь среди нетронутых ребристых песков. Отсюда пустыня тянется на восток до горизонта. Наши «вездеходы» не смогли с разбегу осилить подъем на бархан, мы вползаем на него «на четвереньках», метр за метром, подкладывая металлические маты с шипами, разгребая горячий девственный песок кто лопатами, а кто и руками.

Полоса песков не широкая, они прорвались от пустыни к горам длинной грядой холмов. С двумя аскерами я прохожу ее пешком. За ней опять идет твердая каменистая почва, а от последнего бархана к узкому проходу между отвесными кручами тянется дорога. Мы едем по ней, как по коридору, наполняя все ужасающим грохотом. Здесь тень и прохладно. Черное, пустынное ущелье сплошь покрыто кусками лавы, обломками вулканических глыб и базальтовым щебнем. Несколько тамарисков, таких же черных, как и земля вокруг, кажутся экзотическими растениями. И равнина на выходе из ущелья тоже выглядит, как старое пепелище, страшное и безжизненное. По ней с гор на юг прошла лава, и с тех пор здесь вечная пустыня.

В передней машине начинают сигналить. Она разворачивается к нам боком и тормозит. Останавливаемся. Все выходят. Я лезу в кузов. Впереди, далеко на юг и восток, расстилается холмистая серая равнина, окаймленная с запада дугой пологих спокойных гор. Она вся

какая-то горбатая, в кочках, везде кустарник, местами острова сплошных зарослей. На востоке, вырвавшись из полукружия гор, она растекается во все стороны и на горизонте сливается с сине-малиновым вечерним небом. Там граница земли и неба уже неразличима. На высоком круглом холме, километрах в пяти от нас на юг, темнеет силуэт города с неровными башнями. Это — Мариб.

Он похож отсюда на за́мок из сказки. Он и на самом деле таков, таинственный, недостижимый, возникший на руинах города царицы Билкис, царицы Савской, ездившей будто бы отсюда в далекий Иерусалим испытать мудрость Соломона. Немногие и в Йемене видели Мариб своими глазами. Большинство знают о нем по красочным легендам о царице Билкис и по изображению на банкнотах, по старинному преданию о разрушении знаменитой Марибской плотины, якобы вызвавшем переселение йеменских арабов во все концы Аравии.

Мы с Костой просим губернатора отсюда сразу направиться к Марибской плотине. Кто знает, удастся ли нам сделать это завтра. Неожиданно для нас Ахмед Саад сразу соглашается. Это плохой признак: выходит, он не уверен, что сможет завтра повезти нас туда.

И мы едем в Марибскую долину, потом уже по самой Марибской долине, перебравшись через русло широкого Вади-Саила, отделяющего долину от предгорья. Мы едем на запад вдоль отвесного желтого берега, изрезанного оврагами через одинаковые промежутки. Это и есть знаменитые поля древней Сабы. Разделявшие их когда-то отводы от основного оросительного канала давно уже превратились в овраги. Спускаемся в такой овраг — сюда поворачивает дорога, и вот уже наши автомашины с зажженными фарами с ревом ползут вверх по крутому тесному каньону в облаках тяжелой вязкой пыли.

Мы с Руэггом сидим, прижавшись друг к другу. Шофер наш, молчаливый шейх с бронзовым лицом, вцепился в руль. Впереди ничего не видно, перед глазами мгла. Колеса идут по глубокой колее, им не свернуть в сторону, даже если повернуть руль, и мы со страхом ждем, что вдруг колея окажется глубже, чем надо, и мы сядем здесь в пыли, в тесном каньоне, в начале вечерних сумерек, так и не увидев знаменитой плотины.

Выезжаем наверх, как из большой норы, и пыль остается сзади. Вокруг — пустая незнакомая равнина, прозрачный воздух, вечерняя тишина. В косом освещении от низкого солнца все — кусты, кочки, камни, простой комок ссохшейся земли — дает длинную тень.

По равнине идет дорога, и, следуя по ней, мы попадаем на середину гладкого песчаного русла Вади-Зана. Здесь отвесные горы расступаются, и широкая, почти в полкилометра, река выходит — когда в горах выпадают дожди — в Марибскую долину.

Это как раз и есть то место, где в древности реку перегораживала мощная дамба Марибской плотины, направлявшая стремительные воды вправо и влево в искусно сооруженные шлюзы и оттуда дальше — по каналам и отводам от них — на поля и сады, окружавшие столицу Сабейского государства.

Не вижу никаких следов плотины. Русло — ровное, как футбольное поле. Плотина, по-видимому, была разрушена землетрясением около середины VI в. Она простояла больше 1000 лет, и больше 1000 лет — тысячи! — давала воду, оживлявшую землю. Много раз землетрясение и могучий шквал воды разрушали дамбу, и тогда цари собирали сюда людей и животных тесать и укладывать камни, носить землю и щебень, и дамба возникала вновь.

Последний раз Марибскую плотину восстанавливал в 543 г. Абраха — бывший наместник эфиопского царя в Йемене, принявший потом титулы древних царей страны: «царь Сабы, и Зу Райдана, и Хадрамаута, и Йаманата, и их арабов в горах и на равнине». Тогда к ремонту плотины были привлечены тысячи людей, для пропитания которых понадобились 200 тыс. овец и коз, 300 верблюдов, 3 тыс. быков, груженных «питьем из винограда», 50 тыс. мешков муки, 26 тыс. тюков фиников и т. п.

Наконец настало время, когда сделать это было уже некому: не осталось царей, властных собирать строителей, и свободные воды хлынули на поля, превратив скоро все в бесплодную долину. Песком и илом затянуло следы дамбы, будто и не было ее, будто это всего лишь легенда. И тогда пророк Мухаммед произнес свои слова о конце южноаравийской цивилизации: «И было же знамение [народу] Саба в их обиталище: два сада —

[один] справа, [другой] слева... Ешьте же то, чем наделил [вас] Господь ваш, и благодарите Его! Страна благая и Господь милосердный! Но они уклонились [от благодарности], тогда Мы послали на них разлив потока плотины и вместо тех двух садов их сделали им два сада с плодами терновника, тамариском и сидром немногочисленным. Таково воздаяние Наше им за то, что они не веровали!»

Мне это казалось легендой. Но вот на скале и по сей день возвышаются длинная стена с овальными углами — удивительной плавности этот овал! — и квадратная башня, и все это похоже на крепость. Это — южный шлюз плотины, который начали строить около середины VI в. до н. э. по приказу мукарриба Сабы Сумухуалая Йануфа, отца Йасаамара Байина, строителя стены Арарата, продолжившего все начинания своего отца. Может быть, дамба существовала и раньше, но то, что воздвигли здесь эти два мукарриба Сабы, отец и сын, явилось одним из выдающихся достижений технической мысли древности. Именно в этом виде Марибская плотина стала символом всей древнейеменской цивилизации...

На северной стороне русла вдоль подножия отрога растут большие кусты и деревья. Быстро забираемся на вершину отрога. Отсюда хорошо видны и остатки плотины, и весь оазис в мертвенно-белом сиянии. До темноты остаются уже минуты. Ахмед Саад показывает на ярко освещенные последними лучами солнца стены и башню северного шлюза. От русла к нему ведет узкий извилистый проход среди скал. Виден идущий от шлюза на восток канал, похожий теперь на длинную земляную насыпь, а еще дальше — холм с темными башнями, уже затянутый синевою. Это — Мариб.

Пока была плотина, вода шла по каналам на поля, и русла вади как такового не существовало. После прорыва плотины река хлынула, размывая рыхлый грунт, и за 1400 лет, прошедшие со времени разрушения плотины, ложе реки, несмотря на регулярные наносы песка и ила, опустилось не менее чем на 3 метра. То же самое произошло и с руслом Вади-Саилы на другой стороне полей. И теперь пространство между обоими руслами — древнейшая часть Марибского оазиса —

оказалось немного выше и напоминает вытянутый плоский остров с отвесными берегами.

От плотины возвращаемся в сумерках. Дорогой нам служит след от колес «доджа» Ахмеда Саада. Едем по руслу Вади-Зана, вдоль крутого левого берега. Быстро наступает ночь.

Долго кружим по долине среди барханов, среди заметенных почти до половины кустов. Машины с трудом взбираются на песчаные холмы, фары освещают сплошной белый песок и холмы впереди. Далеко по сторонам показываются и пропадают тусклые огни в селениях. Ахмед Саад уезжает куда-то, и мы остаемся ждать его среди барханов, в зарослях высокого кустарника. Время от времени шейх-шофер включает фары, чтобы губернатор не потерял нас в темноте.

Выхожу из кабины, и сразу слух наполняется сухим, идущим на высокой ноте стрекотанием цикад, таким привычным, что оно само и кажется тишиной. От земли еще тянет теплом, но лицо уже ощущает ночную прохладу. После многих часов езды в машине, тряски, шума, нескончаемых разговоров, постоянного напряжения покой, царящий вокруг, будоражит и даже пугает. Бездействие тяготит.

Ждем очень долго. Я начинаю зябнуть. Аскеры в одиночку или по двое уходят куда-то в темноту, возвращаются, снова уходят, шушукаясь. Все говорят почему-то вполголоса, словно боясь чего-то, но у меня уже нет сил ни пытаться понять, что происходит, ни спрашивать о чем-нибудь. Я весь переполнен невероятной мыслью, что я здесь, в Марибе, о котором, мне казалось, можно было лишь писать или говорить, как о жизни литературного героя. Но вот я разгуливаю по его земле, разглядываю его небо, такое низкое и огромное, наполненное шевелящимися белыми звездами. Стоило жить, чтобы наконец наградить себя этим мгновением.

...Ночуем в резиденции губернатора, в небольшом, как почти все селения в Марибском оазисе, хуторе Рамса. В комнате для гостей, узкой и длинной, вдоль стен разложены новые тюфяки. Прямоугольные жесткие валики делят их на отдельные «кабинеты». Кроме нас, приехавших с нами из Бейт Кулана людей шейха Мабхута и аскеров губернатора сюда собрались, наверное, все жители Рамсы и ближних хуторов. Сесть уже неку-

да, и приходящие жмутся в дверях, стоят вдоль стен. «Петромаксы» освещают живописную картину сборища. Глазам больно от нестерпимо белого света. Шипение ламп убаюкивает.

Мы невероятно устали, и Ахмед Саад сочувственно качает головой, но ритуал приема гостей свят. Пьем горький кофе с имбирем, а потом сладкий чай. Босые аскеры в зеленых юбках разносят алюминиевые миски с ужином. Трудно дышать: все курят беспрерывно, передавая друг другу мундштук кальяна, перебрасывая пачки сигарет.

Губернатор произносит одну речь за другой. Нас приветствуют как «первую миссию ООН на исторической земле Мариба», как людей, которые представляют «не корыстные интересы одной страны», а «заботу мира о нуждах своих собратьев». Он упоминает о врагах, которые пытались помешать нашему прибытию, распространяя вздорные слухи о коммунистах, якобы едущих сюда для пропаганды революции и неверия.

Ахмед Саад — прекрасный оратор и умелый дипломат. Нелегко ему выполнять здесь свои обязанности, жить в этом доме, единственном на сотни верст вокруг доме с республиканским флагом, на самом краю страны, на перепутье между тремя враждующими государствами — Саудовской Аравией, НДРЙ и ЙАР, с горсткой солдат, среди племен, не признающих ничьей власти, беспокойных и подозрительных, готовых на самые неожиданные действия.

Наш приезд принес ему много забот. Он оказался очень некстати: среди племен неспокойно, происходят стычки, монархисты тайно подстрекают их к выступлениям против правительства, ближайшая дорога из Мариба в Сану через Сирвах — Джихану занята мятежными племенами шейха аль-Гадира. Наше появление может нарушить и без того шаткое равновесие сил, которое каид Ахмед с таким трудом создавал и поддерживал. Но он мужественно исполнял свой долг.

ТРЕВОЖНЫЙ ДЕНЬ В ДОЛИНЕ САБА

27 декабря 1970 г.

В Марибе встают поздно, часов в семь-восемь, и только к девяти утра жизнь начинает входить здесь в обычную колею. Каид Ахмед объяснил мне это нездоровой утренней сыростью и холодом.

Над оазисом стоит плотная пелена тумана, синий дым стелется поверх него. Багровое солнце, еще холодное, поднимается над серой пустыней. На влажном песке лежат тени от высоких домов, от наших автомашин.

В хуторе Рамса всего несколько глинобитных домов и хозяйственных построек. Пески начинаются сразу за ними. Дом каида, высокий и массивный, похож на крепость. Возле бойниц в ограде на крыше стоят два зачехленных пулемета крупного калибра; тут же, в углу, торчит длинная кривая палка с трехполосным флагом, служащая одновременно и антенной для рации. Раз в день каид Ахмед включает движок, сам садится за аппараты и проводит сеанс связи с Саной.

Еще вчера вечером мы уговорились с каидом Ахмедом, что не будем без нужды показывать свой интерес к одним древностям: нас могут заподозрить в неискренности. Действительно, здешним крестьянам и бедуинам, думающим о воде и хлебе, трудно поверить, что четыре европейца пустились в такой дальний, нелегкий путь только затем, чтобы взглянуть на полузасыпанные развалины. Каид и сам, наверное, не очень-то твердо верит в это. Это было бы слишком далеко от его теперешних забот и его представлений о мире. К тому же он — местный. Родной дом каида и его земля находятся поблизости, в усадьбе Хизма. И он заранее объявил всем, что мы занимаемся проектами орошения, организацией больниц, школ и подготовкой рекомендаций по этим вопросам для правительства и представительства ООН. Ахмед Саад знал, что это действительно входит в задачу миссии, да только не хуже нас понимал, как мало надежд на то, что кто-то сейчас даст деньги — а нужны большие суммы — на возрождение былого процветания далекого оазиса на краю света. Разве что интерес к знаменитым руинам поможет обратить внимание правительства, ООН, ЮНЕСКО и на нужды живых!

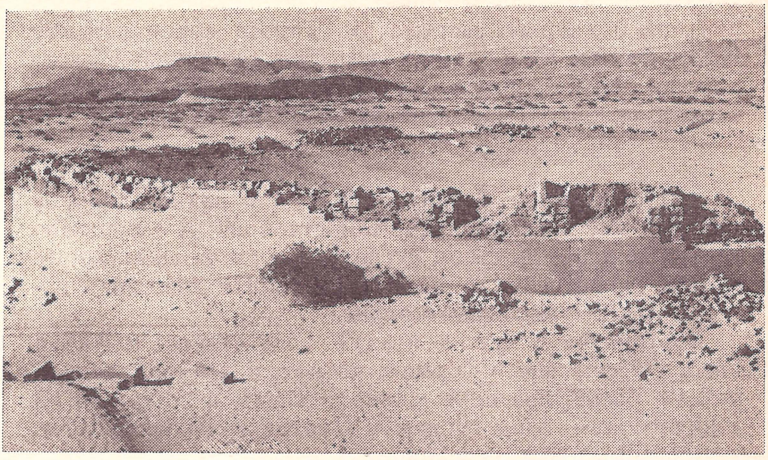
Первым «европейцем», увидевшим Марибскую долину и ее памятники, был Элий Галл, префект Египта. Шесть дней он осаждал Мариб и вынужден был отступить. Город был хорошо укреплен, а болезни, жажда и усталость подорвали боевой дух завоевателей. Элий Галл был и единственным из «европейцев», видевшим Мариб, храмы вокруг него, великую плотину, поля и сады целыми. Но никаких его описаний Мариба не сохранилось.

Все это увидели снова — уже в виде руин и «памятников» — в 1589 г. два португальских монаха-иезуита, попавших в плен к арабам во время кораблекрушения у берегов Аравии, возле о-вов Куриа-Муриа. Они первыми осматривали стоявшие среди песков развалины храма сабейского бога Луны Альмакаха и увидели плиты, покрытые древними письменами, которые никто не умел читать. Один из монахов, отец Паэс, позднее описал свои злоключения в Аравии. Он не только первым связал руины марибского храма, которые и по сей день йеменцы называют Махрам Билкис (Святилище Билкис), с царицей Савской, но и первым отождествил Южную Аравию с царством Савским. К сожалению, записки отца Паэса почти 300 лет пролежали в архиве иезуитов и его открытие долго оставалось неизвестным в Европе, иначе изучение южноаравийской цивилизации началось бы намного раньше.

И вот в 1843 г., в середине июля, в самую жару, в Марибскую долину приехал с попутным караваном бывший армейский фармацевт Жозеф Арно, добровольно избравший участь мученика от сабеистики. Он считал себя первым европейцем, увидевшим древности в самом сердце Сабейского государства. На самом деле, он был, наверное, первым оценившим их значение для науки. Арно пробыл в Марибе три дня. Его здесь унижали как «неверного», ему угрожали смертью и мешали делать то, ради чего он приехал сюда, его не оставляли в покое ни одной минуты, от зноя он едва не терял сознания.

После него в Марибской долине побывал Галеви, которому здесь было не многим лучше Арно, и он должен был бежать, не завершив работы.

Глазеру удалось прожить в Марибе почти месяц (конец марта — апрель 1888 г.). Он первым объехал всю долину, составил карту, сделал чертежи и по-



Овальная стена знаменитого храма Аввам бога Луны Альмаkаха близ Мариба

дробное описание главных памятников. Его покровителями были марибские шерифы; губернатор Мариба, тоже шериф, оказывал ему всяческую поддержку. Но и шерифы не смогли защитить его от бедуинов из племени абида. Те заподозрили, что Глазер копирует надписи и рисует чертежи для того, чтобы найти сокровища древних царей. Он вынужден был уйти из Мариба. Неподалеку от Рагвана он попал в засаду и едва не погиб.

Почти через 50 лет сюда приехал один сирийский журналист; в бинокль долину разглядывал с соседней горы Г. Филби, не рискнув спуститься; потом, в мае 1947 г., неделю здесь жил Фахри, бедуины и его заставили уйти из Мариба, хотя он был араб.

В конце 1951 г. на раскопки марибского храма прибыла экспедиция Уинделла Филлипса, а уже в феврале 1952 г. она спешно покинула Йемен, бросив значительную часть снаряжения и научных материалов. Бедуины и пески снова стали безраздельными обладателями научных тайн и настоящих сокровищ Марибской долины. И ореол тайны вновь на многие годы окружил имя Мариба.

И сколько бы ученых и путешественников ни при-

ходило в Марибскую долину, она каждому казалась увиденной впервые именно им. Такова магия истинно исторических мест. Новые находки возбуждали надежды на новые открытия, и они действительно оправдывались, рождая и новые надежды, и новые загадки.

...И с крыши губернаторского дома долина Мариба кажется мне захватывающе таинственной. Я оглядываю ее, и в каждом песчаном бугре мне чудятся засыпанные руины, даже воздух, пахнущий сырым холодным песком, кажется необыкновенным.

Завтракаем в «узком кругу» — мы четверо и Ахмед Саад. Он еще «не в форме»: небрит, в длинной ночной рубахе, босой, выглядит очень усталым и жалуется на «трудности» — этим словом в Йемене называют любые неурядицы вплоть до мятежа.

Говорим о планах на предстоящий день, и Ахмед не может сказать нам ничего ободряющего. Люди здесь взбудоражены разными слухами на наш счет, и трудно сказать, как повернутся события. От осмотра самого города Мариба, видимо, нужно отказаться: это и опасно — там много мин, и люди будут недовольны.

Мариб сейчас пуст. В его нескончаемо долгой истории опять наступила мрачная полоса. Во время войны многие здания были разрушены, некоторые дома заминированы, и жители ушли из города. Пострадала и старая мечеть-масджид Сулейман, перестроенная из древнего храма. Не существует и марибского музея: его экспонаты растащены. Древний Мариб мертв сейчас. Бóльшая часть жителей его переселилась на хутор Хусун Ал Джалал, расположенный на северо-востоке долины. Он быстро превращается в новый Мариб. Здесь строят дома, лавки. Сюда теперь ведут все дороги.

Мариб в древности был обнесен каменной стеной с башнями и четырьмя воротами. Территория внутри стен была застроена дворцами и храмами. Я вижу все это на фотографии Мариба, сделанной с самолета. Земляные холмы, очертания древних зданий, воронки от бомб, упавших сюда,— древность и современность! Здесь была резиденция царей Сабейского государства.

Марибская плотина орошала поля и сады вокруг Мариба, давала жизнь всему огромному оазису. В ней

человек возвысился до стихии, подчинив ее своим нуждам.

В стороне от города и от плотины находился главный храм Сабейского государства, храм бога Луны Альмакаха, называвшийся Аввам. Государь, плотина и божество жили порознь, каждый имел свою территорию. Их нельзя разделять: когда их разделили, они погибли, но они все-таки находились в разных местах. И это, конечно, способствовало долголетию цивилизации, стоявшей на этих трех основаниях.

И я говорю Ахмеду Сааду, что мы должны посмотреть то, что осталось от Харам (Махрам) Билкис — так стали называть храм Аввам после распространения ислама, когда забыты были не только события древней истории, но и сам образ ее, когда прервалась связь времен, когда благодаря Корану единственным символом древности стала царица народа Саба, неизвестно кем названная Билкис.

...Мы въезжаем в небольшое селение из бедных сырцовых домов и останавливаемся возле старого колодца, выложенного тесаными камнями. Нас здесь уже ждут. Деревню называют Микраб, это — хутор рода Ал Фуджайх. Дом возле колодца принадлежит хозяину хутора, вождю племен и родов, живущих по южному берегу Вади-Зана, шейху Али аль-Ираде. Около полутора десятков грузовых автомашин разных марок стоит на площадке перед домом и в соседних переулках. Сюда собрались шейхи всех семи племен Марибского оазиса со своими аскерами, родичами и влиятельными соплеменниками. Можно подумать, что сегодня здесь базарный день. Шум стоит невообразимый. Все возбуждены. Снуют взад и вперед аскеры, подъезжают и отъезжают, оттесняя обеспокоенных верблюдов, «тойоты» с надетыми на капоты чехлами из цветных лоскутьев. Косматые погонщики в полосатых юбках, растерянно оглядываясь вокруг, придерживают верблюдов за веревки.

Каид Ахмед ведет нас через толпу к хозяину хутора, видом и повадками похожему на шейха Мабхута из Бейт Кулана. У него такая же снежно-белая борода на темном лице. Он тоже приземистый, крепкий, очень деятельный, хотя и не такой шумливый. Он исполняет ту же роль хозяина и нашего защитника. Ахмед Саад опекает нас как представитель правительства далекой, как

небо, Саны, как представитель официальной власти, еще не укрепившейся здесь достаточно прочно. В Марибе мы — гости шейха Али аль-Ирады, и он должен сегодня устроить в нашу честь угощение.

Все сборище большими группами идет за нами к Харам Билкис. Почему-то решено идти пешком. Машины подъезжают позже. Пересекаем пологие песчаные гряды с колючим кустарником, потом примерно километр идем по бугристой полупесчаной равнине. Аскеры поют воинственно и задорно, где-то глухо стучит барабан.

Еще в усадьбе я почувствовал общую напряженность: достаточно было видеть каида, как он переходил от одной группы шейхов к другой с выражением лица почти жестоким, как рассеянно взглядывал на нас, как снова и снова отводил в сторону шейха Али аль-Ираду и горячо говорил ему что-то.

По дороге к Харам Билкис происходит окончательный перелом. Аскеры каида идут уже рядом с нами, потом появляется и сам каид, явно встревоженный. Где-то в стороне слышен выстрел, и аскер, несущий мою сумку, говорит сердито: «Хала-ас!» (Всё!). Выстрел означает, что «северяне» — шейхи из хуторов по левую сторону Вади-Зана и их бедуины из племени абида — не договорились с «южанами» и ушли, отказавшись обедать у шейха аль-Ирады. Вскоре они собрали совет и потребовали, чтобы мы незамедлительно покинули оазис. Всё как во времена Арно и Глазера!

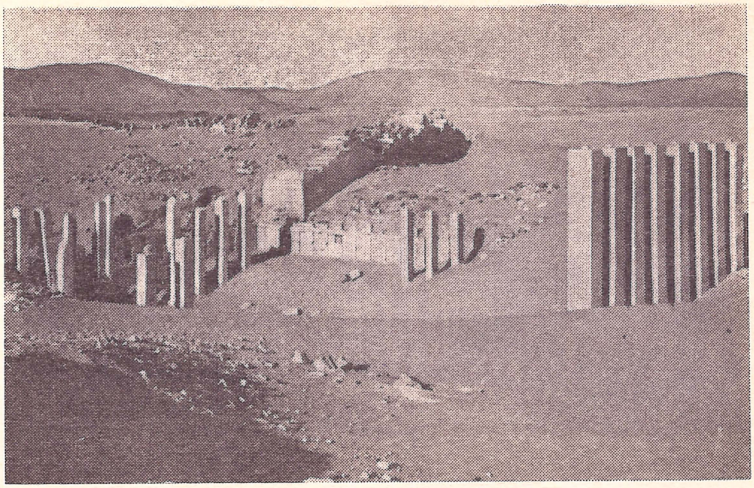
Толпа идущих растянулась далеко по песчаной равнине. Идут в одиночку или группами. Кто во всем белом, кто в военной одежде из хаки, а кто в полосатой юбке и в пиджаке. Все с оружием.

Широкая прогалина между барханами, и вот он перед нами — знаменитый храм бога Луны Альмакаха, главное святилище народа и государства Саба! Ахмед Саад кричит мне, забыв о своих заботах:

— Шуф, доктур, махрам Билкис! Махрам маликат Саба! (Смотри, доктор, святилище Билкис! Святилище царицы Сабы!).

Да, мы добрались до святая святых царства Савского!

Руины храма находятся в просторной низине, окруженной высокими песчаными холмами. Восемь колонн-



Пески замели руины главного входа в храм Аввам

монолитов стоят в ряд среди песка, восемь прямоугольников-гигантов около 10 метров высотой каждый. Когда-то они стояли перед входом в перистильный зал квадратной формы, через который проходили на большой овальный двор. Дверные проемы, ступени лестниц в зале и некоторые колонны были в древности облицованы бронзовыми листами. Они сияли на солнце, и чужестранцам, греческим купцам, которых не пускали внутрь, казались сделанными из чистого золота. Так, с их слов, и записали в свои книги греческие и римские географы, множа легенды о неслыханном богатстве царства Савского.

Однажды только увидели ученые часть стены храма на западной стороне. В ней устроены в ряд наподобие фальшивых окон глубокие ниши с орнаментированными плитами внутри; вдоль стены были каменные сиденья, отгороженные одно от другого плитами, и 32 прямоугольные колонны обрамляли помещение, служа опорой крытой галерее. Это увидели всего один раз, во время раскопок, начатых здесь в 1952 г. экспедицией У. Филлипса. Сейчас все занесено песком, наружу торчит лишь около дюжины колонн.

Мечта сбылась — мы у входа в храм бога Луны Альмакаха

Фотографируемся возле колоннады, меня ведут к большой надписи на массивном блоке, а потом толпой идем над засыпанным входным залом, между вершинами колонн, на широкий двор овальной формы, окруженный стеной. Стена теперь почти доверху заметена песком снаружи и изнутри и похожа скорее на крепостной вал. Внутри двора ничего нет — нехоженый песок, земляные бугры, кое-где видны вершины каменных завалов. Никто не знает, что́ там, под толстыми наносами. Пробные раскопы обнаружили участок мощенной плитами поверхности двора, у стен нашли плиты с надписями. Снаружи стена облицована тесаными блоками. Я глажу по ним ладонью, пытаясь хотя бы ощущением понять чудо этой мягкой плавности овала.

...Часа через три приходят автомашины — две наши и малиновый «форд» с металлическими обручами над кузовом. Я тут же лезу наверх, чтобы увидеть долину. Сверху все кажется обыденным, монотонным. Трудно представить, как выглядели эти места в те времена, когда в храме курились алтари, а по желобам жертвенников текла кровь животных, забитых ради Альмакаха. Вокруг храма находят следы жилья древних. Здесь, наверное, селились приходившие участвовать в обрядах и совершить жертвоприношение по обету или оракулу

либо поставить заказанную плиту с надписью. Неподалеку от стены, на восточной стороне, археологи нашли небольшое здание с колоннами, которое было некрополем для правителей государства Саба и особо именитых персон.

В полукилометре к северу от храма некогда лежали возделанные поля. Сюда шла вода по каналам от южного шлюза плотины. Следы отводных протоков, разделявших поля, ясно видны на фотографиях, сделанных с самолета. Всего в полутора километрах на юго-восток от храма проходит русло еще одной реки. Здесь были сады, рощи финиковых пальм, паслись большие стада, по склонам гор росли леса — так писали античные географы со слов очевидцев.

Сейчас все это кажется невероятным: вокруг одни серые пески, песчаные холмы, выветренные бугры, колючий кустарник, голые скалистые горы с глубокими расщелинами, каменистое черное плато вдоль гор, изрезанное оврагами, и черный конус вулкана у юго-западного края плато.

И все-таки Марибская долина пустынна только теперь: в древности она была и цветущим садом, и возделанным оазисом, была застроена и заселена. Здесь было зелено и оживленно в те далекие столетия, две тысячи лет назад. Но вот наступили годы — это было в конце IV в.,— когда погасли алтари, не пришли к храму обычные паломники с жертвенными животными и подношениями, никто не заказал ни благодарственной ни покаянной надписи древним богам-покровителям. Веками существовавший порядок жизни неудержимо менялся. В Марибе сидели новые правители, и новые царские имена появились в текстах надписей, вытеснив традиционные. Государство Саба, царство Савское, перестало существовать. Южная Аравия стала Химьяритским государством, и ее цари теперь жили в замке Рейдан, построенном в неприступном городе Зафаре, занимавшем крутые холмы в окруженной горами долине, далеко на юг от Мариба.

Главное святилище народа и государства Саба и другие храмы в Марибской долине и по всему государству постепенно приходили в запустение. Их никто не разрушал, но никто и не заботился о них, и жизнь в храмах прекратилась сама собой. Древние могущественные

Такие надписи и сегодня находят вокруг марибского храма

боги, посылавшие дожди и победы, исцеление от болезней и успех в делах, остались без поклоняющихся им. Последняя известная сейчас надпись, упоминающая старых богов, датирована 368 г.

В Южной Аравии пришло время новой веры. Из древних языческих культов складывалось единобожие. Началось и ожесточенное соперничество христианства и иудаизма за власть над душами в Химьяритском государстве.

По-видимому, к V в. относится и упадок главного марибского храма, а частые землетрясения разрушили, казалось, несокрушимые здания из многотонных блоков. Восстанавливать их было уже некому. И тогда пески приготовились поглотить свою очередную жертву...

Километрах в пяти от марибского храма, по ущелью, между отвесными кручами на южной половине гор, охватывающих Марибский оазис, в долину выходит третья река — Вади-Фаладж. Она берет начало далеко на юго-западе, в горной области Мурад. Ущелье живописно. Насколько можно видеть в глубину, оно загромождено большими валунами и булыжником. По обе сторо-

ны его торчат острые дикие скалы. Когда в горах идут дожди, река в ущелье и многоводна, и стремительна.

Где-то в верхней части ущелья, говорят мне аскеры, сохранились остатки древней плотины. Но никто не хочет идти со мной туда по уже раскалившимся камням, и, пройдя не больше 100 метров, все поворачивают назад. Да и есть ли она там: зачем быть плотине на входе реки в ущелье?

Плотина была, конечно, здесь, на выходе реки в долину: возвышения по обе стороны ущелья, возможно, и есть остатки шлюзовых сооружений, направлявших воду на поля. От этих возвышений вдоль нынешнего русла начинаются ряды земляных бугров, идущих через равные промежутки в линию одни на северо-запад, другие на северо-восток. Они напоминают развалины небольших башен — водораспределительных устройств на полях возле Марибской плотины. Хорошо бы раскопать хоть один бугор!

Эта плотина была, видимо, не такой прочной, как Марибская, раньше нее разрушилась, и поля не оставили таких заметных следов, как вокруг самого Мариба.

Неподалеку от выхода реки из ущелья, к западу, стоит высокий холм, заваленный обломками базальта и строительных камней; между ними виден широкий проход на вершину. Там белеют хаотически нагроможденные огромные монолиты-прямоугольники, похожие на колонны перед марибским храмом. Мы тащимся вверх по крутому склону холма, пот заливает лицо, я задыхаюсь от знойного воздуха. Наверху немного прохладнее. Все рассаживаются на камнях и смотрят, как я сную среди развалин, обмеряя блоки и фотографируя.

Площадка на вершине холма просторна. Всюду лежат обтесанные двухметровые блоки — одни положены рядами, другие разбросаны в беспорядке. У восточного края площадки нагромождены гигантские монолиты из известняка и огромные четырехгранные бруски. Похоже, что здесь не развалины постройки, а стащенные в кучу материалы для нее. И это тоже невероятно, потому что в каждом бруске и монолите тонны весу, а они свалены как детские кубики.

Меня спрашивают, что же было здесь, и я отвечаю: «Храм». Только в храме могли быть такие колонны. А кто строил его? Аус ибн Хатан — это имя я читаю на

лежащем рядом блоке с начальной частью посвятительной надписи. Он действительно мог быть инициатором строительства на этом холме. А он кто такой?

Я устаю от загадок и даже не могу быть добросовестным: мне не поверят, если я скажу «не знаю», и решат, что я утаиваю нечто важное. Считается, что алим (ученый) знает все, и стоит ему только взглянуть на вещь, на надпись или на развалину, чтобы сразу ответить на любой вопрос. А я могу только правдоподобно фантазировать!

Брожу среди завалов на северо-восточной стороне холма. В кучах строительного мусора попадаются на глаза обломки расписной керамики и куски архитектурных орнаментов. Здесь остались груды земли и камней от старых построек, на которых сравнительно недавно из обломков были сложены примитивные хижины.

В этой части Марибского оазиса был, кажется, только Глазер — 5 апреля 1888 г. Он не нашел здесь ничего особенно выдающегося: два небольших городища и несколько надписей, каменоломню и приготовленные к вывозу обработанные блоки и колонны-монолиты, а также алтарь для жертвоприношений.

Судя по скопированным надписям, место с руинами на вершине холма, которое я осматривал, называлось Залм, и здесь действительно был храм, посвященный Астару-Хавбасу — главному божеству сабейцев периода мукаррибов (IX—V вв. до н. э.). Один из двух фрагментов текста, которые я здесь нашел и сфотографировал, принадлежал мукаррибам Йасаамару и Карибаилу, совместно посвятившим что-то богу Астару, может быть сооруженный ими здесь храм. Надпись выполнена письмом простым и монументальным, точно передающим дух той героической эпохи в истории Южной Аравии.

Для меня нет сомнений, что южная часть Марибского оазиса была освоена, застроена святилищами, укреплена и возделана в ту же эпоху, что и его центральная часть. Это был один огромный оазис, единый массив полей с садами и пальмовыми рощами. И как единый массив он мог существовать только в том случае, если все три плотины оазиса — в Вади-Саила, Вади-Зана и Вади-Фаладже — действовали исправно.

Это было огромное и сложное хозяйство, требовавшее больших затрат и участия множества людей, многообразных и совершенных знаний и единого руководства. В древности работами по орошению ведал мукарриб, а позднее — царь. Преемственность работ обеспечивала существование всей системы. И достаточно было одного полного прорыва плотины, чтобы наступила катастрофа: вода хлынула на поля и промыла русла, существующие ныне. Поля высохли, почва засолилась, и погибло все — цивилизация, люди. И уже во времена пророка, в начале VII в., все считали, что в долине народа Сабы было два «сада» — по левую и по правую сторону русла. Тогда еще сохранялись воспоминания, что когда-то они были цветущими и плодоносными, а потом заросли терновником, тамариском и местной мимозой с колючками, узкими листьями и желтыми цветами, похожими на пуговицы. Этот образ долины Саба и сложился в воображении пророка Мухаммеда по рассказам очевидцев. Таким он и остался в стихах Корана...

Какой простор вокруг! И сама долина отсюда предстает совсем неожиданной. Белое русло Вади-Фаладжа, плавно изгибаясь, отходит на восток. По его берегам много густых зарослей. Дальше, до горизонта,— одни пески, длинные песчаные шлейфы, протянувшиеся на юг. Их наметают ветры, дующие регулярно в конце лета и всю осень с северо-востока, из глубин пустыни.

Между Вади-Фаладжем и горной грядой на юго-востоке в древности были поля. В период дождей сюда с гор стекали потоки, и здесь был благодатный уголок. И сейчас вдоль подножия гор видны зеленые рощицы, а между ними на оплывших возвышенностях лежат еще никем не обследованные безымянные руины.

И только самое дальнее городище у восточного края горной гряды, там, где проходила древняя караванная дорога из Мариба в Тимну — столицу царства Катабан, нанесено на карту: там побывал Галеви, о нем писал Глазер. Руины занесены песком, и у них явно сказочное название — Медный город.

Среди холмов и вдоль гряды песчаных наносов, закрывающих горизонт с севера, стоят одиночные пальмы и высокие деревья. Они окутаны дымкой, и кажется, что там — оазис с живописными руинами. Но это только барханы...

Появляется Ахмед Саад, решительно говорит что-то нашим аскерам, все вскакивают, и дальше мы начинаем жить во все убыстряющемся темпе, сами не понимая почему. Торопливо спускаемся с холма — об осмотре других городищ не может быть и речи, а я уже приметил небольшие руины неподалеку, возле самого подножия горы, за узкой ложбиной, занесенной песком. И еще нужно было бы осмотреть руины на возвышенности, что напротив нашего холма, по другую сторону русла.

Быстро едем — машина впереди, машина сзади — в клубах пыли по старинной караванной дороге, как раз посередине между марибским храмом и руслом Вади-Фаладжа.

Приезжаем в какую-то усадьбу, выходим из автомашин и оказываемся в толпе взбудораженных людей, которые, перебивая один другого, ссорясь, приглашают нас каждый к себе на участок. Я даже не сразу понимаю, почему они говорят о разведке воды и рытье колодцев, о восстановлении Марибской плотины и о палящем солнце. Мы действительно должны отметить в своем отчете о поездке условия и состояние водоснабжения и ирригации в районе Мариба, и Ахмед Саад именно на этом делал упор, когда объяснял всем цель нашего приезда.

Оказалось, что все связывают наше появление здесь с аэрофотосъемкой Марибской плотины и относящегося к ней района оазиса, которую проводила недавно по просьбе правительства одна из служб миссии ООН в Йемене. Я думаю, что и сам Ахмед Саад не считал это случайным совпадением. Мы не переубеждаем никого. И мне самому хочется верить, что наша поездка и наш отчет помогут склонить правительство и администрацию миссии ООН к созданию проекта орошения Марибской долины: ведь есть же такие проекты около Саны и в районе Забида.

Все теснятся вокруг, нам заглядывают в глаза, трогают за руки. Столько раз я видел такие лица в госпитале, такие глаза, полные тоски и отчаяния, ищущие на лице доктора хотя бы намек на надежду! Я предлагаю посмотреть, что за колодцы здесь и глубоко ли лежат водоносные слои: все-таки это будет нечто конкретное. Начинаются шум и движение, я слышу, как задним

объясняют: «Сначала будут смотреть, у кого есть колодцы и сколько в них воды, а потом будут назначать, где рыть новые...» Сразу устанавливают порядок осмотра.

И вот один за другим мы обходим колодцы в хуторах, расположенных по правую сторону Вади-Зана. Глубина водоносных слоев колеблется от 30 до 60 метров. Хозяин одного колодца, высокий бедуин с бородой, похожей на приклеенную мочалку, бросает камешек и, прислушиваясь, размеренно произносит «Аллаху акбар!» (Велик Аллах!). Он успевает произнести это шесть раз, после чего мы слышим тихий всплеск: около 60 метров глубины. Я записываю в блокнот его имя и глубину колодца.

Почти все колодцы древние; нижняя часть стен в них выложена хорошо обработанными брусками черного базальта или туфа, и только в верхней трети — дикий камень. Более новые колодцы выложены плитами известняка. Во многих колодцах, во внутренних стенках и в наружных обводах, встроены плиты с фрагментами надписей, разных по времени, письму и технике исполнения — от крупных монументальных надписей резьбой и рельефом до тонких гипсовых плит, покрытых, почти без интервала между строками, мелким текстом, а также плиты с монограммами, обломки декорированных облицовочных плит, куски архитектурных деталей. В надстройке над одним колодцем есть даже целая гипсовая плита с текстом по-эфиопски.

Систематическое обследование колодцев и соседних с ними хозяйственных построек принесло бы богатую добычу эпиграфисту и историку.

Я стараюсь показать, что отношусь к этим плитам просто как к диковинным предметам. Раз как-то я попытался сфотографировать надпись, выполненную в несколько строк мелким и удивительно четким письмом, но хозяин колодца так грубо оттолкнул мой фотоаппарат, что я уже больше не рисковал.

Все раздражены, да и мы устали от напряжения, в котором пребываем с самого утра. Солнце стоит в зените. Многие разошлись, аскерам каида Ахмеда надоело таскаться за нами от колодца к колодцу. И все обрадовались, когда появился облупившийся красный «додж» губернатора. Ахмед Саад выглядит очень усталым. Шеп-

чется с доктором Марио, потом отрывистыми фразами говорит мне, что необходимо прервать обследование и вернуться в Микраб, чтобы обсудить положение. К тому же хозяин усадьбы шейх Али аль-Ирада ждет нас к обеду.

...Парадный обед в честь небывалых еще в Марибе гостей. Ритуал приготовлений к обеду развертывается, как сложное захватывающее зрелище. Нас усаживают на возвышение по левую от входа сторону. Здесь тюфяки в несколько слоев, подушки и валики обшиты цветастым нейлоном. Пьем светлый кофе с имбирем, потом сладкий чай, потом опять кофе из крохотных граненых стаканчиков с ручкой. Рядом с нами — братья шейха Али, его сородичи.

В комнате тяжело дышать от тлеющих ароматических палочек, от легкого угара, идущего от больших котлов-жаровень с горячими углями, на которых кипят чайники, и от кальянов, выстроившихся посередине комнаты. Соплеменники и аскеры шейха, бородатые, бронзоволицые, громкоголосые, опоясанные патронташами, вносят картонные коробки с банками консервированных ананасов, персиков, сока манго, целые охапки бутылочек пепси-колы, «миринда», «стим», бросают гостям пачки сигарет. Гости — шейхи из племени абида, живущие по правому берегу Вади-Зана, цепочкой обходят комнату. Вот они — свирепые хозяева Марибского оазиса! Уже почти два столетия бедуины из племени абида, как коршуны, стерегут сокровища древней Сабы от ученых, но не от торговцев. История едва ли не всех попыток изучения древностей в оазисе заканчивается рассказом о появлении на сцене бедуинов абида, изгоняющих пришельцев.

Все встают при их приближении, они сильно шлепают рукой о наши ладони, здороваясь, причмокивают, бормочут положенные слова. Смотрят в упор, с любопытством и пристально. Сильные, бурые от солнца руки. Много молодых — высокие, сухопарые, с коротко остриженными бородками, в темных клетчатых юбках, с узкими тканными перевязями через плечо. Угрюмые грузные старики — патронташи крест-накрест. Застывшие индейские лица с резкими морщинами. Недоступный мне мир!

Хозяин теперь стоит уже посередине и, пока цепоч-

ка движется вдоль комнаты, зычно выкрикивает приветствия. Тяжелый пояс-патронташ с большой серебряной джамбией свисает ниже большого живота. Он опирается на нее рукой. Босые ноги с заскорузлыми ступнями широко расставлены. Он взглядывает на каждого немного исподлобья. Белая борода его полна воздуха.

Обед длится долго. Все шумно чавкают, обсасывают пальцы. Каид Ахмед произносит речь. Он говорит витиевато: «Мы живем, как в запертом доме. Наши богатства скрыты от нас. Мы слепы. Ваш визит может стать ключом — он откроет нам двери в мир, он может указать нам путь к нашим богатствам, он может побудить правительство сделать нас зрячими. Конечно, дома не возникают вдруг...» и т. п. Речь его полна намеков, понятных всем. Он призывает всех жить в мире и согласии. Часть шейхов выкрикивает одобрения, некоторые настороженно молчат.

Я расспрашиваю моего соседа, сына шейха Али, о местных древностях, о находках. Он говорит, что здесь все время натыкаются на древности, когда копают колодцы или строят фундаменты под новые дома либо даже когда пашут. Находят чаще бронзовые вещи, посуду, иногда мраморные статуэтки, монеты, надписи. По его словам, часть предметов из марибского музея вывезли в Сирвах. Это мраморные головы и плиты с надписями, а часть вещей хранится у здешних шейхов. И уже не в первый раз слышу рассказ о найденной здесь золотой статуе, которую один шейх якобы продал в Саудовскую Аравию за 2 млн. риалов...

Обед еще не кончился, когда послышались шум и громкие выкрики во дворе. Хозяин дома и каид Ахмед поспешно выходят, за ними — родичи шейха и некоторые гости. Оставшиеся начинают подниматься с мест, и вся комната разом зашевелилась и зашумела. Только теперь замечаю, что все сидели с оружием. Крики во дворе нарастают. Мы остаемся почти одни в комнате среди неописуемого беспорядка. Быстро входит каид Ахмед, и мы, не дожидаясь его приглашения, идем к выходу. Он просит нас держаться вместе и по его сигналу, не мешкая, садиться в машины.

На площадке, перед домом, где стоят автомашины, тесно от народу. Ахмед Саад сразу куда-то исчезает, его аскеры окружают нас, и мы с трудом пробираемся че-

рез возбужденно галдящую толпу. Слышу насмешливые выкрики, непонятные мне угрозы. Среди кричащих вижу кое-кого из тех, кто только что сидел вместе с нами у шейха Али. Бедуины абида, толкует мне аскер, думают, что вы хотите рыть колодцы только для тех, кто находится в союзе с каидом Ахмедом и шейхом Али, что вы собираетесь раскапывать храм Билкис, и вот теперь они требуют, чтобы вы ехали осматривать также и их колодцы, и грозят открыть стрельбу.

На подножке автомашины появляется каид Ахмед с автоматом за плечом. Он подает знак глазами, и аскеры быстро разводят нас по машинам. Меня втаскивают через высокий разрисованный борт грузовика и усаживают на скамейку у кабины. Аскеры обступают меня со всех сторон. Едва тронувшись, машина набирает скорость. Вслед нам несутся крики.

Едем без остановки через весь оазис на восток. Не заезжаем и в дом каида с полосатым флагом на палке в Рамсе, где остались наши спальные мешки, одежда, припасы. Мне видны удаляющиеся горы на западе и долина, в которую уже спускается вечер. В ней сейчас все красиво и спокойно. Предвечерняя синева скрадывает неровности почвы — бугры и овраги на древних полях, барханы слева. Мариб некоторое время еще виден — большое темное пятно на возвышении. Но я смотрю на него почти равнодушно, как на карнавальный балаган утром, после праздника. Скоро и его загораживают холмы.

Вчера в это время мы выезжали из ущелья, и вид Мариба, близость того, что всегда представлялось сказочно недостижимым, делали меня счастливым. Казалось, я достиг высшего, я ощущал в себе восторги и волнения Арно и Галеви. Какими долгими оказались эти часы здесь! Теперь мне грустно, что я перевалил этот рубеж, не обретя ожидаемого. Я вдруг сознаю, что все это время думаю о том, что Мариб — скорее, символ и что завтра я опять увижу могучие бастионы Баракиша и белые стены Нашка, мирный простор Вади-Джауфа, где каждая деревня — и неожиданный мир древности, и трагическая современность. Теперь, когда я видел Марибскую долину, мне особенно ясно значение грандиозных памятников древности Рагвана и Джауфа.

...Пробираемся кружными путями, объезжая сторо-

ной селения. Раза два мы слышим отдаленные выстрелы. Останавливаемся перед высоким глинобитным домом. К нам в кузов карабкаются пятеро аскеров. Юбки мешают им перекинуть ноги через борт, и их втаскивают за руки. Минуем самое крайнее селение, скорее хутор, из трех-четырех небольших домов. Ветвистые акации прикрывают полуразрушенное каменное здание, в котором в войну был пост республиканцев. Отсюда поворачиваем еще вправо, и теперь мы уже в пустыне.

Дорога идет среди высоких барханов, потом она исчезает. Обе наши автомашины едут порознь, выбирая каменистые проплешины между песчаными холмами, делая большие крюки. Малиновый «форд» Ахмеда Сада показывается то справа, то где-то уже очень далеко слева, то на гребне белого бархана; порой он вообще пропадает.

Чем дальше отъезжаем от Мариба, тем оживленнее становятся аскеры. Они шутят, смеются, говорят все разом и наконец запевают. Аскеры в Йемене всегда поют замаль, как я уже говорил, старую боевую песню, возникшую еще в походах против турок под водительством имама, который потом стал королем. И кто бы они ни были — республиканцы или монархисты, они всегда поют ее всерьез. Меняют слова, имена героев, но она всегда остается выше их, как клятва, как символ веры. Это — песня боевой молодости народа. Петь ее положено по-женски высоким голосом, и, когда это делают бедуины, она звучит особенно дико и воинственно.

Машины останавливаются. Мы на открытом месте, почти свободном от песка. Мелкие камешки, базальтовая крошка и галька густо покрывают землю. Барханы окружают нас с трех сторон. Далеко на западе и северо-западе лежит равнина, по которой мы ехали из Рагвана в Бейт Кулан. За ней, как гряда облаков, на горизонте поднимаются хребты Лауз, окаймляющие оазис Рагван с севера. Слева, в отдалении, чернеют вулканы; там вчера мы повернули к Марибу. Весь юго-восточный угол равнины представляет собой широкие и длинные террасы, ступенями опускающиеся к западу и северо-западу.

Ждем машину, которая должна привезти из дома каида Ахмеда наши вещи. Чистое темно-красное солнце быстро опускается за гору Хайлан. Оттуда поднимается

багряная пыль, плывет над хребтом и ползет на нас, медленно оседая в песках. Все начинают суетиться, бегать и вдруг выстраиваются в ряд, лицом на запад. Наш шофер, шейх Али Джарадан, выходит вперед, насупившись, оглядывает всех. Он — шериф, и ему надлежит предстоять на молитве. Все кладут оружие на песок, отступают назад. Шейх Али медленно разматывает с шеи желтый шарф, бросает его сбоку от себя, кладет на него свой автомат, проводит ладонями по лицу, по груди, по бедрам и замирает. Хриплым голосом резко выкрикивает первую фразу молитвы. Сзади нестройно повторяют. Короткие взмахи рук. Пауза. Еле слышное бормотание. Я смотрю на их отчужденные лица. Ахмед Саад чуть косит на меня глазами. Мне неловко. Я отхожу за машину, сажусь на подножку.

Ночь надвигается быстро. Песок становится пепельным, розоватый воздух вдруг делается мертвенно-серым. Тепло от горячей земли на миг отхлынуло, и тянет свежестью, словно где-то открыли холодный погреб. За машиной слышатся легкий шум движений и бормотанье молящихся, глухие выкрики шейха Али. Из синей пустоты на востоке одна за другой возникают звезды. И вот уже ночь. Скоро я по-настоящему начинаю мерзнуть.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

28 декабря 1970 г.

В Бейт Кулан приезжаем около полуночи. Нас укладывают спать в тесной длинной комнате на третьем этаже в доме уже знакомого нам Рабиша, сына шейха Мабхута. При свете маленькой керосиновой лампы наскоро пьем чай с лепешками. Ахмед Саад остается с нами, примостившись на тюфяке возле самой двери. Завернувшись в солдатское одеяло, он сразу засыпает. Мы еще долго переговариваемся, обсуждая прошедший день. Нам и не узнать, каким тяжелым он был для него, губернатора Мариба.

Дом, обнесенный глинобитной оградой, стоит на западном краю усадьбы. Утром, обходя его, я замечаю встроенные в стену высоко над входом три блока с надписями и белую мраморную голову быка с тупыми короткими рогами. Рабиш говорит мне, что и надписи, и

голову быка он привез с руин большого города, расположенного на скалистом холме, к северо-востоку отсюда, примерно в получасе езды на машине. Там, говорит, сохранилось много фундаментов, развалин древних построек. Все возят оттуда блоки на строительство домов. Там находят камни с надписями, обломки колонн и архитектурных украшений.

Мы прощаемся с Ахмедом Саадом на дворе. Он выспался и снова полон энергии. Я напоминаю о нашем поспешном бегстве из Мариба. Он смеется: «Я за вас боялся! Но все будет хорошо, доктор! Время шейхов абида прошло, и в Мариб будут приезжать туристы».

Прощаемся с шейхом Мабхутом и его людьми. Задержав его руку в своей и улыбаясь, благодарю за все. Он воодушевляется, сильно встряхивает мою руку, и я еще раз слышу его громовой голос, выкрикивающий благопожелания. Он ковыляет несколько шагов за нами, опираясь на палку. Голоса мы уже не слышим. Все исчезает. До Рагвана нас провожают Рабиш и несколько аскеров шейха Мабхута.

Одолеваем подъем возле ветвистого дерева на окраине Рагвана. Я вижу наших шейхов: и ан-Науфи, и аль-Кухкуха, и улыбающегося во весь белозубый рот Мухаммеда аль-Адхами, и радуюсь им, как родным. Нас окружают. Здороваясь, мы нарочно сильно шлепаем ладонью о ладонь, хлопаем друг друга по спине. Аскеры приносят горячий чай прямо к машинам.

О том, что произошло с нами в Марибе, здесь узнали сегодня рано утром.

Мы уезжаем, а я не вижу ни одного лица напоследок, кроме хозяина дома, где мы провели рождественскую ночь. Он стоит у порога в мятых одеждах — видно, спал, не раздеваясь,— с опущенными плечами, босой и смотрит нам вслед глазами Иова, которого господь избрал для тяжкого испытания. Рагван как будто вымер. Проезжаем между домами. Слепые окна, двери закрыты. Улиц здесь нет, только проходы между домами. Почему никто не вышел посмотреть, как мы уезжаем? Видно, что-то произошло в наше отсутствие и здесь, в Рагване.

Шейхи сидят сзади молча, и я ни о чем их не спрашиваю. Моя совесть чиста: мы приехали сюда ради общей пользы. А моя личная корысть невинна и никому

не заметна: я счастлив тем, что вижу вокруг. Простор неба над нами, разнообразие земли: потянулись белые пески, потом — каменистая степь со щебнем и наносами гальки — проезжаем Вади-Халхалан — и вот уже несемся по пустынной низине, где нет ни ложбинки, ни возвышения, ни куста, ни дерева. Что-то неестественное есть в этом пейзаже.

Слева — отвесные кручи горы Наддар. Они встают прямо от плоской земли. И справа — голые скалы. Возле них растут в отдалении друг от друга высокие деревья с обрубленными ветками. Дальше, на юго-восток, цепью тянутся черные вулканические холмы, которые называют Буркан-Бану-Шаддад (Вулканы племени Шаддад), а вокруг них — пески. Теперь горизонт со всех сторон загорожен горами. Между их отрогами лежат небольшие долины; в одних видны акации и густой кустарник, в других — белые барханы. Пасутся верблюды. Людей не вижу. Какой большой и пустынный край!

Мы давно свернули с дороги на Джауф, по которой мы ехали ночью из Маина в Рагван. Ан-Науфи, нахмурившись, сказал мне, что этой дорогой теперь ехать нельзя и мы поедем в Джауф в объезд, вдоль гор Лауз. Скоро выбираемся на раскатанную дорогу. Она ведет в Наджран, в Саудовскую Аравию. По ней Г. Филби возвращался из Рагвана в октябре 1936 г. В древности эта дорога связывала Мариб с важнейшим центром на северной границе Сабейского и Химьяритского государств — Наджраном.

Равнина понижается, и мы видим необычайно широкое, как поле, русло Вади-Джауфа с низкими берегами, с полосами зеленой травы. Здесь это уже общее русло всех рек и протоков долины Вади-Джауфа; сюда воды выносят ил и песок и уходят под землю. В этом месте и обрываются на карте их пунктирные линии. Русло похоже на дно высохшего озера. Говорят, весной сюда прилетают птицы, а необозримое русло заполняет неглубокая вода. Сейчас его пустые просторы освещает рыжее утреннее солнце. Мы хотим подъехать поближе, но автомашины сразу начинают буксовать на влажной илистой земле. Оставив на ней след от колес в виде плавной дуги, быстро едем на запад вдоль русла.

На капоте нашего лендровера пристроился йеменец,

подсевший к нам на пустыре за Вади-Халхаланом. Как он там оказался, куда шел — Аллах ведает. Дорогой он пел одну за другой тягучие бедуинские песни. Все смотрят вперед под колеса. Мы медленно ползем по старой колее, и йеменец на капоте дает указания шоферу, чтобы он не съехал с нее. Тянутся жуткие минуты. Во время войны неподалеку отсюда, в долине Увайджа, был военный аэродром египтян и республиканцев. Вся равнина на подступах к аэродрому была густо заминирована, чтобы защитить его от ночных нападений монархистов, сидевших в горах Буа и Хадба. Множество мин так и осталось здесь с тех пор, и время от времени на них подрывается то отбившийся от пастухов верблюд, то проезжая автомашина. Поэтому ездить здесь можно только по уже проложенной колее. Мы еле тащимся, и я замираю при каждом толчке колеса о камень.

И опять все возвращаются к рассказам о войне. Узнают места. Показывают мне на окопчики и пулеметные ячейки с высокими брустверами, на широкие ямы укрытий для пушек. Проезжаем мимо длинных рядов одинаковых квадратных фундаментов из валунов для солдатских палаток. Бывший военный лагерь. Их было восемь в Джауфе. Ямы уже замыты дождями, все начинает зарастать колючками. Об этих местах, о событиях, происходивших здесь в тяжелые для республики годы (1962—1965), уже написаны статьи и книги-романы, мемуары, публицистические очерки и научные исследования. А здесь царят тишина и солнце. Пасутся козы. И время как будто остановилось.

Минуем пустынные места вдоль гор, дороги, проторенные в войну египетскими танками и грузовиками. Селения Джауфа и древние города Маина остаются южнее. Равнина в предгорье Лауз напоминает африканскую саванну. Растут полынная трава, низкие колючки, акации с зонтичной кроной. Ближе к горам видны большие деревья, иногда целые рощицы. Местами это очень живописные уголки. Горы крутые, высокие, скалистые, из глубоких ущелий в долину выходят русла потоков. Селения попадаются редко, и обычно небольшие, то у самого подножия, то среди скал.

Я говорю шейху ан-Науфи, что он обманул меня, пообещав на обратном пути из Мариба показать все руины Джауфа. Он сердится, хмурится, но ничего не от-

вечает. Видимо, и в передней машине Коста ведет те же разговоры с шейхом аль-Кухкухом, потому что их лендровер иногда останавливается, начинает менять направление, поворачивая к югу, но скоро снова возвращается.

Выезжаем прямо к высокому, явно насыпному земляному холму с темными промоинами по склону. По краю на его вершине видна каменная кладка из древних блоков. Передняя машина поворачивает к холму. Мы — за ней. Поднимаемся наверх. Развалин наверху никаких нет. Все они разобраны, из прямоугольных блоков сложены ограда вокруг всей вершины холма и несколько укрытий. Здесь находился военный пост египтян. На холм ведет дорога, размытая ливнями. Следов на ней не видно: сюда давно уже никто не приходил. И надписей нет — я осмотрел, кажется, все блоки. Восточный и северо-восточный склоны холма завалены обломками глиняной посуды всех размеров и фасонов. Такого количества черепков я не видел нигде. Здесь явно было поселение гончаров, центр гончарного производства. Набираю образцы для музея в Сане. Среди них — несколько обломков с буквами по-сабейски, с изображением змеи вокруг горлышка, с выдавленными узорами. В размыве неподалеку от дороги нахожу раздавленный изящный светильник, выточенный из серого песчаника.

Я рассовываю черепки по карманам, кладу в берет; аскер подставляет полу своей рубахи, я даю и ему. Разнообразие керамики поразительное. Мы с трудом несем свою добычу к автомашине. Я уже представляю себе целую витрину, заполненную этими обломками. Но сюда нужно приехать снова: здесь наверняка найдутся и цельные кувшины, корчаги и блюда, плошки, светильники, сосуды для масла, курильницы и бокалы.

Этот холм называют Инабба. Его осматривал Галеви.

Мы проехали уже почти половину Джауфа. Слева от нас начались заросли деревьев по руслу Вади-Мазаба. Мы едем все дальше на запад. Показался и исчез холм с руинами Маина-Карнау, скоро вдоль дороги потянулась территория бывшего главного египетского аэродрома в Джауфе — близ селения Эль-Хазм: остатки землянок, остовы сгоревших автомашин, горы кон-

сервных банок, мятые ржавые канистры, окопы, огороженные булыжниками площадки для построения и нескончаемые ряды квадратных фундаментов для палаток.

Мухаммед аль-Адхами показывает на группу небольших холмов неподалеку от гор. Говорит, что место это называется Сулайма и что на холмах — древние развалины. Теперь мы едем настоящими туристами, и Мухаммед, как гид, указывает то на одно, то на другое место: «Это — Вади-Садба, там между деревьями, смотри,— холм и кусты, это — Харибат-Камна (Развалины Камна — древний город-государство Каминаху), а там — Харибат-эс-Сауда (большой маинский город-крепость Нашан, расположенный напротив Нашка); это — долина Хазана, здесь у нас был большой бой...» И он рассказывает еще об одной засаде и стычке с египетским отрядом в полдень: «У них было два танка и три автомашины с минометами над кабиной...» Но мне не хочется вникать в его рассказы. Смотрю на отходящие к востоку холмы с остатками древних городов, которые мне так и не удалось увидеть. Так и не посмотрел я руины главного маинского храма около Карнау, сооруженного из гигантских монолитов, и знаменитые стелы с изображением танцовщиц в Хариме.

Проезжаем одно за другим разрушенные селения. Торчат остовы глинобитных домов, части стен с пустыми окнами. Но посевы вокруг зеленые, среди развалин стоят густые деревья. Неожиданно пыльная дорога превращается в шоссе, мощенное булыжником, машину трясет ужасно. Раз мы останавливаемся возле пастухов, и ан-Науфи, присев на корточки, долго говорит с ними. Бедуинка в черном платье с ожерельем из серебряных монет идет за стадом коз и на ходу крутит веретено, два мальчика в черном тряпье швыряют в коз камешки, отгоняя их дальше от дороги. Всё проходит перед глазами. Мы едем уже семь часов. Давно кончилась вода. Во рту больно и от жажды, и от сигарет. Мы все в пыли. Все молчат.

...Большое старое селение. Кончается мощеная дорога, кончается тряска, и наступают минуты настоящего блаженства. Проезжаем по пыльным переулкам, вдоль рыжих глинобитных оград. За ними — почти везде — зеленые купы тутовых и ореховых деревьев, видны

полосы густой травы бирсим (египетского клевера), грядки с овощами. Дома́ стоят без порядка, старые, в два-три этажа, глинобитные, с белыми обводами вокруг окон. То и дело попадаются разрушенные жилища, пустыри с земляными холмами, колодцы старинной конструкции с коридорчиком, по которому верблюд или ослик тянет веревку с ведром. Лают собаки, стучит движок для помпы, и слышен громкий гнусавый голос муэдзина. Сейчас время полуденной молитвы. Я уже отвык от этих мирных деревенских звуков...

У ан-Науфи белое от пыли лицо. Вытирая губы, он говорит мне: «Это — Эз-Захир, деревня губернатора Джауфа Мухаммеда ад-Думейна и его рода. Мы здесь будем отдыхать».

Вот где мы! Значит, мы проехали почти всю долину Джауфа. Эз-Захир — известное и старинное селение, теперь административный центр всего Джауфа. Это одно из главных поселений шерифов, в том числе и потомков знаменитого имама XIII в. аль-Мансура Абдаллаха ибн Хамзы. Имам аль-Мансур особенно много сделал для процветания всего края. Он восстанавливал разрушенные крепости, строил новые, заботился об орошении, и его правление было счастливой порой для Джауфа.

В Эз-Захире прежде насчитывалось около 300 домов. Сейчас их меньше. Часть зданий, говорят, была разрушена еще во времена походов старого имама Яхьи в 30-х годах, когда он подчинял своей власти строптивых шерифов. Много зданий пострадало от обстрела и бомбардировок в недавнюю войну.

Сюда в страшную жару в августе 1870 г. вернулся из своего почти фантастического путешествия в далекий Наджран Галеви.

Мы въезжаем во двор перед старым уже, глинобитным домом в два этажа с маленькими окнами. Во дворе свалены снопы кукурузы. Едва мы выходим из машины, как из дома появляется шериф Мишли в длинной неподпоясанной рубахе, в белой ермолке и босой. Он, щурясь, оглядывает каждого, приговаривая свои приветствия. Глаза его густо подведены сурьмой. Он пожимает нам руки, шейхи приветствуют его шумно и несколько фамильярно. Мы поднимаемся наверх по прохладной лестнице.

Шериф Мишли не слишком разбогател за войну. И дом его — ветхий и бедный, и внутри все по-крестьянски бедное. Умываемся в тесной каморке, «совмещенной» с уборной. Мальчик лет четырнадцати с пустыми деревянными ножнами на поясе поливает нам, зачерпывая воду из бочки консервной банкой. Гостевая комната шерифа обмазана глиной. На полу — вытертые соломенные циновки, старые тюфяки, у стен — несколько подушек в выцветших рваных наволочках. На единственной полке — керосиновая лампа и ворох растрепанных книг без переплетов. И сам шериф кажется мне стареньким и беспомощным. Он оброс белой щетиной. Седая борода растрепана. Он то бестолково топчется по комнате, то подсаживается к нам и начинает расспрашивать о поездке, то проворно встает и уходит. Ан-Науфи подтрунивает над его слишком густо подведенными, как у клоуна, глазами. Но шериф держится аристократически. Он снисходительно улыбается неуклюжим шуткам и разговаривает только с нами.

На обед — жидкая похлебка с картошкой, вареная фасоль с крошечными кусочками мяса, нарезанные овощи, темные лепешки. Все это приносят в алюминиевых тарелках на жестяном подносе. Доктору Марио и мне подают ложки — больше в доме ложек нет, я уступаю свою Руэггу. Шериф сам наливает нам совсем черный чай, отдающий пробкой и дымом. Чайник покрыт жирной сажей, кривой носик заткнут жгутом из пахучей травы. И мне здесь очень уютно и хорошо в этой полутемной комнате, на жестких тюфяках с блохами, рядом с этим добрым седеньким старичком, словно я приехал к дедушке в деревню.

...Я даже не заметил, как все началось. Кажется, мальчик с пустыми ножнами на поясе прошептал что-то шерифу Мишли, и он быстро вышел.

Возвращается нахмуренный, сердито шепчет на ухо ан-Науфи. У того поднимаются вверх брови. Потом они читают по очереди какую-то записку, подают ее аль-Кухкуху. Не закончив обеда, выходят, возвращаются в компании йеменцев из местных. Шериф Мишли уже одет по-выходному — в белой чалме и с большим серебряным кинжалом на поясе. Все громко обсуждают что-то, не обращая на нас внимания и не отвечая на наши вопросы. Приходят, крича на шерифа и ругаясь, вооруженные лю-

ди. Дом весь гудит от хождений и от возбужденных голосов. Крики слышатся и во дворе. Наконец все разом уходят, оставив нас одних. Мальчик с безучастным видом собирает разбросанные на циновке тарелки с остатками обеда.

Санитар, слуга Марио, объясняет суть дела: к шерифу Мишли приехал гонец от принца Хасана с запиской. Принц сердит: почему шериф и шейхи привезли в Джауф иностранцев. Агенты принца, воспользовавшись нашим приездом, подстрекают людей против губернатора — шерифа Мухаммеда ад-Думейна. Они пускают слухи, что он присваивает деньги, которые правительство дает на благоустройство края, что он не заботится о нуждах людей, что он и наши шейхи взяли себе деньги, которые были даны племенам за наш проезд по Джауфу, и т. д. Местные жители взбудоражены, многие боятся принца: у этого «простого крестьянина» много тайных сторонников. Агенты принца подбивают людей захватить нас в качестве заложников и потребовать от губернатора и от наших шейхов возвращения присвоенных денег.

Сейчас все ушли в мечеть помолиться и обсудить конфликт. Шейхи будут давать клятвы, что они не брали чужих денег, будут составлять ответ принцу и обвинять его в политических интригах.

Через крохотное окошко вижу, как во дворе собирается большая толпа людей. Они образуют круг. Те, что внутри круга, сидят. Все выглядит серьезным и значительным. Каждый, кто начинает говорить, протягивает вперед руку. Два оседланных ослика, белый и серенький, дергают сухие листья из снопов. Снимаю несколько кинокадров. Доктор Марио останавливает меня, говоря, что это небезопасно сейчас, так как внизу могут заметить киноаппарат. Постепенно крики во дворе усиливаются, говорящие перебивают друг друга, я слышу голоса шерифа Мишли и аль-Кухкуха. Круг смешался. Возле автомашины начинается свалка, кого-то оттаскивают в сторону, пронзительным голосом выкрикивает что-то наш шофер.

В комнату к нам вбегает испуганный Мухаммед аль-Адхами, за ним два аскера.

— Все плохо! — кричит он.— Надо ехать! Быстро, быстро! Очень плохо! Машины хотят забрать!

Мы бежим вниз, поддерживая Руэгга. Во дворе нас встречают криками. Шейхи и аскеры, спинами оттесняя кричащих, освобождают нам проход к автомашинам. Теперь ясно, что ни о каких поездках на руины и речи быть не может. Сейчас мы уедем, так и не посмотрев ни Камны, ни Эс-Сауды, ни других мест, хотя они совсем рядом и я представлял себя уже там. От этой мысли я прихожу в такое отчаяние, что начинаю кричать, как и все. Но ан-Науфи с досадой машет рукой и подталкивает меня в кабину.

Трогаемся. Несколько человек становятся перед автомашиной, их оттаскивают. У шофера трясутся руки. Он резко переходит на большую скорость, машину заносит, подбрасывает на канавках, разделяющих незасеянные участки. Мы откровенно удираем. Конечно, этого не нужно было делать — удирающий всегда виноват. Сзади сразу же слышится взрыв криков и раздаются выстрелы. У шофера безумное лицо, он, кажется, совсем потерял голову.

Пролетаем несколько переулков и оказываемся на поляне, поросшей высокими кустами. На сумасшедшей скорости петляем между ними. Справа, обгоняя нас, мчится вторая машина. Ей вслед стреляют очередями из автомата. На мгновение вижу Косту, согнувшегося над рулем. Кусты кончились. Впереди — песчаные холмы, за ними — целинный песок, настоящие барханы. Здесь не проехать! Поворачиваем на юг, в объезд селения, чтобы успеть выехать к дорогам на Зибин, пока их не перекрыли.

Но вот из-за кустов раздаются выстрелы. Несколько человек бегут между зарослями нам наперерез. Нас опередили! Шофер круто поворачивает вправо, и мы опять оказываемся между песчаными буграми. Перед нами — широкая полоса песков, за ней — галечная отмель. Русло. Каких-нибудь 100 метров отделяют нас от него. Еще немного — и мы проскочим. Но куда? Здесь все на виду. Кругом равнина. На другой стороне русла, в отдалении,— каменные ограды вдоль полей и еще дальше — темные башни на крутом холме. Похоже на средневековую крепость. Мы мечемся среди барханов, машины вязнут в песке. Нам уже не уйти!

Теперь стреляют, кажется, отовсюду. Боковое зеркальце возле меня — вдребезги! По песку впереди метну-

лись фонтанчики от пуль. Шофер в испуге тормозит, и машина сразу начинает буксовать. Мы «сели». Вторая машина пролетает мимо, тут же идет юзом и оседает на бок — пробито заднее колесо. Несколько пуль попадает нам в кузов. Впервые в жизни слышу, как свистят пули.

Шейхи и аскеры выскакивают, стреляя на ходу, и разбегаются по ближним буграм. Там начинается беспорядочная стрельба. Мы, оставшиеся, безоружные, лихорадочно разгребаем песок под лендроверами, снимаем пробитое колесо, суем свои спальные мешки и куртки под колеса, чтобы дать нашей машине выскочить из вырытой колесами ямы...

Со сторожевой башни неподалеку начинает стрелять по нам крупнокалиберный пулемет. Песчаные брызги ложатся веером. Все отбегают в стороны и падают между песчаными грядами. Я не могу бежать: мне вдруг стало стыдно вот так ползать по песку. Сажусь в пустую кабину и, как завороженный, смотрю на вспрыгивающие разом фонтанчики то здесь, то там, все ближе и ближе к нашим машинам.

По пулеметчику на башне стреляют, и я с ужасом вижу, как черный ствол медленно задирается кверху и соскальзывает с ограды внутрь. Наступает тишина, из-за бугров доносятся выкрики. Короткие очереди из автомата. Кажется, это стреляют наши. Неужели пулеметчика убили? Что же теперь будет?

Бросаемся вытаскивать машину. Страх придает нам силы. Рывок — и лендровер вылетает из ямы, проскакивает полосу песка, и вот он уже подпрыгивает на булыжниках по руслу. Мы оторопело смотрим, как машина быстро удаляется к селению, стоящему на холме. А мы остаемся одни среди разрытого песка, возле машины с пробитым колесом. Шофер бросил нас! И увез единственное целое запасное колесо!

От нелепости происходящего, от подлости трусливого шофера я прихожу в ярость. Не отдавая себе вполне отчета, зачем я это делаю, поднимаю дорожную сумку, навешиваю свои кино- и фотоаппараты и иду вслед за машиной. Он не уехал далеко, и я верну его сюда! Мне кричат сзади, зовут вернуться. Я отмахиваюсь — мне уже не остановиться! Пересекаю песчаную поляну, поднимаюсь на галечную отмель и тут только ощущаю цепенящую жуть: меня видно отовсюду! Взметнулись не-

подалеку три-четыре фонтанчика. И наступила тишина. Все напряглось в ожидании новых выстрелов — вот сейчас, сейчас! Я иду медленно и уже казню себя за эту никчемную выходку, за то, что я, наверное, смешон и нелеп сейчас, ковыляя на виду у всех по скользкому булыжнику...

Наперерез мне со стороны селения скорым шагом, почти бегом, идут несколько вооруженных людей. Винтовки наперевес. Окружают. Впереди — запыхавшийся коренастый йеменец в белых одеждах, рядом с ним — еще один, повыше, в длиннополой зеленой шинели. Глаза выпучены, спешат, хотя я стою. Подбежав, коренастый несколько раз ударяет меня по плечу. Йеменец в шинели поднимает винтовку и стреляет в воздух. Я растерянно оглядываюсь — что это? Кто они? Берут в плен? Коренастый тараторит безумолку, топчется возле меня довольный, говорит, что он — шейх селения Сук-эд-Даам (Базар в племени даам). Подходят остальные, все оживлены, улыбаются, здороваются за руку.

Из беспорядочной скороговорки я улавливаю, что жители Сук-эд-Даама берут нас под свою защиту и гарантируют безопасность. Старый обычай бедуинских племен. «Халас! (Всё!) Теперь ты можешь спать здесь на песке, и никто не посмеет тронуть тебя!» — самодовольно кричит мне шейх. Остальные кивают головами, вглядываются в мое лицо — понимаю ли? Благодарю их по-арабски. Удивленные восклицания. Мне жмут руки. Шейх требует, чтобы я тут же записал его имя и название селения...

Колесо фортуны качнулось для нас от черного к белому. А что было бы, если бы шейх и его сородичи не решились вступиться? Кричу моим спутникам, оставшимся у автомашины, машу рукой. Коста размахивает в ответ белым головным платком. Я вижу, как от бугров к нам идут шейхи и аскеры.

Вокруг собралась уже целая толпа. Подходят ан-Науфи, аль-Кухкух и Мухаммед. Со стороны гор напротив слышится выстрел. Все оборачиваются туда — по песчаной косе к нам идет женщина в черных одеждах. Навстречу ей тут же отправляются шейх из Сук-эд-Даама, йеменец в шинели и ан-Науфи. Женщина и трое от нас останавливаются в некотором отдалении друг от друга: идут переговоры о перемирии.

Стоит вечерняя деревенская тишина. Я только сейчас замечаю, что уже вечер. Горы, оказывается, совсем рядом. Склоны их и поля вдоль подножия, освещенные оранжевым солнцем, выглядят необыкновенно живописными. И все такое мирное вокруг: пологие холмы, барханы, зеленые поля и виноградники, разделенные оградами, сторожевые башни среди полей. Над плоскими крышами селения Эз-Захир, виднеющимися за дальними зарослями, поднимаются дымки из очагов.

В селение идем уже почти в сумерках, пешком через небольшие поля. Нас встречают, наверное, все его жители. На крышах домов толпятся женщины, которые начинают завывать и улюлюкать, едва мы входим в переулок, ведущий наверх, на середину селения. По переулку к нам бегут мужчины, дети. Где-то стучит барабан, слышится пение. На тесной площади, заполненной людьми, горит костер. Сумерки становятся гуще. В костер все время подбрасывают хворост, и языки пламени освещают обступающие площадь вытянутые вверх дома-башни из камня. Шум множества голосов, выкрики, визг и улюлюканье женщин, напряженная дробь барабана, пение и пронзительные трели дудок-мизмаров — какой-то жутковатый карнавал! Вокруг толкотня, люди возникают в свете костра и исчезают в темноту, заглядывают нам в лица, здороваются за руки, что-то выкрикивают, их оттесняют другие.

Дать убежище людям, попавшим в бедственное положение, как мы,— по понятиям бедуинского мира, святое дело, хотя это часто связано с риском втянуться в нескончаемую и кровавую распрю с преследователями. Этим гордятся. Такие случаи долго сохраняются в памяти самого племени и его соседей. В старину по ним вели счет времени.

Оказалось к тому же, что, выйдя на русло реки, я вступил на племенную территорию селения Сук-эд-Даам. А еще раньше это сделал удравший шофер. И для жителей стало делом чести вмешаться.

Сук-эд-Даам — одно из старейших селений в Джауфе. Холм, на котором оно расположено, искусственный, и если его раскопать, то историку было бы чем заняться. Каждое племя имело на своей территории особое место, где в определенное время устраивались ярмарки. На них съезжались с товарами люди из соседних пле-

мен, а если ярмарки бывали знаменитыми и многолюдными,— то и из соседних областей.

На месте этого селения или возле него происходили базары древнего племени даам, обитавшего в Верхнем Джауфе с незапамятных времен. Его упоминают сабейские надписи. Считается, что это было полукочевое племя, разводившее верблюдов. Но сейчас от него здесь осталось всего несколько родов.

Когда наступила ночь, решено было уехать из Сук-эд-Даама. В Джауфе нам оставаться все равно нельзя. Дороги там перекрыты. Остался единственный свободный путь — через горы по руслу Вади-Мазаба на город Харф и дальше на Хамир и Рейду. Это — долгая кружная дорога, но у нас нет выхода: для всех будет лучше, если утром нас не окажется в Сук-эд-Дааме.

Выезжаем из селения с потушенными фарами. Проводник стоит на подножке и негромким голосом командует шоферу. Несколько человек ушли по тропинке проверить дорогу на въезде в ущелье. Все боятся, что агенты принца поставят там мину или устроят засаду.

Продвигаемся медленно, почти ощупью. Единственным ориентиром служит каменная ограда вдоль посевов, смутно виднеющаяся рядом. Сижу зажатый между шофером и Мухаммедом аль-Адхами. Мне видны только крупные звезды высоко впереди. В кабине сзади набились провожатые из Сук-эд-Даама. Мухаммед шепотом спрашивает, умею ли я стрелять, и сует мне автомат. Въезжаем в ущелье. Останавливаемся. Слышно, как неподалеку покатился вниз камень. В кабину заглядывают какие-то люди, шепчутся то с шофером, то с Мухаммедом и с ан-Науфи. Лиц я не вижу. Вроде бы все в порядке.

Зажигаются фары, освещая огромные валуны вдоль обочины и стоящих людей с оружием. Торопливое прощание с провожатыми. Быстро уезжаем. В ущелье прохладно. Закрываем окна.

В Джауф мы уже не вернемся. Наша работа осталась незавершенной из-за нелепого случая! Впервые через столько лет удалось начать обследование выдающихся памятников древности. Теперь снова Джауф долго будут считать закрытым для европейцев. И великие города Маина и Сабы опять будут стоять пустыми под солнцем, под пыльными ветрами, дующими с

пустыни. Принц Хасан ибн Хусейн, ведущий «скромную жизнь простого крестьянина» в глинобитном замке под Эль-Маслубом, добился своего и заодно показал, что он не вышел еще из «воинственного клана кузенов»[28].

Я задремал от усталости. В полусне мне видится то белая дорога впереди, то сверкающий поток звезд в черной полосе над ущельем, то разводы песков, то путаница кустарника и деревьев по сторонам. Кто-то останавливает нас, идет долгая перебранка, раз или два мы сбиваемся с дороги и ждем, пока наши аскеры светят в темноте фонариками, отыскивая потерянную колею. Где мы едем? Мухаммед говорит мне названия. Я почти вслепую записываю их в свой блокнот. Эта дорога в Сану по Вади-Мазаб через Харф и Хамир служила в гражданскую войну главной транспортной магистралью, по которой шло снабжение египетских и республиканских сил в Джауфе. Но археологам и историкам она не известна, прилегающие к ней местности не обследованы: никто из них еще не проезжал здесь.

Поздно ночью добираемся до первого республиканского гарнизона в селении Эль-Хараб. Фары освещают маленькую крепость на пригорке. Возле тяжелых деревянных ворот толпятся около десятка солдат. Но разместить нас здесь негде, оставлять машины на улице опасно. Приносят чай, мы выпиваем его стоя и уезжаем дальше.

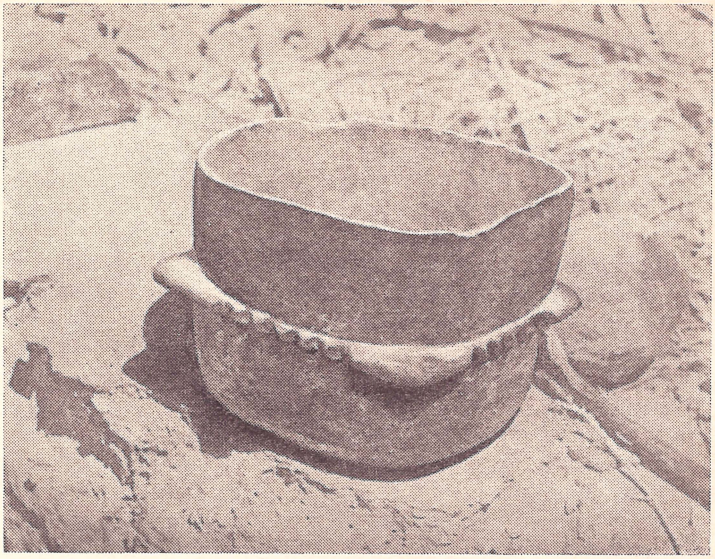
Просыпаюсь от резкого толчка. Стоим на широком дворе. Видны большие грузовики с размалеванными, по обычаю, бортами. Двое солдат закрывают ворота. Высокий человек ходит между машинами с фонарем. Я слышу громкий разговор, восклицания, голоса ан-Науфи и Косты.

Скоро полночь. Спрашиваю Мухаммеда, куда мы приехали.

— В Харф, доктор. Мы здесь ночуем. Начальник гарнизона здесь очень хороший человек.

---

[28] Так западные журналисты, освещавшие ход гражданской войны в Йемене 1962—1970 гг., называли молодых принцев, двоюродных братьев свергнутого короля Мухаммеда аль-Бадра, руководивших вооруженной борьбой против республики. О нападении на миссию ООН близ Эз-Захира в Наджране братья принца Хасана узнали от него той же ночью.



Котел, высеченный из камня

Ночуем в маленькой уютной комнате, увешанной, как деревенская горница, расшитыми полотенцами, тарелочками с розами и голубями, лубочными картинками, изображающими святые места — Мекку и Медину, и несметным количеством семейных фотографий. Весь левый угол занимает пышная кровать с кружевными накидками и витыми железными спинками. Над кроватью на коврике висит большая сабля в серебряных ножнах. За эфес заткнут букетик засохших полевых цветов. Начальник гарнизона отвел нам, кажется, свою спальню. Похоже, что он, действительно, хороший человек.

Укладываемся на полу, едва уместившись на свободном пространстве. Коста разливает по кружкам оставшийся запас виски, и мы, взглянув друг на друга, молча выпиваем...

Харф — в общем-то небольшой городок. В нем около 800 жителей. Он расположен на тесной равнине, окруженной горами. Холмы предгорья начинаются сразу же за окраиной, и дорога зигзагами поднимается к перевалу. Большинство домов глинобитные, высокие, нарядно

побелены обводы окон и зубцы парапетов на крышах.

Харф не упоминают в исторических трудах о древности и средневековье. Известным он стал после того, как здесь поздней осенью 1962 г. прошла главная артерия снабжения египетских войск в Джауфе. И все книги об этой войне упоминают о рейде на Харф принца Абдаллаха ибн Хасана и его брата Ахмеда, захвативших этот город и на месяц парализовавших жизненно важную транспортную магистраль.

Достопримечательность Харфа — большой пруд в середине города. Судя по остаткам каменной облицовки из тесаных блоков, водоем очень старый. Место это лежит на торговом пути, и в окрестных горах есть немало руин. Вода в водоеме пополняется за счет дождей. И я ужасаюсь, посмотрев на нее: мутная, пахучая, она кажется, кипящей от бесчисленных движущихся личинок. Женщины полощут белье в корчаге, и вода стекает обратно в пруд. Ослик с двумя пустыми корзинами по бокам пьет рядом, уткнув морду в воду и шлепая мягкими губами. А на середине пруда плавают две уточки, окунают головки и ерошат перья, встряхиваясь,— такое удивительное зрелище для Йемена!

Наш хозяин, начальник гарнизона в Харфе, сокрушенно качает головой: вода плохая, недавно из пруда вытащили дохлую собаку. Люди болеют из-за воды. Колодцы глубокие — 60—70 метров, воды в них мало, а горные родники очень далеко. Нужно бы проложить трубы, но нет денег.

Он человек добрый и заботливый. Жители, наверное, любят его. Он знает всех и входит в нужды каждого, когда словом, а когда и помощью. В Йемене я часто встречал таких правителей небольших провинциальных городов. Обычно это выходцы из младших или средних офицеров, отличившиеся в революцию, преданные республике, хлопотливые, отечески привязанные к своим согражданам, живущие их заботами и своими обязанностями. Они составляют главную опору правительства в провинциях.

Утром я проснулся от беспокойного шепота за дверью. Прислушавшись, понял, что кто-то наставляет солдата, когда нужно подать нам воду умыться, когда — подать чай, когда — завтрак. Наставлявший (а это оказался наш гостеприимный хозяин) повторил все два

раза, но, видно, не вполне доверяя солдату, остался сидеть с ним в тесном коридорчике, дожидаясь, пока мы встанем. К нам он вошел оживленный, улыбающийся и сразу начал опекать нас, как бездетная тетя своих племянников. Он привел меня в лавку, наверное самую лучшую, купить печенья и сигарет, со всеми перезнакомил. Пока я разговаривал с хозяином лавки, сухопарым, опрятно одетым стариком, он успел с кем-то поговорить о ремонте сломавшегося вчера движка для рации, кого-то сердито выругать, подписать поданные ему бумажки. А когда мы уходили из лавки, у него на руках уже сидел заплаканный мальчик со вздувшимся животиком. Послюнявив платок, он оттер с его щек засохшие сопли и грязь, сунул ему конфету и отдал стоявшей рядом няньке — девочке лет девяти.

Он рассказал за завтраком и про дела в городе, и про бои за Харф весной и летом 1963 г. Солдаты принца Абдаллаха ибн Хасана и его брата Ахмеда долго обстреливали город с окрестных гор, а потом захватили его и пробыли в нем почти месяц, оставив египетские войска в Джауфе без снабжения.

Он и проводил нас до самого перевала, где была граница его владений. И стоял возле своей старенькой «тойоты», и махал рукой, пока мы не скрылись за холмом. А я даже не записал его имени!..

Решено нигде больше не останавливаться, кроме как для обеда и ночлега, если не поспеем до ночи к Сане. Я мало записываю и стараюсь не вступать в разговоры. Дорога отнимает все силы. В кабине душно от жары, от перегревшегося мотора, пахнет масляной гарью и бензином. В открытые окна летит пыль. И шейх ан-Науфи сидит насупившись: это были для него тяжелые сутки.

Для аскеров и меняющихся попутчиков такая дорога — дело привычное, и они болтают, не переставая: то спорят, то смеются, то поют. Темы разговоров прихотливо меняются. Только что рассказывали про саранчу — припомнили, как более 20 лет назад она налетела на Джауф, сидела больше недели, и тогда был большой голод; кто-то говорит, что восемь лет назад саранча около месяца опустошала оазисы Рагвана и Мариба, сожрала все посевы и всю зелень и погибло много скота. И вот уже все перешли на судьбу Касима Мунассара,

дерзкого военачальника-партизана, причинившего большой урон республиканцам и египтянам и в конце концов перешедшего на сторону республики. Когда он погиб, его дом и усадьбу в Вади-эс-Сирре разграбили и разрушили, и пропало все золото, которое он получил от имама и от принцев. Обсуждают способы рытья колодцев, и Мухаммед аль-Адхами рассказывает, обращаясь главным образом ко мне, о том, что в Джауфе находят древние колодцы, соединенные глиняными трубками, иногда по 30—40 колодцев в ряд...

Проезжаем самое высокое место перевала, и на короткое время открывается панорама огромного района Северо-Восточного Йемена. Мухаммед аль-Адхами показывает на гряду высоких гор далеко у горизонта. Рядом — долина, окутанная синим туманом. Это — Вади-Джауф и горы Лауз.

Мы там были еще вчера. Как далеко уже все это! Белый песок на ровной поляне, сухая трава, белые стены и башни Нашка, аршинные буквы надписи... Черные города Рагвана... Зачем было так спешить?! Лишние час-два ничего не меняли. Зачем я разрешал подгонять себя? Мне обещали показать все на обратном пути и без спешки. А нужно было упереться и делать свое дело — без меня не уехали бы! Меня бы поддержал Коста. Почему, собственно, я должен был уступать Марио и Руэггу: ведь их не интересовала археология! А что их интересовало? Случайная экзотическая поездка. Один — врач-терапевт, и в Сане его ожидали больные, другой — психолог из Швейцарии, у которого уже был билет на самолет в Европу. Они не слышали о Баракише, Маине и храме лунного божества Альмакаха и забудут о них через месяц, занятые своим. Повторится ли еще для меня возможность приехать сюда?! Теперь я, наверное, буду думать об этом всю жизнь. И всю жизнь видеть перед собой башни в песках, заросшие колючками холмы с торчащими углами древних построек, горячие от солнца плиты с ровными строчками надписей и каждый раз терзаться, что не заметил того-то, то-то не обмерил, не посмотрел там-то...

Все осталось за перевалом.

...Спускаемся в долину. Скоро на склоне появляются массивные каменные здания, круглые сторожевые башни, хозяйственные постройки, деревья; стенки из бу-

лыжника окаймляют крошечные поля. В разных местах видны разбитые дома с обвалившимися потолками, с проломами посередине стен. На дороге — движение: идут пешком, едут на осликах, пастух, размахивая палкой, гонит с десяток костлявых коров... Какое-то селение, скорее, даже небольшой город. Их будет много теперь до Саны, но как-то душа не лежит расспрашивать. Чужой мир, навязанный мне случаем. Я даже не очень и вникаю, где мы едем. Ясно одно — мы возвращаемся в Сану, и то, что мне дорого и важно, осталось позади.

— Слушай, доктор, здесь уже нужно чалму завязать по-другому.— Мухаммед смеется:

— Давай завяжу!

— А что?

— Здесь граница между племенами бакиль и хашед. Дальше будут земли хашед. Их вождь — Абдаллах аль-Ахмар.

— А что это за селение?

— Это Хайван, доктор...

Приникаю к окну. Хайван — очень древнее селение, его упоминают химьяритские надписи. Оно обозначено на археологической карте Висмана. Спрашиваю попутчиков, нет ли руин в Хайване, и несколько голосов отвечают: «Много! И в Хайване, и в окрестностях». Имам Яхья разрушил много домов здесь и в Харфе за то, что шейхи не хотели подчиниться его власти.

— А есть ли развалины от древних времен?

— Есть,— аскер тянет руку, указывая куда-то в гору над крайними домами.— Здесь находят древние надписи. Химьяритскими буквами.

— Ты знаешь химьяритские буквы? — спрашиваю.

— Нет, но люди говорят, что на этих камнях написано химьяритскими буквами.

Этот район совершенно не обследован. И до сих пор в распоряжении сабеистов нет ни одной надписи отсюда, хотя они здесь явно были: один из жителей Хайвана пересказывал в начале X в. историку аль-Хамдани содержание обнаруженных им здесь надписей. Про одну он даже сказал, что ее выломали из стены какого-то из замков Хайвана и встроили в стену мечети. Он также пересказал содержание другой надписи из Хайвана, сообщавшей о сакральной охоте на газелей.

Существуют и легендарные рассказы о древнем Хай-

ване, о его замке-крепости Науфан, названном якобы по имени Науфана — потомка Билкис, царицы Савской, от ее йеменского супруга Йануфа.

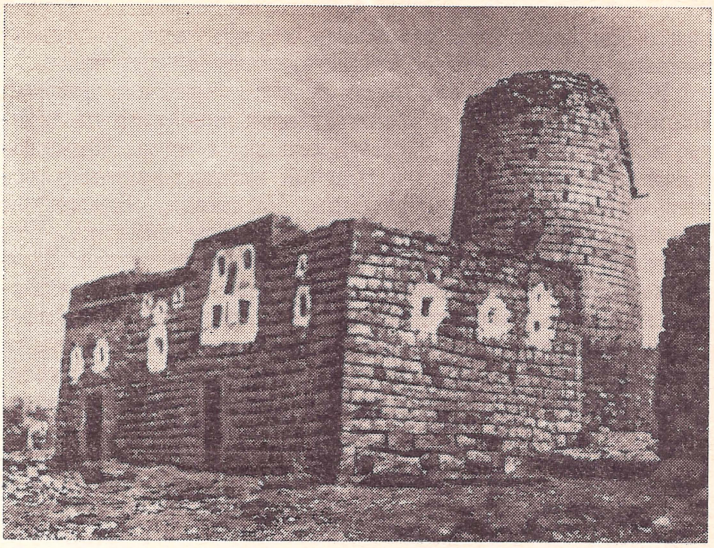
Известен рассказ об идоле Йауке, главное святилище которого будто бы находилось в Хайване. Ему поклонялись все племена этого района. Это имя переводят как «заступник» и считают, что Йаук был главным божеством племенного союза хашед. Он не входит в пантеон сабейских богов, и его культ получил распространение, видимо, после того, как погасли в Марибе алтари с благовониями в честь Альмакаха и Астар. Уже в V в. это имя стало нарицательным; им называли многие монотеистические храмы, как собственно йеменские, так и иудейские.

...Мне показывают два селения, расположенные одно напротив другого: Эль-Медина, или Мединат-Хашед, и другое — Эль-Хамра, или Хамра-Суфьян. Между ними и проходит граница хашед и бакиль. Здесь, в горах, берет начало река Хабаш, которая впадает в Вади-Харид. Я видел место их слияния, когда мы въезжали в долину Джауфа.

Здесь действительно начинается новый мир. Я как будто совершил кругосветное путешествие: выехал из «страны хашед» за Зибином, проехал по «стране бакиль» до Мариба, и вот снова попал на земли племен хашед, но с другой стороны. Здесь уже настоящий горный Йемен — свободный простор, облака совсем над головой, дышится по-другому. И куда ни посмотришь — горы, одни повыше, другие пониже, серые, плоские, как будто сошлись стада слонов, подставив солнцу спины. И только у горизонта поднимаются острые хребты. Долины обычно неширокие, почти везде хорошо возделанные. Использован каждый клочок земли. Над долинами начинаются террасные поля. В пору дождей горы щедро орошают землю. Но сейчас это — мертвая страна, все в ней одного цвета — белесого, безнадежного, цвета горячих камней, и пустые русла потоков по склонам выглядят, как белые змеи с чешуей из голышей.

В этих местах нет домов, похожих на глинобитные башни Джауфа или Рагвана: все они из камня, дома-крепости, высокие, мрачные, с узорами по стенам, выложенными разноцветным кирпичом.

Дорога ужасная. Мы едем со скоростью 15—20 кило-



Такой дом и в самом деле настоящая крепость. Он сложен из глыб базальта, и в нем живет одна семья

метров в час. Это — горная караванная дорога, расчищенная и местами расширенная в войну, чтобы по ней могли пройти танки, бронетранспортеры и большие военные грузовики.

Автомашины карабкаются по острым глыбам, переваливаются, кренясь то на одну сторону, то на другую. Едем медленно, все время притормаживая. Съезжаем по крутому спуску рядом с глубокой пропастью, и все испуганно хватаются за спинки сидений, чтобы не повалиться вперед, а я стараюсь отвести глаза от то и дело приближающегося края пропасти. Иногда, выйдя из машины, толкаем ее вверх, на крутой подъем, подкладывая под колеса булыжники.

Ох, эти йеменские дороги! Тяжек здесь шоферский труд. Не раз вспомнишь о несуетной и мирной езде на муле или на степенном ослике, когда можно не только увидеть мир вокруг, но и пережить его, обдумав и почувствовав все. А здесь после двух-трех часов таких мучений от тряски, страхов, рева мотора, напряженного всматривания вперед, ожидания, что сейчас из-за

глухого поворота вырвется, как лавина, огромный грузовик и мы покатимся по склону, становишься бесчувственным даже к самому удивительному вокруг тебя...

В городе Хусе нас задерживают местные власти. Всем было непонятно, как мы могли оказаться на севере, в Харфе, миновав Хус: дорога здесь одна. Мы останавливаемся на тесной городской площади возле лавочек, набитых пестрым товаром. На плите, обмазанной глиной, дымятся жаровни, стоят большие чайники. Под навесом — несколько столиков и складные стулья. Толпа любопытных возникает мгновенно. Следом являются люди в полувоенной одежде, с портупеей через плечо, с оружием. С серьезным видом они обходят наши автомашины, оглядывают нас, хмуро поздоровавшись, и уходят вместе с шейхами. Мы остаемся одни. Аскеры сразу же рассаживаются за столики пить чай.

Иду в сопровождении толпы мальчишек и нескольких взрослых посмотреть улицы и старую мечеть, которую заметил при подъезде к городу. Она выглядит очень празднично — чисто побеленная — на фоне черных базальтовых скал, окружающих город с юго-востока. Где-то неподалеку должны быть белые купола гробниц-мазаров.

Хус — административный центр целой области на северо-востоке Йемена. Он показался мне издали большим городом, но в нем едва ли больше трех тысяч жителей.

Высокий крепкий мужчина лет пятидесяти в чистых белых одеждах, поколебавшись, отодвинул деревянной отмычкой засов в калитке, и мы входим в тесный дворик, окружающий мечеть. Одним только взглядом он останавливает ринувшуюся было за мной толпу мальчишек. Во дворе все побелено, земляной пол затерт глиной. Ботинки оставляем у калитки, идем в носках. В мечети просторно, стоят высокие белые колонны с капителями разных ордеров. Прохладно, полумрак. Тихо. Тканые шерстяные паласы устилают пол. Простой орнамент украшает арку михраба [29]. У стены и в небольших нишах аккуратно сложены книги, стоят черные грифельные доски учеников.

При мечети есть школа, и впустивший меня муж-

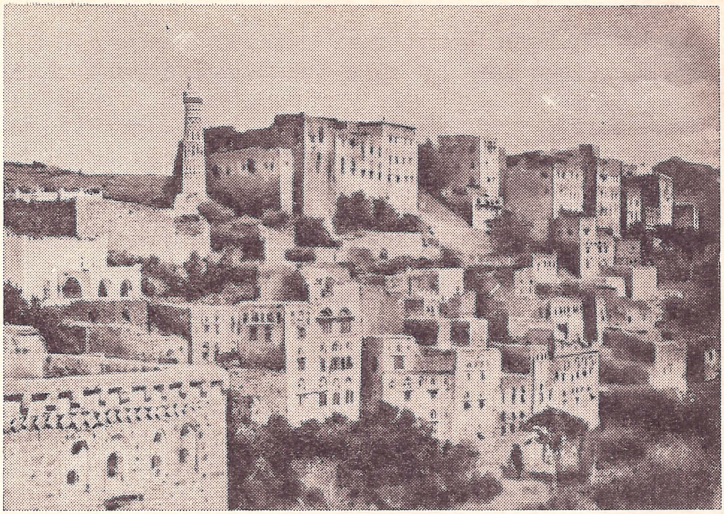
[29] Михраб — ниша в мечети, указывающая направление на Мекку, к которой надо обращаться лицом во время молитвы.

Горное селение с крепостью на вершине утеса

чина — учитель. Он же и «настоятель» мечети, и местный судья. Мы разговариваем вполголоса, и мне становится покойно от его ровного серьезного голоса. Я бы остался пожить возле него как средневековый студент, послушать его рассказы, походить с ним по городу, дом за домом. Он — патриот Хуса, и заметно, что он торопится сказать больше, излагая историю города, скороговоркой перечисляет одно за другим имена известных ученых из Хуса, богословов, знатоков мусульманского права, литераторов. Посмотрев на меня в сомнении — пойму ли? — прочитал отрывок из стиха умершего здесь в июне 1651 г. замечательного поэта Абдаллаха ибн Амира, прославившегося горькими элегиями на безвременную смерть своего сына, а также своим искусством каллиграфа и необычайно меткой стрельбой.

Мечеть построил эмир Яхья ибн Хамза (ум. в 1238 г.) — брат имама аль-Мансура Абдаллаха ибн Хамзы. И вообще, благоустройство города и его слава религиозного и ученого центра связаны с этим родом. Каждый из них что-то построил здесь, что-то починил, что-то пожертвовал. Самую старую мечеть Джами ас-Саумаа и огромное здание медресе в северной части Хуса построили по приказу имама аль-Мансура Абдаллаха в начале XIII в. Он сам подолгу жил здесь. В Хусе в 1226 г. умер и его сын, который родился не где-нибудь, а в Баракише, когда там была резиденция имама.

Учитель ведет меня пыльными переулками меж высоких глинобитных оград показать гробницы с белыми куполами. В одной из них погребен имам аль-Мутаваккиль Мухсин ибн Ахмед (ум. в 1878 г.), долго воевавший с турками. Перед другой гробницей он несколько замялся и проговорил быстро длинные титулы и родословную погребенного. Я переспрашиваю и удивленно смотрю на него, не веря, правильно ли я понял. Он кивает головой: да, это он. Стало быть, я стою возле гробницы самого родоначальника династии Хамид ад-Динов, свергнутой в 1962 г., героя освободительной войны против турецких завоевателей — имама аль-Мансура Мухаммеда ибн Яхьи (ум. в 1904 г.). Это он, став имамом, сумел объединить соперничавших феодалов и племена северных районов Йемена на борьбу с турками. Эта борьба фактически положила начало на-



Вид с юго-запада на Джиблу — столицу Йемена в XI—XII вв.

ционально-освободительному движению, которое уже под предводительством его сына и преемника, имама Яхьи, завершилось созданием в 1923 г. независимого Йеменского королевства.

Старые мусульманские города в Йемене необычайно живописны из-за белых минаретов и высоких домов, раскрашенных белыми узорами. Никакой город не сравнится в этом отношении с Саной, даже Джибла и Ибб (я говорю только о тех городах, которые видел сам). Говорят, что очень красивы также Хадджа и Саада. Все они стали красивыми примерно в одно время — в XI—XIII вв., в правление династий Сулайхидов, Айюбидов и Расулидов. Зейдитские имамы, владевшие землями на севере и северо-востоке Йемена, не отставали от них. Тогда и сложился общейеменский стиль архитектурных украшений, который сделал города Йемена не похожими ни на один город мира.

Когда-нибудь — наверное, уже скоро — придет время и найдутся энтузиасты, которые займутся изучением мусульманского Йемена. Средневековая йеменская архитектура — вот одна из наиболее благодарных областей исследования: она поразительно богата, со-

вершенно самобытна, и в этой стране еще много городов, сохранивших настоящие шедевры архитектуры.

...Дорога между Хусом и Хамиром пустынна, местность вокруг бесплодна и угнетает одним своим видом — голые, сожженные солнцем плоскогорья, растрескавшаяся на огромные плиты белесо-желтая земля. И даже высоко в отдалении стоят такие же белесые горы. Селения редки и совершенно неприметны. Как можно жить здесь день за днем, в этом царстве мертвого камня?!

В самый полдень минуем селение, которое называется Мекка. Тесно прижавшиеся друг к другу квадратные дома на плоскогорье кажутся брошенными. Наверху — солнце, похожее на белый шар. Серая пыль летит навстречу от передней автомашины. Больно дышать сухим горячим воздухом. По пустой земле от дороги к этой Мекке бредет слепой с мальчиком-поводырем. Услышав шум автомашин, слепой замедляет шаг и поворачивает к нам лицо с длинной белой бородой. Я успеваю заметить только черную школьную сумку на боку у мальчика, его тонкую смуглую руку, поднятую, чтобы загородить глаза от солнца, и босые ноги...

Теперь я смотрю уже только на приближающуюся серую громаду домов, и нет усталости — одно нетерпение увидеть город, с которым я так сжился в своих первых воспоминаниях о Йемене. Это — Хамир.

Высокие дома скученно обступают плоский холм с отвесными скалистыми краями. Верхние этажи все одного, горчично-серого цвета. Ярко белеют обводы у окон, ниже окон тянется, опоясывая дом, ломаная линия из брусков бурого туфа. Это излюбленный в горном Йемене орнамент. Все знакомо. Разъезженная пыльная дорога поднимается вверх и как будто упирается в стену...

Въезжаем в тесные улицы, в спертый тяжелый запах. Странно, что я был здесь, что я здесь снова! Глухие стены с отбитыми на поворотах углами мне кажутся своими, будто я прожил здесь долгую и важную жизнь. Я и действительно давно живу здесь — в воспоминаниях, и сейчас глаза ловят то, чего недоставало в жившем во мне образе этого города.

Он явился тогда мне сумрачным, затаившимся. Он так и не раскрылся, и я много раз потом пытался по-

нять его тайну, рассматривая фотографии, снова и снова прокручивая отснятые кинокадры. Но каждый раз повторялись одни и те же высокие башни с узкими окнами, кучевые облака над ними, скалистые кручи, напряженные лица смотрящих в объектив киноаппарата. Он оставался непроницаемым. И тогда начиналось колдовство воображения.

Вот и площадь, лавки по сторонам ее, узкие, не шире своих дверей, с навесами из грубой мешковины, из фанеры от ящиков. Створки дверей и стены заклеены яркими рекламными листками — открытая пачка сигарет «Ротманз», бутылочка пепси-колы, белозубые блондинки, автомобильные покрышки...

Трудно представить, что здесь была тишина, не торопясь ходили бородатые аскеры с винтовками за спиной в козьих полушубках с ярко-синим нейлоновым верхом. Почти в центре пустынной площади были сложены вязанки хвороста, лежали рядом верблюды.

Сейчас здесь все, как на праздничном базаре: толпы народу, движение, крики, гудки автомашин, музыка, пыль стоит, как дым, смешиваясь с дымом от раскаленных жаровен, на которых шипят и потрескивают нарубленные куски мяса с луком или толстые котлеты. Вместо верблюдов — огромные грузовики, до самых обручей над кузовом набитые мешками и ящиками. К нам, почти всовывая головы в открытые окна, лезут любопытные, встают на подножки. Исступленно кричат мальчишки: «Альмани, альмани! Амрики, амрики! Насрани!» (Немцы, немцы! Американцы, американцы! Христиане!) Наши аскеры сталкивают их с подножек, но они бегут рядом с автомашиной, горланя и размахивая руками. В длинных полосатых рубахах, в жилетках, в круглых шапочках, с сияющими от возбуждения глазами.

Из двери старого глинобитного дома, возле которого мы останавливаемся, выбегает, толкаясь и вопя, еще ватага мальчишек с сумками через плечо. Они облепляют сверху донизу узкое высокое крыльцо, скандируют что-то, кривляются, толкают друг друга. Над дверью висит надпись «Научное общество в Хамире» и над ней фанерный лист со словами из Корана: «И да будет из вас сообщество людей, которые призывают к добру и велят делать должное и отвращают от порицаемого. И эти

суть благоденствующие». Я думаю, что днем здесь просто начальная школа, судя по возрасту этих бесенят, а по вечерам — нечто вроде клуба, куда собираются и молодежь, и люди постарше поговорить и просто пообщаться.

Город стал другим с тех пор, как я был здесь. Это видно и по тому, как самоуверенно держат себя хамирцы на площади, видно по лицам, возбужденным и придирчивым. И, не понимая еще почему, я вдруг чувствую, что он скучен мне и даже безразличен, и я уже не хочу признаваться никому, что был здесь раньше. Может быть, встреть я кого-нибудь, кто узнал бы меня и заговорил бы со мной, удивленный, и мы бы стали хлопать друг друга ладонью о ладонь, здороваясь, я бы не испытал отчуждения. Но никто не окликнул меня. Да было бы и странно, если бы это случилось: кто мог запомнить какого-то русского, приезжавшего сюда переночевать почти четыре года назад?!

Все переменилось здесь с тех пор, когда лунной ночью с 4 на 5 ноября 1967 г. отряды бородатых аскеров шейха Абдаллаха аль-Ахмара, владыки Хамира, не сделав ни одного выстрела, заняли всю Сану и, как тогда говорили, «революция шагнула на новую ступень», а в стране произошла полная смена власти. Сам шейх аль-Ахмар, еще полгода назад — мятежник, просивший через нас в Рейде о помощи, приняв меня и Р. Чурина за политических эмиссаров, стал председателем Национального совета — высшего органа законодательной власти страны. Личная храбрость шейха аль-Ахмара в последний период гражданской войны, особенно в драматические дни 70-дневной осады Саны монархистами в декабре 1967 — феврале 1968 г., сделала его героем.

Конечно, аль-Ахмар не забыл ни о своем гнездище, ни о тех, кто в трудные дни стоял рядом с ним. И на улицы Хамира пришла деловая лихорадка. Тяжелые машины везут сюда товары, цемент, зерно, строительные материалы. В городе и в его окрестностях идет торопливое строительство. Будут электричество, водопровод. Широкое асфальтированное шоссе прокладывают сюда от Саны. Всюду стучат движки, тюкают молотками каменотесы. И в помине нет угрюмого оцепенения, царившего в городе в апреле 1967 г.

...Сидим в Хамире уже больше двух часов: шейхи делают покупки. Сейчас здесь дешевая пшеница. Говорят, что сюда привезли часть пшеницы, полученной в дар от ФРГ. И шейхи наперебой жалуются мне, что аль-Ахмар вообще все, что получают в дар для Йемена, старается доставить своим племенам, не считаясь с нуждами других. Они намекают на то, чтобы мы включили это в свой отчет о поездке.

Мы пьем гишр с горячими лепешками, ходим по площади, разглядывая толпу. Она для меня такая же чужая и знакомая одновременно, как и всюду. Какой-то человек в чалме из цветастой ткани возникает передо мной и, тараторя, тряся мою руку, весь светится.

— Тама-ам! — кричит он.— Альмани тама-ам, руси ва сини муш тамам! (Немцы — молодцы, русские и китайцы — плохие!) — И опять трясет мою руку, заглядывает в глаза, ища в них одобрения своему энтузиазму. Я говорю, что я — русский. Он растерянно смотрит на меня, на мои аппараты, висящие на груди и на боку, и, пятясь, исчезает в толпе. Стоящие рядом кричат ему вслед насмешливо. Машу им рукой — пусть! Вот и встретил знакомого!

Неожиданно вижу настоящего знакомого — дом шейха аль-Ахмара, где мы ночевали! Аскеры сидят возле тяжелых деревянных ворот, закрытых наглухо. Над воротами — арка из массивных базальтовых брусков. Покатый спуск к воротам идет от площади. Как лихо тогда выкатил оттуда Чурин на нашем «газике»!

Трудно даже представить, как давно построили этот дом: так высоко теперь земля перед ним на площади. Города растут вверх, подминая под себя и утаптывая свои отмирающие корни, разрушаемое временем, потерявшее цену. Территория холма, на котором стоит Хамир, невелика. Здесь дорожат каждым клочком земли, особенно теперь. Оттого и дома такие высокие, но кажется, что они тянутся к свежему воздуху из полутемных вонючих колодцев-переулков.

Где-то неподалеку муэдзин затягивает меланхолический призыв на послеполуденную молитву. Шейхи суетятся, быстро рассаживаются и торопят шофера: они не хотят молиться в хамирской мечети вместе с этими «людьми аль-Ахмара». Площадь пустеет, и мы выезжаем без помех. Одна улица... Другая... Ни души. Знако-

мый спуск в долину вдоль отвесного края холма. По другую сторону долины, над обрывом, стоит крепость-тюрьма Каср аль-Мухальхиль с круглыми башнями по углам. Имам Ахмед держал в ней заложниками мальчиков — сыновей шейхов племен хашед, чтобы в этих краях были мир и послушание.

Я чуть было не пропустил момент посмотреть на Хамир, когда мы проезжали возле крепости. Теперь уже наверняка я вижу его в последний раз. И мне не хочется снова приезжать сюда. Но разве я забуду его когда-нибудь?!

За Хамиром пошли совсем знакомые места. Нагромождения вулканических пород, блестящие на солнце базальтовые скалы, гигантские валуны. И опять — безлюдье. Безмолвие. Солнце. Камни на руинах Каср Курраз, перевал Аджиб — сердце сжимается. И вот волшебная в вечернем освещении долина Эль-Баун, открывшаяся нам с вершины перевала. Как красиво! Черное ущелье справа... Скалы... Зигзаги белой дороги... Я возвращался этой дорогой из Хамира, мы проезжали эти серпантины из неведомого в неведомое. Мы не знали, где мы, не знали, что будет с нами. Мы были так безгрешны, что происходившее доставляло нам только острое удовольствие. Вот и крепость на скале у подножия, у начала перевала,— наши с Чуриным «ворота в царство Савское», где я нашел первую в своей жизни сабейскую надпись...

Пришел и мой черед быть гидом, и все в кабине вертят головами вслед за моим пальцем, пытаясь увидеть среди хаоса камней и скал хоть какое-то подтверждение тому, что я рассказываю. И даже ан-Науфи отрывается от своих расчетов о покупках в Хамире и рассеянно поглядывает по сторонам.

Да и сам я смотрю, невольно удивляясь тому, что все это действительно существует и похоже на мои описания в публикации научных материалов о первой поездке в Йемен в книге «Южная Аравия...» Только теперь все как-то отдалилось, как в Хамире, отошло вместе с той жизнью, в которой это возникло для меня в первый раз, поразив воображение, наполнив дни радостью и смыслом.

Зной уже спадает, долина Эль-Баун вся в голубом

дыме. От знакомых очертаний гор приходит сладкое ощущение близкого дома и покоя. С этим теперь связана моя жизнь. Мы очень устали. Все говорят о Сане, о ночлеге, о своих делах, о визитах к президенту, к премьеру, словно мы уже въезжаем в санские ворота. Но пока — только Рейда, впереди — без малого два часа дороги — целая страна по здешним условиям! Но в кабине уже заводят какие-то нудные разговоры, собирают пожитки, поругиваются.

...Проезжаем Рейду, Амран. Последние километры томительны. Наконец за Эль-Маамаром на горизонте возникает в вечерней синеве, перегораживая долину, необозримое множество пестрых «небоскребов» и белых минаретов.

Вот и все, это — мать городов йеменских, Сана. На свете нет другого города, похожего на этот. Мы вернулись!

В НЕВЕДОМЫЕ КРАЯ

Для археологов нет более ненавистного врага, чем кладоискатели, особенно потомственные, кладоискатели по семейной традиции, а тем более по склонности натуры. Сколько было среди них фанатиков-мучеников, бесплодно потративших жизнь ради несчастной идеи отыскать несметное сокровище. Не счесть загубленных ими бесценных памятников древней культуры.

И тем не менее кладоискатели были в древности первыми археологами и зачинателями изучения материальной культуры исчезнувших народов. Они в деталях знали места, где искали. Они опирались на народные легенды и предания, которые вели их к местам находок часто вернее, чем книжная информация профессиональных археологов. В Южной Аравии кладоискатели первыми обнаружили следы высокоразвитой культуры и государственности, о которых сохранились лишь смутные воспоминания в народной эпической поэзии, в сказаниях и легендах. Для большинства людей они были лишь поэтическими сказками, созданными фантазией бродячих рассказчиков.

Кладоискатели проникли в развалины древних сооружений, вскрыли и разграбили могилы и гробницы, клады

с драгоценностями и монетами, и поэтические сказания получили вполне материальные подтверждения. Именно от кладоискателей ранние арабские историки Южной Аравии впервые услышали волнующие рассказы об исчезнувшем мире. Такие рассказы встречаются уже в сочинениях VIII в. и являются первыми книжными свидетельствами о древней истории Йемена. Поэтому, несмотря на очевидное зло от деятельности кладоискателей, они проторили дорогу к памятникам южноаравийской культуры, а их сенсационные находки возбудили интерес средневековых историков и дали материал для первых исторических построений о прошлом Йемена.

По следам кладоискателей уже в конце VIII и в IX в. один за другим прошли первые историки — энтузиасты изучения древностей. В своих трудах они записали впечатления о древних развалинах и связанные с ними рассказы местного населения, стихи и предания. Все это, вместе взятое, хотя и не давало действительной картины истории исчезнувшей культуры, но утвердило в арабской историографии представление о том, что история Йемена началась не с возникновения ислама, а уходит в глубь столетий, наполнена крупными событиями и отмечена выдающимися свершениями в области материальной культуры и духовной жизни. Отсюда и пошел обычай начинать сказки словами: «Было не было, жил в Йемене Счастливом великий царь...»

Профессия кладоискателей жива в Йемене и по сей день. Сотни их бродят по горам и равнинам, среди холмов пустынных городищ. Кому-то из них везет, и они исчезают с драгоценной добычей, оставляя за собой волнующие легенды и поддерживая надежды у потомственных неудачников. Ах, какое это мучительное счастье надеяться, что вот однажды, копнув в очередной раз, почувствуешь, как лопата ударилась обо что-то необычное, а оно потом окажется стеной царского дворца или плитой от гробницы, под которой среди тысячелетнего тлена вдруг вспыхнут мерцающим блеском несметные сокровища!

Я встречал таких людей в Йемене. Они были ревнивы и подозрительны. Но еще больше они были суеверны. Один из них разыскал меня и помог совершить поездки в такие места, о которых я и не думал. Дело в том, что по его науке удачу ему должен был принести светлый

человек с голубыми глазами. Не знаю, долго ли он искал такого человека и как он представлял себе найти с его помощью себе счастье. Мало ли бывало в Йемене светлоглазых европейцев! Я думаю теперь, что тогда он остановил меня потому, что увидел на моем лице отблеск того безумия, которое владело им. Я же начинал волноваться всякий раз, когда проходил по одному из самых экзотических мест в Сане — через ворота, стоявшие почти в середине города. С ними-то и связана, наверное, самая невероятная история моей жизни в Йемене.

Еще совсем недавно, в 1967 г., рядом с бывшим дворцом принца аль-Хасана, в котором нынче поместился — я уже упоминал об этом — Национальный музей истории и культуры Йемена, стояли массивные каменные ворота с красочным названием Баб аш-Шагадиф (Ворота верблюжьих паланкинов). Одни из семи или восьми городских ворот Саны. Теперь от них не осталось и следа, а само это место залили асфальтом, расширив дорогу, чтобы танки, участвовавшие в параде в честь годовщины революции, могли свободно проходить на площадь. Я неоднократно порывался сфотографировать эти ворота, но каждый раз что-нибудь мешало — то люди, то погода.

Ворота были большие, со сводом и прямоугольным фронтоном, и напоминали римские триумфальные арки. В длинном проходе всегда было тесно и сумрачно. По вечерам здесь рано зажигали «петромаксы» и керосиновые лампы. По обе стороны прохода, вытянув босые натруженные ноги, сидели торговцы мелочью. На рогожках, на тряпках были разложены кучки мелких лимонов, конфет, фиников, лепешек, жевательной резинки, стеклянные бусы, еще что-то мне непонятное, раскрашенное, из ткани, из глины. Нищие на все лады распевали Коран и взывали к состраданию прохожих. Шли нагруженные верблюды, ослы, обвешанные полосатыми мешками. Заливаясь гудками, проползали автомашины, едва не задевая ноги сидящих... Это были настоящие восточные ворота.

Их сломали на моих глазах. Квадратные камни ворот сложили на прицепы и увезли куда-то. Мне удалось снять несколько кадров на кинопленку. А потом я увидел эти ворота целехонькими и даже чуть подновленными перед зданием президентского дворца. По обе сторо-

ны прохода стояли молодые автоматчики в красных пилотках и в новых мундирах с ремнями и нашивками.

Однажды, когда я шел по проходу в этих воротах еще на их прежнем месте, меня остановил, тронув за локоть, высокий худой йеменец. Я посмотрел на его руки — он ничего не продавал. Он мог быть нищим, но мне всегда было неловко подавать милостыню здоровым людям. Незнакомец пошел рядом, явно ища способа объясниться. Я заговорил по-арабски. Он схватил меня за рукав и стал быстро говорить. Я понял только то, что у него есть древности, которые он хочет продать, что есть еще много мест, где сохранились древности царей Сабы и Химйара. Но главным были его лихорадочные и жадные глаза азартного игрока. Он был антикваром и кладоискателем.

С моими ли деньгами вступать в дела с антикварами?! Говорю ему, что я русский, что я не скупаю древности, а разыскиваю их и изучаю. Мы идем с ним по долгим лабиринтам переулков. Во дворе, взлелеянном обильной водой, он стал показывать мне плиты с надписями, статуэтки, обломки бронзовых изделий, покрытых сабейскими письменами. Купить я их не мог, а он не позволил мне сделать копии текстов. Спрашиваю, где он собрал эти древности. Он говорит стандартное — Мариб. Это говорят все антиквары, что бы они ни продавали. Но я читаю ему начало надписи, где названо имя местного верховного божества-покровителя Талаба Рийама, главное святилище которого находилось неподалеку от Саны, в горах Архаба. Там, говорю ему, было древнее святилище Южной Аравии, а может быть, и вообще прародина Сабейского царства и местопребывание его царей.

Он настороженно слушает, не сводя с меня остановившегося взгляда, как будто сравнивая мои слова с какими-то своими мыслями. И порой мне кажется, что он боится моих слов, боится, что я могу вдруг сказать ему то, что всегда было его глубокой тайной. Ему нужны мои знания о местоположении древних поселений, о том, что там было, ему хочется, чтобы я прочитал ему надписи. Он надеется с помощью этих сведений узнать верное место, где он найдет наконец сокровище, свою удачу, манившую и ускользавшую от него, как мираж. Но он опасается, что и я узнаю об этом месте, напишу или скажу

кому-нибудь и тогда его тайной могут воспользоваться другие.

Мой новый знакомый часто приходил ко мне. Мы бродили с ним по бесконечной путанице закоулков знаменитого санского базара, заглядывали в полутемные лавки-каморки и часами рылись в грудах старых вещей, среди которых можно было найти все что угодно: и китайскую монету с квадратной дырочкой, и перстень сабейского царя. Мы навещали его знакомых — старичков, давно уже не выходивших из своих душных закутков, заваленных растрепанными литографиями и рукописями, бывалых шейхов в просторных комнатах с винтовками и автоматами на каждом гвозде, похожих на него самого уже немолодых людей с беспокойными глазами, оберегавших свои тайны.

Наконец нервы его не выдержали. Как-то раз, когда мы не один час просидели за чаем и бесполезными разговорами о древностях и могилах, он вдруг вынул из-под тюфяка завернутые в старые платки предметы и, положив их передо мной, стал разматывать один платок за другим. Там были сабейские бронзовые таблички с крупными рельефными надписями, монеты и обломки бронзовых и мраморных статуэток и серебряная подвеска изумительно тонкой работы. Он стал называть мне места, где он копал долгими неделями, боясь быть застигнутым жителями или выслеженным таким же, как он, кладоискателем сокровищ и быть убитым в тот момент, когда найдет клад. Я не мог представить себе, как же он все-таки ухитрялся копать и находить — пусть не клады, не сокровищницы, а замечательные и в общем дорогие вещи.

Он показал мне по карте эти районы, и мне стала понятна его нервозность, которая становилась так заметна, когда я начинал иногда строить при нем планы будущих маршрутов. Теперь эти маршруты получили точные адреса. Я начинал готовиться к поездкам.

ГОРОД У ДОРОГИ...

Февраль 1971 г.

Выезжаем рано, в половине седьмого утра. Пока усаживались, продрогли. В оба «лендровера» набилось — не

повернуться. Меня посадили на переднем сиденье. На втором сиденье — два инженера-геодезиста и йеменец-переводчик, не умолкавший ни на минуту. За ними в тесноте короткого кузова — рабочие с аппаратурой. Скоро становится душно. Закрытые окна запотели.

Проезжаем городскую «заставу» — два солдата в шинелях до пят, вялые и равнодушные после бессонной ночи, откатывают зеленые железные бочки, освобождая проезд. Третий солдат подошел уже к машине, но, увидев нас, не стал заглядывать в кабину. Переводчик тотчас затараторил, давясь словами и жестикулируя. Солдат, не отвечая ему, лениво махнул рукой — проезжайте! Поворачиваем вправо по дороге, огибающей с севера старую городскую стену с грузными круглыми башнями через каждые 60—70 метров.

Их возвели в 80-х годах XII в., когда эмир Тугтегин, брат знаменитого Саладина, велел восстановить и расширить стены Саны, разрушенные незадолго до того. Не сосчитать, сколько раз еще их потом разрушали и восстанавливали, но они уже не меняли с тех пор ни места своего, ни внешнего вида. Осенью 1967 г. кому-то пришла мысль срыть их окончательно, как будто бы за ненадобностью. Ковши несколько дней скребли здесь окаменевшую за столетия сырцовую толщу. Столбы густой пыли, похожие на клубы пожара, поднимались высоко в небо. Но тут оказалось, что нужно еще вывезти образовавшуюся земляную массу, а машин не нашлось. Газета напечатала протесты патриотов города; лица, заинтересованные в туризме, резонно указывали на то, что разрушение стены лишит город одного из его главных украшений, и работы прекратились. А спустя некоторое время было решено восстановить разрушенное. Но строить — не разрушать. Земляные холмы так и остались, дожди промыли в них овражки, ручейки жидкой глины протянулись до шоссе.

В проломе стены видны аккуратные зеленые поля, разделенные оградами. Поля занимают широкое пространство внутри города вдоль северной стороны стены, от старого здания почты до сухого русла вади, пересекающего Сану с юга на север.

Как и другие йеменские города, Сана была городом-крепостью. У нее долго не было пригородов. От внезапных нашествий, от неутолимой алчности горных племен

городские стены укрывали всех: и граждан, и торговцев, и ремесленников. Вокруг города были разбросаны лишь небольшие хутора, одиночные усадьбы и загородные дома состоятельных горожан. Здесь были свои колодцы, поля клевера и дурры, плодовые деревья, огороды.

С тех пор как имам Яхья[1] прогнал турок и окончательно поселился в Сане, сделав ее столицей своего королевства, жизнь в ее окрестностях стала безопасной. Многие хутора и усадьбы разрослись в целые деревни, особенно на юге и к северо-востоку от города. Дома, лавчонки, бедные жилища из булыжника или бидонов потянулись вдоль главных дорог. Прокладка в конце 50 и в 60-х годах шоссе от Саны на Ходейду, на Таизз и к аэродрому ар-Рахаба вызвала новое оживление строительства. Город неудержимо ползет за свои древние стены. От нынешних напастей они уже никого защитить не могут. Последний раз они послужили городу во время 70-дневной осады его монархистами в декабре 1967 — феврале 1968 г. Тогда же сильно пострадали окрестные деревеньки и усадьбы, в особенности те, что расположены между Саной и Эр-Раудой. Остовы домов, разрушенных снарядами, видны здесь повсюду. И только к западу от дороги на Эр-Рауду все осталось как было: сначала всегда зеленые, отгороженные земляными оградами поля, а за ними, дальше к западу, каменистые пустыри, где растут только жесткая трава и колючки.

Северо-восточные предместья города, примыкающие к древним воротам Баб Шууб, скоро станут настоящим городским кварталом. Он складывается как ядро промышленного района столицы. Здесь находится построенный в 1966 г. текстильный комбинат — первое современное промышленное предприятие в Сане. Здесь все раскопано, разворочено. Знакомые картины! Всюду груды камней, кучи песка и щебенки, навалы кривых стволов, которые пойдут на потолочные перекрытия, штабеля досок, строительный мусор, разбитые дороги.

По обе стороны шоссе от Баб Шууб до текстильного

---

[1] Имам Яхья аль-Мутаваккиль (убит в 1948 г. заговорщиками), основатель йеменского королевства, в 1904 г. возглавил антитурецкое движение в Йемене. После ухода из Йемена в 1918 г. турецких войск имам Яхья провозгласил независимое Йеменское государство.

комбината торопливо строят тяжелые двух- и трехэтажные дома из туфа. Нижние этажи уже заняты лавками и харчевнями. Около Баб Шууб от зари до глубокой ночи гам и толчея, гудки машин, сиплые выкрики ослов. Здесь всегда толпятся желающие получить работу. Прорабы сколачивают артели. Крики, суматоха, дым и чад из харчевен и ремесленных лавок. Сбившись в кучу, стоят костлявые верблюды в ожидании погрузки. Шоферы скликают попутчиков. Все отчаянно торгуются. И даже на простые вопросы отвечают крича.

...Останавливаемся у харчевни. Рабочие и два сопровождающих нас служащих министерства общественных работ торопливо завтракают — сладкий чай с молоком, лепешка и тарелка разваренных бобов в разогретом соусе. Никто не успел позавтракать дома. Не обращая внимания на посетителей, мальчик метет пол, поднимая пыль. Под кастрюлями шипят примусы. Немолодой хмурый человек за стойкой, может быть сам хозяин, ловко бросает с большой сковороды на поднос пухлые масленые лепешки.

За последними домами-усадьбами в Вади-Шууб, северо-восточной окраины Саны, поворачиваем с шоссе вправо на Эр-Рауду, пересекаем Вади-Саван, держа на крутой выступ горного отрога, именуемого Хашм альбакара (Коровья морда). Это одна из самых древних дорог Центрального Йемена, ровесница, может быть, всей южноаравийской цивилизации.

Однажды я встретил неподалеку от Саны караван в полтора десятка верблюдов, который вели лохматые бедуины из Джауфа. Они остановились на привал, хотя до города было не больше двух часов ходу, и разожгли костер, положив хворост и колючки на круглые булыжники, которые они возили с собой. На булыжниках грелся чайник. Когда костер прогорел, один из бедуинов налепил на раскаленные камни тесто и присыпал его золой, другой размочил в миске катышки из кислого молока, разлил в закопченные стаканчики чай, и все уселись ужинать. Нас пригласили. Мы по очереди хлебнули из миски, пожевали горячую сыроватую лепешку, запили ее крепким чаем. Бедуины были немногословны и, казалось, считали наше присутствие обычным. Они были черны, у каждого густые маслениcтые волосы перехватывал серебряный обруч.

Теперь караваны из Джауфа ходят редко. Грузовые автомашины потеснили верблюдов на обочину. Караванные дороги быстро стали превращаться в автомобильные. Правда, никто особенно не затруднял себя дорожными работами: просто убрали с пути очень крупные камни, которые раньше никому не мешали, кое-где засыпали углубления, слегка срезали крутые спуски по берегам потоков и вади. И пошли автомашины. Ездить по таким дорогам тяжко, особенно в горах, на каменистых участках и по сухим руслам, всегда заваленным камнями. Впрочем, большие грузовики «лори» и «форды» ходят по ним неплохо, даже тяжело нагруженные.

Утренние часы в Санской долине непередаваемо прекрасны. Глубокая тишина и покой соединяют в эти часы небо и землю. Холодное солнце освещает могучие крутые выступы плоских гор. Самый живописный из них — Джебель-эль-Хатм — выдвинулся далеко вперед в долину, и край его плоской вершины похож на крепостную стену с бастионами. Увидев его первый раз в августе 1967 г., я был уверен, что это — старая крепость.

...Не останавливаясь, проезжаем селения Шибам-Сухайм и Эль-Гирас. За Эль-Гирасом открываем окна. Уже заметно потеплело, все немного оживились. Роса еще не просохла, дорога не пылит, и ехать было весело. Минуем усадьбу Бейт-Бала. Глинобитные дома-башни в ней окружены виноградниками, посевами дурры и клевера. Жиденькие лозины поддерживают высеченные из камня подпорки.

Сразу за усадьбой вдоль высокого отрога показались холмы — отвалы породы. Там, в склонах отрога, были шахты одного из знаменитых в древности и в средние века карьеров гипса, алебастра и мягкого известняка, который шел на известь. Отсюда испокон веков везли алебастр и известь в Сану.

Линия гор за Эль-Гирасом неровная: они то отступают на восток, то выходят на Санское плато крутыми отрогами. Между отрогами располагаются долины, иногда глубоко вдающиеся в горы. Прилегающие к ним участки долин хорошо орошаются дождевыми потоками. Проезжая мимо, видим селения вблизи подножия гор, поля с оградами, виноградники, иногда большие островки зелени, даже рощицы деревьев. Ближе к дороге местность

уныла и бесплодна: каменистая равнина, пучки жесткой травы, редкие, пропыленные кусты акации без листьев. Время от времени попадаются ужасного вида деревья. Вместо ветвей они поднимают к небу толстые оплывшие на концах культи-обрубки: ради хвороста крестьяне обрезают побеги, едва они вытянутся немного и покроются листьями.

На карте 1772 г. К. Нибура[2] как раз за Эль-Гирасом кончалась известная ему территория Йемена. В 1928 г. К. Ратьенс и Г. фон Висман, осмотрев только каменоломни, повернули отсюда назад. Местность к северо-востоку от Эль-Гираса так и осталась «белым пятном» на историко-археологической карте Йемена. И это всего-то в 32 км от Саны!

Мне тоже не удалось обследовать эти долины, хотя я дважды проезжал здесь. Каждый раз их вид волновал мое воображение. Не может быть, чтобы в древности здесь не было поселений. Плодородные и хорошо орошаемые земли вдоль гор, близость торговой магистрали, наконец, каменоломни, в которых добывали широко применявшийся тогда в строительстве мрамор, гипс, алебастр и известняк,— разве этого мало, чтобы здесь селились люди? Но логика логикой, а ответ смогут дать только поиски на месте.

Позднее, в начале марта 1971 г., я проехал за Эль-Гирас вдоль южного края долины Сиджан и около усадьбы Марзаба наткнулся на руины сабейского поселения, возможно даже значительного, судя по тому что я здесь нашел: фундаменты больших зданий, водоемы, высеченные в скале, несколько капителий, оставшихся от колонн, тесаные орнаментированные блоки. Такие же поселения наверняка располагались вблизи гор и в соседних долинах, в том числе и в Вади-Сума.

...Спутники мои, геодезисты, отказываются поехать в Вади-Сума из-за недостатка времени, и теперь я грустно смотрю на медленно отходящую назад долину, еще затянутую утренним туманом, так и сохранившую свои тайны. Кому-то она их откроет?!

Петли дороги делаются все короче и круче. Автомашина поднимается с трудом, мы то и дело выскакиваем из кабины, подталкиваем ее, подкладываем камни, чтобы

[2] Карстен Нибур (1733—1815) — датский географ и путешественник, первый исследователь Южной Аравии.

она не катилась назад. На вершине перевала гуляет холодный ветер. Впереди, внизу под нами, в зыбком мареве лежит царство серо-желтого камня. Пологие горы гряда за грядой тянутся к горизонту, за каждой грядой — долина, свой маленький мирок. На юге и юго-востоке, справа от нас, стоят горные хребты с высокими скалистыми вершинами. Это и есть Нихм.

На картах, даже самых подробных, вся эта огромная область — целая страна! — пуста. Она закрашена в однообразный горчично-желтый цвет. Ни гор, ни рек, ни одного селения. Это значит, что там одни пески или каменистая полупустыня, раскаленная солнцем и безжизненная. Но здесь все не так. Песков нет и в помине. К отвесному склону прижалось селение. Перед ним белеет русло потока. Делая петли, оно уходит на север. Деревни и усадьбы видны на всем плоскогорье — на равнине в окружении полей и виноградников, вблизи большой дороги, на холмах, возле гор, по берегам потоков. Дорога идет на восток, разделяя плоскогорье на две половины. Деревья темнеют на обочинах. Небольшие рощицы в селениях зелеными пятнами выделяются среди одноцветных построек.

Вот она какая, страна Нихм! Не так изобразил бы ее картограф, взгляни он хоть раз на этот обжитой край на каменистых равнинах среди гор, не теми красками показал бы он его рельеф, не одной прерывистой ниточкой сухих русел исчертил бы он его землю. Но никто еще не описывал этих мест...

Ровно сто один год и почти месяц назад, в начале марта 1870 г., через эти места проехал Жозеф Галеви, направлявшийся в глубины Южной Аравии открывать неведомые царства и копировать надписи. Короткие и сбивчивые заметки его об этом участке пути — единственное письменное свидетельство о Нихме. Они содержат лишь несколько разрозненных, не локализуемых точно географических названий и беглые замечания общего характера о рельефе и жителях. Даже маршрут его остался неизвестен: он называет только начальные и конечные точки пути. Несколько десятков граффити-имен, процарапанных на скалах, вроде наших «Здесь был Коля Н. из Ростова», и нечитаемых надписей на выветренных камнях в лачугах, сложенных из разрушенных зданий «вдоль дороги между Медидом и Дабуа», как за-

писал Галеви, и одно городище — руины города Баррана на восточной окраине плато — вот все древности, которые он нашел. Граффити практически ничего не дают и интересны лишь сами по себе и для истории письма.

Эдуард Глазер не нашел себе провожатого, чтобы проехать через Нихм, а один не рискнул показываться в тех краях, и лишь позднее через своих агентов он получил копии двух надписей, которые высветили изрядную полоску в темноте; стали известны некоторые географические названия, имя почитаемого божества, имена рода и его главы, власть которого признавали жители этого края. Но две надписи — всего два дня в многовековой истории, всего лишь две крохотные точки света в ночи. Кто жил здесь, чем жил, что могли делать люди здесь, среди камня, излучающего жар днем и холод ночью, что заполняло их дни, годы, столетия?

И теперь она передо мной, земля тех людей, и, как знать, может быть, здесь мне суждено заглянуть в бездну времени. И вот который раз пережитое волнение снова, как будто впервые, охватило меня и понесло вперед, наполнив радостным азартом. В моей жизни опять наступала полоса, когда ко мне приходило ощущение причастности к сказочному. Вот сейчас мы спустимся вниз на плоскогорье, проедем сколько-то километров и мне покажут: «Смотри, доктор, развалины!» И я увижу их, и это будет, может быть, храм, или крепость с башнями и зубцами на остатках стен, или даже целый город!

...Спуск с перевала мучителен и долог. Дорога местами настолько крута, что страшно взглянуть вниз. Наши «лендроверы» медленно сползают, переваливаются на валунах, скрипят и ударяются о камни. Откажи тормоза — и мы полетим к подножию среди живописного хаоса камней.

Когда здесь идут дожди, на перевале стоит рев и грохот. Сверху вместе с потоками воды мчатся вниз валуны — ими усыпан склон, они заваливают глубокие овраги.

Знойный день уже набрал силу, когда мы наконец спустились вниз. Шофер погнал машину так, словно удирал от обвала. Останавливаемся в деревеньке Бейт-Джубан, справа от дороги. В ней с десяток глинобитных домов в два этажа. Выезжаем на пустырь между домами. Из окон со свежевыбеленными обводами высо-

вываются головы, и скоро вокруг нас собирается, наверное, вся мужская часть населения. Последним подходит шейх со свитой из трех вооруженных аскеров. Молча здороваемся. Наши сопровождающие отходят с шейхом в сторону, подают ему бумаги. Хотя партия геодезистов работала здесь месяц назад, процедура «установления нужных контактов» должна была повториться заново: многое могло перемениться. Закончив чтение, шейх возвращает бумаги, говорит что-то и не спеша удаляется со своей свитой. Судя по всему, здесь перемен не произошло.

Геодезисты отправляются проверять свои отметки, а я остаюсь у автомашины, разглядывая собравшихся вокруг. Все молчат. Я не уловил в лицах ни особого любопытства, ни отчужденности. В них, пожалуй, бесстрастный интерес. И я представляю себе, как они неторопливо начнут расходиться после нашего отъезда, сказав лишь две-три фразы о моей одежде да о суетливости нашего «бесноватого» переводчика. Стоящий напротив меня рябой йеменец вдруг заговорил:

— Ну, как? Хорошо?

— Хорошо, спасибо.

— Ты откуда? Китаец? Немец?

— Нет, русский.

Пауза. Все потеснились ближе.

— Из Саны?

— Из Саны.

Он не нашелся больше, что спросить. И тогда «бесноватый» переводчик не выдерживает и, захлебываясь фразами, выпаливает все, что знает обо мне и моих занятиях. Начинаю осторожно спрашивать. Ничего особо выдающегося поблизости, видимо, нет, хотя в окрестных горах находят остатки древних построек, рисунки на камнях и короткие надписи рядом с ними. На вершине горы над селением Хулака, что расположено напротив, есть развалины небольшой крепости, но древней или средневековой, никто, конечно, сказать не может. Из разговоров выходит, что древние развалины лежат где-то дальше впереди, что самые большие руины называются Харабат аль-Кутра (Развалины аль-Кутра) и находятся они рядом с селением аль-Мадид...

У самого переезда через русло речки Гайль-Хулака нас останавливают трое вооруженных. Облако пыли

наконец настигает нас и обволакивает автомашину. Двое из остановивших затевают шумную перебранку с шофером и переводчиком, а третий забегает сзади машины, открывает дверцу, сует впереди себя винтовку и проворно вскарабкивается сам, не обращая внимания на ругань сидящих в тесноте рабочих. Он оказался веселым попутчиком, этот третий, и скоро все примирились с его вторжением. В чалму у него была воткнута веточка душистого базилика. Он вынимал ее, шумно втягивал носом запах и, выдыхая, рассказывал забавную притчу или говорил каламбур и снова совал веточку на место.

Дорога пошла ровная, вокруг — серое плато почти совсем без растительности, впадины и пологие возвышенности, крутые холмы. Изредка мелькнет где-нибудь реденький куст колючей акации. Совсем пустынными эти места, однако, не назовешь. Мы проехали не больше 10 километров, а я насчитал четыре или пять селений, таких же серых, безрадостных, как и земля вокруг. Людей нигде не видно, и селения кажутся брошенными. И хотя кругом много камня, дома в них в основном глинобитные, и только в селении Бану-Зитар, на запад от дороги, массивные приземистые дома и круглые башни, вставшие вокруг вершины крутого холма, сложены из черного камня. Сам холм тоже черный: наверное, это конус древнего вулкана. И потому так ярко белеют широкие обводы вокруг окон. Среди серо-желтого камня этот черный холм с тяжелыми черными домами-башнями мрачно живописен. Он один здесь выглядит средневеково.

Руины Харабат аль-Кутра расположены на плоской возвышенности высотой около 30 метров; поверхность ее слегка наклонена к северу. Слои темного мергеля идут через каждые 5—6 метров; выступившие наружу края их обломились, раскололись на одинаковые прямоугольные плиты, и они ровными полосами, как сборки на платье, опоясывают склон. Возвышенность покрыта буграми развалин. Эти бугры я увидел еще издали и спросил:

— Это Харабат аль-Кутра?

— Да, доктор...

Пока рабочие выгружают аппаратуру и инструменты, я вместе с инженерами поднимаюсь по косогору,

усыпанному обломками диабаза. Кучи битого камня и пастушья хижина из больших обломков — это все, что есть на вершине.

Старая утоптанная тропинка ведет среди завалов камня по склону на городище. По ней я выхожу на середину его юго-западной части. Здесь настоящее царство хаоса: горы битого камня, выступающие из земли части стен, лежащие в беспорядке прямоугольные блоки, целые и разбитые, гладкие и орнаментированные насечкой, бугры и холмы, заметенные землей развалы, небольшие пустыри между ними, поросшие травой и колючками, пересеченные в разных направлениях тропками.

...Эль-Мадид издали кажется мне небольшим и покинутым. Серые квадратные башни и строения вокруг них сбились в тесный круг. Белая стена мечети виднеется на окраине. Изрытые ущельями горы начинаются как будто сразу за селением. На запад от него, на возвышении, стоит другая деревня. Между ней и Эль-Мадидом растянулись дома двух хуторов. Здесь, в углу долины, огражденной горами, воздух неподвижен. Все оцепенело от зноя. Высоко в небе, словно завороженный, повис, не двигаясь, серый коршун. И чем ближе мы подъезжаем к Эль-Мадиду, тем острее становится ощущение его заброшенности. Кругом ни души.

В Йемене часто встречаешь такие деревни. Обычно это очень старые селения. В них все застыло, отгородилось от мира традициями и равнодушием. История когда-то прошумела на их улицах, оставив дожидаться или новой судьбы, или судного дня. И вот стоят они в долинах или на горах отъединенно от всех, с оплывшими глинобитными оградами, с полуразрушенными, много раз чиненными и перестраивавшимися домами... Стоят веками.

Эль-Мадид, по-видимому, новое название. Его нет у средневековых географов. Никто не может сказать, сколько раз его разрушали и снова отстраивали. Бóльшая часть его домов стоит на земляных буграх, оставшихся от разрушенных когда-то зданий, и узкие улицы между ними похожи на глубокие канавы. Они на толщину колеса заполнены горячей пылью. Мы словно плыли в ней. Это была даже не пыль, а серая пудра. Она тяжело поднималась из-под колес, обволакивала

машину, плыла в кабине серым дымом. Дышать было нечем.

Наконец выбираемся на крошечную площадь перед низкой, давно не беленной мечетью. У ее стены на земле, растопырив ноги, сидит старик в каких-то немыслимых тряпках. Слипшиеся космы топорщатся на голове, страшные, немигающие глаза уставлены на нас. Он трясет головой и что-то быстро говорит, выкрикивая вдруг одно слово и взмахивая рукой. Сопровождающие ушли искать шейха, оставив нас слушать лихорадочное бормотание и выкрики безумного. Я не выдерживаю и отхожу.

Это самая старая мечеть в Эль-Мадиде — Куббат Худайр. Другая — побольше и новее — виднеется дальше между домами. Я отправляюсь туда, надеясь по дороге отыскать старые дома, сложенные из камня. Сюда наверняка возили строительные камни с городища, и среди них могли быть блоки с надписями.

Наше появление здесь могло бы сравниться с падением кометы. За грязно-желтыми стенами домов, внутри оград, на двориках, где сложены вязанки хвороста, штабеля сушеного навоза, где, распустив грязные крылья, бродят куры, а в пыли копошатся полуголые дети с раздутыми животами, началось движение. Слышатся визгливые выкрики женщин, испуганный детский плач. В закопченных проемах-окошках кухонь и в окнах на верхних этажах мелькают лица.

Скоро я оброс толпой жителей. Мы двигаемся от дома к дому под вопли мальчишек и лай собак. Испуганные куры взлетают на крыши пристроек. Обход пришлось прекратить. Я заметил только несколько орнаментированных блоков в дверных проемах. Возле мечети Куббат Худайр толпа расступается, и в проходе оказывается седенький жилистый старичок, одетый в опрятные белые одежды. Он спрашивает вполголоса окружавших, кто я и что здесь делаю. Все отвечают разом. Это имам мечети. Я заговариваю с ним и расспрашиваю об истории Эль-Мадида, о древностях. Он отвечает сдержанно. По его словам, надписей в селении нет. Что-то такое как будто есть в деревне Бейт-бану-Масар, напротив на холме, по другую сторону Вади-эль-Мадид. Между прочим он упоминает, что несколько лет назад сюда приезжал один русский, а в войну с армией

имама бывали военные советники-иностранцы. Других европейцев здесь он не помнит.

Еще не так давно Эль-Мадид был центром племен Нихма и по воскресным дням здесь собирался большой базар. После 1962 г. и особенно в последние годы селение пришло в упадок. Часть зданий была разрушена артиллерийским обстрелом. Основная масса жителей-мужчин в ноябре 1967 г. присоединилась к армии монархистов, наступавших на Сану. Говорят, это они обстреливали из пушек санский аэропорт. Сейчас в Эль-Мадиде осталось не больше 300 человек. Административным центром Нихма стало селение Бейт-эс-Сайид в Вади-эс-Сирр, а в долине место Эль-Мадида заняло селение Бейт-бану-Масар. Туда в конце концов мы и поехали, покрутившись еще с полчаса между глинобитными оградами Эль-Мадида.

На городище мы возвращаемся около полудня в сопровождении десятка вооруженных людей шейха. Нужды в охране не было — вокруг лежала каменная пустыня,— но шейх настоял, а желающих поглазеть на инженеров и на установленные на холме приборы оказалось больше, чем могла вместить автомашина. Оставшиеся вскоре приходят пешком, а с ними и ватага мальчишек. Я зову их с собой, чтобы они не мешали инженерам, и мы начинаем обход городища.

Город сильно разрушен, местами почти до основания,— трудно сказать, людьми или землетрясением,— и уже давно тесаные камни вывозят с руин для строительства в окрестные селения. И сейчас здесь постоянно кто-нибудь копает, отыскивая цельные блоки. На поверхности не сохранилось ни одного здания; остатки построек завалены строительным мусором и заметены землей. Общая площадь города 3,5—4 га. Он был густо застроен. Бугры с развалинами зданий покрывают здесь всю территорию. По ним можно угадать общий контур города.

Наиболее крупные здания, видимо, находились в центре и в южной половине города. Холм в середине скрывает остатки большого здания или даже комплекса зданий. На месте руин в юго-восточной части, судя по обломкам архитектурных деталей, некогда был храм. Большое здание длиной 31,7 метра с двумя широкими входами, обращенными к северу, расположено западнее

южных ворот. Здесь как раз и ведутся «раскопки» для добычи строительного камня. Здание было сложено из массивных трехметровых блоков известняка и песчаника. С лицевой стороны они орнаментированы насечкой и окаймлены гладким рантом. На верхнем ранте блока в западном углу этого здания нахожу остатки надписи — сохранились только части слов, не дающие связного текста. Основная часть надписей была на отсутствующем верхнем блоке. Обломок плиты с остатками другой надписи — всего четыре буквы — поднял на тропинке один из мальчиков.

Это — единственные надписи, которые я вижу на самом городище. Среди битого камня, покрывающего землю, попадаются кусочки белого и желтоватого мрамора с полированной поверхностью — части каких-то изделий, может быть алтариков, посуды или статуэток. В грудах развалин нашлись обломки облицовочных плит и колонн с капителями.

Когда-то город окружала стена, сложенная из блоков диабаза, с прямоугольными башнями через каждые 7—8 метров. В ширину по фронту они были тоже по 7,5—8 метров и выступали на 1,5—2 метра вперед. Сразу же от подножия стены начинался обрыв. Брать такой город штурмом было нелегко. В древности люди умели выбирать места для своих построек — будь то храм, крепость или город. Снизу, из долины, город выглядел, наверное, и величественным, и грозным. А с башни было прекрасно видно далеко вокруг.

Я обнаружил всего трое ворот. На северной стороне хорошо заметна ложбина, ведущая к стене и похожая на старую дорогу, но следов ворот здесь я не нашел. Главные ворота были на южной стороне, самой высокой, самой обрывистой, обращенной к руслу вади у подножия холма. Дорога к ним шла вдоль склона с запада. Ширина прохода — 4,1 метра, мощные предвратные укрепления сложены из плотно подогнанных массивных блоков. На них кое-где заметны следы сильно выветренных граффити. И сам проход, и пространство за ним завалены камнями. Западные ворота почти совершенно разрушены, и я не узнал бы, что здесь они были, если бы не след широкой дороги, ведущий к ложбине на склоне холма. С военной точки зрения западная сторона города наиболее уязвима — здесь почти вро-

вень с холмом поднимается широкий базальтовый щит. От холма его отделяет узкий овраг — трещина. К западу щит круто опускается к каменистому полю.

Один из йеменцев, приехавших с нами из селения Масар, рассказывает мне об этом поле. Существовал обычай, по которому раз в году к развалинам приходили люди из Архаба, из Айаль-Сурайх. Они располагались на поле, проводили здесь трое суток, по ночам жгли костры, кололи баранов, пели и танцевали, а потом ходили среди развалин в надежде услышать голоса погребенных здесь предков. В том месте, откуда раздавался голос, они начинали копать и всегда находили сокровище. Голоса можно было услышать только по ночам в течение трех суток. Потом люди возвращались в свои селения в Архабе. Последний раз они приходили сюда года за три до революции и, говорят, нашли много сокровищ.

Такие рассказы я слышал и в других местах. В племенах сохраняются еще смутные воспоминания о древних культовых центрах и местах прежних поселений. Определенные права на эти места признают за первопоселенцами живущие там сейчас другие племена, а иногда даже враждующие.

Где-то после полудня с востока вдруг подул ветер.

Сначала никто не обращает на него внимания. Но он становится все сильнее, и скоро начинается настоящий ураган. С гребней холмов на городище летят песчаные хвосты, порывы ветра с песком секут лицо, во рту хрустит, глазам больно. Все окрестности заволокло рыжеватой пылью. Подгоняемая ветром, она плывет с востока, от великих пустынь, как туман.

К вечеру уже на всей территории Нихма и от Джауфа и Мариба до Саны бушевала пыльная буря, обычно предвещающая начало сезона дождей.

Она длилась почти неделю, и потом пошли дожди. Всю эту неделю в воздухе висела серо-желтая пудра. Она проникала всюду, и, когда я вернулся в Сану, в комнату было страшно войти: пол, бумаги и книги на столе, сиденья стульев и постель покрывал густой слой пыли.

...Работать становится трудно. Ветер вырывает из рук бумагу с чертежом и записями. Приходится писать на оборотной стороне папки. Толпа моих помощников

быстро редеет, и только трое мальчишек не оставляют меня. Они проворно лазают за мной по грудам камней, ловко балансируют под ветром, перебегая с раскрученной рулеткой по остаткам стены от одной башни к другой. Нам приходится кричать изо всей силы, чтобы услышать друг друга.

Мы заканчиваем обмерять южные ворота, и вдруг я вижу, что человек пять йеменцев торопливо идут по каменным завалам нам навстречу. Ветер раздувает их одежды. Они явно возбуждены, что-то кричат, размахивают руками. Впереди всех шагает долговязый йеменец в черной чалме, с винтовкой за плечом, в выгоревшей, когда-то зеленой шинели до пят. Он торопится, прыгает с камня на камень, прижимает локтем винтовку, свободной рукой поднимая полу шинели. И видно, что он не в брюках, а в зеленой юбке и в сандалиях на босу ногу. Что случилось? Мальчики сразу сбились в кучу и стушевались. Нас окружают, и долговязый злым голосом требует, чтобы я отдал ему мои бумаги, которые я держу в руке, и немедля ушел с городища. Он все больше распаляется, стуча винтовкой о землю, остальные сначала слушают его, а потом тоже заговаривают разом, и я уже могу улавливать только отдельные выкрики.

Оказалось, что эти люди — жители селения Бейт-бану-Худжайл, которое я видел неподалеку от дороги, что городище лежит на их землях и мы должны были у них, а не у шейха Масара спрашивать разрешение на осмотр, что я должен уплатить им деньги, раз я сделал здесь чертежи, рисунки и фотографии, за которые мне, конечно, заплатит мое правительство, и т. д. И еще: вообще-то я зря здесь хожу, потому что сокровище охраняют джинны, а плиты с надписями и «древности» давным-давно увезены отсюда.

Такие столкновения всегда неприятны, и никогда не знаешь, чем они закончатся. Я послал мальчика за нашим сопровождающим и за аскерами шейха. В ожидании их мы усаживаемся на камнях за остатками стены. Показываю мой рисунок плана городища и начинаю фантазировать о том, что это мог быть за город с такими могучими стенами, на холме, вблизи древнего торгового пути.

Рассказываю о караванах с богатыми товарами из Индии и Африки, с миррой и ладаном из Хадрамаута,

проходивших здесь, по этой дороге из Маина в Сану, и дальше, на север, в далекие страны; о городах на их пути; о дворцах и храмах, стоявших за их стенами, как в Харабат аль-Кутра; о надписях, высеченных на стенах храмов, крепостных башен, дворцовых зданий и сообщающих о деяниях правителей или о сокровенных просьбах к старым богам.

Йеменцы — удивительные слушатели! Эти округлившиеся глаза, в которых видишь оживление своих слов, это безграничное доверие способны окрылить самую тяжелую фантазию. Нас окружали руины, засыпанные и разворошенные, холмы щебня, камней и земли скрывали оставшееся от давно отошедшей жизни, и было так легко поверить в призраки ее, которые собирало вокруг воображение...

Прибежал переводчик, засуетился, затараторил, выкатывая воспаленные глаза, стал пугать долговязого правительством, чуть ли не тюрьмой. Снова поднимается шум и гам, но все это уже как-то не касается меня. Мои рассказы помирили нас. Не мешкая, зову мальчиков закончить обмеры. Вся компания идет следом, и долговязый, совсем остыв, начинает уговаривать меня купить у него козленка...

Почти в сумерки приезжаем в селение Масар, где нас давно, еще с полудня, ожидают с обедом, ставшим теперь ужином. Обычная толкотня в переходах из комнаты в комнату. Не поймешь, кто с тобой здоровается, что нужно говорить. Прошу кого-то провести меня на крышу, чтобы сверху осмотреть окрестности. Но я не много увидел. Ветер чуть утих. Сквозь пелену желтой пыли с трудом можно различить очертания гор и соседних деревень. Над неровной кромкой хребта Джебель-Ариша далеко на западе сияет ярко-оранжевое небо. До темноты остается не больше часу. В селении готовятся к ночи.

В нем что-то около 20 высоких домов с разными пристройками, окруженных глинобитными оградами. Дома мне показались не очень старыми, но место это обжито издревле. Селение занимает длинную пологую возвышенность, образованную слоями глины от разрушенных построек. Размытые дождями бугры видны на ней повсюду. Поля с посевами окружают ее со всех сторон; их разделяют сухие русла и оросительные канавы.

Селение Масар почти не пострадало в войну от обстрелов. Шейх Масар ибн Мансур, его сын Мухаммед и их родичи сохраняли нейтралитет в беспокойные годы после революции 1962 г. Члены рода Бану Масар поддержали в 1948 г. переворот Абдаллаха аль-Вазира и признали его имамом. Имам Ахмед потом покарал их за это. Они приняли участие в неудавшемся перевороте весной 1955 г., и имам Ахмед посадил братьев шейха в тюремный замок в Хаддже. У них были и другие причины не испытывать верноподданнических эмоций к династии Хамид ад-Динов. Поэтому они не последовали примеру жителей Эль-Мадида и не примкнули к монархическому наступлению на Сану в ноябре 1967 г.

Кое-кто из них, в том числе и сын шейха Мухаммед, ушел к республиканцам. С крыши дома шейх Масар смотрел, как в грузовиках с гербом имамов на дверцах кабин (меч среди пяти звезд) ехали по дороге, распевая замаль, отряды племенных ополчений — сначала на Сану, а потом обратно. Правда, он не получил, как другие, ни золота, ни оружия, но с восстановлением власти республиканцев приобрел влияние, которого не имел прежде. Он стал шейхом долины Вади-эль-Мадид, которая составляет отдельную административную единицу.

...Нас приводят в узкую, чисто побеленную комнату. Стены завешаны застекленными семейными фотокарточками и картинками индийских красоток. На полках с ажурными решетками из гипса, подпирающими их снизу наподобие кронштейнов, стоят склянки из-под духов и одеколона, керосиновые лампы, стаканы, лежат растрепанные книги и ворохи записок. Мы рассаживаемся на тюфяках вдоль стен. Миски с едой занимают всю середину пола.

Хозяин дома, шейх Масар ибн Мансур ибн Масар, сухопарый и высокий, с винтовкой за плечами, приходит после всех и негромко здоровается. Все загалдели в ответ и встали. Он обходит всех, здороваясь за руку, и усаживается неподалеку от нас. У него узкое интеллигентное лицо, очки в золотой оправе, внимательные живые глаза. Он больше походит на судью или ученого-книжника, чем на шейха и воина. Он оглядывает присутствующих, слегка кивая каждому и приговаривая: «Ахлян, ахлян!» (Добро пожаловать!)

На протяжении всего вечера среди бестолковщины этой типично йеменской мусамары-вечеринки, во время шумных рассказов, прерываемых то выкриками и спорами, то взрывами хохота, когда без конца кто-то приходит и уходит, он был невозмутимо спокоен, редко улыбался и еще реже вмешивался в разговоры. Выслушав вопрос, обычно кивал сыну, сидевшему напротив, и тот говорил без устали и с энтузиазмом. Усмешкой и легким взмахом руки ответил он на рассказ о моей стычке с долговязым йеменцем на городище. В его присутствии, наверное, легко решать дела. Короткими репликами он незаметно направлял разговоры, а в конце — наступила полночь — короткой репликой попросил всех разойтись спать.

В комнате невыносимо от табачного дыма и чада керосиновых ламп. Мы уснули тут же, где сидели, на тюфяках, не раздеваясь, едва только унесли лампы и остатки ужина. Среди ночи я просыпаюсь от духоты и встаю открыть оконце. Ветра нет. В ночной черноте наверху дрожат звезды, как белые ромашки. Издалека доносится лай собаки и приглушенно стучит движок помпы, качающей воду...

Я мало записывал в тот вечер. А жаль! Рассказывали наперебой. Перипетии судеб трех поколений некрупного феодального рода причудливой тенью повторили — в ее решающих событиях — историю Йемена за последние 30—40 лет. Но йеменцы любят беседовать, а не давать интервью. Как всем прирожденным рассказчикам-импровизаторам, им необходима непринужденная обстановка. Вид записной книжки возвращает рассказчику рассудительность. Одно я сделал — рассказал шейху Масару о своей работе, и он велел сыну показать мне завтра все надписи и древности, которые сохранились в Вади-эль-Мадиде. Сам шейх Масар не проявил к нам ни малейшего интереса, и я больше не видел его.

Утром все селение взбудоражено. Толпа идет за мной по проходам между домами, и каждый дом наполняется женскими криками и движением. Нижняя половина почти всех домов сложена из камней, вывезенных с городища. Древних зданий уже не восстановишь, зато можно потрогать рукой их камни. Как обычно, большие целые блоки пошли на косяки, пороги, притолоки две-

рей или ворот. На блоке-косяке ворот одного дома вижу большую надпись, левая часть ее обломана. Надпись четкая, вытянутые узкие буквы изящны. Найти надпись всегда удивительно и невероятно: перед тобою вещь, две тысячи лет назад оставленная хозяином; она — слово, в нем раскрытие тайны, а чаще новая загадка. И вот я сижу верхом на пороге, изогнувшись почти до земли,— надпись на боку,— и буква за буквой копирую текст.

— Ну, что там? — кричат нетерпеливо.

Все столпились надо мной, все обсуждают каждое мое движение. Все ждут — ну если не чуда, то, во всяком случае, чего-то необыкновенного. А как же иначе? Не затем же добирался сюда издалека этот русский, терпел мытарства, чтобы пошевелить губами перед обломками камня с каракулями, перерисовать их в тетрадку и уехать. Должно же за этим стоять что-то еще, значительное, достойное усилий европейского человека?!

Обычно считают, что на камнях написаны имена царей и богов либо указано, где есть вода или где спрятано сокровище. И часто все остаются разочарованными. Сабейские надписи однообразны и скупы на информацию: меняются лишь имена их заказчиков, поводы для их составления, почти всегда в них есть имена богов, но ничего не сказано ни о воде, ни тем более о сокровищах. Спрашиваю:

— Ну, а вы сами-то когда-нибудь писали на стене, где вы спрятали золото, которое вам дал имам, чтобы вы воевали против республики?

Смеются... И действительно, разве возможно писать такое!

Читаю, как первоклашка, по буквам, чаще угадывая, чем понимая, смысл текста. Они, за моей спиной, напряженно ждут и повторяют за мной слова. Перед началом текста стоит монограмма. Обычно это имя лица, заказавшего надпись. Дальше подряд идут два имени — монограмма и обозначает первое из них — «Йуним и Йалсаб и их сыновья...» И тут — облом. В средней строке стоит название племени — Авскариб, видимо племени авторов текста. Последняя строка разъяснила все.

— Конец!

Встаю, отряхиваю пыль с брюк. Меня обступают, заглядывают в тетрадь:

— Ну, что написано?

И я рассказываю, глядя в текст, как старая гадалка — в морщинистую ладонь:

— В этом городе на холме жило племя Авскариб — оно названо в тексте. Однажды два его шейха, братья Йуним и Йалсаб, решили построить себе настоящий каменный дом из больших блоков, как и положено знатным людям. Построили, назвали его Йафиам и велели писцу-резчику высечь от их имени надпись, в которой просили божество планеты Венеры — к нему обращались в таких случаях в древнем Йемене — взять их дом под свое покровительство и защитить его от врагов и от бедствий.

Если бы кто показал, где лежала эта надпись на городище, мы узнали бы, где стоял дом, в котором жили Йуним, Йалсаб и их сыновья... Но никто не знал. Отец хозяина надписи давно умер.

Сказка понравилась. Просят дать посмотреть мою запись в тетрадке, передают ее из рук в руки, словно хотят убедиться, не утаил ли я чего-нибудь.

Конечно, текст не бог весть что, но если подтвердится, что жителями города было действительно «племя Авскариб», это уже нечто. А как назывался сам город? В чьи владения он входил? Когда возник? Когда и кто его разрушил?

Подходит парень, руки за спину. Его подталкивают ко мне, и он протягивает остроконечный обломок плиты из серого известняка. Фрагмент надписи — двадцать букв, а было по крайней мере пять строк; от пятой строки остались лишь верхние концы букв. Все повторяется — ответы и новые загадки. Одно слово вдруг вызывает оживление, когда читаю «...зу Матарат». Мне говорят, что у долины Вади-эль-Мадид есть и другое, старое название — Вади-Матарат. И на этих землях жило племя Узар.

Я верчу в руке обломок, не зная еще, что потом он, как магнит, притянет к себе и навсегда соединит «бездомные» факты. И тогда станет известно, что долину Вади-эль-Мадид и весь этот каменистый край до перевала Накиль-ибн-Гайлан и дальше на северо-запад вдоль гор Джебель-Ариша, Джебель-Халиль и Дже-

бель-Сама в древности, в средние века и еще в недавние времена называли Матира (или Матара?). В первые века ислама (вероятно, в VIII—IX) здесь поселились два клана — Бану Саламан и Бану аль-Мукассас — перебравшегося на запад из великого Баракиша большого племени бедуинов Узар. Эта часть племени с тех пор стала называться Узар Матира в отличие от другой, основной части племени, получившей тогда же имя Узар Шааб по названию занятой им области по соседству, на северо-запад от Матиры.

Аль-Хамдани упоминает Матиру в перечне самых больших долин, прилегающих к Вади-эль-Харид. В его времена долина была богата: здесь сеяли злаки, разводили виноград разных сортов, здесь были рощи гранатовых деревьев. А обитатели ее — племя Узар Матира — прославились как самые «яростные среди арабов» и как страстные охотники... Маленький обломок — всего двадцать букв в пяти строках — неожиданно вернул прошлое целому краю.

Но от второй строки всего и сохранилось одно это слово. Ниже его стоит испорченное слово, которое можно читать «Сухайм» — название рода правителей из Шибама. Поводов для гипотез становится все больше.

Еще один обломок с надписью — почти кубической формы камень — мы находим у старого колодца на дальнем берегу вади, метрах в трехстах к северу от деревни. На него ставили посуду для воды, он был оббит со всех сторон. На одной стороне сохранилась часть текста глубоким рельефом. Буквы толстые, но невысокие, всего 9 сантиметров. Надпись явно поздняя, наверное не раньше III в. В ней три строки, девять слов и... все не ответы, а полунамеки. Нижняя строка наполовину сколота. Надпись состояла, по-видимому, из двух блоков; этот блок — начальный. Сохранилась вторая часть имени автора — заказчика надписи — «...бахтар»; отбиты две начальные буквы. Он был из «племени Ав...» — здесь конец блока; дальше, наверное, было «...скариб», т. е. Авскариб, племя, упомянутое в первой надписи. Хорошо читается имя божества — Талаб Риям, и вот еще один просвет; значит, в религиозном отношении жители города тяготели к западу...

Бейт-эль-Джаадиб — небольшая деревенька пример-

но в 2 километрах на северо-запад от Масара. Низкие дома из черных блоков базальта и туфа, по большей части старой постройки, давно уже не ремонтировались и кажутся развалинами. Пустынно. Никто не выходит нам навстречу. На пороге крайнего дома сидит чумазый ребенок в одной рубашке. По щекам тянутся светлые дорожки от слез. Увидев нас, он широко раскрыл глаза и беззвучно заплакал. Ветер гонит пыль меж домов, обдувая заплывшие от дождей бугры и кучи золы с навозом. Я тороплюсь. Инженерам нужно сегодня же закончить все работы и вернуться в Сану.

Шейх Мухаммед Масар приводит меня ко входу в дом; в верхней части дверных косяков — один напротив другого — встроены два одинаковых блока. Раньше они были, наверное, в очаге и сильно закоптились. По их полированной поверхности с большим искусством высечена пространная надпись. Носовым платком вытираю сажу и начинаю списывать текст, и тут же из темной глубины дома вылетает женщина в черном, выкрикивая жуткие проклятия. Никакие уговоры не могут ее остановить. Скоро сбегаются соседи, появляется и ее сын, болезненного вида парень лет восемнадцати. Потухшим голосом, вяло он требует, чтобы мы ушли. Начинается такая кутерьма, что уже ничего нельзя разобрать. Все кричат разом, не слушая друг друга.

Едва я успеваю списать первый фрагмент, как приходит какой-то старик в белой чалме, за ним еще человек пять вооруженных йеменцев, в том числе долговязый, мой вчерашний знакомый. Дело принимает неприятный оборот. Хозяин дома в отъезде, и наш приход можно посчитать за посягательство на его собственность. На всякий случай посылают автомашину за шейхом Масаром. Все рассаживаются, парень уводит мать в дом, после чего начинается неторопливое разбирательство.

Я отхожу. Когда наконец все встали, мне говорят, что я могу докончить копирование текста, но не должен фотографировать.

Уже уходя, замечаю в стене, совсем рядом с дверью, еще один узкий обломок с текстом тем же письмом; на нем четыре строки, остатки четырех слов. Я задерживаюсь, чтобы списать их, хотя шейх Мухаммед уже не скрывает своей досады. Потом выяснилось, что это

было отбитое начало текста надписи, которая теперь стала полной, за исключением нескольких попорченных букв.

Надпись оказалась одной из двух самых больших, найденных в области Нихм. Она происходит с городища Харабат аль-Кутра: во всяком случае, другие места находок древностей здесь неизвестны. В ней, как и в надписи из Масара, опять два человека и их сыновья просят богов взять под защиту возведенные ими дом и домашнее святилище.

Теперь становится бесспорным то, о чем можно было только предположительно говорить по первым найденным фрагментам. Во времена составления этих текстов, т. е. во II—III вв., в этом городе поклонялись божеству планеты Венеры — Астару Шаркан, лунному божеству Талабу Рияму и божеству Солнца и признавали власть правителей из рода Сухайм, сидевших в Шибаме. Названо и имя правителя — Йашрахил, известное еще по трем надписям.

...В Сану мы думаем вернуться по дороге, идущей по Вади-Шира в объезд Джебель-Сама и дальше через Бейт-Дугайш: у инженеров-геодезистов там точки для измерений. Шейх Мухаммед уговаривает не ехать этим путем: племена в тех местах не повинуются правительству и нас могут обстрелять. Мы прощаемся с ним у перекрестка. Он стоит на пригорке, расставив ноги, в позе героев-охотников из книг Фенимора Купера. В одной руке он держит автомат, другую поднял в прощальном жесте. Ветер раздувает его одежды. С холма все как на ладони — и наша дорога впереди, и вся долина Вади-эль-Мадид, и редкие селения, и кусты по берегам высохших потоков. Ветер еще не разошелся, и кругом царит такой мир, что его слова о мятежных племенах, обстрелах кажутся несообразными.

Где-то между деревнями Бану-Зитар и Хулака останавливаемся. Торная дорога отходит вправо. С земли лениво поднимается, отряхивая подол рубахи, темнолицый человек. Он без оружия, только широкий кинжал торчит из-за пояса. В высоко закрученной цветастой чалме воткнута веточка базилики, как у того веселого попутчика, что сел к нам возле Гайль-Хулаки. То ли это местная мода, то ли праздник какой, я не узнавал. Он подходит — руки за спину, глаза сощурены, в зубах

огрызок корешка-зубочистки, молча кивает шоферу. Тот ждет, пока человек осматривает нас, потом спрашивает о дороге. И еще о чем-то, «вообще». Поговорив немного, человек открывает кабину, кивком головы указывает переводчику перебраться в кузов, а сам садится на его место. Мы поехали.

Дорога идет сначала по равнине Вади-Ариша среди огромных плит мергеля — как будто плато растрескалось, не выдержав зноя,— потом начинает подниматься на широкие уступы к горам, которые в этом месте называют Лахмат-Наимат. Местность эту населяют семьи из Айаль-Шулайф, живущие в нескольких селениях (Бейт-эль-Катран, Бейт-Араман, Бейт-Шабан и др.), по десять-пятнадцать домов в каждом.

За Бейт-эль-Катран мы разделились: геодезисты поехали в горы к своим отметкам, а я отправился осмотреть ближайшие от дороги селения. Темнолицый человек взялся проводить меня. Местность он знает хорошо. Мы выбираемся на тропинку, которая ведет по каменистому полю к деревне. Стадо черных коз разбрелось среди колючек. Две девочки-пастушки стоят, окаменев, когда мы проходим мимо. У одной, постарше, лицо густо натерто мазью шафранного цвета — местная косметика, на поясе висит баклажка для воды из высушенной тыквочки. У другой на голову надета алюминиевая миска. Как по команде, отвечают они на наше приветствие и тотчас скрываются.

Спутника моего зовут Али Мухсин аль-Джаради. Я так и не понял, кто он и зачем поехал с нами. Когда мы уже возвращались отсюда, он вышел из машины там же, где мы его взяли, подождал, пока мы отъедем, и снова сел на землю, может быть, даже на то же самое место.

Он невозмутим и знает все. И возраст козы, и как зовут старшую пастушку, и название каждого растения, на которое я показываю, и его лечебные свойства. Он совсем неплохо разбирается в политике и точно знает типы военных самолетов. Говорит он медленно, глухим голосом и постоянно щурит глаза, отчего все лицо, темное и сильное, покрывают глубокие морщины, хотя он совсем не стар.

В Бейт-Арамане мы ничего не находим. Кое-где замечаю старые блоки в стенах. Глинобитные постройки

здесь не в моде. Большие, какие-то тяжелые дома с узкими побеленными окнами и круглые сторожевые башни сложены целиком из камня. Некоторые дома похожи на кавказские сакли.

Мы просим воды. Нам подает старуха в вытертом платье из черного плюша. На груди у нее висит связка ключей. Подав воду, она снова усаживается в тени под навесом и принимается трясти подвешенную большую тыкву, видно сбивая масло. Вынимаю фотоаппарат, и тут начинается! Старуха вскакивает, кричит и ругается, проклиная всех иностранцев. Аль-Джаради спокойно слушает ее вопли и чертит прутиком узоры на пыли. Потом говорит, что я и мои товарищи — инженеры, которые найдут воду. А старуха кричит свое: пусть все уйдут, мы не хотим ничего, ни воды, ни хлеба, ничего! Нам хватит веры Мухаммеда, и бог пошлет, что нужно. А иностранцев все равно убьют.

Уходим. Ничего интересного не оказалось и в Бейт-Шабане, кроме нескольких длинных блоков, явно взятых с древнего городища. По словам аль-Джаради, городище находится на холме с плоской вершиной, который виднеется примерно в километре к востоку от Бейт-Арамана. Холм черный и походит на кратер вулкана.

Путь к нему лежит через голое плато, которое поднимается в сторону холма невысокими уступами. На его вершине — остатки фундамента большого строения, кучи камня покрывают всю поверхность. Фундамент имеет овальную форму и сложен из грубо обработанных глыб. Городище относится к доисламскому времени: нахожу здесь несколько обломков отесанных плит известняка с рантом. Оно называется Харабат аль-Хамма (Развалины аль-Хамма).

Холм с руинами окружало основание наружной стены, сложенное из огромных квадратных брусков. С внутренней стороны стены сохранились развалины примыкавших к ней построек; за ними — неширокая площадка, опоясывающая возвышение, на котором, по-видимому, находилась цитадель. Вход в крепость был с востока. С востока к крепости прилегала площадь, когда-то обнесенная оградой. Похоже, что здесь в прежние времена караванщики оставляли на ночь вьючных животных...

Мы недалеко отъехали от этих руин, когда нас останавливают двое. Они шли торопливо навстречу из маленького селения и еще издали махали нам руками. Нас не уговаривают и не просят. Просто нам сказано, что дальше начинается территория племен Архаба и, если мы поедем, в нас будут стрелять. Все выходят из автомашин, начинаются отчаянные споры. Шоферам не хочется ехать обратно и карабкаться на этот ужасный перевал. Перед нами — спуск в долину, и отсюда видно, как дорога, попетляв, выходит на равнину и идет вдоль Джебель-Сама до самой оконечности горы. Каких-нибудь полтора-два часа быстрой езды, и мы были бы уже дома.

...Стою на краю обрыва в долину. Отсюда кажется, что скалистые кручи Джебель-Ариша и Джебель-Халиль напротив, серые и черные, изрытые ущельями, совсем рядом. Внизу необыкновенно красиво. Там лежит еще одна неведомая страна. Не знаю, видел ли ее кто-нибудь, кроме Ж. Галеви в 1870 г., во всяком случае, больше никто не написал о ней ни строчки. Серо-зеленую долину пересекают русла — одни как белые дорожки, другие, наоборот, темные, в высоких берегах, похожие на глубокие окопы. Они тянутся на северо-восток. Селений как будто мало, хотя то здесь, то там пестреют поля, зеленые и желтые, и виноградники, очерченные каймой оград. Али аль-Джаради, как всегда, щурясь, говорит мне названия, тыча прутиком в сторону каждого места:

— Хаммам-Али... (большое селение на краю плато над руслом Эль-Харид).

— Самана... (долина вдоль подножия плато), Бейт-Джахль.

— Баусан... (селение дальше к северу) и Бану Хакам Архаб (племя и область в юго-западном Архабе).

— Шира... (название вади). Джебель-Халиль... Там есть древний перевал и древние постройки. В ущельях Джебель-Халиль бьют горячие ключи, там берут начало текущие круглый год ручьи, которые впадают в Вади-эль-Харид. Возле селения Гайдат-эль-Хилайфи есть ручей Гайль-Кукан. У тех, кто пил из него, раздувало животы, и в конце концов все люди в селении поумирали, и оно разрушилось, а ручей и его вода вошли в поговор-

ку: «Кто жаждет увидеть свою беду, пусть попьет из Гайль-Кукан» — и, улыбнувшись мне, добавляет: — А кто из вас жаждет увидеть свою беду, пусть едет сейчас вниз по этой дороге...

Шоферы спорят с нашими сопровождающими, а между тем на окраине селения появляются еще несколько фигур. Делать нечего. Мы разворачиваемся и едем назад.

Сану заволокла пыль. Сквозь пелену ее желтеют пятна зажженных фонарей. Фары встречных машин медленно выплывают откуда-то снизу. Гудки звучат глухо и тревожно. Обгоняем маленький караван — четыре верблюда и два ослика, нагруженные кривыми палками, вязанками сухого кустарника. Погонщик, прикрывая глаза ладонью от света фар, показывает нам взять левее. Над головой — усеянное белыми звездами небо, впереди — едва различимая громада гор вдоль левой обочины дороги, таких угрюмых и пугающих в ночной тишине.

Минуем патрульные посты на въезде в город. Увидев эмблему ООН на дверце машины, солдаты пропускают нас без досмотра. И вдруг сразу, как с тихого двора в дом со свадьбой,— шумные освещенные улицы, разноголосые гудки автомашин; толпы людей, фланирующих вдоль набитых соблазнительными товарами витрин магазинов на улице Абд аль-Мугни; растрепанные, оборванные эфиопки метут большими метлами, поднимая столбы пыли, дневной мусор; запахи кухни возле уличных торговцев котлетками, хриплая какофония транзисторов; подсвеченные прожектором ворота министерства финансов, на которых висят нанизанные на проволоку отрубленные недавно кисти рук воров и злоумышленников, скрюченные и уже почерневшие; нелепая фигура неподвижного регулировщика на помосте у перекрестка, меланхолично созерцающего суматоху.

От усталости с трудом поднимаюсь в свою комнату, где все разбросано и полный ералаш: книги, одежда, ящики, какие-то черепки, пачки газет. Сажусь на стул и чувствую, что улыбаюсь. Меня опять несут крылья удачи. Я весь полон картинами увиденного и оставленного там, за высоким перевалом Накиль-ибн-Гайлан, где всегда гуляет холодный ветер. Там, в тем-

ноте, под черным звездным небом, лежит сейчас целая страна, которую я открыл и нанес на карту, с ее горами, реками, селениями. Там, на холмах, высятся руины городов и крепостей, которые я вернул из полуторатысячелетней безвестности, «прописал» на карте и сделал историей.

И какой-то странной и необычной кажется мысль, теперь уже овладевающая мной, что через день, послезавтра, в Сану приходит рейсовый самолет из Могадишо, на котором мне нужно будет возвращаться домой. В Россию.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 3
Транзитный пассажир 13
В доме под эвкалиптами 56
Необыкновенные будни в Таиззе 63
В поисках Архабской скалы 71
Начало: Чурин говорит «ладно» 71
Ворота в царство Савское 101
Ночь в Хамире 109
Наит белокаменный 117
Удивительно — я в Амране! 139
Прощай, счастливая Аравия! 146
Дóма 154
Через три царства и обратно 156
Мы едем в Мариб 160
Ночной патруль у Зибина 167
Синванская крепость 174
В долине черных рабов 181
К границам древнего Маина 185
Строки семейной хроники VI в. до н. э. 191
Долина великих городов 195
По следам римского легиона 204
Баракиш 215
Два часа в столице Маинского царства 233
Оазис на перепутье 243
По следам Гарри Сент-Джона Бриджера Филби . . 248
На развалинах Арарата 256
В Марибе 268
Тревожный день в долине Саба 281
Возвращение 300
В неведомые края 331
Город у дороги 335

Грязневич П. А.

Г92 В поисках затерянных городов. Йеменские репортажи. Изд. 2-е, доп. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982. 364 с. с ил. и карт.

Книга основана на дневниках, которые автор вел, находясь в Йемене (ЙАР). В поисках затерянных среди песков и в горах руин древних городов и крепостей, хранящих памятники великой сабейской цивилизации, он объехал большую часть страны, побывал в не обследованных еще районах. О находках замечательных памятников древности, о драматических эпизодах, пережитых автором во время поездок, о людях, их быте, природе Йемена, о его прошлом и сегодняшних буднях рассказано в этой книге.

Г $\frac{1905010000-013}{013(02)-82}$ 66-81.

Петр Афанасьевич Грязневич

В ПОИСКАХ
ЗАТЕРЯННЫХ ГОРОДОВ

Йеменские репортажи

(Издание 2-е, дополненное)

Редактор *А. А. Кожуховская*
Младший редактор *Л. А. Добродеева*
Художник *В. П. Захарченко*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректор *П. С. Шин*

ИБ № 14164
Сдано в набор 01.10.80. Подписано к печати 11.05.81. А-08482. Формат 84×108 1/32. Бумага типографская № 2. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. п. л. 19,32. Усл. кр.-отт. 19,92. Уч.-изд. л. 19,43. Тираж 50 000 экз. Изд. № 4845. Тип. зак. 575. Цена 1 р. 20 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Ордена Ленина типография
«Красный пролетарий»
Москва, Краснопролетарская, 16

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

Арабские страны: История и современность. (Социальные, экономические и политические проблемы). Сб. статей. 20 л.

Бурмистров В. Н. Народная Демократическая Республика Йемен: Торгово-экономические отношения. 10 л.

Васильев А. М. История Саудовской Аравии. 45 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА В-192. МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12. МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА»

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

Выйдут:

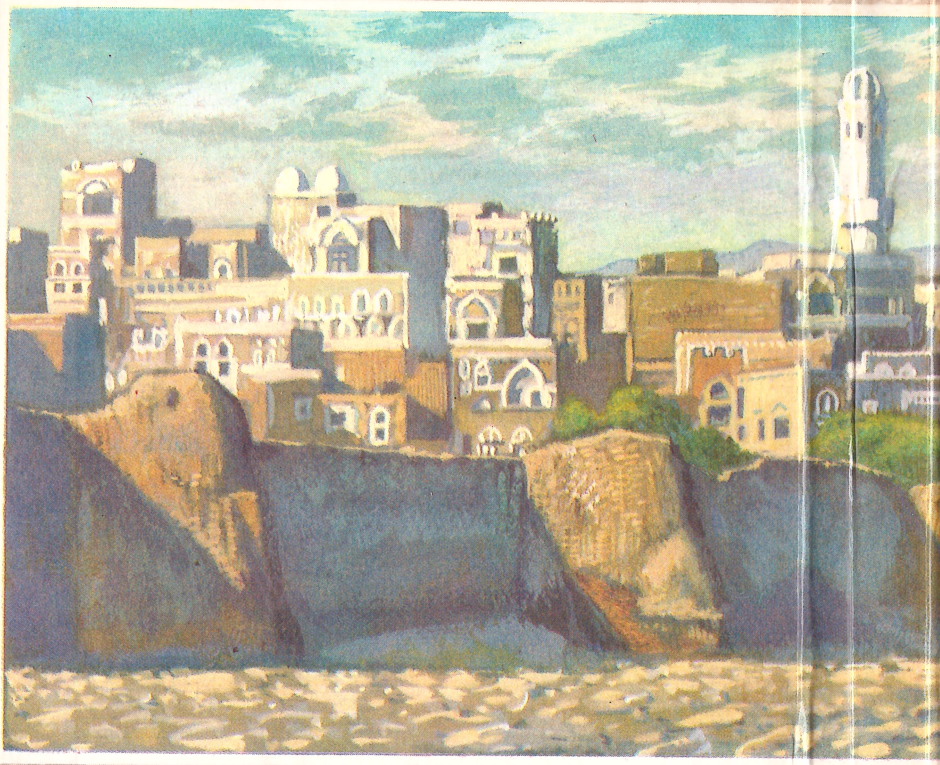
Пиотровская И. Л. Арабские страны — экспортеры нефти в мировой системе капиталистического хозяйства. 10 л.

Негря Л. В. Общественный строй Северной и Центральной Аравии в V—VII вв. 10 л.

Прошин Н. И. История Ливии в новое время. 22 л.

ЗАКАЗЫ НА КНИГИ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГА», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117192. МОСКВА В-192. МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ, 12. МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГА»

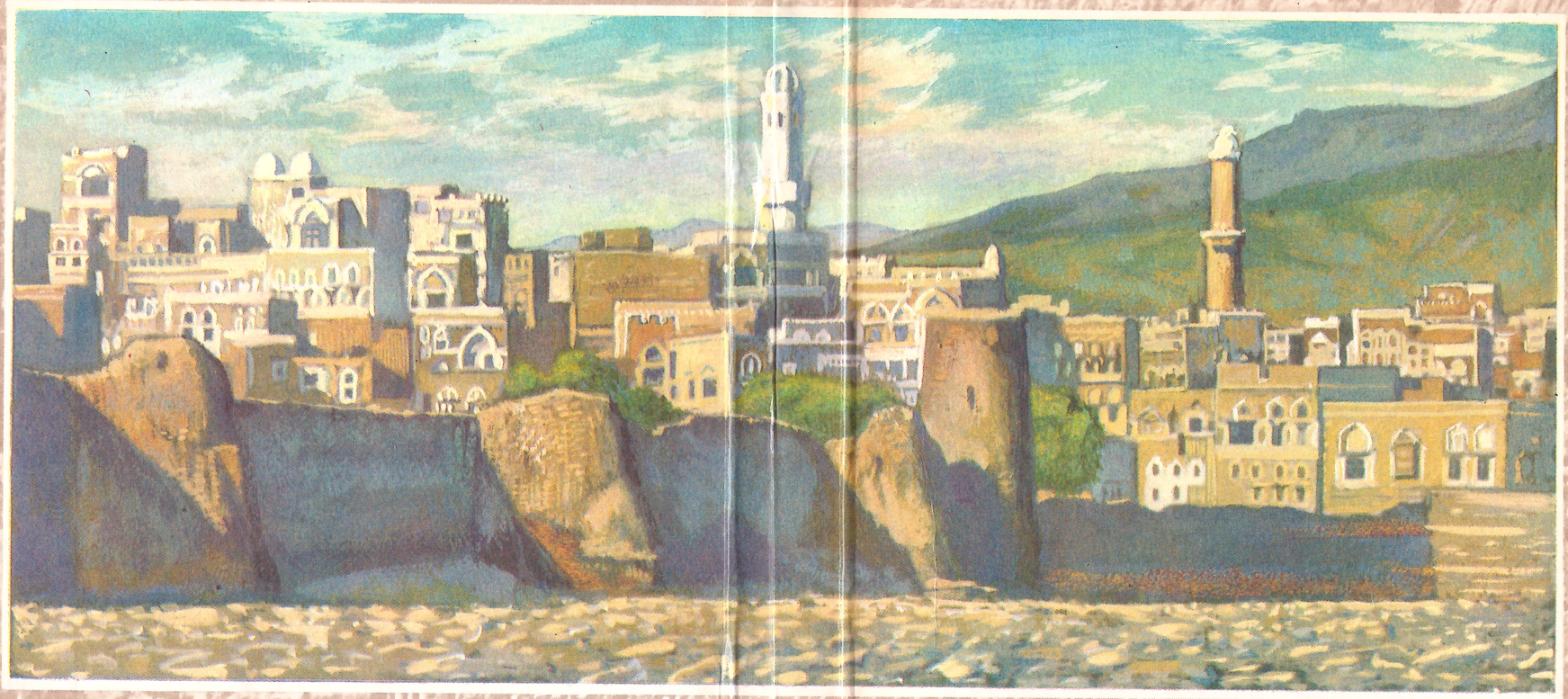
1 р. 20 к.



П. А. ГРЯЗНЕВИЧ

В ПОИСКАХ ЗАТЕРЯННЫХ ГОРОДОВ

1 р. 20 к.



П.А.ГРЯЗНЕВИЧ

В ПОИСКАХ ЗАТЕРЯННЫХ ГОРОДОВ

П.А.ГРЯЗНЕВИЧ В ПОИСКАХ ЗАТЕРЯННЫХ ГОРОДОВ